

ISSN 2617-7544; eISSN 2617-7552

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТИ

ХАБАРШЫ

Психология және социология сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК

Серия психологии и социологии

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

THE JOURNAL

of Psychology & Sociology

№3 (82)

Алматы
«Қазақ университеті»
2022

KazNU Science · КазҰУ Фылмы · Наука КазНУ

ХАБАРШЫ

ПСИХОЛОГИЯ ЖӘНЕ СОЦИОЛОГИЯ СЕРИЯСЫ

№3 (82) қыркүйек

ISSN 2617-7544; eISSN 2617-7552

04. 05. 2017 ж. Қазақстан Республикасының Ақпарат және коммуникация министрлігінде тіркелген

Күзділк № 16504-Ж

Журнал жылына 4 рет жарыққа шығады
(наурыз, маусым, қыркүйек, желтоқсан)

ЖАУАПТЫ ХАТШЫ

Кылышбаева Бибигуль Наурызызы,

әлеум. ф.д., доцент (Қазақстан)

Телефон: +7 701 608 9792

e-mail: psychosocialkaznu@gmail.com

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

Жаманбалаева Ш.Е., ғылыми редактор,
әлеум. ф.д., профессор (Қазақстан)

Аймаганбетова О.Х., ғылыми редактордың
орынбасары, психол.ф.д., профессор (Қазақстан)

Әбдірайымова Г.С., әлеум.ф.д., профессор
(Қазақстан)

Мадалиева З.Б., психол.ф.д., профессор
(Қазақстан)

Мынбаева А.К., пед.ф.д., профессор (Қазақстан)

Ахтаева Н.С., психол.ф.д., профессор (Қазақстан)

Ерментаева А.Р., психол. ф.д., профессор
(Қазақстан)

Шаукенова З.К., әлеум.ф.д., профессор (Қазақстан)

Шеденова Н.Ү., әлеум.ф.д., доцент (Қазақстан)

Дүйсенбеков Д.Д., психол.ф.д., профессор
(Қазақстан)

Бурханова Д.К., PhD докторы, доцент (Қазақстан)

Колева И. (Koleva I.), педагог. ф.д., профессор
(Болгария)

Балихар Сангер, PhD докторы, профессор
(Ұлыбритания)

Виктор Агаджанян, PhD докторы, профессор (АҚШ)

Фей Сан, PhD докторы, профессор (АҚШ)

Гаутам Н. Ядама, PhD докторы, профессор (АҚШ)

Ечевская О.Г., әлеум.ф.к., доцент (Ресей)

ТЕХНИКАЛЫҚ ХАТШЫ

Адилова Э.Т., PhD докторы, доцент м.а.
(Қазақстан)

Психология және социология сериясы журналының негізгі тақырыптары – теориялық, эксперименттік және практикалық-қолданбалы сипаттағы өзекті психологиялық, әлеуметтік-психологиялық жұмыстар, сонымен көштің әлеуметтік және әлеуметтік жұмыс саласындағы жұмыстар

Жоба менеджері

Гульмира Шаккозова

Телефон: +7 701 724 2911

E-mail: Gulmira.Shakkozova@kaznu.kz

Редакторлары:

Гульмира Бекбердиева

Агила Хасанқызы

Компьютерде беттеген

Айгүл Алдашева

Пішімі 60x84/8. Қолемі 13,9 б.т. Тапсырыс № 16393.
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің

«Қазақ университеті» баспа үйіндегі баспахана

басылды.

© Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2022

1-бөлім
ПСИХОЛОГИЯ

Section 1
PSYCHOLOGY

Раздел 1
ПСИХОЛОГИЯ

Rosenda Vesnia Satriyo Putri *, **Herdian Herdian*** ,
Pambudi Rahardjo , **Fatin Rohmah Nur Wahidah**

Universitas Muhammadiyah Purwokerto, Indonesia

*e-mail: herdian@ump.ac.id

THE ROLE OF SELF-REGULATE LEARNING AND SELF-EFFICACY ON LEARNING MOTIVATION IN STUDENTS AT SMPN X

The role of information technology has become very important in the era of globalization and modernization, especially in various fields, such as the field of education. The online learning process is one whose performance is greatly influenced by the ability of teachers to use technology to provide learning materials. The presence of e-learning in Indonesia can have an influence on student learning motivation. One of them is the impact on his learning attitude. The purpose of this study was to determine the influence of self-regulated learning, self-efficacy on student learning motivation at SMPN X. Samples totaling 220 students were taken using non-probability sampling techniques in the form of simple random sampling. The data collection method uses a learning motivation scale of α value = 0.735, a self-regulated learning scale of α value = 0.744 and a self-efficacy scale of α value = 0.739. The analysis used is multiple linear regression analysis.

The results of this study show that there is a positive influence with t count $> t$ table of 1,945 on self-regulated learning on learning motivation which means that the higher the self-regulated learning , the higher the motivation to learn, self-efficacy has a positive effect with $\text{sig.}(p) = 0.021$ ($\text{sig.} < 0.050$) on learning motivation which means that the higher the self-efficacy , the higher the motivation to learn, then self-regulated learning and self-efficacy simultaneously have a positive effect with $\text{sig.}(p) = 0.001$ ($\text{sig.} < 0.050$) to learning motivation which means that the higher the self-regulated learning and self-efficacy , the higher the motivation to learn in students. The coefficient of determination known to Rsquare is 0.044 which means that the variables self-regulated learning and self-efficacy together affect learning motivation by 4.4% and are influenced by other variables by 95.6%.

Key words: learning motivation, self regulated learning, self efficacy.

Розенда Весния Сатрио Путри, Хердиан*,
Памбуди Раҳарджо, Фатин Роҳмҳ Нур Вахида
Мұхаммадия Пүрвокерто университеті, Индонезия, Пүрвокерто к.
*e-mail: herdian@ump.ac.id

SMPN X студенттердің оқу мотивациясының өзіндік тиімділігі мен оқудағы өзіндік реттелуінің рөлі

Жаһандану мен модернизация дәүірінде ақпараттық технологиялар көптеген салаларда, өсірепе білім беруде маңызды рөл атқарады. Онлайн оқыту процесі көбінесе мұғалімдердің оқу материалының үшіну үшін осы технологияларды қолдану қабілетімен анықталады. Индонезияда электронды оқытуды енгізу оқушылардың оқуға деген ынтымасына әсер етуі мүмкін, оның бір көрінісі оқуға деген көзқарасын жақсарту болып табылады. Бұл зерттеудің мақсаты SMPN X студенттердің оқу мотивациясының өзіндік тиімділігі мен оқудағы өзіндік реттелуінің әсерін анықтау болды. Қарапайым кездейсек таңдау түріндегі ықтималдық таңдау әдістерін қолдану арқылы 220 оқушыдан тұратын іріктеу таңдалды. Деректерді жинау әдісінде $\alpha = 0,735$ болатын оқуға деген мотивациясының шкаласы, $\alpha = 0,744$ болатын оқудағы өзіндік реттелу шкаласы және $\alpha = 0,739$ болатын өзіндік тиімділік шкаласы қолданылды. Жасалған талдау көп сзызықты регрессиялық талдау болды.

Бұл зерттеудің нәтижесі t count $> t$ table 1945 оқуға өзіндік реттелу, оқу мотивациясына он әсер ететінін көрсетті, яғни өзіндік реттелу оқыту неғұрлым жоғары болса, соғұрлым оқу мотивациясы және өзіндік тиімділік жоғары болады. $\text{Sig.}(p) = 0,021$ ($\text{sig.} < 0,050$) оқу мотивациясына он әсер ету дегеніміз, өзіндік тиімділік неғұрлым жоғары болса, оқуға деген мотивация соғұрлым жоғары болады, содан кейін оқуға өзіндік реттелу және өзіндік тиімділік бір уақытта $\text{sig.}(p) = 0,001$ ($\text{sig.} < 0,050$) оқу мотивациясына он әсер етеді, бұл оқуға өзіндік

реттелу мен өзіндік тиімділігі неғұрлым жоғары болса, студенттердің оқу мотивациясы соғұрлым жоғары болады дегенді білдіреді. R²-ге белгілі детерминация коэффициенті 0,044, бұл оқуға өзіндік реттелу мен өзіндік тиімділік айнымалылары бірге оқу мотивациясына 4,4% әсер етеді, ал басқа айнымалылар 95,6% әсер етеді.

Түйін сөздер: оқу мотивациясы, оқудың өзіндік реттелуі, өзіндік тиімділік.

Розенда Весния Сатрио Путри, Хердиан*,
Памбуди Раҳарджо, Фатин Роҳмах Нур Вахида
Университет Мухаммадия Пурвокерто, Индонезия, г. Пурвокерто
* e-mail: herdian@ump.ac.id

Влияние саморегулируемого обучения и самоэффективности на учебную мотивацию студентов в SMPN X

В эпоху глобализации и модернизации важное место во многих областях, особенно в сфере образования, занимают информационные технологии. Процесс онлайн-обучения во многом определяется способностями учителей использовать эти технологии для представления своих учебных материалов. Осуществление электронного обучения в Индонезии может оказывать влияние на мотивацию учащихся к обучению, одним из проявлений которой является улучшение их отношения к обучению. Целью данного исследования было определение влияния саморегулируемого обучения и самоэффективности на учебную мотивацию студентов в SMPN X. Выборка в количестве 220 студентов была отобрана с использованием методов вероятностной выборки в виде простой случайной выборки. В методе сбора данных была использована шкала мотивации к обучению со значением $\alpha = 0,735$, саморегулируемая шкала обучения со значением $\alpha = 0,744$ и шкала самоэффективности со значением $\alpha = 0,739$. Проведенный анализ представил собой множественный линейный регрессионный анализ.

Результаты этого исследования показали, что существует положительное влияние t count > t table 1945 на саморегулируемое обучение, на учебную мотивацию, что означает, что чем выше саморегулируемое обучение, тем выше мотивация к обучению и самоэффективность. Положительное влияние с sig.(p) = 0,021 (sig. < 0,050) на мотивацию обучения означает, что чем выше самоэффективность, тем выше мотивация к обучению, то саморегулируемое обучение и самоэффективность одновременно оказывают положительное влияние с sig.(p) = 0,001 (sig. < 0,050) на мотивацию к обучению, что означает, что чем выше саморегулируемость обучения и самоэффективность, тем выше мотивация к обучению у студентов. Коэффициент детерминации, известный как R², составляет 0,044, что означает, что переменные «саморегулируемое обучение» и «самоэффективность» вместе влияют на мотивацию обучения на 4,4%, а другие переменные влияют на 95,6%.

Ключевые слова: учебная мотивация, саморегулируемое обучение, самоэффективность.

Introduction

Current technological advances in the era of globalization contribute to various social aspects, such as more accessible and faster communication (Aprilian, 2020). The role of information technology has become crucial in the era of globalization and modernization, especially in various fields, such as the field of education (Nofatin et al., 2019). The enormous impact of the development of science and technology affects multiple areas of life in the form of positive and negative effects, especially the increasing use of the internet and social media in society (Mirsadi, Nurhasanah, 2017). The positive impact is that students can communicate with teachers through various technologies, including classroom, video conferencing, telephone or live chat, Zoom, or Whatsapp groups.

Distance learning is a learning process in which students and teachers do not meet in person. The Ministry of Education and Culture explained in Circular Letter Number 4 of 2020 that distance learning is of two types: offline (outside the network) and online (in the network). Offline learning takes place without using the internet network or intranet. Offline learning refers to learning that occurs through the use of media such as radio, lending textbooks to students to learn, and learning through TVRI educational television broadcasts (Assidiqi, Sumarni, 2020). Meanwhile, online learning is learning that seeks to reach a large and diverse population using the internet network (Yanti, Kuntarto, Kurniawan, 2020).

The online learning process is one whose performance is greatly influenced by the ability of teachers to use technology to provide learning materials

(Assidiqi, Sumarni, 2020). Attention, concentration, and perseverance, both outside and inside are critical during the learning stage to achieve goals both in learning. However, on the other hand, many distractions can affect student learning motivation, including the rapid advancement of information and communication technology to produce electronic visual media such as Internet computers, laptops, mobile phones (HP) and tablets (Jannah, Mudjiran, Nirwana, 2015).

Data from a literature review on the provision of e-learning materials shows that not all students will succeed in online learning (Nakayama, Yamamoto, Santiago, 2006). Other research data show that the obstacles to the success of online learning include the lack of teacher interaction, the delivery of material that students do not understand, the inability of parents to guide their children to learn, and the ability of parents to finance learning facilities on the internet as a source of information (Handayani, Khasanah, Yoshinta, 2020).

Tok now the strength of student learning motivation, according to Sardiman (Sardiman, 2012) this can be seen from several indicators such as perseverance in completing facing tasks, when facing difficulties staying tough, on various issues "adults" show a sense of interest, prefer to work independently, routine tasks become boring quickly, know how to maintain their opinions, it is not easy to let go of what students believe, students can easily find and solve problems. Students who spend their time studying are more diligent because they have learning motivation, in contrast to students who have low learning motivation. Students will be motivated and encouraged to start activities of their own will, be on time to complete tasks, and be persistent and not discouraged when facing difficulties in carrying out functions if the child is motivated to learn (Hanafi, 2016).

Learning motivation is defined as a situation that encourages an individual to achieve a goal of a certain level or a plan in other words, and motivation generates some kind of potential for the individual to act or behave (Effendi, 1984). Motivation is the driving impulse in the student who creates, ensures the continuity and guides learning activities so that the expected desires are achieved (Sardiman, 2018).

Many students do not have the motivation to learn and compete using other unhealthy techniques, and students still tend to have an attitude of relying on friends, a sense of dependence on friends tends to be high in completing the assigned tasks, copying other friends' tasks, or carrying out learning only as a fulfillment of the requirements for carrying out ex-

ams is not new according to them (Aimah, Ifadah, 2014). A motivated student can be seen by paying attention to the learning process, which includes an interest in learning, acuity of attention, perseverance, and concentration (Sardiman, 2012).

The high learning motivation that students have shows great interest and is full of interest in learning and tasks without ever giving up and without feeling bored. On the contrary, students' low motivation to learn indicates quick boredom, rejection, and avoidance of learning activities (Sardiman, 2012). Adolescent student achievement in school is closely related to motivation, and motivation related to needs, motivation, and goals significantly influence learning outcomes (Hanafi, 2016). The lack of motivation also affects the positive attitude of a student (Aimah, Ifadah, 2014).

Motivation is essential for the learning process because it encourages the organism to take action and has learning objectives that are very beneficial for the individual's life (Hanafi, 2016). Motivation to learn is a psychological factor, not an intellectual one. The typical role of motivation is related to increasing passion, feelings of enthusiasm and pleasure in learning (Sardiman, 2018). In the teaching and learning stage, motivation is defined as the encouragement to take action in order to achieve a specific goal (Hanafi, 2016).

This proves that other factors can influence student learning motivation in previous studies such as: internal and external factors (Djarwo, 2020), internal factors of learning motivation consisting of *Self Regulated Learning* (Lavasani, Mirhosseini etc., 2011), academic stress (Sujadi, 2021), learning outcomes (Palittin, Wolo, Purwanti, 2019), self-regulation (Hadi, 2020), *self-efficacy* (Furqon, 2021), emotional intelligence (EQ) (Sarnoto, Romli, 2019), spiritual intelligence (Basuki, 2015), *reward and punishment* (Jurnal, Melinda, etc., 2018), academic procrastination (Nitami, Daharnis, Yusri, 2015), interest in learning (Fauziah, Rosnaningsih, Azhar, 2017) then external factors (Djarwo, 2020) that influence learning motivation are *blended learning* (Sjukur, 2013), game addiction (Jannah, Mudjiran, Nirwana, 2015), learning facilities and environment (Damanik, 2019), Parental education intensity and economic status of parents (Rahayu, 2011), teacher performance [27 (Widoyoko, 2008), social support (Rosa, 2020), parenting (Kurnianto, Rahmawati, 2020), teacher communication style (Sucia, 2017), class climate (Sari, Ar, Deskoni, 2018), use of *e-learning* learning media (Aurora, Effendi, 2019), peer role and study habits (Agustiningtyas & Surjanti, 2021).

One of the internal factors of learning motivation is Self-regulated learning. Learning is not always regulated by external factors it is also controlled by internal self-regulating factors (self-regulated) (Chung, 2000). In Chung's research in 1865, elementary school students in junior high schools explained that learning motivation is related to Self-regulated learning, this is because student learning achievement is mainly determined by a number of supporting factors from external and internal (Chung, 2000). Research by Aimah and Ifadah (Aimah, Ifadah, 2014) explained that Self-regulated learning (SRL) affects students' self-learning drive to become a good self-regulated learners in students. Research by D.B. Hidayat and Budiman (Hidayat, Budiman, 2016) on 40 elementary school children showed that the use of the Self-regulated learning model method had a significant effect on student learning motivation.

Dewi Juniyanti's (Juniayanti, 2019). research on 48 elementary school students found that the use of the Self Regulated Learning (SRL, 2015) learning model together with the Google Classroom application affects the motivation to learn science Ali and Mostafa's research on 254 Physics students showed that learning motivation has an effect on Self-regulated learning and motivational beliefs (SRL, 2015). Based on the findings of previous studies, it can be concluded that Self-regulated learning (SRL) has an influence on learning motivation.

Self-regulated learning (SRL, 2015) is an activity in which individuals learn to actively build, identify learning objectives, plan and monitor, organize and manage their cognition, motivation, behavior, and environment to achieve specified desires (Filho, 2001). Students selves are a major factor in the development of Self-regulated learning. Self-regulated learning in students is a force that improves students' independent learning strategies. The position of self-regulation of learning is the most important thing for student success and student learning outcomes (Alhadi, Supriyanto, 2017).

Learning needs to be known as an active, constructive, and self-regulated process (Montalvo & Torres, 2004). This is in accordance with the statement of Corno (1993) in (Zumbrunn, 2011) which states that self-motivation in Self-regulated learning seems very important because it is part of the process of achieving specific goals. Many of the students generally do not perform well in Self-regulated learning, and the learning activities they usually do do not have a good plan of action to do without some kind of monitoring or evaluation of

their learning outcomes for a specific target goal or not (Aimah, Ifadah, 2014).

Hipotesis 1 : There is an influence of *Self Regulated Learning* on learning motivation in SMPN X Students

Self-efficacy is another internal factor that encourages motivation to learn. Furqon's research (2021) revealed that there was a 34% percent relationship between *self-efficacy* and academic motivation in 134 students in grades 7 and 8 of junior high school who came from prosperous families. According to research by Setriani and Metri, there is a positive correlation between *self-efficacy* and learning motivation in 59 Darul Fattah high school students in Bandar Lampung, Indonesia. In conclusion, the higher a person's *self-efficacy*, the greater the motivation or motivation for learning (Setriani & Puspitasari, 2020).

Another study by F.C Yapo et al (Yapo& Tus, 2021) revealed that during the covid pandemic, there was a relationship between *self-efficacy* and academic motivation among 532 university graduates in the Philippines. Research by Soner Arik (Arik, 2019) to 588 students at one public university in Turkey shows that *self-efficacy* is a significant predictor of both academic motivation and self-control and self-management of students but academic motivation does not predict self-control and self-management. Based on the results of previous studies, it is said that there is an influence of *self-efficacy* on learning motivation.

Bandura defines self-efficacy as a person's belief in organizing and carrying out actions necessary to achieve certain goals. The idea that one can overcome circumstances and produce positive results is referred to as self-efficacy (Bandura, 1997). According to Bandura, self-efficacy has a significant influence on behavior. Students with poor self-efficacy, for example, do not want to prepare for exams because they do not believe that studying will help them fulfill the tasks and questions of the teacher (Santrock, 2007).

The belief that a person has the ability to acquire or carry out tasks at a certain level is referred to as self-efficacy (Wang, 2004). Bandura defines motivation as "something that pushes the individual towards a goal in the hope of achieving the results of their actions and having the confidence to do so." (Cobb, 2003). Self-efficacy reflects a belief in an individual's ability to perform tasks that will affect the objectives whether it is oriented toward an educational or performance plan (Fasikhah & Fatimah, 2013). Higher self-efficacy reflects an increase in self-regulation allowing people to study together

by applying more self-regulating learning tactics, which in turn affects academic performance (Fasikhah & Fatimah, 2013).

Low self-efficacy improves avoidance behaviors as well as anxiety, and people will prevent behaviors that could aggravate the situation. Although this is not due to threats, people will avoid behaviors that can aggravate the situation because they feel they do not have the expertise to regulate risky aspects that increase anxiety and avoidance behaviors (Bandura, 1997).

Hipotesis 2 : There is an influence of *self-efficacy* on learning motivation in SMPN X students

Hipotesis 3 : There is an influence of *Self Regulated Learning* on *self-efficacy* in SMPN X Students

Based on the introduction above, it can be concluded that the low self-regulated learning and self-efficacy have an influence on student learning motivation, so researchers try to study the influence of self-regulated learning and self-efficacy on learning motivation in SMPN X students and has been proven by previous research on the influence

between self-regulated learning on learning motivation and the influence of self-efficacy on learning motivation.

Materials and Methods

The method used in this study is a quantitative methodology with sampling in the form of simple random sampling. This procedure is used by researchers to make it easier to obtain subjects the researcher. The simple random sampling technique is a state where the population is homogeneous or relatively equal without specifying certain categories and can be taken at any time (Sugiyono, 2009).

Participants

Determination of the number of samples taken using a table developed by Krejcie-Morgan (1970), which aims to measure the proportion of a population. The number of participants was 220 samples. Information about participants is shown in table 1.

Table 1 – Student data

NO	CRITERION	N	%
1.	Gender		
	Man	93	42
	Woman	127	58
2.	Age		
	12	59	26.8
	13	105	47.7
	14	53	24.1
	15	3	1.4
	16	0	0.0
	>16	0	0,0

Learning Motivation Scale

Learning motivation in this study was measured using a learning motivation scale compiled by researchers based on aspects of learning motivation according to Keller (1987) , which was divided into four categories, namely attention, relevance, confidence, and satisfaction. that the process of behavior modification as a result of experience. This study was compiled with a learning motivation scale with four alternative answers, namely Strongly Disagree (STS), Disagree (TS), Agree (S), and

Strongly Agree (SS). The scoring scale scores from 1 to 4 is based on favorability and unfavorable. The number of items used in the learning motivation scale amounted to 28 items, with a validity coefficient of 0.329-0.614 and a Cronbach alpha value of 0.735.

Self Regulated Learning Scale

Self Regulated Learning in this study was measured using a self-regulated learning scale compiled by researchers based on aspects of self-regulated learning according to Zimmerman (1989), namely metacognition, motivation and behavior. The number of self-regulated learning scale items

amounted to 38 items. That the process of behavior modification is a result of experience. This study was compiled with a learning motivation scale with four alternative answers, namely Strongly Disagree (STS), Disagree (TS), Agree (S), and Strongly Agree (SS). The scoring scale score from 1 to 4 is based on favorability and unfavorable. The validity coefficient of the self-regulated learning scale is 0.308-0.691 and the Cronbach alpha value is 0.744.

Self Efficacy Scale

Self Efficacy in this study was measured using a self-efficacy scale compiled by researchers based on aspects of self-efficacy according to (Bandura, 1997), That the process of behavior modification is a result of experience. This study was compiled with a learning motivation scale with four alternative answers, namely Strongly Disagree (STS), Disagree (TS), Agree (S), and Strongly Agree (SS). The scoring scale scores from 1 to 4 based on the favorable and unfavorable. The number of self-efficacy scale items totaled 38 items. The coefficient of validity of the self-efficacy scale is 0.285-0.622 and the value of Cronbach alpha is 0.739.

Data analysis

Data analysis used multiple linear regression to assess the effect of Self-regulated learning and

self-efficacy on the learning motivation of Junior High School Students X. Multiple linear regression analysis was used to measure the simultaneous influence of independent variables X1 and X2 on dependent variables Y, using the T-test to find out whether independent variables had a partial effect on dependent variables and the F test to find out whether independent variables had a partial effect on dependent variables. Variables X1 and X2 affect the bound variable (Y) simultaneously. The calculation is carried out using SPSS version 25.

Results and Discussion

This research was carried out through multiple regression analysis. The double regression analysis results showed a relationship between self-regulated learning and self-efficacy with a significant level of 5% obtained a calculated F value = 6,890 and a sig probability level. (p) < 0.05 obtained sig value. (p) = 0.001. This means self-regulated learning and self-efficacy explain the variant of learning motivation by 4.4% (R^2 = 0.044). This identifies that self-regulated learning and self-efficacy with all aspects of it contribute 4.4% to learning motivation, although learning motivation is not only influenced by these variables. The following are the regression test results presented in table 2.

Table 2 – Effect of Self regulated learning and Self efficacy on learning motivation

No.	Predictor	b	P	R	R ²	F	P
1	<i>Self regulated learning</i>	0.179	<0.05	0.209	0,044	4.972	
2	<i>Self efficacy</i>	0,155					<0.05

Table 3 – Test T

No.	Predictor	b	P	R	R ²	t	Sig
1	<i>Self regulated learning</i>	0.100	<0.05	0.131	0,017	1.945	<0.008
2	<i>Self Efficacy</i>	0,162	<0.05	0,156	0,024	2,331	<0.007

Based on the results of multiple linear regression, the coefficient b is interpreted by the coefficient of the direction of regression and can express the average change of the variables of self-regulated learning and self-efficacy by one unit, this change will increase if b is positive and will decrease if b is negative. This is reinforced by the result of the

regression equation which is $y = 62.563 + 0.107 x_1 + 0.170 x_2$. Thus, it can be concluded that there is a positive increase in learning motivation by 0.100 for every change that occurs in self-regulated learning and there is a positive increase in learning motivation by 0.162 for every change that occurs in self-efficacy.

Results and Discussion

Motivation is a driving impulse in students who create, ensure continuity and provide guidance on learning activities so that the expected desires are achieved (Sardiman, 2018). Other factors can also influence learning motivation, namely Self Regulated Learning (Lavasani et al., 2011) and self-efficacy (Furqon, 2021).

Based on the results of the regression test, the effect of self-regulated learning and self-efficacy on learning motivation with a significant level of 5% obtained a calculated F value = 6,890 and a sig probability level. ($p < 0.05$) obtained sig value. ($p = 0.001$), then the hypothesis is accepted, namely that there is a significant influence between self-regulated learning, self-efficacy and learning motivation. This is reinforced by the result of the regression equation $y = 62.563 + 0.107 x_1 + 0.170 x_2$. Thus, it can be concluded that there is an increase in learning motivation by 0.107 for every change that occurs in self-regulated learning and there is an increase in learning motivation by 0.170 for every change that occurs in self-efficacy.

This shows that self-regulated learning, self-efficacy can increase learning motivation. Self-regulated learning is an active and constructive process by which individuals set goals for their learning process and seek to monitor, organize and control their cognition, motivation and behavior directed and limited by their objectives and the contextual features present in the environment (Wolters et al., 2003). As well as Self efficacy refers to a person's belief in their ability to learn or perform skills at a certain level (Wang, 2004).

Based on the results of the study above, it can be explained that the R square determination coefficient of 0.044 which has the meaning of the variables self-regulated learning (X_1) and self-efficacy (X_2) together affects the learning motivation variable by 4.4%. Thus, students who have self-regulated learning and high self-efficacy can increase learning motivation. Students do not give up on the problems felt related to education because students who have self-regulated learning and self-efficacy can face various obstacles, are able to organize and complete schoolwork independently, and students have the goal of obtaining successful goals through a better understanding of the subject matter. The descriptive results of the variable data on self-regulated learning, self-efficacy and learning motivation in students totaling 220 students of SMPN X, namely on student learning motivation, showed that they had the moderate motivation of 35.5%, meaning that

the students of SMPN X who were sampled in this study had high learning motivation as many as 78 students.

Based on this description, it is time for the school to maintain student learning motivation so that students are better at learning and produce a more qualified generation of students. Strengthened by research conducted by (Aimah & Ifadah, 2014) stated that self-regulated learning has an influence on students' self-motivation to learn to become a good self-regulated learners, then (Setriani & Puspitasari, 2020) shows that the higher the self-efficacy, the higher the motivation to learn. Based on the results of this study, the suggestion for further research is to be able to use free variables taken from external factors that affect bound variables and add variables related to learning motivation So that it is hoped that researchers can then conduct further research on other factors that can affect learning motivation that has not been studied.

Learning motivation variables, self-regulated learning variables and self-efficacy variables have research limitations, namely the number of respondents who are only 272 students, which is not enough to explain the actual situation. The information provided by the respondent through the questionnaire during the data collection procedure may not be representative of the respondent's original point of view. This is because the beliefs, assumptions, and understanding of each respondent are different, as well as other aspects such as the honesty component in filling out the questionnaire.

Conclusion

Based on the results of research and discussion about the influence of self-regulated learning and self-efficacy on learning motivation in students at SMPN X, it was concluded that the hypothesis was accepted as follows:

1. There is a significant influence of self-regulated learning on learning motivation in SMPN X students.
2. There is a significant influence of self-efficacy on learning motivation in SMPN X students.
3. There is a significant influence in terms of self-regulated learning and self-efficacy on learning motivation in SMPN X students.

The conclusion of this study is that there is a significant positive influence of 1.4% on self-regulated learning on learning motivation which means that the higher the self-regulated learning, the higher the student's learning motivation, then there is a significant positive influence of 2.4% on

self-efficacy on learning motivation which means that the higher the self-efficacy, the higher the student's learning motivation, then the last one there is a significant positive influence of 4.4% on

self-regulated learning and self-efficacy of learning motivation which means that the higher the student's learning motivation, the higher the self-regulated learning and self-efficacy.

References

- Aprilian D. (2020). Hubungan antara Penggunaan Aplikasi Tiktok dengan Perilaku Narsisme pada Siswa Sekolah Menengah Pertama. *J. Ilm. Bimbing. dan Konseling*, vol. 2, no 3.
- Nofatin S.B., Sulistyarini (2019). Pengaruh penggunaan media sosial terhadap hasil belajar siswa smp. *J. Pendidik. dan Pembelajaran Khatulistiwa*, vol. 8, pp. 55.
- Mirsadi, Nurhasanah and Nurbaita (2017). Penggunaan Media Sosial Dan Kaitannya Dengan Interaksi Sosial Siswa SMP Negri 4 Banda Aceh. *Gaya Hidup Lgbt Di Teng. Masy. Kota Banda Aceh*, vol. 2, no September.
- Assidiqi M.H. and Sumarni W. (2020). Pemanfaatan Platform Digital di Masa Pandemi Covid-19. *Pros. Semin. Nas. Pascasarj.*
- Yanti M.T., Kuntarto E. and Kurniawan A.R. (2020). Pemanfaatan Portal Rumah Belajar Kemendikbud sebagai Model Pembelajaran Daring di Sekolah Dasar. *Adi Widya J. Pendidik. dasar*, vol. 10, no 1.
- Jannah N., Mudjiran M. and Nirwana H. (2015). Hubungan Kecanduan Game dengan Motivasi Belajar Siswa dan Implikasinya Terhadap Bimbingan dan Konseling. *Konselor*, vol. 4, no 4. Doi: 10.24036/02015446473-0-00.
- Nakayama M., Yamamoto H., Santiago R. (2006). Investigating the impact of learner characteristics on blended learning among Japanese Students. *Proceedings of the International Conference on e-Learning, ICEL*, 2006, vol. 2006, January.
- Handayani T., Khasanah H.N. and Yoshinta R. (2020). Pendampingan belajar di rumah bagi siswa sekolah dasar terdampak Covid-19. *ABDIPRAJA (Jurnal Pengabd. Kpd. Masyarakat)*, vol. 1, no 1. Doi: 10.31002/abdipraja.v1i1.3209.
- Sardiman. A.M. (2012). Interaksi dan Motivasi Belajar Mengajar. Jakarta: Raja Grafindo Persada.
- Hanafi M. (2016). Pengaruh Penggunaan Media Sosial Facebook Terhadap Motivasi Belajar Mahasiswa Fisip Universitas Riau. *Jom Fisip*, vol. 3, no 2.
- Sardiman A. M. (2018). Interaksi dan Motivasi Belajar Mengajar (cetakan 24).
- Aimah S. and Ifadah M. (2014). Pengaruh Self-Regulated Learning terhadap Motivasi Belajar Siswa. *Pros. Semin. Nas. dan Int. Univ. Muhammadiyah Semarang*, no 2001.
- Djarwo C.F. (2020). Analisis Faktor Internal Dan Eksternal Terhadap Motivasi Belajar Kimia Siswa Sma Kota Jayapura. *J. Ilm. IKIP Mataram*, vol. 7, no 1, pp. 2355–6358.
- Lavasani M.G., Mirhosseini F.S., Hejazi E. and Davoodi M. (2011). The effect of self-regulation learning strategies training on the academic motivation and self-efficacy. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, vol. 29. Doi: 10.1016/j.sbspro.2011.11.285.
- Sujadi E. (2021). Stres Akademik dan Motivasi Belajar Mahasiswa Mengikuti Pembelajaran Daring selama Pandemi COVID-19. *Educ. Guid. Couns. Dev. Jounal*, vol. 4, no 1.
- Palittin I.D., Wolo W. and Purwanti R. (2019). Hubungan motivasi belajar dengan hasil belajar fisika. *Magistra J. Kegur. dan Ilmu Pendidik*, vol. 6, no 2. Doi: 10.35724/magistra.v6i2.1801.
- Hadi S.N. (2020). Hubungan motivasi belajar dengan regulasi diri dalam belajar pada mahasiswa skripsi. *J. Pendidik. Tambusai*, vol. 4, no 3.
- Furqon M.A. (2021). The Relationship of Academic Self-Efficacy to Academic Motivation of Junior High School Students From Families Towards Prosperity, vol. 1, no 3.
- Sarnoto A.Z., Romli S. (2019). Pengaruh kecerdasan emosional (eq) dan lingkungan belajar terhadap motivasi belajar siswa sma negeri 3 tangerang selatan. *Andragogi J. Pendidik. Islam dan Manaj. Pendidik. Islam*, vol. 1, no 1. Doi: 10.36671/andragogi.v1i1.48.
- Basuki K.H. (2015). Pengaruh Kecerdasan Spiritual dan Motivasi Belajar terhadap Prestasi Belajar Matematika. *Form. J. Ilm. Pendidik. MIP4*, vol. 5, no 2. Doi: 10.30998/formatif.v5i2.332.
- Jurnal L., Melinda I., Susanto R., Kunci K. and Reawrd (2018). Pengaruh Reward dan Punishment Terhadap Motivasi Belajar Siswa. *Int. J. Elem. Educ.*, vol. 2, no 2.
- Nitami M., Daharnis D. and Yusri Y. (2015). Hubungan Motivasi Belajar dengan Prokrastinasi Akademik Siswa. *Konselor*, vol. 4, no 1. Doi: 10.24036/02015416449-0-00.
- Fauziah A., Rosnaningsih A. and Azhar S. (2017). Hubungan antara motivasi belajar dengan minat belajar siswa kelas iv sdn poris gaga 05 kota tangerang. *J. JPSD (Jurnal Pendidik. Sekol.Dasar)*, vol. 4, no 1. Doi: 10.26555/jpsd.v4i1.a9594.
- Sjukur S.B. (2013). Pengaruh blended learning terhadap motivasi belajar dan hasil belajar siswa di tingkat SMK. *J. Pendidik. Vokasi*, vol. 2, no 3. Doi: 10.21831/jpv.v2i3.1043.
- Damanik B. E. (2019). Pengaruh Fasilitas Dan Lingkungan Belajar Terhadap Motivasi Belajar. *Publ. Pendidik.*, vol. 9, no 1. Doi: 10.26858/publikan.v9i1.7739.
- Rahayu W. (2011). Analisis Intensitas Pendidikan oleh Orang Tua dalam Kegiatan Belajar Anak, Status Sosial Ekonomi Orang Tua terhadap Motivasi Belajar dan Prestasi Belajar Siswa. *J. Pendidik. dan Pembelajaran*, vol. 18, no 1.
- Widoyoko E.P. (2008). Analisis Pengaruh Kinerja Guru Terhadap Motivasi Belajar Siswa. *J. Pendidik.*

- Rosa N.N. (2020). Hubungan dukungan sosial terhadap motivasi belajar daring mahasiswa pada masa pandemi Covid-19. *Tanjak J. Educ. Teach.*, vol. 1, no 2. Doi: 10.35961/tanjak.v1i2.146.
- Kurnianto B. and Rahmawati R. D. (2020). Hubungan Pola Asuh Orang Tua terhadap Motivasi Belajar Siswa Pada Pembelajaran Daring Masa Pandemi. *Sendika*, vol. 2.
- Sucia V. (2017). Pengaruh gaya komunikasi guru terhadap motivasi belajar siswa. *Komuniti J. Komun dan Teknol. Inf.*, vol. 8, no 5. Doi: 10.23917/komuniti.v8i5.2942.
- Sari D. P., Ar R., Deskoni D. (2018). Pengaruh iklim kelas terhadap motivasi belajar peserta didik di sman3 tanjung raja. *J. profit kaji. Pendidik. Ekon. dan Ilmu Ekon.*, vol. 5, no 1. Doi: 10.36706/jp.v5i1.5639.
- Aurora A., Effendi H. (2019). Pengaruh Penggunaan Media Pembelajaran E-learning terhadap Motivasi Belajar Mahasiswa di Universitas Negeri Padang. *J. Tek. Elektro Vokasional*, vol. 5, no 2.
- Agustiningtyas P., Surjanti J. (2021). Peranan Teman Sebaya dan Kebiasaan Belajar Terhadap Hasil Belajar Melalui Motivasi Belajar Di Masa Covid-19. *EDUKATIF J. ILMU Pendidik.*, vol. 3, no 3.
- Chung M.-K. (2000). The development of self-regulated learning. *Asia Pacific Educ. Rev.*, vol. 1, no 1, pp. 55–66. Doi: 10.1007/bf03026146.
- Hidayat D.B. Yusup (2016). Pengaruh Penerapan Pendekatan Model Self-Regulated Learning Terhadap Motivasi Belajar Siswa dalam Pembelajaran Penjas di Sekolah Dasar. *J. Pendidik. Jasm. Dan Olahraga*, vol. 1, no 2.
- Juniayanti D. (2019). Pengaruh Model Pembelajaran Self Regulated Learning Berbantuan Aplikasi Google Classroom Terhadap Motivasi Belajar Ipa Siswa Sd. *J. Kaji. Pendidik. Widya Accarya FKIP Univ. Dwijendra*, no 2085.
- (2015). Effect of motivational beliefs and self-regulated learning strategies on achievement motivation of student in physical education schools (Application of structural equations). *Appl. Sci. Reports*, vol. 10, no 1. Doi: 10.15192/pscp.asr.2015.10.1.17.
- Filho M.K.C. (2001). A review on theories of self-regulation of learning. *Shool Educ. Hiroshima Univ*, vol. part III, pp. 437–445. [Online]. Available: <https://ir.lib.hiroshima-u.ac.jp/en/00018438>.
- Alhadi S., Supriyanto A. (2017). Self-regulated learning concept: Student learning progress. *Pros. Semin. Nas. Peran Bimbing. Konseling dalam Penguatan Pendidik. Karakter*.
- Montalvo F.T., Torres M.C.G. (2004). Self-regulated learning: Current and future directions. *Electron. J. Res. Educ. Psychol.*, vol. 2, no 3.
- Setriani, Puspitasari M. (2020). Hubungan Antara Self- Efficacy dengan Motivasi Belajar Di SMA Darul Fattah Bandar Lampung. *J. Psychomutia*, vol. 3, no 2.
- Yapo F.C., Tabiliran J.P., Navales K.J. and Tus J. (2021). The Self-Efficacy and Academic Motivation of the Graduating College Students During the Covid-19 Pandemic in the Philippines. *Journal Int. Adv.*, no June.
- Arik S. (2019). The Relations Among University Students' Academic Self-efficacy, Academic Motivation, and Self-control and Self-management Levels. *Int. J. Educ. Lit. Stud.*, vol. 7, no 4. Doi: 10.7575/aiac.ijels.v.7n.4p.23.
- Bandura A. (1997). Self Efficacy: the exercise of control. NewYork: Freeman and Company.
- Santrock J. (2007). *Psikologi Pendidikan*, Edisi kedu. Jakarta: Prenada Media Group.
- Wang C. (2004). Self-regulated learning strategies and self-efficacy beliefs of children learning English as a second language. *ProQuest Diss. Theses*, no 1986.
- Cobb R.J. (2003). The relationship between self-regulated learning behaviors and academic performance in web-based courses. *Dissertation*, vol. 54, no 2.
- Fasikhah S.S., Fatimah S. (2013). Self-regulated learning (srl) dalam meningkatkan prestasi akademik pada mahasiswa. *J. Ilm. Psikol. Terap.*, vol. 01, no 01.

O.X. Аймаганбетова* , **Е. Лашкова** ,
Э.Т. Адилова , **З.М. Садвакасова** , **Н.М. Садыкова**

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: alnara25@mail.ru

ФЕНОМЕН ТОЛЕРАНТНОСТИ/ИНТОЛЕРАНТНОСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ РАДИКАЛИСТСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В УСЛОВИЯХ КАЗАХСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Отдельные проявления радикалистских настроений в Казахстане получили свое развитие в последние годы в связи с ухудшением социально-экономического положения населения, приведшим к социальной и экономической незащищенности, росту безработицы. Коррупция, охватившая все эшелоны казахстанской власти, усиливая осознание социальной несправедливости в обществе, также стала причиной утраты прежних идеалов, девальвации ценностей. И если во многих странах постсоветского пространства радикализм принял формы различных экстремистских группировок, то в Казахстане он долгое время носил латентный и невыраженный характер. Однако события последних дней показали, что и в Казахстане радикализм имеет место быть; из мирных митингов, где поднимались, прежде всего, экономические вопросы, он перерос в массовые проявления неповиновения властям, теракты и насилие по отношению к представителям правоохранительных органов. В связи с этим актуализировалась проблема изучения толерантности/интолерантности как отражения радикалистских тенденций в условиях казахстанского общества.

Объект исследования – казахстанская студенческая молодёжь. Предмет исследования – особенности проявления толерантности/интолерантности личности как выражения предрасположенности к радикалистским настроениям. Цель исследования – проведение эмпирического изучения особенностей проявления толерантности/интолерантности личности как выражения предрасположенности к радикалистским настроениям. Для достижения цели был составлен методический инструментарий, включающий 3 методики. Тестирование проводилось с помощью платформы Google Формы. На основе анализа полученных результатов был сделан вывод, что социально-психологический феномен – толерантность/интолерантность, являющийся отражением радикалистских тенденций, определяется гендерными различиями, ингрупповым фаворитизмом, настроениями, менталитетом, картиной мира, ценностями молодежи.

Ключевые слова: толерантность/интолерантность, радикализм, радикалистские тенденции, казахстанская студенческая молодежь, подверженность.

O.Kh. Aimaganbetova*, E. Lashkova,
E.T. Adilova, Z.M. Sadvakasova, N.M. Sadykova
Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty
*e-mail: alnara25@mail.ru

**The phenomenon of tolerance/intolerance as a reflection
of radicalist trends in the conditions of Kazakhstan society**

Some manifestations of radicalistic sentiments in Kazakhstan have developed in recent years due to the deterioration of the socio-economic situation of the population, which has led to social and economic insecurity, an increase in unemployment. Corruption, which has engulfed all echelons of the Kazakhstani government, increasing awareness of social injustice in society, has also caused the loss of former ideals, the devaluation of values. And, if in many countries of the post-Soviet space radicalism has taken the forms of various extremist groups, in Kazakhstan it has long been latent and unexpressed. However, the events of recent days have shown that radicalism also takes place in Kazakhstan; from peaceful rallies, where economic issues were raised, first of all, it turned into mass manifestations of disobedience to the authorities, terrorist attacks, and violence against law enforcement officials. In this regard, the problem of studying tolerance/intolerance as a reflection of radicalistic tendencies in the conditions of Kazakh society has been actualized.

The object of the study is Kazakhstani student youth. The subject of the study is the features of the manifestation of tolerance/intolerance of a person as an expression of a predisposition to radicalistic sentiments. The purpose of the study is to conduct an empirical study of the characteristics of the manifestation of tolerance/intolerance of a person as an expression of a predisposition to radicalistic sentiments. To achieve the goal, a methodological toolkit was compiled, including 3 methods. Testing was conducted using the Google Forms platform. Based on the analysis of the results obtained, it was concluded that a socio-psychological phenomenon – tolerance/intolerance, which is a reflection of radicalistic tendencies, is determined by gender differences, in-group favoritism, moods, mentality, worldview, youth values.

Key words: tolerance/intolerance, radicalism, radicalistic tendencies, Kazakhstani student youth, susceptibility.

О.Х. Аймағанбетова*, Е. Лашкова,
Э.Т. Адилова, З.М. Садвакасова, Н.М. Садыкова
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.
*e-mail: alnara25@mail.ru

Қазақстан қоғамы жағдайында толеранттылық/интолеранттылық, құбылыс радикалистік дамудың көрінісі ретінде

Қазақстанда соңғы жылдары халықтың әлеуметтік-экономикалық жағдайының нашарлауына, әлеуметтік-экономикалық қауіпсіздіктің бұзылуына, жұмыссыздықтың артуына байланысты радикалистік көніл-күйдің белгілі бір көріністері қалыптасты. Қазақ билігінің барлық әшелондарын шарпышған сыйбайлас жемқорлық қоғамда әлеуметтік әділетсіздіктің санасын арттырып, бұрынғы мұрраттардың жоғалуына, құндылықтардың құнсыздануына да себеп болды. Ал, егер посткеңестік кеңістіктің көптеген елдерінде радикализм әртүрлі экстремистік топтардың формасына ие болса, Қазақстанда ол үзақ уақыт бойы жасасырын және білдірілмен сипатта ие болды. Дегенмен, соңғы қундердегі оқиғалар радикализмнің Қазақстанда да орын алғанын көрсетті; ен алдымен экономикалық мәселелер көтерілген бейбіт митингілерден бастап ол билікке бағынбаудың, терактілердің және құқық қорғау органдарының өкілдеріне зорлық-зомбылықтың жаппай көріністеріне айналды. Осыған байланысты қазақстандық қоғам жағдайында толеранттылық/интолеранттылық радикалистік дамудың көрінісі зерттеудің өзекті мәселеі болды.

Зерттеу объектісі – қазақстандық студент жастар. Зерттеу пәні жеке тұлғаның радикалистік көніл-күйге бейімділік көрінісі ретінде толеранттылық/интолеранттылық көрінісінің ерекшеліктері болып табылады. Зерттеудің мақсаты – жеке тұлғаның радикалистік көніл-күйге бейімділік көрінісі ретінде толеранттылық/интолеранттылық көрінісінің сипаттамаларына әмпирикалық зерттеу жүргізу. Мақсатта жету үшін 3 әдісті қамтитын әдістемелік құрал құрастырылды. Тестілеу Google Формы платформасы арқылы жүргізілді. Алынған нәтижелерді талдау негізінде радикалистік дамудың көрінісі болып табылатын жастардың әлеуметтік-психологиялық құбылыс – толеранттылық/интолеранттылық гендерлік ерекшеліктермен, топ ішіндегі фаворитизммен, көніл-күймен, менталитетімен, дүниетанымымен, құндылықтарымен анықталады деген қорытындыға келді.

Түйін сөздер: толеранттылық/интолеранттылық, радикализм, радикалдық дамулар, қазақстандық студент жастар, сезімталдық және т.б.

Введение

Как утверждает канадско-американский исследователь М. Нойманн, радикализм представляет собой «лишь только средство, инструмент «делания вещей» (Нойманн, 1988:230). В широком аспекте его можно рассматривать как определённый способ и метод, благодаря которому можно предложить и решить конкретные задачи по изменению политico-правовой, социально-экономической деятельности, способствующей улучшению жизнедеятельности общества. В то же время радикализм можно рассматривать источниками

личности, стремящейся улучшить и совершенствовать существующую в стране политическую, социально-экономическую ситуацию. Поэтому в последние годы понятие «радикализм» стало исследоваться и в психологическом контексте. Следовательно, в контексте психологии радикализм можно рассматривать как феномен, определяемый не только социальными, этническими, культурными, но и личностными особенностями, и как психологический механизм, способствующий перестройке и реорганизации существующей идеологической, социально-политической, экономической, психологической обстановки в обществе.

Современная ситуация в Казахстане такова: из-за резкого падения цен на энергоносители произошло ухудшение социально-экономического положения населения в целом, высокий уровень инфляции, рост безработицы, ослабление роли семьи, социальная и экономическая незащищенность, разорение аула стали причиной утраты прежних идеалов, девальвации ценностей. Одним из раздражающих и усиливающих осознание социальной несправедливости явлений в обществе является коррупция. Положение молодежи усугубляется еще тем, что в стране до сих пор отсутствует четко обозначенная национальная идея, которая смогла бы объединить всю молодежь независимо от социального положения, этнической и конфессиональной принадлежности. Поэтому в последние годы, характеризуя молодёжь, ученые часто используют понятие «потерянное поколение», т.е. такое поколение, которое не сможет справиться со своей исторической миссией, не сможет оказать положительное влияние на последующие поколения. Однако к «потерянному поколению» относится не вся казахстанская молодежь. Дети чиновников, крупных бизнесменов уже во втором поколении незаслуженно занимают привилегированные места в государственном аппарате, органах управления, национальных корпорациях и др., что приводит к еще большему расколу между представителями одного поколения.

Несмотря на то, что в стране принят Закон «О государственной молодежной политике в Республике Казахстан» № 581 от 7 июля 2004 года, в 2011 году принята программа «Дорожная карта бизнеса 2020», «Программа развития регионов» и реализуется молодежный проект «С дипломом в село», реальной поддержки они не принесли, механизмы государственной поддержки молодежи до сих пор не работают.

И если в прошлые годы к радикалам примыкали в основном русскоязычные казахи, как правило, которые видели социальную несправедливость, но при этом имели высшее образование, работу, то в последние годы можно отметить и казахоязычную молодёжь – выходцев из аулов. Переселившись в областные центры, в крупные города, они столкнулись с социальной и экономической необустроенностю. Согласно статистическим данным, около 80% осужденных за участие в радикальных движениях в Казахстане – это выходцы из маленьких городов и аулов, те, кто не имел постоянного места работы и места жительства. Как правило,

они занимались частным извозом, работали на рынках (Бейсембаев, 2014; 2019).

По мнению политолога Е. Карина, все радикальные группы можно разделить на подгруппы. Во-первых, это диверсионные, состоящие из молодых людей, которых специально готовят за границей, они имеют свои конкретные цели и планы. Вторую группу составляют так называемые джамааты, представляющие собой сообщество молодых успешных людей, объединенных общей религиозной основой. Многие из них успешно трудятся в государственных структурах и занимаются крупным бизнесом. И наконец, третья группа представляет собой обычные банды, которые взяли на вооружение религиозно-радикальные лозунги. Для таких групп религиозно-экстремистская идеология служит прикрытием для совершения ими разбоев, грабежей, обычного рэкета и других противоправных действий. По мнению Е. Карина, именно в этом кроются особенности радикализма, получившего развитие в последние годы (Карин, 2014), что, собственно говоря, было подтверждено событиями, произошедшими в начале января 2022 года во многих городах республики, когда к мирным митингам примкнули вооруженные организованные ряды группы молодых людей, захватившие административные здания, принявшие участие в разборах и мародерстве, оказавшие вооруженное сопротивление.

В связь с этим особую значимость приобретают создание специальной программы, сочетающей проведение своевременной диагностики, и на ее основе проведение постоянного мониторинга радикальных проявлений радикализма. На наш взгляд, одной из важных составляющих этой программы может стать изучение социально-личностных особенностей молодежи, в том числе толерантности/интолерантности, как показателя подверженности радикалистским настроениям

Проблема. Толерантность также предлагают рассматривать как «сложную социально-психологическую установку личности, выражющуюся в терпимости к чужому образу жизни, чужим обычаям, традициям, нравам, иным чувствам, мнениям и идеям» (Анциферова, 2007). Межэтническую толерантность рассматривают как «основанную на уважении к другой личности, ее правам и свободам устойчивость индивида или группы к не представляющим собой социальной угрозы и отличным от собственных этнических

культурных образцов идеям, мнениям, традициям, верованиям, обычаям, нормам, образцам поведения и т. д.» (Литвинова, 2007). Что касается определения интолерантности, особенно в этническом и конфессиональном аспекте, проявляющейся в различных формах экстремизма, то среди ее основных характеристик, прежде всего, можно выделить высокий показатель негативной этнической идентичности, межэтническую напряженность, различные проявления национализма, расизма, шовинизма, ксенофобии, которые становятся причиной не только межэтнической напряженности, но и часто приводят к развитию не только экстремизма и терроризма, но и конфликтов (Малютин, 2007). В связи с этим, в силу усиливающихся в последние годы радикалистских настроений среди молодежи, особенно в странах постсоветского пространства, приведших к «цветным» революциям в Киргизии, Украине, Грузии, Армении, теперь и в относительно благополучном и спокойном Казахстане, изучение проблемы толерантности/интолерантности в условиях полигэтнического общества, особенно молодежи, становится сегодня актуальным и очевидным.

Таким образом, в ходе нашего исследования было выделено проблемное поле, определяемое динамикой формирования толерантности как социальной нормы взаимодействия в полигэтническом обществе, препятствующей развитию радикалистских и экстремистских настроений.

В этой связи **целью исследования** явилось изучение особенностей проявления толерантности/интолерантности личности как выражения предрасположенности к радикалистским настроениям.

Материалы и методы

Для проведения эмпирического исследования был создан методический инструментарий, включающий: Экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г.У. Солдатова, О.А. Кравцова, О.Е. Хухлаев, Л.А. Шайгерова); Методика «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» (ВИКТИ) Г.Л. Бардиера и методика диагностики диспозиций насильтственного экстремизма Д.Г. Давыдова, К.Д. Хломова. Тестирование проводилось с помощью платформы Google Формы. Математическая обработка данных производилась с помощью статистического пакета SPSS, версия 23.0: U-критерий Манна-Уитни (Mann-Whitney U test) и корреляционный анализ (r-Spearman's).

Результаты

Диагностическая методика «Шкалы склонности к экстремизму» (Violent Extremism Attitude Scales – VEAS) представляет собой опросник, с помощью которого можно выявить диспозиции, показывающие существование некоторых аспектов, присущих для насильтственного экстремизма. На рисунке 1 представлены показатели 11 шкал.

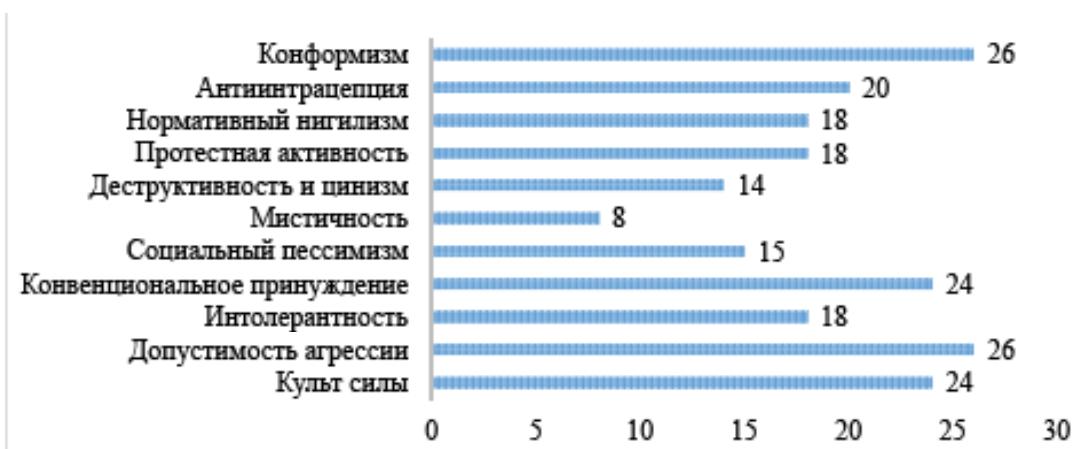

Рисунок 1 – Уровень склонности к насильтственному экстремизму (ср. ариф.)

Из рисунка 1 видно, что превышен максимальный показатель по 4 шкалам:

- культ силы (24 балла);
- допустимость агрессии (26 баллов);
- конвенциональное принуждение (24 балла);
- конформизм (26 баллов).

Поскольку превышение показателей отмечается по 4 шкалам, то можно говорить о предрасположенности молодежи к проявлению экстремизма. Важно отметить, что исследование проводилось онлайн в связи

с пандемией и систематически вводимыми локдаунами, что тоже могло сказаться на том, что результаты по шкалам «культ силы» и «конвенциональное принуждение» повышены. По остальным субшкалам респонденты демонстрируют значения в пределах нормы. С помощью U-критерия Манна-Уитни были изучены гендерные различия склонности к насильственному экстремизму VEAS, данные представлены в таблице 1 и на рисунке 2.

Таблица 1 – Значимые различия в склонности к насильственному экстремизму

Переменные	Ранги		U	p
	юноши	девушки		
Культ силы	18,10	12,20	62,000	0,05
Допустимость агрессии	19,07	11,93	59,000	0,03
Нормативный нигилизм	18,50	12,50	52,500	0,02
Конформизм	12,43	18,57	52,500	0,02

Рисунок 2 – Значимые различия в склонности к насильственному экстремизму (ср. ранги)

Из таблицы 1 и рисунка 2 видно, что значимые различия выявлены по 4 шкалам из 11:

- культ силы ($p \leq 0,05$);
- допустимость агрессии ($p \leq 0,03$);
- нормативный нигилизм ($p \leq 0,03$);
- конформизм ($p \leq 0,02$).

У юношей показатели по шкалам «культ силы», «допустимость агрессии» и «нормативный

нигилизм» выше, чем у девушек. То есть юноши воспринимают мир с позиции «сильный-слабый», для них характерна личная готовность к насилию в ситуации фruстрации и игнорирования норм поведения. У девушек выше показатели по шкале «конформизм», что указывает на слабость внутренних регуляторов поведения и чувство высокой групповой сопричастности.

Рисунок 3 – Уровень толерантности студентов (ср. ариф.)

На рисунке 3 представлены показатели толерантности, полученные в ходе проведения экспресс-опросника «Индекс толерантности», предложенного российскими психологами Г.У. Солдатовой, О.А. Кравцовой, О.Е. Хухлаевым, Л.А. Шайгеровой.

Из данных, представленных на рисунке 3, видно, что общий интегративный уровень толерантности студентов равен 78 баллам, соответствующим среднему уровню толерантности, что является свидетельством сочетания толерантных и интолерантных черт у студенческой молодежи. Таким образом, студенческая молодежь может демонстрировать в одних социальных ситуациях толерантное поведение, а в других социальных ситуациях – напротив, может проявить интолерантность. 87% студенческой молодежи демонстрируют средний уровень толерантности, 11% студентов показали низкий уровень, и лишь у 2% студентов выявлен высокий уровень толерантности.

По субшкалам студенты демонстрируют следующие результаты:

- средний уровень толерантности в отношении к членам других этносов групп и межэтнического взаимодействия;
- высокий уровень толерантности по отношению к другим социальным группам, имеющим место быть в данном обществе, и некоторым социальным процессам;
- низкий уровень толерантности, рассматриваемой как социально-психологическая особенность личности, определяющая отношение молодых людей к окружающему миру.

Таким образом, можно составить рейтинг видов толерантности у студентов по данным

экспресс-опросника «Индекс толерантности» (см. рисунок 4).

Рисунок 4 – Рейтинг видов толерантности у студентов по данным экспресс-опросника «Индекс толерантности»

Студенческая молодежь демонстрирует наибольшую значимость в структуре идентичности таких аспектов толерантности, как социальная и межэтническая толерантность, и наименьшую значимость личной толерантности (умение прощать, понимать и выслушивать другие точки зрения). Полученные результаты показывают наличие границ, которые позволяют разделять и дифференцировать имеющиеся у студентов представления о различных этнических и социальных особенностях групп взаимодействия, при отсутствии синхронности, пренебрежительного и безразличного отношения к ним.

С помощью U-критерия Манна-Уитни были изучены гендерные различия в видах толерант-

ности, для этого были использованы методики «Индекс толерантности» (Г.У. Солдатова, О.Е. Хухлаев, О.А. Кравцова, Л.А. Шайгерова), данные представлены в таблице 3 и на рисунке 5.

Из данных, представленных в таблице 1 и на рисунке 5, видно, что обнаружены достоверные различия в видах и уровне толерантности между юношами и девушками:

- девушки демонстрируют более высокий общий уровень толерантности, социальной то-

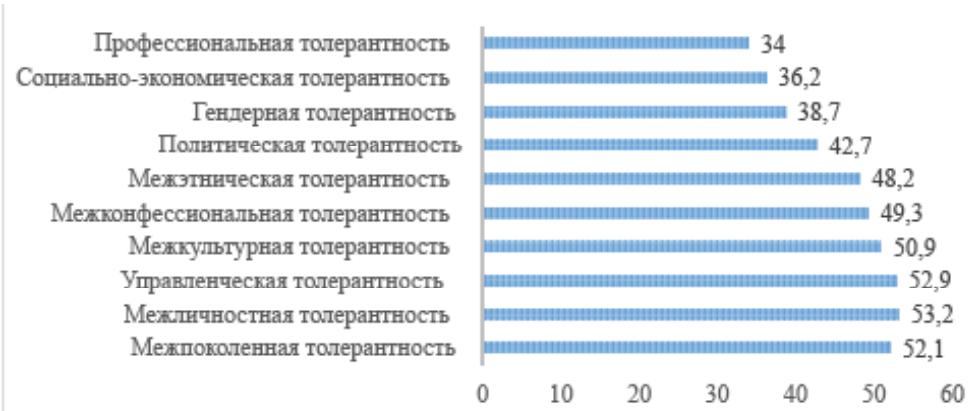
лерантности и развития толерантности как черты личности ($p \leq 0,05$);

- этническая толерантность у юношей и девушек развита в одинаковой мере.

Для детального анализа представлений о толерантности у студентов, ее видах и компонентах была применена методика Г.Л. Бардиер «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» (ВИКТИ). На рисунке 6 представлен рейтинг видов толерантности у представителей студенческой молодежи.

Рисунок 5 – Значимые различия в видах толерантности, полученные с помощью экспресс-опросника «Индекс толерантности» (ср. ранги)

Рисунок 6 – Рейтинг видов толерантности у студентов по методике Г.Л. Бардиер «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» (ср. ариф.)

Высокий уровень толерантности студенты демонстрируют по 4 шкалам:

- межпоколенная толерантность (ср. ариф. 52,1) – проявляющаяся в чувстве уважения в отношении к представителям другого поколения;

- межличностная толерантность (ср. ариф. 53,2) – проявляющаяся в уважении по отношению людей друг к другу;

- управленческая толерантность (ср. ариф. 52,9) – проявляющаяся в уважении управлениче-

ских отношений, когда осуществляется взаимодействие «руководитель-подчиненный»;

- межкультурная толерантность (ср. ариф. 50,9) – проявляющаяся в уважении по отношению к членам культур, уважении межкультурных коммуникаций.

Что касается оставшихся 6 шкал, то по ним студенты показали:

- межконфессиональную толерантность (ср. ариф. 49,3) – раскрывающуюся в уважении людей другой конфессии;

- межэтническую толерантность (ср. ариф. 48,2) – раскрывающуюся в проявлении толерантности по отношению к членам иных этносов;

- политическую толерантность (ср. ариф. 42,7) – раскрывающуюся в проявлении толерантности по отношению к представителям властных и политических структур;

- гендерную толерантность (ср. ариф. 38,7) – раскрывающуюся в отношении представителей другого гендера;

- социально-экономическую толерантность (ср. ариф. 36,2) – раскрывающуюся в толерантности к представителям другого социального и материального положения и достатка;

- профессиональную толерантность (ср. ариф. 34,0) – проявляющуюся в отношении представителей других профессий.

Отметим, что самые низкие баллы и соответственно низкий рейтинг у трех видов толерантности – профессиональной, социально-экономической и гендерной.

Полученные данные позволяют составить рейтинг видов толерантности у студентов по методике Г.Л. Бардиер «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» (см. рисунок 7). Иерархия рейтинга детерминируется возрастными особенностями студенческой молодежи, определяемыми спецификой межличностного и межпоколенческого общения, культурным взаимодействием и структурой вуза, а также особенностями гендерных процессов, протекающих в стране, снижением уважения к другому полу, людям с меньшим финансовым достатком, и работающим на непrestижных профессиях.

С помощью U-критерия Манна-Уитни были изучены различия в видах толерантности, полученные с помощью методики Г.Л. Бардиер «Виды и компоненты толерантности-интолерантности», данные представлены на рисунке 8.

На рисунке 8 видно, что выявлены различия в толерантности между юношами и девушками по 4 шкалам из 10:

- межпоколенная, гендерная и управляемческая толерантность больше развита у девушек;
- межличностная толерантность больше развита у юношей.

Следующим шагом был анализ компонентов толерантности. В таблице 2 и на рисунке 9 представлен рейтинг компонентов толерантности у студентов.

Рисунок 7 – Рейтинг видов толерантности у студентов по методике Г.Л. Бардиер «Виды и компоненты толерантности-интолерантности»

Высокий уровень студенты демонстрируют по 5 компонентам толерантности:

- ценностно-ориентационной составляющей (ср. ариф. 50,1), которая представляет собой толерантность как высшую ценность, имеющую для личности ведущее значение;

- аффективной составляющей (ср. ариф. 50,4), демонстрирующей высокую представленность в структуре толерантности чувств, переживаний и эмоций;

- потребностно-мотивационной составляющей (ср. ариф. 51,7), отражающей высокую социальную потребность в толерантном отношении к другим людям;

- идентификационно-групповой составляющей (ср. ариф. 52,8), иллюстрирующей высокую

степень построения толерантности студентов на механизмах их идентификации себя как члена референтной группы;

- деятельностно-стилевой составляющей (ср. ариф. 47,6) – средняя включенность в структуру толерантности как этическая норма и долженствования;

По остальным 5 компонентам толерантности студенты показывают средние показатели:

- личностно-смысловая составляющей (ср. ариф. 40,3) – средний уровень важности, осмысливленности толерантности;

- когнитивной составляющей (ср. ариф. 44,5) – средний уровень стремлений к пониманию, проявлению интереса к иному мнению собеседника;

- этико-нормативной составляющей (ср. ариф. 47,6) – средняя включенность в структуру толерантности как этическая норма и долженствования;

- идентификационно-личностной составляющей (ср. ариф. 48,1), которая указывает на то, что толерантность базируется на личностной самоидентификации, полученный балл говорит о средней степени сформированности репертуара идентичностей в сферах проявления толерантности;

- конативной составляющей (ср. ариф. 48,2)

– средняя готовность к взаимодействию, к поведению уравновешенного, неимпульсивного человека.

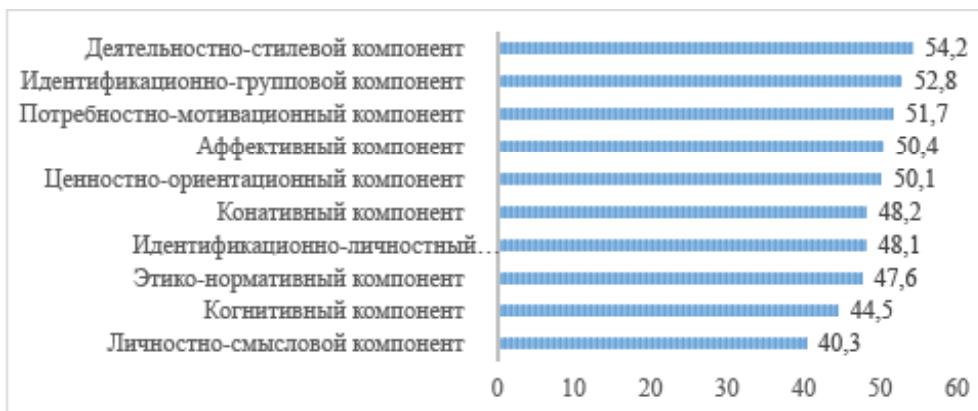
Рисунок 8 – Значимые различия в видах толерантности, полученные с помощью методики Г.Л. Бардиер «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» (ср. ранги)

Таблица 2 – Рейтинг компонентов толерантности у студентов по методике Г. Л. Бардиер «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» (ВИКТИ)

Компоненты толерантности	Ранг	Ср. значение
Деятельностно-стилевой компонент	1	54,2
Идентификационно-групповой компонент	2	52,8
Потребностно-мотивационный компонент	3	51,7
Аффективный компонент	4	50,4
Ценностно-ориентационный компонент	5	50,1
Конативный компонент	6	48,2
Идентификационно-личностный компонент	7	48,1
Этико-нормативный компонент	8	47,6
Когнитивный компонент	9	44,5
Личностно-смысловой компонент	10	40,3

Отметим, что самые низкие баллы и соответственно низкий рейтинг у трех компонентов толерантности – личностно-смысловом, когнитивном и этико-нормативном.

Полученные данные позволяют составить рейтинг компонентов толерантности у студентов по методике Г.Л. Бардиер «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» (рисунок 10).

Рисунок 9 – Рейтинг компонентов толерантности у студентов по методике Г. Л. Бардиер «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» (ср. ариф.)

Рисунок 10 – Рейтинг компонентов толерантности у студентов по методике Г.Л. Бардиера «Виды и компоненты толерантности-интолерантности»

Это свидетельствует о том, что у студентов в структуре толерантности преобладают представления о высокой ценности и развитой социальной потребности толерантного, уважительного отношения к другим людям, данная потребность базируется на идентификации с близкой референской группой, высокой ценности чувств и стабильном проявлении толерантности в деятельности.

С помощью U-критерия Манна-Уитни были изучены различия в компонентах толерантности, полученные с помощью методики Г.Л. Бардиер «Виды и компоненты толерантности-интолерантности», данные представлены в таблице 6 и на рисунке 11.

Из рисунка 11 видно, что выявлены различия в компонентах толерантности между юношами и девушками по 4 вертикальным шкалам из 10:

Рисунок 11 – Значимые различия в компонентах толерантности, полученные с помощью методики Г.Л. Бардиер «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» (ср. ранги)

Аффектививный и конатативный компоненты толерантности больше развиты у девушек. Это указывает на то, что у девушек эмоции, чувства, переживания и возможности их проявления представляют ценности. Иными словами, готовность к взаимодействию как поведенческая характеристика, проявляющаяся в уравновешенном поведении.

Деятельностно-стилевой и ценностно-ориентационный компоненты больше развиты у юношей. Это указывает на то, что юношам характеризуются высокой готовностью к устойчивому, стабильному виду деятельности. При этом приоритетом и ценностью является толерантное и уважительное отношения. В ходе исследования был проведен корреляционный анализ (r -Spearman's) между методиками на изучение толерантности и склонности к насилиственному экстремизму. Таким образом, мы видим, что:

Социальная толерантность связана 8 отрицательными и 1 положительной корреляцией с диспозициями насилиственного экстремизма: Антиинтрапеция ($r=-0,449^{**}$); Социальный

пессимизм ($r=-0,369^{**}$); Допустимость агрессии ($r=-0,367^{**}$); Деструктивность и цинизм ($r=-0,323^{**}$); Интолерантность ($r=-0,435^{**}$); Протестная активность ($r=-0,378^{**}$); Нормативный нигилизм ($r=-0,257^{**}$); Культ силы ($r=-0,387^{**}$); Конформизм ($r=0,413^{**}$).

Этническая толерантность связана отрицательными корреляциями с 5 диспозициями насилиственного экстремизма: Миистичность ($r=-0,323^{**}$); Интолерантность ($r=-0,379^{**}$); Допустимость агрессии ($r=-0,368^{**}$); Протестная активность ($r=-0,294^{**}$); Конвенциональное принуждение ($r=-0,376^{**}$).

Толерантность как черта личности связана отрицательными корреляциями с 7 диспозициями насилиственного экстремизма: Социальный пессимизм ($r=-0,338^{**}$); Интолерантность ($r=-0,394^{**}$); Конвенциональное принуждение ($r=-0,331^{**}$); Деструктивность и цинизм ($r=-0,324^{**}$); Культ силы ($r=-0,409^{**}$); Допустимость агрессии ($r=-0,372^{**}$); Нормативный нигилизм ($r=-0,287^{**}$).

Общий уровень толерантности связан отрицательными корреляциями с 9 диспози-

циями насилиственного экстремизма: Конвенциональное принуждение ($r=-0,333^{**}$); Допустимость агрессии ($r=-0,185$); Нормативный нигилизм ($r=-0,219^{**}$); Мистичество ($r=-0,230^{**}$); Деструктивность и цинизм ($r=-0,329^{**}$); Культ силы ($r=-0,390^{**}$); Протестная активность ($r=-0,272^{**}$; **); Интолерантность ($r=-0,347^{**}$); Антиинтрацепция ($r=-0,309^{**}$).

Корреляционный анализ между типами толерантности и диспозициями насилиственного экстремизма показал:

Межпоколенная толерантность связана отрицательными корреляциями с 4 диспозициями насилиственного экстремизма: Культ силы ($r=-0,291^{**}$); Интолерантность ($r=-0,392^{**}$); Конвенциональное принуждение ($r=-0,326^{**}$); Конформизм ($r=-0,299^{**}$).

Гендерная толерантность связана отрицательными корреляциями с 6 диспозициями насилиственного экстремизма: Культ силы ($r=-0,247^{**}$); Допустимость агрессии ($r=-0,230^{**}$); Интолерантность ($r=-0,318^{**}$); Конвенциональное принуждение ($r=-0,230^{**}$); Деструктивность и цинизм ($r=-0,301^{**}$); Антиинтрацепция ($r=-0,298^{**}$).

Межличностная толерантность связана отрицательными корреляциями с 4 диспозициями насилиственного экстремизма: Культ силы ($r=-0,218^{**}$); Интолерантность ($r=-0,372^{**}$); Конвенциональное принуждение ($r=-0,276^{**}$); Социальный пессимизм ($r=-0,422^{**}$).

Межэтническая толерантность связана отрицательными корреляциями с 6 диспозициями насилиственного экстремизма: Культ силы ($r=-0,310^{**}$); Допустимость агрессии ($r=-0,258^{**}$); Интолерантность ($r=-0,247^{**}$); Конвенциональное принуждение ($r=-0,286^{**}$); Мистичество ($r=-0,396^{**}$); Социальный пессимизм ($r=-0,195^{**}$).

Межкультурная толерантность связана отрицательными корреляциями с 6 диспозициями насилиственного экстремизма: Допустимость агрессии ($r=-0,298^{**}$); Интолерантность ($r=-0,392^{**}$); Конвенциональное принуждение ($r=-0,326^{**}$); Мистичество ($r=-0,385^{**}$); Культ силы ($r=-0,291^{**}$); Социальный пессимизм ($r=-0,422^{**}$).

Межконфессиональная толерантность связана отрицательными корреляциями с 5 диспозициями насилиственного экстремизма: Допустимость агрессии ($r=-0,230^{**}$); Интолерантность ($r=-0,318^{**}$); Конвенциональное принуждение ($r=-0,230^{**}$); Мистичество ($r=-0,300^{**}$); Социальный пессимизм ($r=-0,247^{**}$).

Социально-экономическая толерантность связана отрицательными корреляциями с 3 диспозициями насилиственного экстремизма: Интолерантность ($r=-0,372^{**}$); Культ силы ($r=-0,218^{**}$); Социальный пессимизм ($r=-0,276^{**}$).

Выводы

Таким образом, проведенное исследования особенностей толерантности/интолерантности показало:

Превышение максимального показателя по 4 диспозициям насилиственного экстремизма: культ силы, допустимость агрессии, конвенциональное принуждение и конформизм, что указывает на предрасположенность молодежи к проявлению экстремизма. Важно отметить, что исследование проводилось онлайн в связи с пандемией и систематически вводимыми локдаунами, что тоже могло сказать на том, что результаты по шкалам «культ силы» и «конвенциональное принуждение» повышенны.

Выявлены гендерные различия в уровне развития диспозициями насилиственного экстремизма. У юношей показатели по шкалам «культ силы», «допустимость агрессии» и «нормативный нигилизм» выше, они воспринимают мир с позиции «сильный-слабый», для них характерна личная готовность к насилию в ситуации фрустрации и игнорирование норм поведения. У девушек выше показатели по шкале конформизма, что указывает на слабость внутренних регуляторов поведения и высокую сопричастность со своей группой.

Общий интегративный уровень толерантности студентов соответствует среднему уровню и является показателем того, что студенты могут сочетать как толерантные, так и интолерантные черты. При одних обстоятельствах они могут выражать толерантность, но есть такие ситуации, где они проявляют интолерантность. Так, 87% исследуемых студентов показали наличие среднего индивидуального уровня, для 11% – низкий уровень; только для 2% молодых людей характерен высокий уровень толерантности.

Молодые люди выделяют социальную и межэтническую толерантность, проявляющуюся в уважении в отношениях между людьми, в толерантном отношении к членам других этнических групп как очень значимую. Наименее значимой оказалась личная толерантность, раскрывающаяся в умении прощать, понимать других и другие точки зрения.

По межпоколенной, межличностной, управленческой и межкультурной толерантности

студенты также демонстрируют высокий уровень, что характерно и для следующих 5 компонентов толерантности (деятельностно-стилевой, идентификационно-групповой, потребностно-мотивационный, аффективный и ценностно-ориентационный компоненты). По остальным видам и компонентам студенты показывают средние показатели.

Выявлены гендерные различия в развитии толерантности у студентов. Девушки демонстрируют более высокий общий уровень толерантности, социальной толерантности и развития толерантности как черты личности ($p \leq 0,05$). Межпоколенная, гендерная и управленческая толерантность большеразвита у девушек ($p \leq 0,05$); межличностная толерантность больше развита у юношей ($p \leq 0,05$). Аффективный и конатативный компоненты толерантности больше развиты у девушек ($p \leq 0,05$). Деятельностно-стилевой и ценностно-ориентационный компоненты больше развиты у юношей ($p \leq 0,05$).

Выявлена взаимосвязь между различными типами и аспектами толерантности и диспозициями насилиственного экстремизма. В ходе корреляционного анализа выявлены отрицательные взаимосвязи между видами толерантности и компонентами толерантности с диспозициями насилиственного экстремизма, что указывает на то, что развитая толерантность как черта личности противостоит формированию экстремистских настроений у молодежи.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что социально-психологический феномен – толерантность/интолерантность, являющийся отражением радикалистских тенденций, определяется гендерными различиями, ингрупп-

повым фаворитизмом (принадлежность к своей группе), настроениями, менталитетом, картиной мира, ценностями и ценностными ориентациями казахстанской студенческой молодежи.

В эпоху глобализации изучение толерантности/интолерантности как проявления радикалистских настроений у молодежи, трансформируясь и модифицируясь, принимая разнообразные виды, адекватные новым вызовам и рискам, сохраняет актуальность. Сегодня радикалистские настроения, в целом радикализм в Казахстане – это существующая реальность, набирающая обороты, с которой необходимо считаться. Свидетельством этого явились события последних дней, произошедшие в ряде крупных городов республики. Поэтому важное значение приобретает достижение общественного согласия между политическими силами, укрепление диалога государственных структур с населением. При этом актуализируется проблема защиты прав каждого рядового казахстанца, особенно молодёжи, соблюдение ее прав, справедливость, борьба с коррупцией. Особое звучание получает уважение культурного и религиозного многообразия молодых людей, проживающих в полиэтническом и многоконфессиональном государстве, ликвидация всех форм расовой, этнической и других форм дискриминации, аутгрупповой враждебности. В связи с этим актуальность исследования толерантности/интолерантности как проявления подверженности радикалистским настроениям студенческой молодежи очевидна.

Статья написана в рамках Проекта Министерства образования и науки Республики Казахстан «Психофизиологическое исследование подверженности радикалистским настроениям с помощью полиграфа и первичная профилактика радикализации студентов» (ИРН-АРО 9261155).

Литература

- Abbas T. Islamophobia and the Politics of Young British Muslim Ethno-Religious Identities // *Youth Work and Islam*. – 2011. – P. 53-71. DOI: 10.1007/978-94-6091-636-6_4
- Аймаганбетова О.Х., Аймаганбетов А.Б., Ли А.В., Сеилханова М. Е. Кросс-культурное исследование религиозных предпочтений и ориентаций студенческой молодежи: монография. – Алматы: Қазақ университеті, 2018. – 196 с.
- Аймаганбетова О.Х., Касен Г.А., Мадалиева З.Б., Закарьянова Ш.Н., Садвакасова З.М. Основные направления парадигмы радикализма. Особенности психофизиологического исследования с помощью полиграфа. – Алматы: Қазақ университеті, 2021. – 153 с.
- Анциферова Н.Г. Этническая толерантность в современном российском обществе: состояние и тенденции развития: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.08. – М., 2007. – 18 с.

Бейсембаев С. Религиозный экстремизм в Казахстане: между криминалом и джихадом. – 2014. <http://www.ofstrategy.kz/index.php/ru/research/socialresearch/item/485-religioznyj-ekstremizm-v-kazakhstane-mezhdu-kriminalom-i-dzhikhadom>

Бейсембаев С. Некоторые аспекты совершенствования политики профилактики насилия и насилия экстремизма в Казахстане // Материалы международной научно-практической конференции «Профилактика экстремизма. Успехи и трудности». – Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2014. – С. 98-104.

Burhanuddin A., Yani A. Ahmad, Hans A., Hidayat A. Rahmat, Pudail M. Mapping Youth Radicalism and Socio-Religious Intolerance in social media // Conference: Proceedings of the 1st Hasanuddin International Conference on Social and Political Sciences, HICOSPOS. – 2019. DOI:10.4108/eai.21-10-2019.2291531

Галкин А.А., Красин Ю.А. Культура толерантности перед вызовами глобализации // Социологические исследования. – 2009. – № 8. – С. 81-93.

Clobert M., Saroglou V., Hwang K.K. East Asian religious tolerance versus Western monotheist prejudice: The role of (in) tolerance of contradiction // Group processes & intergroup relations. – 2017. – Vol. 20. – №2. – P. 216-232. doi:10.1177/1368430215603458

Карин Е. Солдаты Халифата: миф и реальность. – Алматы: Vlast, 2014. – 235 с.

Кудрина Е.Л., Кудрин В.С. Основные тенденции молодежного экстремизма в современной социально-культурной ситуации // Вестник Кемеровского гос. университета культуры и искусств. – 2015. – №32. – С. 205-212.

Кудрина Е.Л., Кудрин В.С. Феномен толерантности в противодействии возникновению экстремизма в молодежной среде // Вестник Кемеровского гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 33/2. – С. 171-177.

Литвинова В.Л. Социально-психологические условия формирования межэтнической толерантности российской молодежи: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. – М., 2007. – 35 с.

Малютин И.П. Формирование толерантности в образовательной среде [Электронный ресурс]. – 2007. URL: www.hrono.info/text/2007/mal03_07.html.

Muljadji Y. The Youth, The Sciences Students, and Religious Radicalism // Al-Ulum. – 2016. – №16(2). – P. 330-347. <https://www.researchgate.net/publication/319261855>. DOI:10.30603/au.v16i2.154

Hassan G. Radical Islam / Islamic Radicalism: Towards a Theoretical Framing. – 2013. https://www.researchgate.net/publication/266030514_Radical_Islam_Islamic_Radicalism_Towards_a_Theoretical_Framing

Neumann M. What's Left? radical politics and the radical psyche. – Peterborough (Canada); Lewiston (N.Y.), 1988. – P. 230.

Нуршанов А.А. Новые исламистские течения в контексте современной мировой geopolитики: дисс. на соиск. степени доктора философии (PhD). – Алматы, 2020. – 159 с.

Satershinov B.M., Shaukenova Z.K., Zhandozova Sh. Political Islam: Conceptual Problems in the Relationship of Politics and Islam // World Academy of Science, Engineering and Technology. – Tokyo, Japan. – 2012. – № 65. – P. 1406-1412.

Feffer J. Crusade 2.0: The West's Resurgent War on Islam. – San Francisco: City Lights Open Media, 2012. – 200 p.

References

Abbas T. (2011) Islamophobia and the Politics of Young British Muslim Ethno-Religious Identities. Youth Work and Islam, pp. 53-71. DOI: 10.1007 / 978-94-6091-636-6_4

Aimaganbetova O.Kh., Aimaganbetov A.B., Li A.V., Seikhanova M.E. (2018) Kross-kul'turnoye issledovaniye religioznykh predpochteniy i oriyentatsiy studencheskoy molodezhi [Cross-cultural research of religious preferences and orientations of student youth: monograph]. Almaty: Kazakh University, 196p.

Aimaganbetova O.Kh., Kasen G.A., Madalieva Z.B., Zakaryanova Sh.N., Sadvakasova Z.M. (2021) Osnovnyye napravleniya paradigma radikalizma. Osobennosti psikhofiziologicheskogo issledovaniya s pomoshch'yu poligrafa [The main currents of the radicalism paradigm. Peculiarities of a psychophysiological polygraph research]. Almaty: Kazakh University, 153 p.

Antsiferova N.G. (2007) Etnicheskaya tolerantnost' v sovremennom rossiyiskom obshchestve: sostoyaniye i tendentsii razvitiya [Ethnic tolerance in modern Russian society: state and development trends]: author. dis. ... cand. social sciences: 22.00.08. Moscow, 18 p.

Beisembaev S. (2014) Religioznyy ekstremizm v Kazakhstane: mezhdju kriminalom i dzhikhadom [Religious extremism in Kazakhstan: between crime and jihad]. <http://www.ofstrategy.kz/index.php/ru/research/socialresearch/item/485-religioznyj-ekstremizm-v-kazakhstane-mezhdu-kriminalom-i-dzhikhadom>

Beisembaev S. (2014) Nekotoryye aspeky sovershenstvovaniya politiki profilaktiki nasil'stvennogo ekstremizma v Kazakhstane. Profilaktika ekstremizma. Uspekhi i trudnosti [Some aspects of improving the policy of preventing violent extremism in Kazakhstan. Prevention of extremism. Successes and difficulties]. Materials of the international scientific-practical conference. Nur-Sultan: KISS under the President of the Republic of Kazakhstan, pp. 98-104.

Burhanuddin A., Yani A. Ahmad, Hans A., Hidayat A. Rahmat, Pudail M. (2019) Mapping Youth Radicalism and Socio-Religious Intolerance in social media. Conference: Proceedings of the 1st Hasanuddin International Conference on Social and Political Sciences, HICOSPOS. DOI: 10.4108 / eai.21-10-2019.2291531

Galkin A.A., Krasin Yu.A. (2009) Kul'tura tolerantnosti pered vyzovami globalizatsii [A Culture of Tolerance Facing the Challenges of Globalization]. Sociological research, no 8, pp. 81-93.

Clobert M., Saroglou V., Hwang K.K. (2017) East Asian religious tolerance versus Western monotheist prejudice: The role of (in) tolerance of contradiction. Group processes & intergroup relations, vol. 20, no 2, pp. 216-232. doi: 10.1177 / 1368430215603458

Karin E. (2014) Soldaty KHalifata: mif i real'nost' [Soldiers of the Halifat: Myth and Reality]. Almaty: Vlast, 235 p.

- Kudrina E.L., Kudrin V.S. (2015) Osnovnyye tendentsii molodezhnogo ekstremizma v sovremennoy sotsial'no-kul'turnoy situatsii [The main tendencies of youth extremism in the modern socio-cultural situation]. Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts, no 32, pp. 205-212.
- Kudrina E.L., Kudrin V.S. (2015) Fenomen tolerantnosti v protivodeystvii vozniknoveniyu ekstremizma v molodezhnoy srede [The phenomenon of tolerance in countering the emergence of extremism among the youth]. Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts, no 33/2, pp. 171-177.
- Litvinova V.L. (2007) Sotsial'no-psikhologicheskiye usloviya formirovaniya mezhetnicheskoy tolerantnosti rossiyskoy molodezhi [Socio-psychological conditions for the formation of interethnic tolerance of Russian youth]: author. dis. ... cand. psychol. sciences: 19.00.05, Moscow, 35 p.
- Malyutin I.P. (2007) Formirovaniye tolerantnosti v obrazovatel'noy srede [Formation of tolerance in the educational environment]. [Electronic resource]. URL: www.hrono.info/text/2007/mal03_07.html.
- Muljadji Y. (2016) The Youth, The Sciences Students and Religious Radicalism. Al-Ulum, no 16 (2), pp. 330-347. <https://www.researchgate.net/publication/319261855>. DOI: 10.30603 / au.v16i2.154
- Hassan G. Radical (2013) Islam / Islamic Radicalism: Towards a Theoretical Framing. https://www.researchgate.net/publication/266030514_Radical_Islam_Islamic_Radicalism_Towards_a_Theoretical_Framing
- Neumann M. (1988) What's Left: radical politics and the radical psyche. Peterborough (Canada); Lewiston, N.Y., pp. 230.
- Nurshanov A.A. (2020) Novyye islamistskiye techeniya v kontekste sovremennoy mirovoy geopolitiki: diss. na soisk. stepeni doktora filosofii [New Islamist currents in the context of modern world geopolitics]: diss. for a job. degree of Doctor of Philosophy (PhD). Almaty, 159 p.
- Satershinov B.M., Shaukenova Z.K., Zhandoanova Sh. (2012) Political Islam: Conceptual Problems in the Relationship of Politics and Islam. World Academy of Science, Engineering and Technology. Tokyo, Japan, no 65, pp. 1406-1412.
- Feffer J. (2012) Crusade 2.0: The West's Resurgent War on Islam. San Francisco: City Lights Open Media, 200 p.

Чжоу Ми*, **А.К. Мынбаева**

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: mizou0723@mail.ru

АНАЛИЗ ТРЕВОЖНОСТИ И ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ШКОЛЬНИКОВ КИТАЯ (на примере школ автономного района Внутренней Монголии)

В статье приведен опыт диагностики психического здоровья школьников автономного района Внутренней Монголии Китайской Народной Республики. Цель исследования – диагностика и сравнение показателей учебной тревожности у школьников разных классов, изучение взаимосвязи между учебной тревожностью и качествами личности школьников. Для диагностики были использованы такие методы, как тест психического здоровья МНТ (Mental Health Test) и подростковый опросник «Малая пятерка личности подростка». В исследовании приняли участие 420 школьников 7, 8, 9 года обучения (классов), данные были проанализированы с помощью SPSS 23.0. Результаты показали, что 57,6% школьников находились в состоянии сильной учебной тревоги. В то же время, общее психическое здоровье школьников было хорошим ($40,87 \pm 17,68$), лишь по субшкалам учебной тревожности и физическим симптомам наблюдаются показатели выше нормы. Учебная тревожность оказалась наиболее сильна в 7-м классе; в старших 8-9 классах показатели оказались ниже. Такие результаты могут быть объяснены тем, что 7 класс является первой ступенью средней школы (в КНР дети учатся в начальной, средней и старшей школах) и дети сталкиваются с проблемой адаптации к окружающей среде и приспособления к новым межличностным отношениям. Установлена положительная корреляция между учебной тревожностью школьников и их эмоциональными показателями – нейротизмом или эмоциональной неустойчивостью, и отрицательная корреляционная связь между учебной тревожностью школьников и показателями экстраверсии ($p < 0,01$). Предложены рекомендации для школьных психологов и учителей по профилактике тревожности детей.

Ключевые слова: школьники, учебная тревожность, психическое здоровье, Китай, школьный психолог.

Zhou Mi*, A. Mynbayeva

Al-Farabi Kazak National University, Kazakhstan, Almaty

*e-mail: mizou0723@mail.ru

Analysis of anxiety and mental health of schoolchildren in China (on the example of schools in the Autonomous Region of Inner Mongolia)

The article focuses on the experience of testing the mental health of school pupils in the Inner Mongolia Autonomous Region of the People's Republic of China. The ultimate aims of research are to examine and compare the results of anxiety level experienced by pupils, to discover a correlation between an anxiety level of pupils and their personality. The Mental Health Test (MHT) and questionnaire named "Small Five of the Personality of a Teenager" are used as data-collection techniques in this research. This research was conducted with four hundred and twenty pupils studying from seventh to tenth grades. The data were analyzed descriptively and categorized using the seven scales SPSS 23.0. The results showed that 57.6% of pupils were experiencing severe learning anxiety. On the other hand, students were generally demonstrating a healthy mental and emotional state ($40,87 \pm 17,68$), but the learning anxiety level and physical health state represents above the average results. The highest learning anxiety level was experienced by seventh grade students; nevertheless, high school students showed relatively lower score of a learning anxiety. This case can be explained by the fact that the seventh-grade students has just entered secondary school (in the PRC, children study in primary, middle and high schools) and are currently facing the difficulties of adapting to the new environment and establishing a new interpersonal relationship. A positive correlation was found between schoolchildren' anxiety level and their emotional indicators as neuroticism or emotional instability. Meanwhile, learning anxiety and extraversion indicators demonstrated a negative correlation ($p < 0,01$). Suggestions for school psychologists and teachers on the prevention of anxiety in children are proposed.

Key words: school pupils, learning anxiety level, mental health, China, school psychologist.

Чжоу Ми*, А.К. Мынбаева

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.
*e-mail: mizou0723@mail.ru

**Қытайдағы мектеп оқушыларының мазасыздануы
және психикалық денсаулығын талдау
(Ішкі Монғолия Автономиялық ауданындағы мектептер мысалында)**

Мақалада Қытай Халық Республикасының Ішкі Монғолия автономиялық ауданындағы мектеп оқушыларының психикалық, денсаулығын зерттеу тәжірибесі жайлы жазылған. Зерттеу мақсаты – әртүрлі сыныптардағы мектеп оқушыларының оқу мазасыздану көрсеткіштерін зерттеу және салыстыру, мектеп оқушыларының оқу мәселелері мен тұлғалық ерекшеліктері арасындағы байланысты зерттеу болды. Зерттеу әдістері ретінде екі әдіс қолданылды – психикалық денсаулық тести МНТ (Mental Health Test) және «Жасөспірім тұлғасының кіші бестігі» жасөспірім сауалнамасы. Жүргізілген зерттеуде 7, 8, 9-сыныптан 420 оқушы қатысты, алынған деректер SPSS 23.0 арқылы талданды. Зерттеулердің нәтижесінде мектеп оқушыларының 57,6%-ында оқуға деген қатты мазасыздық сезімі байқалды. Сонымен қатар, мектеп оқушыларының жалпы психологиялық денсаулығы сау, жақсы болғанымен ($40,87 \pm 17,68$), білім алу процесіндегі мазасыздық көрсеткіштері және физикалық белгілер – айтылған екі фактор нормадан жоғары көрсеткіштер көрсетті. Ең жоғары оқу мазасыздық деңгейі 7-сынып оқушыларында байқалды, жоғары 8-9-сыныптарда көрсеткіштер төмен болды. Бұл жағдайды 7-сынып оқушылары орта мектеп табалдырығын енді аттағаны (КХР-да балалар бастауыш, орта және жоғары сыныптарда оқиды), сонымен қатар, қазіргі уақытта жаңа әлеуметтік-коғамдық ортаға бейімделу және жана әлеуметтік қатынастардың құрылу мәселесімен бетпе-бет келуімен түсіндіруге болады. Зерттеу барысында мектеп оқушыларының оқу процесіндегі мазасыздық сезімі мен олардың эмоционалдық көрсеткіштері – невротизм немесе эмоционалдық тұрақсыздық арасында оң корреляция байқалды. Дегенмен, мектеп оқушыларының оқудағы мазасыздық деңгейі мен экстраверсия көрсеткіштері арасында теріс корреляция анықталды ($p < 0,01$). Мектеп психологтары мен мұғалімдеріне балалардың мазасыздануының алдын алу бойынша ұсыныстар ұсынылады.

Түйін сөздер: мектеп оқушылары, оқу процесіндегі мазасыздық, деңгейі, психикалық денсаулық, Қытай, мектеп психологі.

Введение

С 70-х годов XX века Всемирная организация здравоохранения активно рассматривает вопросы психического здоровья детей. С 2019 года пандемия COVID-19 стала серьезным вызовом для системы здравоохранения и образования в мире. Переболевшие COVID-19 помимо оказанного влияния болезни на физическое здоровье индивида, указывают на симптомы изменения психических процессов, влияние болезни на память, когнитивную деятельность, нарушение сна, симптомы стресса, тревожности.

В эпоху, когда академическая успеваемость является важным показателем для оценки школьников, учебная тревожность стала одной из наиболее заметных психологических проблем школьников, а также важным вопросом, требующим решения в школьном образовании в области психического здоровья. Известно, что динамика учебной тревожности может меняться. В подростковом возрасте она может усиливаться. Так, школьники в Китае готовятся к националь-

ным вступительным экзаменам – National College Entrance Examination (NCEE), в этот период учащиеся уделяют все больше внимания учебе, поэтому склонны испытывать еще большую учебную тревогу.

С 80-х годов XX века в Китае постепенно создается и расширяется система школьных психологических кабинетов, задача которых – сохранение психического здоровья детей, профилактика проблем и просвещение детей в области психического здоровья. С 2000-х годов в Китае помимо того, что продолжается адаптация зарубежных методик, разрабатываются собственные психологические тесты по оценке психического здоровья детей. Например, Китайская шкала психического здоровья учащихся средних школ (MSSMHS) разработана профессором Ван Цзиншэном; шкала удовлетворенности жизнью для младших школьников (Life Satisfaction – LS, 2006) предложена Цзинь Сяомяо из Чжэцзянского нормального университета; Шкала измерения общего академического «Я» подростков (2011) подготовлена авторами Го Чэн, Чжао Сяоюнь и Чжан Дацзюнь; и др.

В данной статье рассмотрим тест ментального здоровья (Mental Health Test), его подшкалу по учебной тревожности. Учебная тревожность – это эмоциональная реакция школьников, беспокойство о конкретных результатах обучения, которые реально или ожидаются представляют угрозу для их самооценки и чувства собственной значимости в процессе обучения (Cheng Junling, 1998). Чрезмерная учебная тревожность может вызвать такие психологические реакции, как перепады настроения, когнитивные дисфункции и снижение самооценки, мешая учебному процессу и влияя на академическую успеваемость, и даже может привести к развитию учебного выгорания, нарушая физическое и психическое развитие студентов (Wang Xiyong, 2000). Чрезмерный учебный стресс является одной из основных причин психологических отклонений и расстройств у школьников. Согласно результатам исследований, средний уровень тревожности у китайских школьников выше, чем у студентов университетов, и выше, чем у американских школьников, за тот же период. 63,2% школьников имеют сильную учебную тревожность (Liu Henrong&etc., 2014); 29,8% китайских школьников имеют симптомы тревожности. Тревожность оказывает значительное негативное влияние на физическое и психическое здоровье школьников и на их успеваемость (Ding Shurong, 1996).

Психически здоровый школьник имеет следующие характеристики: 1) нормальное интеллектуальное развитие; 2) эмоциональная стабильность и умеренные реакции; 3) соответствующие возрасту психологические и поведенческие характеристики; 4) психологическая адаптация к межличностным отношениям, способность взаимодействовать с другими, принимать себя и идентифицировать себя с другими; 5) стабильная и физически здоровая личность, демонстрирующая здоровый психический настрой, объективное и позитивное самосознание, поведение в соответствии с социальными и моральными нормами, способность умеренно переносить различные стрессы и нагрузки (Song Zean, 2019).

Цель исследования

Цель исследования – диагностика и сравнение показателей учебной тревожности у школьников разных классов; выявление гендерных различий в учебной тревожности; изучение взаимосвязи между учебной тревожностью и качествами личности школьников. Анализ состояния учебной тревожности китайских школьников позволит предложить рекомендации для профилактики и

снижения чрезмерной учебной тревожности учащихся, содействовать здоровому физическому и психологическому развитию детей.

Дизайн исследования

Данные выборки исследования

Школа в автономном районе Внутренняя Монголия (Китай) была выбрана случайным образом. В исследовании приняли участие три класса 7, 8 и 9-го года обучения (первый, второй и третий курсы средней школы), в общей сложности – 420 школьников. Школьники в Китае обучаются в начальной (6 лет), средней (+3 года) и старшей школах. При обработке полученных данных по проверочной шкале лжи опросника 40 испытуемых набрали сверхвысокие баллы (>7). Согласно инструкции по обработке данных, это свидетельствует о том, что 40 школьников были неискренни в ответах, и поэтому их тестовые анкеты исключаются из анализа. В результате скрининга было получено 380 валидных анкет, коэффициент валидности составил 90%. Таким образом, количество школьников, принявших участие в исследовании, составило 132 в 7 классе (1 курс средней школы), 133 – в 8 классе (2 курс средней школы) и 115 – в 9 классе (3 курс средней школы). Числовые характеристики демографических данных можно увидеть в таблице 1, они показывают распределение респондентов данного опроса. Среднее значение отражает тенденцию изменения концентрации. Стандартное отклонение отражает колебания.

Рисунок 1 – Автономный район Внутренней Монголии Китая (карта с сайта <https://ykitai.com/2013/08/22/inner-mongolia-marathon/>, граница автономного района обведена зеленым цветом)

Результаты частотного анализа отдельных переменных показывают, что распределение соответствует требованиям выборочного исследования (таблица 1). Среди

гендерных результатов доля мальчиков составляет 51,3%, а доля девочек – 48,7%. Видно, что гендерное распределение в данном опросе равномерное.

Таблица 1 – Частотный анализ демографических данных

Частотный анализ демографических переменных					
Переменная	Опции	Частота	Процент	Средний	Стад. отклонение
Уровень класса	7	132	34.7	7.96	0.81
	8	133	35		
	9	115	30.3		
Пол	Мальчики	195	51,3	0.49	0.5
	Девочки	185	48.7		
	Всего	380	100		

Методы исследования

Тест диагностики психического здоровья МНТ (Mental Health Test), который был адаптирован Чжоу Бучэном, известным китайским психометриком и профессором кафедры психологии Восточно-Китайского нормального университета, и другими на основе GAT (Gestalt Tendency Diagnostic Test), разработанного Киёси Судзуки в Японии. Тест был включен в систему психологической оценки школьников (Zhou Bicheng, 1991).

МНТ состоит из девяти субшкал, восемь из которых являются содержательными шкалами, включая учебную тревожность, тревожность в отношении людей, одиночество, склонность к самообвинению, склонность к аллергии, физические симптомы, фобии и импульсивность. Каждая субшкала в опроснике содержит по 10-15 вопросов. Общий балл по 8 субшкалам указывает на общую тенденцию тревожности индивида, а балл по каждой субшкале указывает на психологический статус индивида в конкретном измерении тревожности (от учебной тревожности до импульсивности). Существует также шкала валидности, которая используется для проверки того, искренне ли участник ответил на вопросы теста. Исключая пункты шкалы валидности, баллы по всем оставшимся пунктам опросника суммируются и дают общий уровень тревожности человека, а результаты по восьми субшкалам содержания позволяют диагностировать, какой аспект тревожности является более проблемным для человека (Hu Anyang, 2016).

В опроснике используются вопросы с двумя вариантами ответов – с оценкой “1”, если они отвечают “да”, и “0”, если они отвечают “нет”. Общий балл 0-55 по шкале МНТ указывает на нормальное психологическое состояние; общий балл 56-64 указывает на то, что у испытуемого могут быть общие психологические проблемы и он требует внимания; общий балл 65 и выше указывает на то, что у испытуемого могут быть серьезные психологические проблемы и он требует дальнейшего обследования у специалиста. Если шкала валидности больше 7, то это указывает на то, что испытуемый либо ответил неискренне, либо утаил информацию о своем состоянии и достоверность ответов анкеты невысока. Фактически тогда для данного респондента можно заново провести диагностику, а данные ответы считать недействительными (Wen Yanping, 2000). Коэффициент альфа-Кронбаха для субшкалы учебной тревожности в данном исследовании составил 0,807.

Подростковый опросник «Малая пятерка личности подростка», разработанный Хуэй Чжоу и др. и пересмотренный Хун Цзоу и др. на основе зарубежного опросника «Большая пятерка факторов личности». Опросник в основном используется для измерения личностных особенностей китайских подростков и включает пять измерений – экстраверсии, соглашательства, осторожности, открытости и эмоциональности. Тест состоит из 50 вопросов; используется 5-балльная шкала – от «совсем не нравится» до «очень нравится», с оценками от 1 до 5 соответственно (Zhou, Hui, 2000). В данном ис-

следовании детально рассматривалась шкала эмоциональности, что эквивалентно субшкале невротизма в шкале личности Big Five.

После применения тестов полученные данные были обработаны при помощи SPSS 23.0, проведен расчет описательной статистики, корреляционный анализ Пирсона данной выборки.

Результаты

Анализ общего психического здоровья школьников

Большинство школьников в выборке данного исследования имели хорошее психическое здоровье, при этом 77,4% – «квазинормальное»,

14,9% – «проблемное» и 7,9% – высокую степень тревожности психического здоровья (таблица 2). Общий балл МНТ школьников варьировался от 23,19 до 58,55 и наблюдались значительные различия в психическом здоровье школьников.

Анализ положительных характеристик по субшкалам МНТ

Обычно испытуемых, набравших более 8 баллов по каждой субшкале МНТ, считают обладателями позитивного психического здоровья (Hu Biyang, 2009). Для дальнейшего изучения состояния психического здоровья учащихся данной школы мы провели позитивный скрининг, результаты которого представлены в таблице 3.

Таблица 2 – Общий уровень психического здоровья

Общий уровень психического здоровья (N=380)				
Общее	Нормальный (0-55) (количество человек/ процент)	Пониженный уровень (56-64) (количество человек/процент)	Повышенный уровень (65 и выше) (количество человек / процент)	Общий балл $M \pm SD$
	294 / 77.4	30 / 14.9	30 / 7.9	40.87±17.68

Таблица 3 – Показатели психического здоровья школьников (в разрезе субшкал) (количество человек/процент)

Год обуче- ния	Учебная тревожность	Беспо- койство о людях	Тенденция к одиночеству	Склонность к самооб- винению	Аллерги- ческая склонность	Физические симптомы	Фобии	Импуль- сивность
7	89/67.4	14/10.6	2/1.5	28/21.2	27/20.5	45/34.1	13/9.8	6/4.5
8	69/51.9	8/6.0	2/1.5	28/21.1	19/20.3	29/21.8	9/6.8	8/6.0
9	61/53.0	2/1.7	1/0.9	19/16.5	14/12.2	19/16.5	0/0.0	5/4.3
Общие данные	219/57.6	24/6.3	5/1.3	75/19.7	60/15.8	93/24.5	22/5.8	19/5.0

Анализ результатов

1. Большая доля школьников имела положительные результаты по факторам “учебная тревожность” и “физические симптомы”. Как видно из таблицы 3, доля школьников 7 класса (первый курс средней школы), получивших положительные результаты в оценке субшкал/фактора “учебная тревожность”, была намного выше, чем по другим субшкалам, что говорит о том, что доля учащихся с разной степенью учебной тревожности была очень высока. У таких школьников есть страх перед экзаменами, они не могут быть внимательными в классе, часто волнуются о том, что им будут задавать вопросы, они боятся экзаменов и плохо могут

справляться с тревожностью. Кроме того, у большей части учащихся наблюдались значительные физические симптомы, часто включающие беспокойство, ненормальное сердцебиение, потерю аппетита, боль в животе или бессонницу, когда наступала тревога. 16,5% учащихся 9 класса имели значительные положительные признаки по субшкале “Физические симптомы”, что ниже, чем в 7 и 8 классах. Это говорит о том, что учащиеся 9-го класса в основном настроены позитивно и не испытывают явных физических симптомов без причины, но небольшое количество учащихся все же достаточно обеспокоены своим физическим состоянием.

2. Доля школьников со значительными положительными характеристиками по субшкалам “склонность к самообвинению” и “склонность к аллергии” была не низкой, а общий средний балл был немного выше. Этот показатель ниже по сравнению с 7 и 8 классами, что говорит о том, что большинство учащихся 9-го класса спокойно относятся к неудачам и что большинство из них имеют умеренный уровень склонности к аллергии и в целом не слишком чувствительны к повседневным проблемам.

3. По субшкалам/факторам “беспокойство о людях”, “тенденция к одиночеству”, “фобии” и

“импульсивность” зафиксирована низкая доля школьников со значительными положительными результатами. Это указывает на то, что лишь немногие из детей испытывают трудности во взаимодействии или чувствуют себя крайне одинокими, и в целом они способны справляться с повседневными задачами.

Различия между классами по показателю учебной тревожности школьников

Показатели детей 7, 8, 9 классов по субшкале «учебная тревожность» представлены в таблице 4. Как видим, наиболее высокие показатели наблюдаются у детей 7 класса.

Таблица 4 – Различия между классами в учебной тревожности у китайских школьников

Год обучения (класс)	7 класс, M±SD	8 класс, M±SD	9 класс, M±SD	Общий показатель, M±SD
Учебная тревожность	9.43±3.56	8.42±3.39	8.49±3.78	8.79±3.60

В целом, наблюдается учебная тревожность выше нормы у школьников всех трех протестированных МНТ параллелей классов. Это говорит о том, что школьники испытывают страх перед экзаменами и многие из них иногда сомневаются в своих силах. Дети обеспокоены своими экзаменационными оценками и им сложно спокойно учиться. Такая ситуация объясняется тем, что на момент проведения диагностики в школах проводились экзамены, и результаты экзаменов часто используются в качестве основы для оценки успехов учеников и школ. Общественное мнение, высокие ожидания родителей и дисциплина заставляют школьников чрезмерно беспокоиться о своей успеваемости. Тем не менее, учебная

тревожность наиболее сильна в 7-м классе, в то время как среднее психологическое состояние 8-го класса ближе всего к здоровому, а 9-й класс немного более тревожен, чем 8-й, из-за таких факторов, как давление в связи с необходимостью поступления в высшее учебное заведение.

Гендерные различия в учебной тревожности среди китайских школьников

В данном исследовании был проведен независимый выборочный t-тест на статус учебной тревожности китайских школьников в зависимости от пола, результаты которого представлены в таблице 5. Существуют значительные различия в статусе учебной тревожности учащихся мужского и женского пола.

Таблица 5 – Гендерные различия в учебной тревожности среди китайских школьников

Категории	Пол		t	Sig
	M. (M±SD)	Ж. (M±SD)		
Учебная тревожность	8.05±3.850	9.75±3.134	-4.235	0.001
Общ.	36.74±17.62	45.22±16.72	-4.806	0.386

Девочки набрали больше баллов, чем мальчики, по общей шкале МНТ, но статистической значимости между общими баллами обнаружено не было. Девочки набрали значительно больше баллов, чем мальчики, по субшкале “учебной тревожности” ($p<0,01$), и их показатели психи-

ческого здоровья были значительно ниже, чем у мальчиков. Это может быть связано с некоторыми различиями в физиологическом развитии мальчиков и девочек: девочки на этом этапе чаще испытывают растерянность, расстройство и страх, и чаще испытывают психологический и

физический дискомфорт при преодолении тревожных событий, связанных с обучением.

Взаимосвязь между учебной тревожностью и личностными характеристиками у школьников

Для анализа взаимосвязи между учебной тревожностью школьников и измерениями качеств личности по опроснику «Малая пятерка личности подростка» была использована корреляция Пирсона, результаты представлены в таблице 6.

Таблица 6 – Взаимосвязь между учебной тревожностью и личностными характеристиками у школьников

Характеристики	Экстраверсия	Соглашательство	Сознательность	Открытость	Нейротизм
Учебная тревожность	-0.165**	-0.045	0.014	-0.062	0.464**

**Корреляция значима на уровне 0,01 (2-tailed).

Результаты корреляционного анализа в таблице 6 показывают, что существует положительная корреляция между учебной тревожностью школьников и их эмоциональными показателями – нейротизмом или эмоциональной неустойчивостью на 99% уровне значимости. На 99% уровне значимости была обнаружена отрицательная корреляция между учебной тревожностью школьников и измерением экстраверсии.

Обсуждение

Характеристика учебной тревожности китайских школьников

Результаты анализа данных показывают, что 57,6% китайских школьников находятся в состоянии сильной учебной тревоги: разница в учебной тревоге между классами не существенна. Что касается частоты выявления сильной учебной тревожности у школьников, то такие результаты согласуются с результатами многих исследований, в которых также использовался тест МНТ. В исследовании, проведенном в десяти школах, Лу Йинг и др. показали, что самым высоким показателем выявления психологических проблем также была учебная тревожность – 57,67% (Lu Ying, 2021). Результаты исследования, проведенного Чжан Ганем и др. в одной из школ провинции Сычуань, показали, что самым высоким показателем выявления психологических проблем была учебная тревожность – 46,8% (Zhang Zheng, 2014). В исследовании, проведенном Цю Вэй и др. в одной из школ города Жунчэн, самым высоким показателем выявления психологических проблем также была учебная тревожность – 51,28% (Qiu Wei &etc., 2018). В данном исследовании было обнаружено, что

существуют различия в МНТ между разными классами, причем в старших классах показатели были ниже, чем в младших, что говорит о том, что общее психологическое состояние школьников старших двух классов было лучше. Незначительная разница есть между 7 и 9 классами, что может быть связано с тем, что учащиеся 7 класса только что поступили в среднюю школу и в настоящее время сталкиваются с проблемой адаптации к окружающей среде и приспособления к новым межличностным отношениям.

Гендерные различия в учебной тревожности китайских школьников

Между полами наблюдались различия в общих баллах по МНТ и учебной тревожности, причем мальчики набрали значительно меньше баллов, чем девочки, что означает, что общее психологическое самочувствие мальчиков было лучше, чем у девочек. Схожие результаты были получены в исследовании Ван Миньюэ (Wang Mingyue, 2022). Возможная причина такого результата: девочки эмоционально более чувствительны, на них больше влияют их социально-экономический статус и традиции, что заставляет их придавать большое значение успеваемости и различным оценкам. Полученные результаты позволяют предположить, что школьным психологам и учителям следует обратить внимание на гендерную дифференциацию при планировании мер для снижения чрезмерной учебной тревожности у школьников.

Взаимосвязь между учебной тревожностью и личностью у китайских школьников

Результаты исследования показывают, что школьники, обладающие высокой экстраверсией, имеют более низкий уровень учебной тревожности. Как известно, экстраверты общительны и импульсивны, остроумны, более оптимистичны,

им нравится взаимодействовать с другими людьми. Школьники, набравшие высокие баллы по показателю невротизма, имели более высокий уровень тревожности, часто чрезмерно эмоционально реагировали и с трудом возвращались к нормальному уровню после эмоционального возбуждения. Они также более склонны к тревоге, беспокойству, депрессии и нервозности; они чаще реагируют на эмоциональные подъемы и спады, имеют более сильные эмоциональные реакции, чем обычно, независимо от силы или слабости стимула, и могут даже действовать иррационально, а на их логическое мышление, рациональные суждения и связи знаний влияют их эмоции (Li Zito, Zhang Ye, 2016). Это говорит о том, что эмоциональность является важным фактором, влияющим на учебную тревожность школьников, и что в эпоху растущей социальной конкуренции и оценки школьников на основе академической успеваемости как основного показателя проблемы с психическим здоровьем у школьников, связанные с обучением, растут. Некоторые исследования показали, что люди с высокой тревожностью имеют больше негативных когнитивных предубеждений, чем люди с низкой тревожностью (Liu Henrong&etc., 2013), и что это может повлиять на их будущее развитие, поэтому важно принять необходимые меры интервенции в период сильной учебной тревожности.

Заключение

В заключение предложим ряд рекомендаций для школьных психологов, учителей по сохранению психического здоровья и профилактике учебной тревожности учащихся:

- Следует уделять больше внимание развитию подростков, а не сосредотачивать много внимания на их оценках. В этом могут помочь активные и интерактивные методы обучения, стимулирующие интерес к знаниям, процессу обучения и развитию мотивации ребенка.

- Необходимо психологическое просвещение подростков и школьников для понимания собственной психологии, соблюдения психогигиены и профилактики психического здоровья.

- Следует развивать самооценку и уверенность в себе у школьников в ходе консультирования для уменьшения и профилактики тревожности.

- Рекомендуется обучать подростков правильному отношению к экзаменам и владению рядом экзаменационных стратегий, например, повышать осведомленность о значении экзаменов, времени проведения экзаменов и использовании экзаменационных стратегий.

- В сложных случаях школьники могут воспользоваться «горячей линией», психологическим консультированием для снятия напряжения. Школьные психологи и учителя могут беседовать с молодыми людьми, диагностировать их настроение, научить их эффективно контролировать свои эмоции, разумно заявлять о своих эмоциях, чтобы снять тревожное состояние.

- Следует научить школьников правильно распределять время для обучения и отдыха, выполнения домашних заданий, общественных и личных дел. Тренинги по тайм-менеджменту и релаксации могут помочь детям саморегуляции и совладающему поведению в сложных ситуациях экзаменационного стресса, подготовки к экзаменам, тестам.

References

- Cheng Junling (1998) A Review of Research on Learning Anxiety. *Educational Theory and Practice*, no 18(4), pp. 49-52. (in Chinese)
- Ding Shurong, Wang Tiankui (1996) A study on the anxiety status of school children and the factors influencing them, Chinese. *Public Health*, no 09. (in Chinese)
- Hu Anyang, Wang Qiran (2016) A study on the psychological health of junior high school students and its correlation with teacher-student relationship. *Educational Measurement and Evaluation*, 2016, vol. 04, pp. 36-41. (in Chinese)
- Hu Biyang (2009) Survey on the mental health status of first-year students in amateur sports schools in Changsha and analysis of the influencing factors. *Educational Measurement and Evaluation*, no 05(007). (in Chinese)
- Li Zito, Zhang Ye (2016) Effects of Academic Emotions on Academic Achievement. *Science Chinese*, vol. 30. (in Chinese)
- Liu Henrong, Zhang Ming, Quan Xin (2013) Differences in attentional bias towards emotional information among individuals with different levels of test anxiety. *Chinese Special Education*, vol. 4, pp. 85-89. (in Chinese)
- Liu Henrong, Zheng Hong, Sun Miao Miao (2014) The relationship between learning anxiety and academic achievement and psychological well-being in school children. *Educational Psychology*, no 03(004). (in Chinese)
- Lu Ying, Yu Lu, Lin Bo (2021) Survey and analysis of school children's mental health status after the epidemic. *Psychological Monthly*, vol.14. (in Chinese)

- Qiu Wei, Peng Wei, Yan Zhao Feng (2018) Analysis of mental health test of school children in a school in Rongcheng City. *China Health Industry*, vol. 22. (in Chinese)
- Song Zean (2019). A study on the current situation of mental health and personality of school children and related influencing factors. *Hebei Medical University*, no 03. (in Chinese)
- Wang Mingyue (2022) A study on the psychological health of schoolchildren: the case of a school in Shanghai. *New Curriculum Research*, no 03. (in Chinese)
- Wang Xiyong (2000) Learning anxiety and its complications in school children. *Youth Studies*, vol. 02. (in Chinese)
- Wen Yanping (2020) A survey of school children's mental health based on MHT – an example of W school in Dongguan City. *Mental Health Education in Primary and Secondary Schools*, no 63, pp. 54-59. (in Chinese)
- Zhang Zheng, Zhou Xueyan (2014) A study on the current situation of mental health of primary and secondary school children in Deyang City, Sichuan Province. *Neurological Disorders and Mental Health*, vol. 5. (in Chinese)
- Zhou Bucheng (1991) Handbook of Mental Health Diagnostic Test (MHT). Shanghai: *East China Normal University Press*. (in Chinese)
- Zhou, Hui, Niu, Lili, Zou, Hong (2000) Development of a five-factor personality questionnaire for school children. *Psychological Development and Education*, vol. 16(1), pp. 49-55. (in Chinese)

А.Б. Султанов , **К.Р. Кажимова**

Западно-Казахстанский университет имени Махамбета Утемисова, Казахстан, г. Уральск

*e-mail: artursultanov@hotmail.com

О ПРОБЛЕМЕ АУТОАГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПСИХОАНАЛИЗЕ

Статья посвящена обзору и обсуждению психоаналитических теорий формирования феноменов аутоаггрессивного, и, в особенности, суициального поведения. За первыми наблюдениями Фрейда за самообъективацией при меланхолической депрессии последовал вклад теоретиков объектных отношений и селф-психологии, подчеркивающих в первую очередь роль нарциссической ярости иego-уязвимости. Помимо вышеуказанных теорий в статье анализируются также взгляды М. Кляйн, О. Кернберга, Х. Розенфельда. Особенностью данной работы является то, что в ней освещаются и малоизвестные в отечественной психологии концепции формирования аутоаггрессивного, а именно, суициального поведения, например теория ментализации П. Фонаги, влияние семейной динамики, роль стыда и колебаний самооценки. Особое внимание уделено рассмотрению вопросов возникновения и развития аутоаггрессивных и, в частности, суициальных тенденций. Выделено различие между реактивным суицидом и хронической суициальной озабоченностью. В завершающей части статьи приводятся актуальные данные эмпирической проверки некоторых описанных концепций. На основе изученного материала авторы предлагают обобщенные выводы, которые помогут лучше понять и структурировать доступные сведения по этому вопросу, а также обосновать дальнейшее изучение проблемы аутоаггрессивного поведения.

Ключевые слова: аутоаггрессивное поведение, суицид, психоанализ, теория объектных отношений, селф-психология.

A.B. Sultanov*, K.R. Kazhimova

Makhambet Utemisov West Kazakhstan University, Kazakhstan, Oral

*e-mail: artursultanov@hotmail.com

On the problem of autoaggressive behavior in psychoanalysis

The article is devoted to a review and discussion of psychoanalytic theories of the formation of autoaggressive and especially suicidal behavior phenomena. Freud's first observations of self-objectification in melancholic depression were followed by contributions from object relations theorists and self psychology, emphasizing primarily the role of narcissistic rage and ego-vulnerability. In addition to the above theories, the paper also analyzes the views of M. Klein, O. Kernberg, and H. Rosenfeld. The peculiarity of this work is that it covers little-known in Kazakhstani psychology concepts of autoaggressive, namely suicidal behavior formation, such as P. Fonagy's theory of mentalization, influence of family dynamics, role of shame and self-esteem fluctuations. Particular attention is paid to the consideration of the emergence and development of and, in particular, suicidal tendencies. The distinction between reactive suicide and chronic suicidal preoccupation is highlighted. In the final part of the article, the actual data of empirical testing of some of the concepts described are presented. On the basis of the studied material, the author offers generalized conclusions that will help to better understand and structure the available information on this issue, as well as justify further study of the problem of autoaggressive behavior.

Key words: autoaggressive behavior, suicide, psychoanalysis, object relations theory, self psychology.

A.B. Султанов*, К.Р. Кажимова

Махамбет Өтемісов атындағы Батыс Қазақстан университеті, Қазақстан, Орал қ.

*e-mail: artursultanov@hotmail.com

Психоанализдегі аутоаггрессивті мінез-құлық мәселесі туралы

Мақала аутоаггрессивті, әсіреле суицидтік мінез-құлық құбылыстарының қалыптасуының психоаналитикалық теорияларын қарастыруға және талқылауға арналған. Фрейдтің меланхоликтік депрессиядағы өзін-өзі объектілеуді бірінші байқауы, ең алдымен нарцисстік ашулану мен

эго осалдықтың рөлін баса көрсете отырып, объектілік қатынастар жөнінде теоретиктер мен өзіндік психологияның үлесі болды. Мақалада жоғарыда аталған теориялардан басқа М. Клейн, О. Кернберг, Х. Розенфельд көзқарастары да талданады. Бұл жұмыстың ерекшелігі қазақстандық психологияда аутоагрессивті, атап айтқанда, суицидтік мінез-құлықтың қалыптасуы туралы аз белгілі концепцияларды, мысалы, П. Фонагидің ментализация теориясын, отбасылық динамиканың әсері, бағалаудың ауытқуы, ұят пен өзін-өзі ұстау рөлін дәріптейді. Аутоагрессивті және, атап айтқанда, суицидтік тенденциялардың пайда болуы мен дамуы мәселелеріне ерекше назар аударылады. Реактивті суицид пен созымалы суицидтік әрекет арасында айырмашылық бар. Мақаланың қорытынды бөлімінде сипатталған кейір үғымдарды әмпирикалық текстерудің нақты деректері көлтірілген. Зерттелген материалдың негізінде автор осы мәселе бойынша қолда бар ақпаратты жақсы түсінуге және құрылымдаға көмектесетін, сондай-ақ аутоагрессивті мінез-құлық мәселесін одан әрі зерттеуді негіздеуге көмектесетін жалпылама қорытындыларды ұсынады.

Түйін сөздер: аутоагрессивті мінез-құлық, суицид, психоанализ, объектілік қатынастар теориясы, селф психология.

Введение

Аутоагрессия остается не до конца изученным феноменом, привлекающим внимание специалистов самого разного профиля (психологов, педагогов, психиатров, социологов). Чаще всего под аутоагрессивным поведением понимают действия суициального и самоповреждающего характера. Эта проблема является по-настоящему межгосударственной. Как сообщает ВОЗ: «Суицид остается одной из основных причин смерти во всем мире. Ежегодно в результате самоубийств умирает больше людей, чем от ВИЧ, малярии и рака груди, или в результате военных действий и убийств. В 2019 г. в результате самоубийства ушло из жизни более 700 000 человек, т.е. одна из каждого 100 смертей – самоубийство», «Среди основных причин смерти молодых людей в возрасте 15-29 лет самоубийство занимает четвертое место после дорожно-транспортных происшествий, туберкулеза и межличностного насилия» (ВОЗ, 2021). Казахстан здесь не является исключением: по данным ВОЗ, Казахстан занимает третье место в мире по количеству самоубийств и лидирующее среди стран Центральной Азии. Только за первые три месяца 2021 года 834 казахстанца совершили самоубийство. В связи с этим, превенция различных форм аутоагрессивного поведения продолжает быть одной из важнейших задач общества.

Разумеется, для того, чтобы эффективно заниматься профилактикой аутоагрессивного поведения, необходимо понять, почему одни люди более склонны к аутоагрессии, чем другие, почему одни люди прибегают к суициду, а другие нет. Пытаясь ответить на эти вопросы, теоретики и исследователи предложили множество концепций и моделей. Одной из первых и одной из

самых распространенных, без сомнения, является психоаналитическая модель.

Основная часть

Понимание аутоагрессивного поведения, в частности самоубийства, хотя и несколько поверхностное было целью психоанализа с самого его зарождения. Уже в 1910 г. Венское психоаналитическое общество провело конференцию для обсуждения проблемы суицида, на котором Адлер, Садгер, Штекель и сам Фрейд обсудили свои взгляды по этому вопросу. Встреча закончилась безрезультатно, в своём заключительном слове Фрейд предположил, что создание психоаналитической теории аутоагрессивного поведения возможно только после дальнейшего накопления данных (Freidman, 1967).

Спустя семь лет Фрейд опубликовал работу «Печаль и меланхолия», в которой он сформулировал развитие меланхолической депрессии и суициального поведения. В основе этой статьи лежат клинические данные самого ученого. Фрейд отмечает, что если прислушиваться к многочисленным и разнообразным по содержанию идеям самообвинения меланхолика, то нельзя в конце концов не прийти к мнению, что часто самые резкие из них едва ли применимы к самому больному, но с некоторыми изменениями подходят к кому-то другому, кому-то, кого пациент любит или должен любить. В итоге Фрейд заключает, что «самоупреки – это упреки любимому объекту, которые были перенесены с него на собственное Я» (Фрейд, 2015: 27). Подобная трактовка остается актуальной и в настоящее время.

Важно отметить также, что Фрейд признавал парадокс феномена аутоагрессивного поведения.

Он писал, что любовь Эго к себе настолько велика и безмерна, что согласие Эго на собственное саморазрушение невообразимо (Фрейд, 2015: 31). Связывая аутоагрессию и меланхолию, Фрейд пытался разрешить этот парадокс, объясняя самоубийство наличием нарциссической идентификацией с потерянным и амбивалентно любимым и ненавидимым объектом. Суицидальный человек склонен к нарциссическому выбору объекта и склонен к амбивалентности по отношению к тем, кого он любит. Иначе говоря, он склонен одновременно испытывать любовь и ненависть к своим объектам и колебаться между этими чувствами без какого-либо решения. Огромную роль в динамике меланхолии и, следовательно, аутоагрессии играет утрата. Утрата объекта многократно усиливает амбивалентность, а враждебная сторона любви и ненависти действует как эмоциональный блок, препятствуя способности отказываться от попыток взаимодействовать с этим объектом, скорбеть и начинать отношения с новыми объектами. Следовательно, меланхолически настроенный человек, вероятно, регрессирует от объектной связи с утраченным объектом к идентификации с объектом. Объект становится частью Эго, и садизм, испытываемый по отношению к объекту, обращает против самости: «тень объекта падает на Я» (Фрейд, 2015: 29). Со структурно-функциональной точки зрения Суперэго использует всю имеющуюся садистскую энергию для подпитки самоуничтожения (Фрейд, 2019: 112). Эти садистические атаки Супер-эго доводят Эго до возникновения приступов аутоагрессии вплоть до самоубийства.

В опубликованной в 1923 году статье «Я и Оно» Фрейд выдвигает еще одну формулировку аутоагрессии, а именно, что Суперэго лишает Эго либидозного катексиса, и Эго, чувствуя себя покинутым своими защитными силами, «сдается и умирает». Обе эти формулировки объясняют аутоагрессию как результат нападения на самого себя, в отличие от самоубийства из-за отказа любви к себе.

В свою очередь, американский психоаналитик К. Меннингер продолжил более позднюю разработку Фрейда – инстинкта смерти и попытался объяснить аутоагрессию с этой позиции. Согласно его теории физическое и психическое здоровье зависит от слияния инстинктов жизни и смерти. Слияние обеспечивает сбалансированное состояние нейтрализации инстинктов жизни и смерти (Меннингер, 2000: 224). В то время как разная степень диффузии инстинктов проявля-

ется в различных формах физических и психических заболеваний, суицид здесь представляет собой наиболее крайнее проявление инстинкта смерти и диффузии инстинктов. Он считал, что самоубийство является следствие сочетания трех желаний: желания убить, желания быть убитым и желания умереть.

1. Желание убить включает в себя желание атаковать, уничтожить или отомстить другому. Эти желания не нейтрализуются положительными чувствами по отношению к другому.

2. Желание быть убитым связано с мазохистскими тенденциями и включает желание испытать боль и страдание, а также стремление подчиниться деструктивной атаке со стороны другого. Эти тенденции также включают в себя желание искупить вину страданием и самонаказанием.

3. Желание умереть включает в себя страстное желание умереть, своеобразную «тоску по смерти», которая порождает озабоченность сущностью смерти и умирания.

После вклада Фрейда следующее значительное развитие в психоаналитическом изучении аутоагрессивного поведения произошло благодаря работе Мелани Кляйн, которую можно назвать первым теоретиком «объектных отношений». Ее понимание аутоагрессии вытекало из ее различия между «параноидально-шизоидной» и «депрессивной» позициями (Klein, 1946: 102). Параноидально-шизоидная позиция характеризуется тенденцией проецировать ненависть на объект, придавая ему в сознании проецирующего ребенка окраску преследования и всемогущества. Это провоцирует разрушительную тревогу (страх самораспада и утраты самоощущения), а также страх потери хорошего объекта из-за деструктивности плохого объекта. Человек склонен нападать на плохой объект, чтобы защитить себя от уничтожения или чтобы защитить хороший объект. В некоторых случаях (например, при ипохондрии или дисморрофобии) плохой объект проецируется на собственное тело. В таком случае нападение на тело означает нападение на местонахождение плохого объекта.

В депрессивной позиции, где мы сталкиваемся с повышенной способностью к интегративному восприятию объекта и себя, Эго переживает хорошие и плохие объекты как центрированные в одном и том же объекте. Это приводит к депрессивной тревоге; возникает страх потери объекта и возникает чувство вины за садистские фантазии и желания по отношению к объекту.

Чувство вины требует возмещения ущерба и попыток устраниТЬ реальные или воображаемые последствия агрессивных фантазий. Однако в более патологических случаях чувство вины может привести к ощущениям плохости и убеждению в том, что они разрушительны по отношению к другим людям в целом и к хорошему объекту в частности. За этим может последовать возникновение аутоагрессивных тенденций вплоть до самоубийства как попытки очистить мир и предотвратить его разрушение.

Дальнейшие научные изыскания по вопросу возникновения аутоагрессивного поведения были связаны с изучением связи аутоагрессии и нарциссизма. Первоначально считалось, что любая психическая операция, вовлеченная в поддержание целостности Я, его непрерывности или в поддержание позитивной аффективной окраски Я, считается нарциссической. Однако такое понимание термина несколько отличается от того, как его использовали некоторые последователи Мелани Кляйн.

Утверждение Кляйн (Klein, 1957) о том, что ранняя примитивная зависть представляет собой злокачественную и тяжелую форму врожденной агрессии (производная от инстинкта смерти), послужило основой для связи аутоагрессии с нарциссизмом. Розенфельд расширил значение термина «нарциссизм», развив эту идею и включив в нее деструктивные и агрессивные элементы. Розенфельд (Rosenfeld, 1971: 172) считал, что нарциссическая структура характера является защитой от зависти и зависимости, поскольку зависимость от объекта, признанного хорошим, непременно вызывает зависть. По его мнению, нарциссизм включает в себя как либидозный, так и деструктивный аспекты – деструктивный заключается в идеализации всемогущей и деструктивной части Я, которые часто остаются разделенными. Однако в состояниях преобладания деструктивности, по наблюдениям Розенфельда, зависть более жестока и связана с желанием уничтожить объекты, от которых зависит человек, например отца, а также уничтожить или навредить самому себе, то есть собственно му прогрессу, успеху и отношениям. Розенфельд отметил, что «некоторые из этих людей становятся суициальными и желание умереть, кануть в небытие, выражается совершенно открыто, а смерть идеализируется как решение всех проблем» (Rosenfeld, 1971: 173). Это состояние, которое напоминает фрейдовское описание инстинкта смерти, возникает из деструктивных, завистливых частей Я.

Важное значение для последующих теоретических исследований самоубийства имеют замечания Розенфельда как о деструктивном аспекте самоубийства, так и об идеализированном представлении о смерти.

Под влиянием Кляйн и Розенфельда Отто Кернберг утверждал, что в самоубийстве выражается крайняя форма ненависти. «Я отождествляется с ненавистным объектом, и самоуничтожение выглядит единственным способом уничтожить и объект» (Кернберг, 2018: 23). Он использовал термин «злоказчественный нарциссизм» для обозначения тяжелой степени дисфункции Суперэго, которая характеризуется антисоциальным поведением, эгосинтонным садизмом и параноидальной ориентацией. У этих лиц наблюдается хроническая суициальная озабоченность, которая может усиливаться, когда они чувствуют положительные личностные изменения, например в процессе психотерапии (т.е. имеет место негативная терапевтическая реакция) (Kernberg, 2001: 199).

Представляя другой взгляд на аутоагрессию, Левин (Lewin, 1950) и Мальтсбергер (Maltsberger, 1997: 288) предположили, что самоубийство может служить отступлением к архаичному грандиозному Я или патологическому грандиозному Я. Другими словами, мысль и акт самоубийства могут относиться к идеализированному состоянию Я и фактически служить для повышения самооценки. В подтверждение этому можно сказать, что многие люди убивают себя, чтобы избежать страданий этого мира в полной уверенности, что они перейдут в лучшую жизнь. Очевидно, что эта фантазия является грандиозной.

Далее следует сказать несколько слов о реактивном суициде и о хронической суициальной озабоченности.

Суициальный срыв часто представляет собой последнюю и отчаянную попытку разрушающегося Эго по спасению себя. В таких состояниях происходит отказ от объектных привязанностей, их место занимают всемогущие нарциссические фантазии, и в игру вступают примитивные операции злобной зависти и деструктивности, когда обезумевшее Я пытается утвердить свой контроль над всем миром (Maltsberger, 2004: 657).

Хроническая суициальная озабоченность (в отличие от добросовестных попыток самоубийства) зачастую ставит своей целью помочь сохранить самооценку человека, чувство собственного достоинства, автономию и внутрен-

ний контроль. Это даже может быть полезно для сохранения чувства связи с другими людьми и дать ощущение того, что стоит оставаться в живых. Левин и Шульц (Lewin, Shultz, 1992) утверждают, что хроническая суициdalная озабоченность дает определенное чувство автономии, контроля и грандиозное чувство победы; она закрывает чувство пустоты и потери, отменяет чувство беспомощности или портит терапевтический прогресс. Ротштейн (Rothstein, 1980) предположил, что у некоторых людей идея самоубийства может представлять собой иллюзию превращения пассивного унижения в активное владение собой, они будто бы берут свою жизнь под контроль. Другие авторы отмечают, что осознание возможности покончить с жизнью может оказывать организующее и структурирующее воздействие, иногда делая жизнь пригодной для жизни и даже приятной (Lewin, 1992: 19; Gabbard, 2003: 254).

Значимый вклад в изучение вопроса аутоагрессивного поведения внес Хайнц Кохут и разработанная им селф-психология. И хотя Кохут не уделял особого внимания аутоагрессии, он написал небольшую статью, в которой связал стыд, зависть, эго-идеалы и нарциссический гнев с самоубийством (Кохут, 2003: 118). Это незначительное на тот момент замечание оказалось большое влияние на более поздние теоретические концепции и подходы к коррекции аутоагрессивного поведения. В частности, Кохут писал: «За этим состоянием стыда и зависти в конечном итоге могут последовать саморазрушающие импульсы. При этом их следует понимать не как нападки Суперэго на Эго, а как попытки страдающего Эго покончить с самим собой, чтобы уничтожить обидную, разочаровывающую реальность неудачи. Другими словами, саморазрушительные импульсы здесь следует понимать не как аналог суициdalных импульсов депрессивного пациента, а как выражение нарциссического гнева» (Кохут, 2003: 181).

Кохут считал, что люди, которым для поддержания самооценки необходим абсолютный контроль над своим окружением, зависят от доступности зеркального, восхищающего их Я-объекта. Лишенные его, они склонны к наиболее интенсивным переживаниям стыда и жестоким формам нарциссического гнева (Kohut, 1972: 378).

На основе теории селф-психологии было предложено несколько новых теорий для объяснения аутоагрессивного поведения, рассматривающих дополнительные состояния самости,

такие как опасность, нарциссическое истощение и уязвимость, как возможные факторы, способствующие формированию аутоагрессивных тенденций (Reiser, 1992: 236)

Последние исследования суициdalного и самоповреждающего поведения указывают на определенные особенности личности, которые могут привести к аутоагрессии. Подобная модель уязвимости предполагает, что определенные психологические черты и дефициты предрасполагают к аутоагрессии. Такая теоретическая модель предполагает более интегративный подход к пониманию динамики аутоагрессивных состояний и учитывает более сложные взаимоотношения между несколькими возможными факторами, способствующими аутоагрессии, включая особенности развития, психодинамику и внутренний субъективный опыт человека.

Помимо самонаправленной агрессии и экстренных операций по укреплению рушащейся самооценки, исследования уязвимости обращают внимание на недостатки в самоорганизации, которые предрасполагают людей к структурным «переломам». Немецкий психоаналитик Х. Хенсeler обратился к роли нарциссической уязвимости и нарушенной регуляции самооценки (Henseler, 1974). Аутоагрессия, и в особенности суицид, по его мнению, является крайней формой реакции на оскорбление чувства собственного достоинства (Henseler, 1981: 121). Отходя от работы Фрейда «Скорбь и меланхолия» и центральной роли депрессии в формировании аутоагрессивных тенденций, он предполагает, что аутоагрессивный индивид отказывается от своей индивидуальности, сливаюсь с диффузным первичным объектом, чтобы обрести безопасность. Другими словами, при аутоагрессии человек действует, чтобы сохранить самоощущение или самооценку.

Д. Бьюи и Д. Мальтсбергер определили два аспекта суициdalной уязвимости: потерю психологического «Я» через психическую дезинтеграцию и подавляющее негативное самоосуждение. Они заметили, что суициdalные люди уязвимы как перед невыносимым опытом одиночества, так и перед глубоким чувством никчесности и вины (Buie and Maltsberger, 1989).

В свою очередь Смит (Smith, 1985: 490) считает, что существует ряд характеристик, определяющих «уязвимую личность». Он перечисляет высокие требования к себе, тенденцию к подавлению негативных эмоций, двойственное отношение к смерти, неумение переживать потери и лишения, склонность к формированию за-

висимых отношений, пассивность и ведомость. Другие характеристики, описанные Смитом, включают когнитивную ригидность, задержку полового развития и чрезмерное внимание к внешнему виду или интеллектуальным способностям. Чтобы компенсировать эту уязвимость, человек разрабатывает «мечту всей жизни», чтобы попытаться структурировать свою жизнь. Разочарования и потери могут разрушить мечту. При отсутствии способности переживать потери и сдерживать нереалистичные устремления может произойти суицидальный срыв.

Возвращаясь к роли стыда и эго-идеала в формировании аутоагрессивных тенденций, важно отметить еще несколько концепций. Так, Мелвин Лански утверждает, что стыд является наиболее значимым аффектом у суицидальных лиц, при этом другие эмоциональные переживания, связанные с самоубийством, такие как гипотимия, вина, гнев, он считает вторичными по отношению, к стыду, в побуждении к аутоагрессии (Lansky, 1991: 233). Стыд – это чувство, связанное с неспособностью жить в соответствии с идеалами или достичь важных стремлений и целей. Стыд в этом смысле возникает из-за беспомощности справиться с внутренними или внешними проблемами, а иногда и с теми, и с другими (Bibring, 1953: 40). Стыд может быть даже неотличим от беспомощности. Здесь следует отметить, что стыд часто ассоциируется в первую очередь с экгибиционизмом и честолюбивыми стремлениями, не связанными с эго-идеалом (Kohut, 1972: 364). Лански также связывал стыд с потерей или невозможностью значимой связи (Lansky, 1991: 236). Стыд может быть вызван как фактическим отвержением со стороны других, так и внутренними характерологическими тенденциями к дистанцированию и отстранению.

Недостижимые и несовместимые эго-идеалы являются основными причинами стыда, а также связаны с уязвимостью к аутоагрессии. Развитие эго-идеала необходимо для регулирования самооценки. Непоследовательные и неконгруэнтные деформации в системе эго-идеалов могут сделать невозможным приближение Я к тому, что от него требуют. Осознание того, что требования эго-идеала недостижимы, может вызвать приступы самокритики и самобичевания и подтолкнуть человека к аутоагрессивному поведению, в том числе к самоубийству.

Еще одной интересной теорией в изучении причин аутоагрессивного поведения является теория ментализации. Ментализация, согласно

П. Фонаги (Fonagy, 1999: 59), относится к способности понимать поведение, мысли и чувства по отношению к себе и другим с точки зрения намерений и желаний. Он предположил, что подобные способности не развиты у суицидальных нарциссических пациентов. Они не могут думать и размышлять вне непосредственного опыта и не могут использовать агрессию в качестве защитного щита от подавляющих мыслей и чувств. Более того, у них нарушена также способность понимать последствия своих агрессивных и саморазрушительных действий (Fonagy, 1993: 481).

Ряд психоаналитиков изучали влияние семейных отношений на формирование аутоагрессивных, в том числе суицидальных тенденций. Роберт Феффер (Pfeffer, 1981: 157) предположил, что конфликтующие родители могут проецировать ответственность за свои проблемы на своего ребенка, который, в свою очередь, начинает идентифицировать себя с ощущением своей «плохости» и отсутствием разрешения родительского конфликта. Самоубийство у таких детей представляет собой попытку разрешить конфликт и избежать чувства «плохости». Саббат (Sabbath, 1969) описал семьи, которые прямо или косвенно внушают ребенку, что его существование нежелательно, в этом случае может произойти самоубийство, потому что ребенку, ставшему изгоем, кажется, что родители хотят именно этого. Джон Ричман (Richman, 1978: 143) описал слабые границы, запутанность и конфликтные сообщения о независимости в семьях подростков, склонных к аутоагрессии. Такие семьи поощряют независимость, но в тоже время стремятся к симбиотическим привязанностям. Самоубийства в таких обстоятельствах отражает стремление к симбиозу и бегство от него одновременно (Richman, 1980: 6).

Еще одно описание семейной динамики аутоагрессивных детей и подростков предложил Фишман (Fischman, 1988), который связал аутоагрессию с крайне поляризованными, отдаленными отношениями в сочетании с привязанностью к родителям, порождающей чувство замешательства. В связи с этим он выделял две категории семей: «идеальные семьи», которые запрещают проявление слабости и таким образом порождают чувство стыда, и эмоционально дистанцированные семьи, порождающие чувство отверженности.

Помимо вышеописанных теорий, разные психоаналитики предлагали свои, пусть и менее разработанные, концепции аутоагрессив-

ного поведения. Оргел (Orgel, 1974: 535) предположил, что идентификация с ролью жертвы прокладывает путь к самоубийству. Подобная идентификация может функционировать как способ закрепления идентичности, способ поддержания идеализации объекта. Это может быть идентификация как с агрессором, так и с жертвой, а также проявление страха и избегание импульсов возмездия. Сингер (Singer, 1977: 477) заметил, что суицидальные попытки у пограничных и нарциссических лиц помогают им сохранить себя и избежать переживание пустоты. Роберт Литман (Litman, 1970: 300) описал суицидальное поведение как отыгрывание автономного эго-состояния, заключающего в себе определенный суицидальный потенциал: озабоченность суицидом, планирование, интегративная функция суицида, эмоциональная регулирующая функция суицида, а также вклад фантазий, желаний, воспоминаний и отождествление с этим состоянием Эго. В свою очередь Дональд Кэмпбелл (Campbell, 1995: 318) подчеркивал наличие защитного эффекта идентификации с хорошим отцом – это усиливает проверку реальности и защищает человека от примитивных регressiveных влечений к слиянию с примитивным образом матери в раннем детстве. А аутоагgression, в том числе и самоубийство, по мнению Кэмпбелла, часто представляется для людей страстным желанием уснуть навечно в объятьях первородной матери.

Что касается эмпирической проверки вышезложенных концепций, то здесь следует отметить, что большинство психоаналитических концепций трудно поддаются операционализации. Тем не менее, некоторые из предположений были подвернуты эмпирической проверке. Ниже рассмотрим ряд исследований, подтверждающих, что определенные психодинамические явления действительно связаны с самоубийством.

В поперечных исследованиях (Horesh et al., 1997) было выявлено, что гнев связан с повышенным риском аутоагgression, при этом в лонгитюдном исследовании (Goldney et al., 1997) подобной корреляции не наблюдалось. Это говорит о том, что такие чувства являются специфической характеристикой аутоагgressive состояния, а не личности в целом.

Кристофер Реклитис с коллегами (Reklitis, 1992) обнаружил, что у лиц, совершивших суицид, значительно чаще используется механизм защиты обращения против себя, чем у лиц с суицидальными мыслями или лиц без суицидаль-

ных мыслей. Гнев, направленный против себя, был отмечен среди лиц, совершивших суицидальную попытку (Kaslow et al. 2000: 780).

Связь между аутоагgressивными тенденциями и стыдом была подтверждена Лестером (Lester, 1998) у лиц, склонных к суициду, и Хендином (Hendin, Maltsberger, Lipschitz, 2001) у лиц, совершивших суицид.

Надин Каслов и ее коллеги (Kaslow et al. 2000) выявили, что у лиц, совершивших самоубийство, как правило более примитивные объектные отношения, т.е. менее сложные объектные представления, более негативный аффективный тон, связанный с объектными отношениями, и чрезмерно простое понимание социальной причинности. Каслов также обнаружила более низкий уровень сепарации-индивидуации у лиц, склонных к аутоагgressiveному поведению. Гуннар Куллгрен (Kullgren, 1988: 42), в свою очередь, подтвердил, что у склонных к аутоагgression лиц преобладают проективные идентификации и повторение отвергающих отношений, он также отметил, что суицидальные люди склонны вызывать больше негативных эмоций со стороны окружающих, что повышает риск самоубийства.

Серия исследований, проведенных Орбахом и его коллегами, показали, что люди, пытавшиеся покончить с собой, негативно воспринимают свое тело. У депрессивных суицидентов было значительно больше негативного отношения к своему телу по сравнению с депрессивными лицами без суицидальных тенденций и нормальными людьми. Суицидальные люди также показали значительно большее расхождение между идеальным и реальным восприятием тела (Orbach et al., 1995: 220). У суицидальных индивидов наблюдалось снижение заботы о своем теле, о чем свидетельствовали негативные чувства по отношению к своему телу: негативные образы тела, меньшая защита тела и наличие дискомфорта при физическом прикосновении (Orbach and Mikulincer, 1998: 437).

Кроме этого, ряд исследований выявил корреляцию между представлениями о желательности смерти с суицидальными наклонностями (Orbach et al., 1983, 1984, 1985, 1993). Готельф и др. (Gothelf, 1997) сообщили о более высоком уровне озабоченности смертью у суицидальных лиц.

Гипотеза «нежелательного ребенка», выдвинутая Саббатом (Sabbath, 1969), была подтверждена в исследовании Возница и Шапиро (Woznica, Shapiro, 1990). Суицидальные подростки ощущают себя обузой, нежелательными

и ненужными, но ответственными за проблемы других.

Заключение

Хотя аутоагрессия долгое время оставалась относительно неизученным в психоаналитических исследованиях, уже сейчас можно выделить несколько основных теоретических направлений. Акцент на роли атакующего в противовес защитному Суперэго, а также на экономии либидо позволяет предположить, что депрессия играет центральную роль в возникновении аутоагрессивных тенденций. Эта позиция постепенно дополнилась растущим осознанием роли нарциссизма. Нарциссическая ярость и нарциссическая уязвимость у суицидально уязвимых людей сейчас находятся в центре внимания. Интеграция теории селф-психологии с наблюдени-

ем за саморазрушением, стыдом и деформацией эго-идеального развития предполагает несколько возможных путей, ведущих как к острому суицидальному коллапсу, так и к хронической суицидальной озабоченности. Несмотря на трудности, связанные с эмпирическим измерением и валидацией психоаналитических конструктов, значительное количество эмпирических исследований подтверждает некоторые из основных и фундаментальных предположений. Этим объясняется вновь возросший интерес психоаналитических направлений психологии к проблеме аутоагрессивного поведения. Изложенные в статье теории и концепции могут стать почвой для создания системы раннего выявления лиц, склонных к аутоагрессивному поведению, с их последующим включением в программы психо-профилактики на уровне образовательных организаций.

Литература

- Bibring E. The mechanism of depression. In P. Greenacre, ed. *Affective Disorders*. – New York: New York Universities Press. – 1953. - P. 13–48.
- Buie D. and Maltsberger J.T. The psychological vulnerability to suicide. In D. Jacobs and H.N. Brown, eds, *Suicide, Understanding and Responding*. – Madison: International Universities Press. – 1989. - P. 59–72.
- Campbell D. The role of the father in a pre-suicide state // *International Journal of Psychoanalysis*. – 1995. - № 76. – P. 315–323.
- Fishman H.C. *Treating Troubled Adolescents: A Family Therapy Approach*. – New York: Basic Books, 1988.
- Fonagy P. Attachment, the development of the self and its pathology in personality disorders. In J. Derksen, C. Maffei and H. Groen, eds, *Treatment of Personality Disorders*. Kluwer Academic. – New York: Plenum Publisher. - 1999. – P. 53–68.
- Fonagy P. Aggression and the psychological self // *International Journal of Psychoanalysis*. – 1993. - № 74. – P. 471–485.
- Friedman P. ed. *On Suicide, with Particular Reference to Suicide Among Young Students*. – New York: New York International Universities Press, 1967.
- Gabbard G.O. Miscarriages of psychoanalytic treatment with suicidal patients // *International Journal of Psychoanalysis*. – 2003. - № 84. – P. 249–261.
- Goldney R., Winefield A., Saebel J. et al. Anger, suicidal ideation, and attempted suicide: a prospective study // *Comprehensive Psychiatry*. – 1997. - №38. – P. 264–268.
- Gothelf D., Offer R. et al. Suicidal adolescents and ego defense mechanisms // *Journal of American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*. – 1997. - №36. – P. 1520–1527.
- Hendin H., Maltsberger J.T., Lipschitz A. et al. Recognizing and responding to a suicide crisis // *Suicide and Life-Threatening Behaviors*. – 2001. - №31. – P. 115–128.
- Henseler H. *Narzissische Krisen. Zur Psychodynamik des Selbstmordes*. Westdeutscher Verlag, Opladen, Germany, 1974.
- Henseler H. Psychoanalytische Theorien zur Suizidalitaet. In H. Henseler and C. Reimer, eds, *Selbstmordgefardung. Zur Psychodynamik und Psychotherapie*. Frommann-Holzboog. – Stuttgart. – 1981. - P. 113–135.
- Horesh N., Rolnick T., Iancu I. et al. Anger, impulsivity and suicide risk // *Psychotherapy and Psychosomatics*. – 1997. - № 66. – P. 92–96.
- Kaslow N.J., Reviere S.L., Chance S.E. et al. An empirical study of the psychodynamics of suicide // *Journal of the American Psychoanalytic Association*. – 2000. - № 46. – P. 777–795.
- Kernberg O.F. The suicidal risk in severe personality disorders: differential diagnosis and treatment // *Journal of Personality Disorder*. – 2001. - №15. – P. 195–208.
- Klein M. Notes on some schizoid mechanisms // *International Journal of Psychoanalysis*. – 1946. - № 27. – P. 99–110.
- Klein M. *Envy and Gratitude*. Basic Books. – New York, 1957.
- Kohut H. Thoughts on narcissism and narcissistic rage // *The Psychoanalytic Study of the Child*. – 1972. - №27. – P. 360–400.

- Kullgren G. Factors associated with completed suicide in borderline personality disorder // *Journal of Nervous and Mental Disease*. – 1988. - 176. – P. 40–44.
- Lansky M. Shame and the problem of suicide: a family systems perspective // *British Journal of Psychotherapy*. – 1991. - № 7. – P. 230–242.
- Lester D. The association of shame and guilt with suicidality // *The Journal of Social Psychology*. – 1998. - № 138(4). – P. 535–536.
- Lewin B.D. The Psychoanalysis of Elation. – New York: W. W. Norton and Co, 1950.
- Lewin R.A. On chronic suicidality // *Psychiatry*. – 1992. - № 55. – P. 16–27.
- Lewin R.A. and Shultz C. Losing and Fusing. – New York: Published by Aronson, 1992.
- Litman R.E. Suicide as acting out / In E.S. Shneidman, N.L. Farberow and R.E. Litman, eds. // *The Psychology of Suicide*. Jason Aronson Inc. – New York. – 1970. - P. 293–304.
- Maltsberger J.T. Ecstatic suicide // *Archives of Suicide Research*. – 1997. - № 3. – P. 283–301.
- Maltsberger J.T. The descent into suicide // *International Journal of Psychoanalysis*. – 2004. - № 85. – P. 653–668.
- Orbach I., Carlson G., Feshbach S. et al. Attitudes toward life and death in suicidal, normal, and chronically ill children: an extended replication // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. – 1984. - № 52. – P. 1020–1027.
- Orbach I., Feshbach S., Carlson G. et al. Attraction and repulsion by life and death in suicidal and in normal children // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. – 1983. - № 51. – P. 661–670.
- Orbach I., Gross Y., Glaubman H. et al. Children's perception of death in humans and animals as a function of age, anxiety and cognitive ability // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. – 1985. - № 26. – P. 453–463.
- Orbach I., Kedem P., Gorchover O. et al. Fears of death in suicidal and nonsuicidal adolescents // *Journal of Abnormal Psychology*. – 1993. - № 102. – P. 553–558.
- Orbach I., Lotem-Peleg M., Kedem P. Attitude toward the body in suicidal, depressed, and normal adolescents // *Suicide and Life-Threatening Behavior*. – 1995a. - № 25. – P. 211–221.
- Orbach I., Mikulincer M., Stein D. et al. Self-representation of suicidal adolescents // *Journal of Abnormal Psychology*. – 1998. - № 107. – P. 435–439.
- Orgel S. Fusion with the victim and suicide // *International Journal of Psychoanalysis*. – 1974. - № 55. – P. 531–541.
- Pfeffer R.C. Suicidal behavior in children: a review with implications for research and practice // *American Journal of Psychiatry*. - 1981. - № 138. – P. 154–159.
- Recklitis C.J., Noam G.G., Borst S.R. Adolescent suicide and defensive style // *Suicide and Life-Threatening Behavior*. – 1992. - № 22. – P. 375–387.
- Reiser E. Self-psychology and the problem of suicide. In A Goldberg, ed. // *Progress in Self Psychology*. — New York: Guilford Press. – 1992. - Vol. 2. - P. 227–241.
- Richman J. Symbiosis, empathy, suicidal behavior, and the family // *Suicide and Life-Threatening Behavior*. – 1978. - № 3. – P. 39–149.
- Richman J. Suicide and infantile fixations // *Suicide and Life-Threatening Behavior*. – 1980. - № 10. – P. 3–9.
- Rosenfeld H. A clinical approach to the psychoanalytic theory of the life and death instincts: an investigation into the aggressive aspects of narcissism // *International Journal of Psycho-Analysis*. – 1971. - № 52. – P. 169–178.
- Rothstein A. The Narcissistic Pursuit of Perfection. Inc. – New York: International Universities Press, 1980.
- Singer M. The experience of emptiness in narcissistic and borderline states: II the struggle for the sense of self and the potential for suicide // *International Review of Psychoanalysis*. – 1977. - № 4. – P. 471–479.
- Smith K. Suicide assessment // *Bulletin of the Menninger Clinic*. – 1985. - № 49. – P. 489–499.
- World Health Organization One in deaths is by suicide: опубликован 17.06.2021 года. – Текст электронный // Всемирная Организация Здравоохранения: официальный сайт. – URL: <https://www.who.int/news-room/17-06-2021-one-in-100-deaths-is-by-suicide>
- Woznica J.G. and Shapiro J.R. An analysis of adolescent suicide attempts: the expendable child // *Journal of Pediatric Psychology*. - 1990. - № 6. – P. 789–796.
- Кернберг О. Агрессия при расстройствах личности и первверсиях / Пер. с англ. А.Ф. Ускова. – М.: Независимая фирма «Класс», 2018. – 368 с.
- Кохут Х. Анализ самости: Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности. – М.: «Когито-Центр», 2003. – 450 с.
- Менninger K. Война с самим собой / Перевод Ю. Бондарева. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 480 с.
- Страна самоубийц. Казахстан по-прежнему в лидерах по числу суицидов среди населения [Электронный ресурс]. - 2021-
<https://mk-kz.kz/social/2021/09/22/strana-samoubiyc-kazakhstan-poprezhnemu-v-liderakh-po-chislru-suicidov-sredi-naseleniya.html> (дата обращения: 19.05.2022)
- Фрейд З. Семейный роман невротиков: сборник /К.Красник. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 224 с.
- Фрейд З. Я и Оно: [сборник] / Зигмунд Фрейд; [перевод с немецкого А. Анваера]. – М.: Издательство ACT, 2019. – 352 с.

References

- Bibring, E. (1953) The mechanism of depression. In P. Greenacre, ed. *Affective Disorders*. New York: New York Universities Press, pp. 13–48.
- Buie D. and Maltsberger J.T. (1989). The psychological vulnerability to suicide. In D. Jacobs and H.N. Brown, eds, *Suicide, Understanding and Responding*. Madison: International Universities Press, pp. 59–72.
- Campbell D. (1995). The role of the father in a pre-suicide state. *International Journal of Psychoanalysis*, no 76, pp. 315–323.
- Fishman H.C. (1988). *Treating Troubled Adolescents: A Family Therapy Approach*. New York: Basic Books.
- Fonagy P. (1999) Attachment, the development of the self and its pathology in personality disorders. In J. Derksen, C. Maffei and H. Groen, eds, *Treatment of Personality Disorders*. Kluwer Academic. New York: Plenum Publisher, pp. 53–68.
- Fonagy P. (1993) Aggression and the psychological self. *International Journal of Psychoanalysis*, no 74, pp. 471–485.
- Freud S. (2015). Semeynyy roman nevrotikov: sbornik [The Family Romances: collection]. S-Pt.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 224 p. (in Russian)
- Freud S. (2019). Ya i Ono: [sbornik] [The Ego and the Id: collection]. M.: «AST», 352 p. (in Russian)
- Friedman P. ed. (1967) *On Suicide, with Particular Reference to Suicide Among Young Students*. New York: New York International Universities Press.
- Gabbard G.O. (2003). Miscarriages of psychoanalytic treatment with suicidal patients. *International Journal of Psychoanalysis*, no 84, pp. 249–261.
- Goldney R., Winefield A., Saebel J. et al. (1997). Anger, suicidal ideation, and attempted suicide: a prospective study. *Comprehensive Psychiatry*, no 38, pp. 264–268.
- Gothelf D., Offer R. et al. (1997). Suicidal adolescents and ego defense mechanisms. *Journal of American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, no 36, pp. 1520–1527.
- Hendin H., Maltsberger J.T., Lipschitz A. et al. (2001). Recognizing and responding to a suicide crisis. *Suicide and Life-Threatening Behaviors*, no 31, pp. 115–128.
- Henseler H. (1974) *Narzissische Krisen. Zur Psychodynamik des Selbstmordes*. Westdeutcher Verlag, Opladen, Germany.
- Henseler H. (1981). Psychoanalytic Theorien zur Suizidalitaet. In H. Henseler and C. Reimer, eds, *Selbstmordgefardung. Zur Psychodynamik und Psychotherapie*. Frommann-Holzboog, Stuttgart, pp. 113–135.
- Horesh N., Rolnick T., Iancu I. et al. (1997). Anger, impulsivity and suicide risk. *Psychotherapy and Psychosomatics*, no 66, pp. 92–96.
- Kaslow N.J., Reviere S.L., Chance S.E. et al. (2000). An empirical study of the psychodynamics of suicide. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, no 46, pp. 777–795.
- Kernberg O. (2018). *Agressiya pri rasstroystvakh lichnosti i perversiyakh* [Aggression in Personality Disorders and Perversions]. M.: «Klass», 368 p. (in Russian)
- Kernberg O.F. (2001) The suicidal risk in severe personality disorders: differential diagnosis and treatment. *Journal of Personality Disorder*, no 15, pp. 195–208.
- Klein M. (1946). Notes on some schizoid mechanisms. *International Journal of Psychoanalysis*, no 2, pp. 99–110.
- Klein M. (1957). *Envy and Gratitude*. Basic Books. New York.
- Kohut H. (1972). Thoughts on narcissism and narcissistic rage. *The Psychoanalytic Study of the Child*, no 27, pp. 360–400.
- Kohut H. *Analiz samosti: Sistematischeskiy podkhod k lecheniyu nartsissicheskikh narushenii lichnosti*. [The Analysis of the Self: A Systematic Approach to the Psychoanalytic Treatment of Narcissistic Personality Disorders]. M.: «Cogito-Center», 2003, 450 p. (in Russian)
- Kullgren G. (1988). Factors associated with completed suicide in borderline personality disorder. *Journal of Nervous and Mental Disease*, no 176, pp. 40–44
- Lansky M. (1991). Shame and the problem of suicide: a family systems perspective. *British Journal of Psychotherapy*, no 7, pp. 230–242.
- Lester D. (1998). The association of shame and guilt with suicidality. *The Journal of Social Psychology*, no 138(4), pp. 535–536.
- Lewin B.D. (1950). *The Psychoanalysis of Elation*. New York: W. W. Norton and Co.
- Lewin R.A. (1992). On chronic suicidality. *Psychiatry*, no 55, pp. 16–27.
- Lewin R.A. and Shultz C. (1992). *Losing and Fusing*. New York: Aronson.
- Litman R.E. (1970). Suicide as acting out / In E.S. Shneidman, N.L. Farberow and R.E. Litman, eds. *The Psychology of Suicide*. Jason Aronson Inc. New York, pp. 293–304.
- Maltsberger J.T. (1997) Ecstatic suicide. *Archives of Suicide Research*, no 3, pp. 283–301.
- Maltsberger J.T. (2004). The descent into suicide. *International Journal of Psychoanalysis*, no 85, pp. 653–668.
- Menninger K. (2000). *Voyna s samim soboy* [Man Against Himself]. M.: EKSMO-Press, 480 p. [in Russian]

- Orbach I., Carlson G., Feshbach S. et al. (1984). Attitudes toward life and death in suicidal, normal, and chronically ill children: an extended replication. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, no 52, pp. 1020–1027.
- Orbach I., Feshbach S., Carlson G. et al. (1983). Attraction and repulsion by life and death in suicidal and in normal children. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, no 51, pp. 661–670.
- Orbach I., Gross Y., Glaubman H. et al. (1985). Children's perception of death in humans and animals as a function of age, anxiety and cognitive ability. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, no 26, pp. 453–463.
- Orbach I., Kedem P., Gorchover O. et al. (1993). Fears of death in suicidal and nonsuicidal adolescents. *Journal of Abnormal Psychology*, no 102, pp. 553–558.
- Orbach I., Lotem-Peleg M., Kedem P. (1995a). Attitude toward the body in suicidal, depressed, and normal adolescents. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, no 25, pp. 211–221.
- Orbach I., Mikulincer M., Stein D. et al. (1998). Self-representation of suicidal adolescents. *Journal of Abnormal Psychology*, no 107, pp. 435–439.
- Orgel S. (1974). Fusion with the victim and suicide. *International Journal of Psychoanalysis*, no 55, pp. 531–541.
- Pfeffer R.C. (1981). Suicidal behavior in children: a review with implications for research and practice. *American Journal of Psychiatry*, no 138, pp. 154–159.
- Recklitis C.J., Noam G.G., Borst S.R. (1992). Adolescent suicide and defensive style. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, no 22, pp. 375–387.
- Reiser E. (1992). Self-psychology and the problem of suicide. In A Goldberg, ed. *Progress in Self Psychology*. New York: Guilford Press, vol. 2, pp. 227–241.
- Richman J. (1978). Symbiosis, empathy, suicidal behavior, and the family. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, no 3, pp. 39–149.
- Richman J. (1980). Suicide and infantile fixations. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, no 10, pp. 3–9.
- Rosenfeld H. (1971). A clinical approach to the psychoanalytic theory of the life and death instincts: an investigation into the aggressive aspects of narcissism. *International Journal of Psycho-Analysis*, no 52, pp. 169–178.
- Rothstein A. (1980). The Narcissistic Pursuit of Perfection. Inc. New York: International Universities Press.
- Singer M. (1977). The experience of emptiness in narcissistic and borderline states: II the struggle for the sense of self and the potential for suicide. *International Review of Psychoanalysis*, no 4, pp. 471–479.
- Smith K. (1985). Suicide assessment. *Bulletin of the Menninger Clinic*, no 49, pp. 489–499.
- Strana samoubiye (2021). Kazahstan po-prezhnemu v liderakh po chislu suicidov sredi naselenija [Jelektronnyj resurs]. [Suicide country. Kazakhstan is still among the leaders in the number of suicides among the population [Electronic resource, 2021]- <https://mk-kz.kz/social/2021/09/22/strana-samoubiye-kazakhstan-poprezhnemu-v-liderakh-po-chislu-suicidov-sredi-naseleniya.html> (data obrashhenija: 19.05.2022)
- World Health Organization One in deaths is by suicide: опубликован 17.06.2021 года. Текст электронный Всемирная Организация Здравоохранения: официальный сайт. URL: <https://www.who.int/news/item/17-06-2021-one-in-100-deaths-is-by-suicide>
- Woznica J.G. and Shapiro J.R. (1990). An analysis of adolescent suicide attempts: the expendable child. *Journal of Pediatric Psychology*, no 6, pp. 789–796.

K.K. Adilbay

Nazarbayev Intellectual school, Nursat 1A, Kazakhstan, Shymkent
e-mail: kassiyet.adilbay@gmail.com

PREFERENCE FOR STEM BY ADOLESCENT GIRLS ACCORDING TO THEIR GEOGRAPHICAL LOCATION

It's critical to achieve gender equality in STEM fields. Women do, however, choose this field less frequently than men. Stereotypes about gender primarily influence this choice. However, we speculate that there may be additional factors at play in this issue, one of which we attempted to investigate in our study—geographical position. This study aims to determine whether girls' perceptions of STEM careers differ between urban and rural areas. In the study, we looked into the career interests and career choices of teenagers from both urban and rural schools. Surveys were used in the study because they were the most efficient way to gather data and cover larger areas. As a result, urban females are more interested in and engaged in STEM fields, and they are less likely to choose fields where women predominate. Additionally, less participation in STEM-related extracurricular activities was seen among both men and women, which suggests that rural schools have fewer STEM resources. We will now have a better understanding of the factors causing the gender gap in STEM fields, which has a significant impact on education policy and management.

Key words: gender equality, STEM, rural areas, urban areas, high school students, career choices.

К.К. Адилбай

Назарбаев Зияткерлік мектебі, Қазақстан, Шымкент қ.
e-mail: kassiyet.adilbay@gmail.com

Жасөспірім қыздардың географиялық орналасуына байланысты STEAM-ді тандауы

STEM салаларында гендерлік тенденция қол жеткізу өте маңызды. Алайда, әйелдер бұл аймақты ерлерге қарағанда аз тандаиды. Бұл тандауға ең алдымен гендерлік стереотиптер әсер етеді. Бірақ, біз бұл мәселеде қосынша факторлар болуы мүмкін деп ойлаймыз. Біз соның бірін осы зерттеу жұмысында анықтауға тырысып көрдік: географиялық орналасуы. Бұл зерттеудің мақсаты – қалалық және ауылдық қыздардың STEM карьерасы туралы пікірін анықтау. Зерттеу барысында біз қалалық және ауылдық мектептерден жасөспірімдердің мансаптық қызығушылықтары мен мамандық тандауын зерттедік. Зерттеулерде сауалнама қолданылды, өйткені олар деректерді жинаудың ең тиімді әдісі болды және ұлкен аумақтарды қамтыды. Нәтижесінде, қалалық әйелдер STEM салаларына көбірек қызығушылық танытты әрі олармен айналысады, және олардың әйелдер басым болатын аймақтарды тандау ықтималдығы аз. Сонымен қатар, STEM-ге байланысты сыныптан тыс жұмыстарға аз қатысу ауылдық жерлердегі ерлер мен әйелдер арасында байқалды, бұл ауылдық мектептерде STEM ресурстары аз екенин көрсетеді. Зерттеу нәтижесінде біз STEM саласындағы гендерлік айырмашылықты тудыратын факторлар жайлы ой түйдік. Бұл өз кезегінде білім беру саясаты мен басқаруға айтарлықтай әсер етеді.

Түйін сөздер: гендерлік тенденция, STEM, ауылдық өнір, қалалық өнір, орта мектеп оқушылары, мамандық тандау.

К.К. Адилбай

Назарбаев Интеллектуальная школа химико-биологического направления,
Казахстан, г. Шымкент
e-mail: kassiyet.adilbay@gmail.com

Предпочтение STEM девочками-подростками в зависимости от их географического положения

Крайне важно добиться гендерного равенства в областях STEM. Однако женщины выбирают эту сферу реже, чем мужчины. На этот выбор в первую очередь влияют стереотипы о гендере, но мы предполагаем, что в этом вопросе могут быть задействованы дополнительные факторы. Географическое положение является одним из таких факторов, исследуемых нами в нашей

работе. Это исследование направлено на то, чтобы определить, различается ли восприятие девочками карьеры STEM в городских и сельских районах. В ходе исследования мы изучали профессиональные интересы и выбор профессии подростков как из городских, так и сельских школ. В исследовании использовались опросы, так как они являются наиболее эффективным способом сбора данных и охвата больших территорий. Исследование показало, что городские женщины больше интересуются областями STEM и занимаются ими, и они с меньшей вероятностью выбирают профессии, в которых преобладают женщины. Кроме того, как мужчины, так и женщины меньше участвовали во внеклассных мероприятиях, связанных со STEM, что говорит о том, что в сельских школах меньше ресурсов STEM. Теперь у нас сформировались знания о факторах, вызывающих гендерный разрыв в областях STEM, который оказывает значительное влияние на некоторые решения в области образования.

Ключевые слова: гендерное равенство, STEM, сельские районы, городские районы, старшеклассники, выбор профессии.

Introduction

Science and technology are crucial components of global social and economic advancement. Expert human capital is the key resource for global development (Manassero & Vasquez, 2003). However, gender and socioeconomic considerations have divided and influenced science and technology work throughout history (Inter-American Development Bank, 2010), and women are underrepresented in this field in most nations (Blickenstaff, 2005). Even though the number of women in STEM fields is increasing, women are still outnumbered by men (Hill et al., 2010). According to UNESCO, just 35% of STEM students in higher education are female, and there are gender inequalities within STEM disciplines. For example, barely 3% of female students choose to study technology and communication technologies (ICT) (Bokova, 2017). Gender disparities are especially marked in some of the future's fastest-growing and highest-paying jobs, such as computer science and engineering (Fry et al., 2021). Moreover, less women than males with STEM degrees go on to work in STEM fields or stay in those fields once they graduate (Sassler et al. 2017). In the past, women were frequently discouraged from seeking employment outside the home, especially in professions that were usually viewed as «masculine,» like those in STEM (Robinson and McIlwee, 1991).

In the two largest and most male-dominated STEM fields, computer science and engineering, there have been opposite demographic shifts in the composition of degree holders over time. In the field of computer science, the proportion of women among the holders of an academic degree has significantly decreased, even despite the diversification of the composition of female graduates. In the mid-1980s, women accounted for more than a third of graduates;

in recent years, this proportion has declined. In comparison to the 1980s, women received just 50% of bachelor's degrees in computer science by 2013 (Corbett and Hill, 2015).

Equal access to science is not just a social and ethical need for progress, but it is also a necessity (UNESCO, 1999). Gender discrepancies in ST are a problem because they affect fairness, social justice, and the efficient use of social and private investments in talent, socio-economic development, and competitiveness (Vázquez-Cupeiro, 2015). Giving women equal opportunities to pursue and succeed in STEM occupations helps to narrow the gender wage gap, improve women's economic security, and assure a diverse and competent STEM workforce (Jean et al, 2015). Thus it is important to identify the reasons behind the underrepresentation of women in STEM and to narrow this gap. Moreover, as there is little known about the origins of the gender gap in STEM, we are going to explore this topic more.

Although there are many reasons for the gender gap in STEM education and employment, the goal of this study is to find out whether girls' career decisions are influenced by their geographic location. Because the environment plays a significant role in gender disparity (Alon and DiPrete, 2015), it is critical to investigate how this problem is applied in practice. This study adds to the existing literature by examining the differences and similarities in career choices in rural and urban areas, which may help to explain the gender gap. The paper's second contribution is to explain gender differences in STEM education and career opportunities in a small developing country context governed by important societal and cultural norms and values.

Our study will focus on the career choices of high school students in rural and urban schools due to their geographical locations in Central Asia, particularly Kazakhstan.

The Republic of Kazakhstan, a landlocked nation with 18.2 million people in 2018, is one of the least densely inhabited nations in the world. On the 2017 WEF Global Gender Gap Index, Kazakhstan is ranked 80 out of 144 nations (The World Bank, 2021).

State policy has attempted to give women governmental support since the country gained independence in 1991. Kazakhstan was the first nation in Central Asia to form a national organization to advance gender equality (the National Commission on Women, Family, and Demographic Policy) (UN Women, 2022).

Kazakhstan's urban population is 58.9% of the total population, a considerable increase from 2010. (54.5 percent) (Makhanov, n.d.).

In Kazakhstan, the popular higher educational areas for girls are arts and humanities(71%), pedagogical sciences(70%), natural sciences, mathematics, and statistics(68%). Gender equality of growth is shown in agriculture and bioresources (49.5%), business, management, and law (48%). However, in the minority, girls study in the following areas like technical sciences and technologies (31.6%), ICT (30%), engineering, manufacturing, and construction industries (28.7%) (Forbes Kazakhstan, 2022).

Reasons of gender gap in STEM

Cognitive ability

Some studies have been conducted to investigate the causes of the gender gap in STEM. The first indication is cognitive ability. According to research, while girls achieve higher math grades than boys, boys outperform girls on high-stakes standardized tests (Voyer et al., 2007). However, recent meta-analyses have found that gender differences in math ability on many standardized tests are minor, with small average effect sizes that vary greatly depending on the sample, testing provider, grade level, and year of study. It means that cognitive ability does not affect the gender gap (Hyde et al., 2008).

Environment

A study investigates whether there is a correlation between high school classroom gender composition and students' participation in STEM using data from the Danish register (Brene & Zöllitz, 2020). The findings show that the peer environment at school has an impact on the workplace, the gender wage gap, and fertility. In classrooms with more female peers, fewer women are likely to enroll in and complete STEM programs. The presence of more female peers, on the other hand, increases male

participation in STEM. The findings confirm that women exposed to more female peers have lower earnings, more children, and a lower likelihood of working in STEM fields. According to this data, the gender composition of girls' school classes influences their career choices.

Another explanation for this problem is the peer group theory. Peer support is positively related to female students' motivation in math and science classes during their adolescent years (Leaper et al. 2011). If their «in the group» struggles academically in STEM courses, peer pressure serves as a deterrent. Friends can be influential in approving or disapproving of the adoption of gender-conforming behaviors. Research demonstrates that adolescents may conform to gender-stereotypical behaviors if their peers punish non-conformity and reward conformity (Kessels, 2015), which can reduce the likelihood of young women pursuing STEM fields.

Professional goals are part of the unique self-image that emerges during the socialization process, which lasts from birth to puberty (Gottfredson, 2005). Forming professional goals includes examining how well one's perspective of oneself and that of the profession align. Because the «wrong» gender type of a profession is more important to one's self-esteem than the prestige of the profession or personal interests, the gender image of the profession is especially important in the career selection process. Numerous studies using Gottfredson's theory have found that the gender image of the profession has a significant impact on the process of choosing a job (Bubany and Hansen, 2011).

Biological and sociocultural reasons

To explain the link between gender and cognitive performance, researchers have looked at the possible effects of biology and the environment. Several studies have been conducted to determine whether biological factors such as testosterone exposure and increased brain lateralization are associated with better mathematical reasoning and poorer verbal ability in males, but the results have been inconclusive (Valla & Ceci, 2011). The findings of the sociocultural impact on gender differences in quantitative and verbal reasoning, on the other hand, are more consistent. Parents can shape their children's math expectations and performance by sharing their gender-biased perspectives on how well boys and girls should perform in math (Jacobs & Eccles, 1992). A separate study claims that gender-based misconceptions about math and science may influence how many students choose

to major in STEM fields (Makarova et al., 2001). They have a negative impact on young women's self-identification with STEM academic disciplines, as well as their self-esteem and subject interests. As a result, female students are discouraged from majoring in science and pursuing a science-related career. Furthermore, if there is less association with the masculine image of science, the likelihood of STEM career aspirations increases. It means that sociocultural factors may be one of the reasons why women are less likely to pursue STEM careers.

Additional studies have also confirmed that stereotypes about women's abilities and motivation to pursue STEM careers are harmful. When young women compare themselves to these stereotypes, they feel a disconnect, as if they do not «belong» in STEM fields (Master et al., 2016). Early gendered socialization and stereotypes have an impact on career choices because they reduce confidence, interest, and willingness to participate in STEM fields (Cvencek et al., 2011).

Career choices

Because of gender differences in career interests, women are underrepresented in STEM fields. According to the findings, males prefer working with objects, while females prefer working with others. The size of these gender differences was significant (Su et al., 2009). Men's higher interest in STEM fields and women's higher preference for socially conscious occupations were both associated with significant effect sizes. Altruism may be the driving force behind women's preferences for socially conscious careers because they express a stronger desire than men to help others and advance society (Freund et al., 2012). Many women overlook STEM careers because they are frequently perceived as incompatible with societal objectives (Diekman et al., 2011). Even within STEM fields, women are more likely to choose degrees that emphasize community or are people-oriented. Women, for example, are more likely than men to pursue degrees in environmental and biomedical engineering rather than mechanical or electrical engineering (Ceci and Williams, 2011). This evidence suggests that preferences may outweigh aptitude, even among women who pursue STEM-related careers (Tai et al., 2006).

Materials and Methods

The main objective of the research is to indicate the correspondence between geographical location

and the STEM profession preference of teenage girls. We will be investigating the career choices of teenagers by location, current STEM involvement, and future STEM interest.

We hypothesize that rural girls are more willing to choose traditional female careers than women in urban areas. Additionally, we think that rural students are overall less involved in STEM.

Our study consisted of 2 parts: survey and data analyses.

A survey was named “Survey regarding career choices”. All research participants consented online to participate and signed an online document. Quantitative data was collected through an online survey consisting of questions regarding background information and STEM engagement. The aim was to survey the student body in cities and villages from June 25th to July 1st, 2022. Participants were given unlimited time to complete the survey on a Google Form anonymously.

Online survey was the most suitable tool due to how simple, practical, and economical it is to use as a data collection technique. However, online polls can suffer from two fundamental methodological flaws: it is impossible to accurately identify the population in which they are conducted, and respondents may choose to sample themselves out of bias. A study is only valuable if its findings can be generalized to a large population. Online survey results cannot be generalized and may thus be misleading if the survey population cannot be identified or if the sample is tainted by biased respondents. Thus our study method had some limitations.

The school students provided enough information for proper data analysis. The study did not have restrictions. Survey questions can be found in Table 1. Before analysis, each answer was carefully checked for completeness. Surveys with empty or incomplete responses were not considered.

The survey was distributed among two schools – Comprehensive school №80 and Comprehensive school of Sattar Yerubayev. The former is located in the city of Shymkent with a population of more than 1 000 000, while the latter is based in village Boralday with a population of 2000. Schools have a similar approach to education and a similar student body.

In the data analyses section, to identify the significance we used the statistical tool the two-sample t-test.

Table 1 – This table displays the exact questions asked in the survey.

Demographic questions	Career related questions
What is your year of study?	In what area do you see yourself when you are 30?
How do you identify yourself?	Not considering other factors like financial reward, in what area would you work?
Choose your school	Rate your likeness to be involved in STEM in future
	Rate your interest in STEM
	Rate your involvement in STEM related extracurricular activities

Results and Discussion

A total of 127 responses were collected. The survey consisted of two parts: demographic questions and career-related questions. Answers for the demographic section can be found in Table

2. According to it, the survey involved 66 females and 61 males (Table 2). Also, 50.4% of participants were from a city school, while 49.6% were from a village school (Table 2). 16.5% freshmen, 31.5% sophomore, 35.4% junior and 16.5% seniors participated in study.

Table 2 – Demographic distribution. Distribution of participants (n = 217) across different demographic characteristics, %

Demographic categories	Frequency	Percentage
Gender		
Female	66	52
Male	61	48
Grade level		
Freshman	21	16.5
Sophomore	40	31.5
Junior	45	35.5
Senior	21	16.4
School type name		
Comprehensive school №80 (urban school)	64	50.4
Comprehensive school of Sattar Yerubayev (rural school)	63	49.6

In our study, we found some interesting results. Urban females have significantly more STEM interest ($p < 0.0001$), future STEM involvement ($p = 0.0017$) and STEM extracurricular engagement rate ($p < 0.0001$) than rural women (Figure 1).

We also found that females who study in cities prefer STEM more than those who study in villages. According to Table 3, 27.3% of females from urban schools see STEM as their future working area compared with 6.1% of respondents from rural areas. However, the healthcare and education industries are the most popular for both groups of girls (30.3% and 51.5%) (Table 3.). It can be seen that girls from rural areas chose this

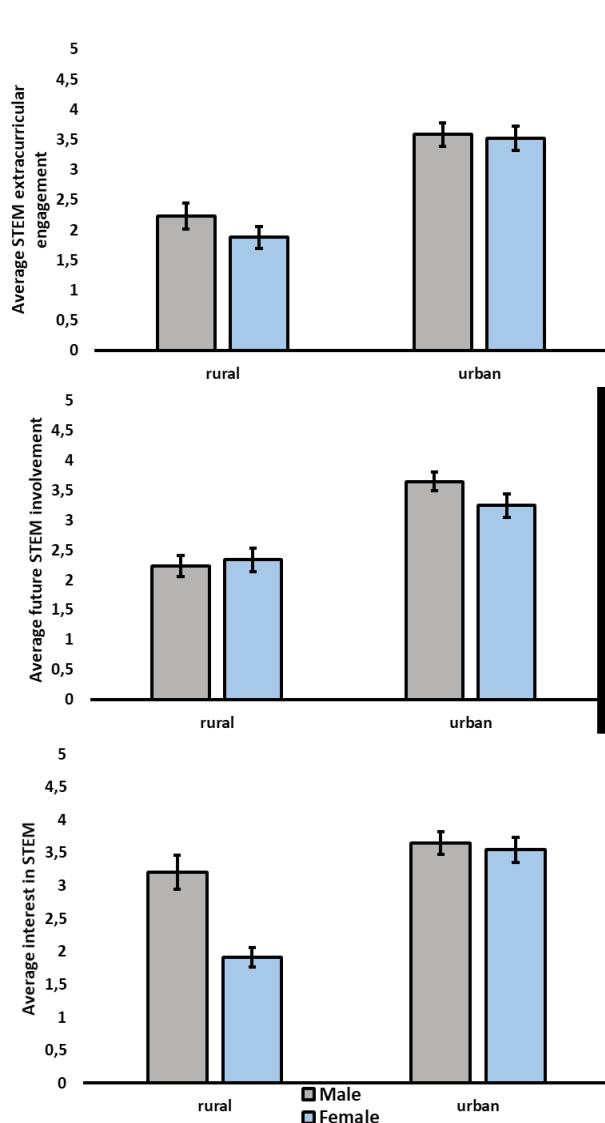
area more compared to peers from urban schools (Table 3).

Additionally, compared with urban respondents, rural respondents, regardless of gender, reported significantly less desire to be involved in STEM in the future ($p < 0.0001$) and involvement in STEM-related extracurriculars ($(p < 0.0001)$ (Figure 1).

The gender gap of preference for STEM is small in both areas, while a significant gap is noticeable only in the interest rate in STEM in rural areas. Girls are reported to have significantly less interest in STEM than men ($p < 0.0001$). However, the STEM interest rate for males from urban and rural areas is about the same ($p = 0.1574$) (Figure 1).

Table 3 – Career choice comparison of rural and urban girls. This comparison was performed through a self-assessment that the participants performed. The percentage corresponds to the amount of participants choosing this area as their future professions.

	Female from urban school	Female from rural school
STEM	27.3%	6.1%
Healthcare and Education	30.3%	51.5%
Agriculture	18.2%	18.2%
Business	18.3%	18.2%
Others	6.1%	6.1%

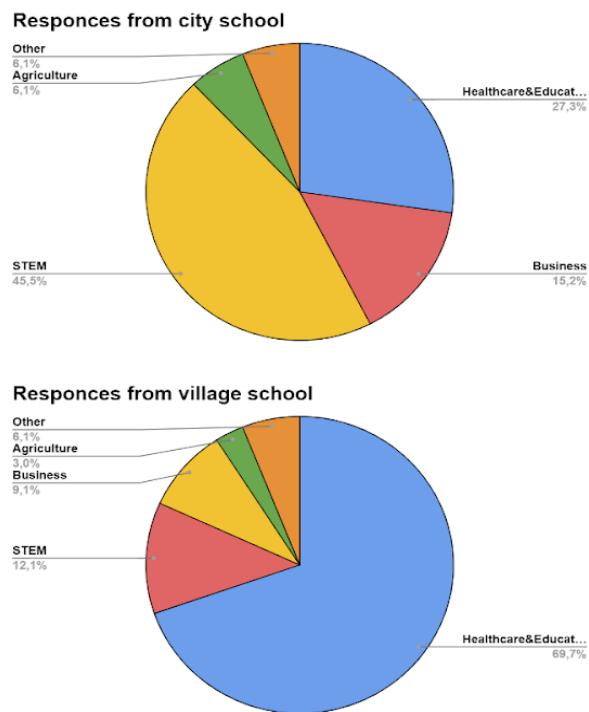

Figure 1 – Gender comparison of STEM involvement rate of urban and rural respondents. The figure compares urban and rural respondents' average interest in STEM, average future STEM involvement, and STEM extracurricular engagement rate. Data were collected through self-reports of participants.

The error bars for the averaged data were presented

Our research investigated teenagers' dream careers regardless of factors like parents' insistence and financial rewards. We found that most rural females dream of careers in healthcare and education (69.7%). Most females from urban schools chose STEM as their dream job (Figure 2).

Results supported the hypothesis that geographical position affects women's preference for STEM. Women are less interested in STEM and see themselves less in the STEM industry than females in urban areas (Figure 1). Also, we witnessed females in rural areas choose traditional women-dominated jobs, such as teacher and healthcare professions (Table 3).

Figure 2 – Dream career choice of females according to their geographical area. Table 2 shows a summarization of the data collected on the dream career of girls. This includes the dream career categories and responses from urban and rural girls

Regarding the question about dream careers, 69.7% of urban females reported they would choose STEM-related professions, while more rural mates chose traditional female-dominated workplaces (Figure 2). We assume that parents' insistence, financial rewards, and stereotypes prevent urban girls from pursuing STEM.

Both genders in rural areas showed a low tendency to get involved in STEM-related professions (Figure 1). We speculate that the main reason men and women in rural areas choose less future STEM involvement is the lack of resources. Kazakhstan currently has a severe problem with rural schools providing education of a lower standard than metropolitan ones (Nurbayev, 2021). It is proven that there is a year of schooling disparity between students in rural and urban areas. This could be the reason for the low STEM extracurricular involvement of both genders in rural schools.

However, rural men were interested in STEM as urban males, while girls did not show this tendency. The stereotypical perception of STEM disciplines could be a reason for this gap.

In conclusion, rural girls prefer STEM less. Further studies should be designed to investigate the reasons for this.

This study addressed the gender inequality issue and helped to understand the reasons for it.

Conclusion

This paper examines the location's impact on the gender gap in STEM, providing evidence about the relationship between rural and urban students' interest for technical professions. The conclusions suggest that girls in rural areas are less interested in them than any other group examined in research. In addition, study reveals the education gap between rural and urban schools. In particular, rural schools offer less opportunities for STEM extracurriculars. Girls in rural areas mostly chose female-dominated professions. Therefore, more studies should be conducted to find more reasons for the gender gap in more areas and studie's results should be considered in educational policies.

References

- Alon S., Di Prete T. A. (2015) Gender differences in the formation of a field of study choice set. *Sociological Science*, no 2, pp. 50.
- Bokova I. (2017) Cracking the Code: Girls' and Women's Education in Science, Technology, Engineering and Mathematics (STEM). unesdoc.unesco.org.
- Clark B. J. (2005) Women and science careers: leaky pipeline or gender filter? *Gender and education*, no 17(4), pp. 369-386.
- Forbes Kazakhstan. (2022) V Kazahstane bol'she poloviny nauchnyh rabotnikov – zhenshhiny. [In Kazakhstan, more than half of researchers are women]. Available at the link: https://forbes.kz/news/2022/03/08/newsid_271154 (In Russian)
- Fry R., Kennedy B., Funk C. (2021) STEM Jobs See Uneven Progress in Increasing Gender, Racial and Ethnic Diversity. *Pew Research Center Science & Society*.
- Hill C., Corbett C., Rose A. St. (2010) Why So Few? Women in Science, Technology, Engineering, and Mathematics, *American Association of University Women*. <https://eric.ed.gov/?id=ED509653>
- Inter-American Development Bank (IDB). (2010) Ciencia, tecnología e innovación en América Latina y el Caribe. https://publications.iadb.org/bitstream/handle/11319/3393/Ciencia_Tecnolog%C3%A9nica_e_Innovaci%C3%B3n_en_Am%C3%A9rica_Latina_y_el_Caribe_Un_compendio_estad%C3%ADstico_de_indicadores%20.pdf?sequence=2
- Jean V. A., Payne S. C., Thompson R. J. (2015) Women in STEM: Family-related challenges and initiatives. In *Gender and the work-family experience*, pp. 291-311.
- Makhanov K. (n.d.). Urban Demographics in Kazakhstan and Economic Significance of Large Cities / ERI. <https://www.eurasian-research.org/publication/urban-demographics-in-kazakhstan-and-economic-significance-of-large-cities/>
- Manassero A., Vázquez A. (2003). Los estudios de género y la enseñanza de las ciencias. *Revista de Educación*, no 330, pp. 251-280.
- Nurbayev Z. (2021). Inequality Between Students of Rural and Urban Schools in Kazakhstan: Causes and Ways to Address It. *Central Asia Program*. <https://centralasiaprogram.org/inequality-students-rural-urban-schools-kazakhstan-ways-address>
- The World Bank. (2021). Overview. *World Bank*. <https://www.worldbank.org/en/country/kazakhstan/overview>
- UN Women. (2022). Kazakhstan | UN Women – Europe and Central Asia. <https://eca.unwomen.org/en/where-we-are/kazakhstan>

- United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization [UNESCO]. (1999). Declaration on Science and the use of scientific knowledge. http://www.unesco.org/science/wcs/esp/declaracion_s.html
- Vázquez-Cupeiro S. (2015). Ciencia, estereotipos y género: una revisión de los marcos explicativos. *Convergencia: Revista de ciencias sociales*, no 22(68), pp. 177-202.
- Sassler S., Glass J., Levitte Y., Michelmore K. (2017). Meritocracy or gendered workplace? Explaining gender differentials in the transition to first jobs in STEM. *Social Science Research*, no 63, pp. 192-208.
- Robinson J. G., McIlwee J. S. (1991). Men, women, and the culture of engineering. *Sociological quarterly*, no 32(3), pp. 403-421.
- Corbett C., Hill C. (2015). Solving the Equation: The Variables for Women's Success in Engineering and Computing. *American Association of University Women*.

2-бөлім
СОЦИОЛОГИЯ

Раздел 2
СОЦИОЛОГИЯ

Section 2
SOCIOLOGY

**Э. Төлеген^{1*} , Т.А. Морозова¹ , Т.С. Мартыненко² **

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

²Московский государственный университет имени М В. Ломоносова, Россия, г. Москва

*e-mail: ms.magistr@list.ru

ФАЛЬСЕОИНТЕРАКЦИЯ ПОДРОСТКОВ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

В статье проводится научный анализ термина «фальсеоинтеракция». Фальсеоинтеракционное взаимодействие – это особый тип взаимодействия, характеризующийся тем, что оба участника распознают ложь (фальшь, обман) и в то же время принимают эту ложь за правду (или имитируют ее принятие). Основная цель данной статьи – проиллюстрировать взаимосвязь между правдивостью и неправдивостью с помощью взаимодействия фальсеоинтеракции у подростков и определить актуальность данной темы на основе конкретных исследований и научных статей, опубликованных в последние годы.

Одна из задач автора – проанализировать теоретические подходы, обобщенные в ходе социологического анализа предмета, и выяснить, как интерпретируется явление на основе конкретных социологических исследований и научных статей.

В последние годы, помимо проблем прямой речи и коммуникации в информационном обмене, были проведены социологические исследования фальшивости информации, результаты которых были опубликованы в научных статьях. Исходя из этой теории, фальсеоинтеракции можно понимать как процесс взаимопонимания в отношениях между людьми, при котором ложная информация передается и воспринимается, даже если известно, что она ложная. Конечно, существуют субъективные факторы, которые влияют на то, как эти стороны осуществляют ложное взаимодействие.

В исследовании будут применены качественное исследование, анонимное анкетирование, глубинное интервью с классными руководителями 7-9 классов, психологом школы и несколькими родителями. Исследования будут проводиться в 2-х сельских школах и в одной крупной частной школе города Нур-Султан.

Ключевые слова: подростки, фальсеоинтеракция, социальное влияние, ложное взаимодействие, ложь и правда, ложное взаимодействие у подростков.

E. Tolegen¹*, T.A. Morozova¹, T.S. Martynenko²

¹Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

²M. Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

*e-mail: ms.magistr@list.ru

Adolescent falsettointegration as a social problem

This article provides a scientific analysis of the term «falseointeraction». False-interaction is a special type of interaction characterized by the fact that both participants recognize a lie (falsity, deception) and at the same time accept this lie as truth (or imitate its acceptance).

The main purpose of this article is to illustrate the relationship between truthfulness and untruthfulness through the interaction of falsity-interaction in adolescents and to determine the relevance of this topic based on specific studies and research articles published in recent years.

One of the author's tasks is to analyze the theoretical approaches summarized in the sociological analysis of the subject and to find out how the phenomenon is interpreted on the basis of specific socio-logical studies and scientific articles.

In recent years, in addition to problems of direct speech and communication in the information exchange, there have been sociological studies of falsity of information, the results of which have been published in scientific articles. Based on this theory, falsity can be understood as a process of mutual understanding in human relations, in which false information is transmitted and perceived, even if it is known to be false. Of course, there are subjective factors that influence how these parties carry out the false interaction.

The research method will use qualitative research, anonymous questionnaires, in-depth interviews with classroom teachers of grades 7-9, a school psychologist and several parents. Research will be conducted.

Key words: adolescents, false interactions, social influence, complex interaction, lies and truth, complex interaction in adolescents.

Э. Төлеген^{1*}, Т.А. Морозова¹, Т.С. Мартыненко²

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

²М.В. Ломоносов атындағы Мәскеу мемлекеттік университеті, Ресей, Мәскеу қ.

*e-mail: ms.magistr@list.ru

Жасөспірімдердегі фальсөонтеракция әлеуметтік проблема ретінде

Бұл мақалада «фальсөонтеракция» терминіне ғылыми талдау жасалады. Жалған өзара әрекеттесу – бұл екі қатысушы да өтіркті (жалғандық, алдау) танитындығымен және сонымен бірге бұл өтіркті шындық ретінде қабылдайтындығымен (немесе оны қабылдауға еліктейтіндігімен) сипатталатын өзара әрекеттесудің ерекше түрі.

Бұл мақаланың негізгі мақсаты – жасөспірімдердегі жалған өзара әрекеттесу арқылы шындық пен жалғандықтың өзара байланысын суреттеу және соңғы жылдары жарияланған нақты зерттеулер мен ғылыми мақалалар негізінде осы тақырыптың өзектілігін анықтау.

Автордың міндеттерінің бірі – тақырыпты әлеуметтанулық талдау барысында жинақталған теориялық тәсілдерді талдау және нақты әлеуметтанулық зерттеулер мен ғылыми мақалалар негізінде құбылыстың қалай түсіндірілетінін анықтау.

Соңғы жылдары акпарат алмасудағы тікелей сөйлеу және қарым-қатынас проблемаларынан басқа, жалған акпаратқа әлеуметтік зерттеулер жүргізілді, олардың нәтижелері ғылыми мақалаларда жарияланды. Осы теорияға сүйене отырып, жалған акпарат жалған екендігі белгілі болса да, жалған акпарат берілетін және қабылданатын адамдар арасындағы қарым-қатынастағы өзара түсіністік процесі деп түсінуге болады. Әрине, бұл тараптардың жалған өзара әрекеттесуіне әсер ететін субъективті факторлар бар.

Зерттеу әдісінде сапалы зерттеу, анонимді сауламалар, 7-9-сыныптардың сынып жетекшілерімен, мектеп психологиямен, бірнеше ата-аналармен терендетілген сұхбаттар алынады. Зерттеулер Нұр-Сұлтан қаласындағы бір ірі жекеменшік мектепте және екі ауылдық мектепте жүргізіледі.

Түйін сөздер: жасөспірімдер, фальсөонтеракциялар, әлеуметтік әсер, күрделі өзара іс-қимыл, өтірік пен шындық, жасөспірімдердегі күрделі өзара іс-қимыл.

Введение

Одной из актуальных проблем современности является информация, ее обработка и распространение. Очевидно, что любое социальное взаимодействие – это информационная связь, содержащая истину и ложь. Трансформация достоверной информации под влиянием различных субъективных факторов на пути достижения человека приобретает сегодня все большее распространение. Сегодня становится актуальным и необходимым изучение наличия такого явления и его причинно-следственных связей среди подростков.

Цель статьи состоит в том, чтобы разъяснить связь между правдивостью и ложностью информации путем фальсөонтеракции посреди подростков и установить уровень актуальности предоставленной задачи на базе специфических изучений и академических статей, напечатанных в последние годы.

Задачи, поставленные авторами, связаны с определением понятия «фальсөонтеракция», определением того, насколько оно распространяется

нено среди подростков и почему. Кроме того, в ходе социологического анализа необходимо проанализировать обобщенные теоретические подходы и на основе специальных социологических исследований, а также научных статей определить, как трактуется данное явление.

Методологическая основа исследования включает научные методы анализа и синтеза, абстрагирования, обобщения отечественного и зарубежного опыта и литературы. В ходе исследования проводится литературный обзор статей, опубликованных в научных изданиях, их анализ.

С точки зрения социологии проблема лжи и фальсөонтеракции как основы социального взаимодействия изучена отдельно и не специализированно. В диссертациях, защищенных за последние 10 лет, ложь, как правило, препровождается философской, эмоциональной либо филологической категорией. По теме фальсөонтеракции была обнаружена только одна научная работа, к сожалению. Это диссертационная работа Каширины Марии Валерьевны «Фальсөонтеракция в системе высшего профессионального образования: социологический анализ»,

направленная на получение степени кандидата социологических наук.

В ходе исследования фальсификаторов были рассмотрены идеи и концепции таких крупных представителей социологии, как М. Вебер, Дж. Хоманс, А. Щюц. Этим авторам предлагается проанализировать смысловую сторону социального взаимодействия. Поэтому концепции названных авторов можно рассматривать как дискурсивное введение в проблему «ложи».

Анализ социального статуса как «формы», внешнее изучение аспектов сотрудничества, мышление как игра отражены в работах Г. Гарфинкеля, И. Гофмана, М. Зиммеля и др.

Социологи, такие как Г. Мет, Ч. Пирс, Ф. Скиннер и Ю. Хабермас, также интерпретировали и изучали факты человеческого взаимодействия. Их работы сосредоточены на функции используемых ресурсов, отражении эффективности и причинах их эффективного использования в социальных сетях и группах.

Среди российских социологов, изучающих проблемы социальной интеграции на всех уровнях литературы, важно упомянуть работы таких ученых, как Э.Ю. Волков, Т.И. Заславская, Г.И. Козырев, В.П. Култыгин, В.Г. Осипов, Г.А. Пруденский, Р.В. Рывкин, М.В. Рывкин, М.В. Каширина.

Изучение данных источников показывает, что проблема лжи в человеческих отношениях очень противоречива и широко распространена. Возникновение, функционирование и распространение ложных срабатываний в контексте соответствующей лжи, особенно в новой модифицированной среде, требуют проведения социальных исследований во вторичной области. Это подчеркивает важность выявления и анализа механизмов, которые формируют основу для создания, функционирования и закрытия псевдоинтэрвью у подростков.

В социологическом учении имеется ряд понятий, сопряженных с мнением «фальсификатор», например предоставленное мнение возможно спутать с процедурой, симуляцией и имитационным взаимодействием. Но, невзирая на очевидную общность данных понятий, термин «фальсификатор» (ложное вмешательство) направляет на особую, слабоизученную форму общественного взаимодействия.

«Фальсификатор» – это фрагмент специального общественного пространства с заданными правилами игры, ясными всем участникам общественной коммуникации по сопоставлению с окружающей реальностью или стандартами.

Разделение информации на истину и ложь между двумя или более лицами, вступающими в общение в процессе социального взаимодействия или социальной коммуникации, вызвало большой интерес среди ученых-исследователей в области социологической науки. До этого времени феномен лжи можно было встретить в исследованиях таких наук, как психология, педагогика, философия. Сейчас социологические науки обращают все больше внимание на проблему фальсификаторов в ходе социальной коммуникации. Во-первых, ложь – это попытка человека сделать заведомо ложное утверждение с намерением впитать ложные убеждения в сознание адресата этого утверждения (Ли, 2000:178).

Отличительная черта фальсификаторов заключается в том, что это не попросту попытка подражания, где один субъект приходится лжецом, а другой – приемником лжи. Сущность фальсификаторов заключается в том, что люди, вступающие в социальную коммуникацию, осознавая, что ложь имеет место, принимают эту ложь без огласки и заключают обоюдное соглашение, а не формальное.

Дьюи утверждает, что апелляция к теории языка, которая работает в исследовании относительности, поддерживает прагматизм перцептивного подхода к иному разуму, чьей реальной причиной является действительность. Другими словами, если взаимодействие полезно, то оно реально. Но здесь необходимо специфицировать существо помощи. Когда речь идет о достижении рациональных целей, вопрос заключается в том, содействует ли ложь. К примеру, когда студент получает оценку на экзамене, педагог элементарно «умывает руки», игнорируя его. Если толковать о предполагаемых целях, то отвлечение от участия в данном вопросе очевидно: каждая сторона не только не получает вознаграждение, но и терпит убытки. Учащийся не получает никакой подготовки, а имя педагога оказывается под угрозой (Шуклина, 2013:512).

Первый теологический обзор современного состояния глобального и всестороннего исследования лжи выявляет смутное понимание лжи в подростковом возрасте. Сторонники биологической ориентации отстаивают концепцию раннего поведения человека. С их точки зрения, такие качества, как правдивость и честность, могут быть естественными. Когда мы воспринимаем воздействие окружающей среды, это искажение истины во имя замедленного роста или ложной эгоистической выгоды. Противо-

речивые взгляды трактуют ложь не только как психофизиологический, но и как психологический феномен. Таково мнение большинства российских ученых.

Исследований, связанных с выявлением причин и последствий фальсеоинтеракции подростков в области среднего образования, очень мало. Однако существуют исследования и научные концепции, связанные с ложью подростков школьного возраста и ее причинами. Многие исследователи, например М.В. Каширина, используют явные методы классификации типов лжи, например: по уровню сознания – осознанно или неосознанно; воображаемая и реальная; хорошая и плохая ложь согласно культурному анализу; по контексту, в соответствии с социокультурными заботами человека – невежество, эгоизм, гнев, самозащита и высокомерие (Барсукова, 2012:216).

Изучение домысла о детской лжи обычно прочерчивается в трех направлениях:

- 1) установление системы нравственных взглядов детей в состоянии предпочтения между истиной и ложью;
- 2) рассмотрение конкретных форм поведения;
- 3) осложнение чувственных волнений детей или приверженность практике “быть правдивым” (Егоров, 2017: 448).

Неправдивость детей и подросткового возраста имеет свои особенности, разновидности и мотивы. Это связано с различными возрастными проблемами в генезисе человека, определенными факторами, связанными с личностью ребенка, определенной средой, определенным возрастом.

«Причины, по которым у некоторых детей склонность ко лжи развивается в большой степени, – множество. Одни коренятся в личности ребенка (тревожность, агрессивность, эмоциональная возбудимость), другие – в его окружении (семья, сверстники), третьи – зависят от возраста и пола. Нельзя забывать также и о влиянии общества, исторической эпохи, в которую развиваются дети, а также религиозности» (Душина, 2000; 13).

Литературный обзор

Нет прямой соразмерной связи между вознаграждением и издержками, поскольку, кроме финансовой и другой выгоды, поступки людей обусловливаются многими прочими факторами, например, среди них могут быть подобные

значительные факторы, как культура, мораль, религия. То есть воля извлечь предельно максимальное вознаграждение без соответствующих затрат или, наоборот, желание делать добро без учета вознаграждения.

Согласно теоретической концепции Дж. Хоменса, всякий человек желает максимизировать награду за свои поступки и снизить расходы. Одним из инструментов сокращения затрат является ложь. Это, как правило, заметно упрощает путь к цели, то есть облегчение может быть как в эмоциональном, так и в организационном плане. Ложное отношение будет устойчивым, если ожидания обмана в социальной коммуникации упростят достижение своих целей каждому из взаимных и взаимодействующих. Это создает угрозу, что ложь может привести к тому, что она станет нормой.

Обращение к теории речевых актов в исследовании фальсеоинтеракции, по мнению Дьюи, поддерживает прагматизм еще с одной теоретико-методологической точки зрения и, в соответствии с ней, критерием истины является эффективность. То есть, если взаимодействие полезно, оно верно. Но здесь необходимо уточнить понимание прибыли. Если говорить о достижении тактических целей, то возникает вопрос о том, что ложные связи выгодны. Например, если во время экзамена студент получает оценку, то преподаватель, закрывая на это глаза, «сохраняет контингент». Если говорить о стратегических целях, то в данном случае проявляется ложная полезность фальсеоинтеракции: оба не только получают вознаграждение, но и терпят убытки (Силантьева, 2017:124).

Фальсеоинтеракция является категорией социологической науки, которая непосредственно связана с социологическими науками, психологией, педагогикой.

Социокультурные факторы распространения фальсеоинтеракций. Внутри любой системы, будь то область знаний, сфера медицины или сфера государственной службы, всегда в процессе взаимодействия между группами, подверженными социальной коммуникации, наряду с наличием реальности, будут существовать нереальные ложные ситуации и взаимоотношения, которые осознают ложность и имитацию взаимодействия, но вольно встречают эти «правила игры». Эти действия, конечно, именуются действиями фальсеоинтеракции.

Формирование фальсеоинтеракций может совершаться на разных степенях системы образования – между учителями и учащимися, между

школьными учителями и администрацией школы, между организациями среднего образования и Министерством образования. Экспериментально зафиксировать такое взаимоотношение на административном уровне довольно сложно, впрочем можно было исследовать моделирующее взаимодействие двух ключевых субъектов образовательного процесса – учащихся и учителей, иначе говоря, исследовать фальсификацию учащихся в сфере среднего образования. Для его изучения необходимо сначала провести контент-анализ различных исследований в этой области, создать модель и создать исследовательский инструментарий. Поэтому важно остановиться на социокультурных факторах распространения фальсификации.

В статье М. Кашириной (2015) «Социокультурные факторы распространения фальсификации в современном вузе», опубликованной в журнале Евразийского союза ученых, отмечается, что к фальсификации в подобных взаимодействиях в системе высшего образования определить случаи, когда студенты переводятся на экзамены, скачивают контрольные и курсовые работы со всемирной сети или делают заказ их в специальных организациях, а учителя же со своей стороны, замечая все это, но по разным причинам принимают эти работы от студентов, давая неплохую оценку (Feldman, Jenkins, Popoola, 1979:350).

К группе факторов, действующих на фальсификацию, по мнению М. Кашириной (Каширина, 2015), можно отнести модифицирование ценности и престижа высшего образования в профессиональной культуре и корпоративной культуре преподавателей, изменение студенческих традиций и просто моду на получение высшего образования. По мнению автора, на открытый вопрос, касающийся студентов, получивших в ходе изучения оценку в следствие обмана, представители всех групп студентов заявили следующие мнения: «если предмет не нужен будущей профессии, то это неплохо»; «иногда диплом нужен только для звания» и т.п. По мнению автора исследования, модифицирование ценности и престижа высшего образования в ряде случаев поведет к пониманию диплома о высшем образовании как простой формальности, соответственно, процедуры получения высшего образования и диплома представлены с равной формальностью.

В рамках исследования было проведено анкетирование, в ходе которого было опрошено 100 человек. В ходе опроса приняли участие

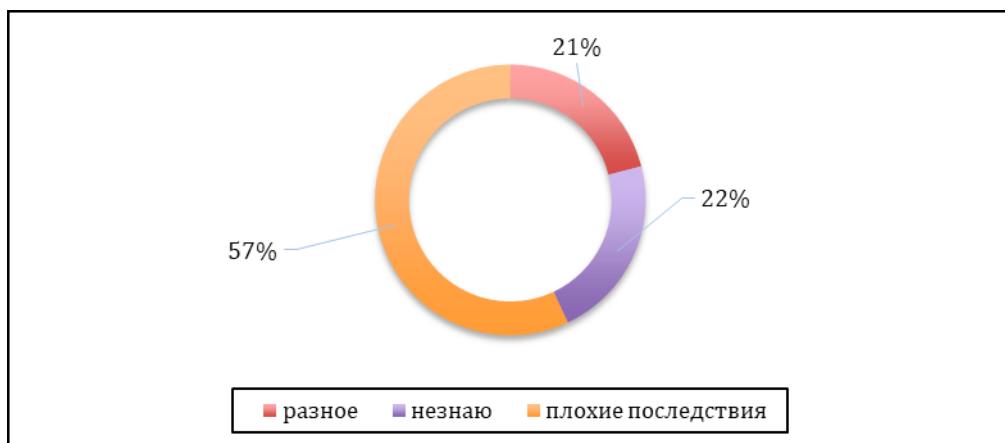
39% респондентов из г. Астана, 32% респондентов из Западного Казахстана и 29% опрошенных из Восточного Казахстана. Стоит отметить, что среди опрошенных 50% составляют девочки и столько же процентов мальчиков. Также среди опрошенных 69% обучаются на казахском языке и 31% – на русском. Стоит отметить, что в основном опрашивали 8 класс – 36% опрошенных, 33% – 9 класс и 31% респондентов – это 7 класс. Также в анкетировании приняли участие ученики следующих школ: города Алматы – 23 ученика, Международная школа (НИШ) – 26 учеников, средняя школа М. Аймакова – 27 учеников, средняя школа Х. Нурымгалиева – 24 ученика.

Первый вопрос звучал следующим образом: «Как Вы считаете, к каким последствиям приведут обман или преувеличение/недоговаривать?» Большинство опрашиваемых (57%) ответили, что «обманывать» приводит к плохим последствиям (рисунок 1). Причем ответы респондентов по полноте значительно отличались. Например, от «это создает проблемы» до «считаю, что ложь – это плохо, так как в конце концов правда раскроется. А если человека это не касается, то тем более нет необходимости врать и можно недоговаривать, так как это не считается ложью». Поэтому для проведения анализа полученных данных ответы респондентов были сведены к общему знаменателю – положительному, отрицательному, не знаю и разное. В дальнейшем для проведения анализа ответы респондентов будут приводиться к общему знаменателю.

Следующий вопрос звучал так: «Укажите, пожалуйста, к каким плохим последствиям приведет чрезмерная ложь?». В ходе проведенного опроса было выявлено, что большинство учеников (46%) считают, что чрезмерная ложь приведет к негативным последствиям для человека, начиная от разрыва дружбы до того, что все вернется человеку. При этом 32% опрашиваемых считают, что ложь приведет к потере доверия в общественности (друзья, родные и т. д.). И только 22% дали ответ «не знаю».

На следующий вопрос «С какими основными трудностями Вы сталкивались, когда говорили только правду?» были получены следующие ответы:

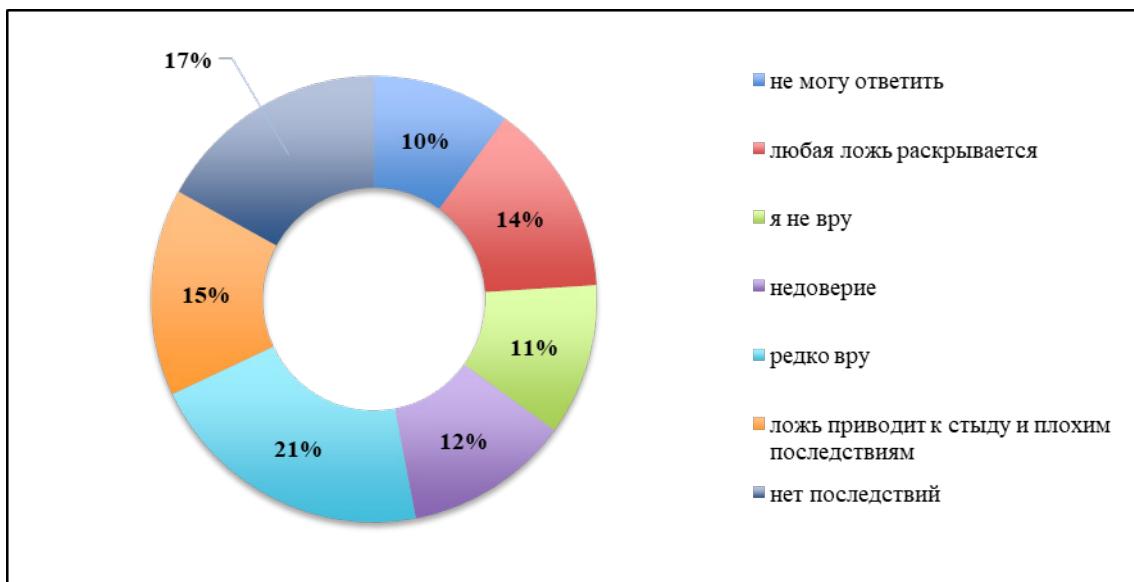
- 34 человека ответили, что правда не приводит к трудностям;
- 26 человек ответили, что правда приводит к трудностям;
- 23 респондента – можно обидеть человека правдой;
- 17 учеников – не могу ответить.

Рисунок 1 – Ответы на вопрос «Как Вы считаете, к каким последствиям приведут обман или преувеличение/недоговаривать?»

На вопрос «С какими основными трудностями Вы сталкивались, когда постоянно прибегали ко лжи?» были предоставлены следующие ответы (рисунок 2). Согласно рисунку 2, 21% ре-

спондентов ответили, что редко врут; 17% отвечающих учеников считают, что последствий не будут, и только 11% говорят, что не врут и 10% не могут ответить на поставленный вопрос.

Рисунок 2 – Ответы на вопрос «С какими основными трудностями Вы сталкивались, когда постоянно прибегали ко лжи?»

Следующий вопрос анкетирования «Когда Вы говорите правду, часто ли Вас за это ругают?» были даны следующие ответы:

- 34 респондента говорят о том, что когда они говорят правду, то их иногда ругают за это;
- 27 учеников – никогда не ругают;
- 22 респондента – часто ругают за ложь;
- 17 анкетированных затрудняются ответить.

В свою очередь, на вопрос «Часто ли Вы прибегаете ко лжи, чтобы привлечь чье-то внимание?» были даны следующие ответы: 23 ученика ответили, что иногда; никогда ответили 35 человек; затрудняюсь ответить – 18 учеников и редко – 24 анкетируемых.

На вопрос «Как часто Вам помогает ложь/обман/недосказанность?» были получены следу-

ющие ответы: 36% респондентов ответили, что ложь иногда помогает им; 29% учеников – никогда им ложь не помогает; 16% опрошенных считают, что затрудняются ответить и 19% учеников – часто им помогает ложь/обман/недосказанность.

На вопрос «Сразу ли Вы понимаете, что Вам лгут?» опрошенные ответили следующим образом (рисунок 3): 35% анкетируемых ответили, что иногда понимают, что им лгут; 17% респондентов – часто осознают о лжи; 31% – часто и 17% опрошенных – никогда не понимают.

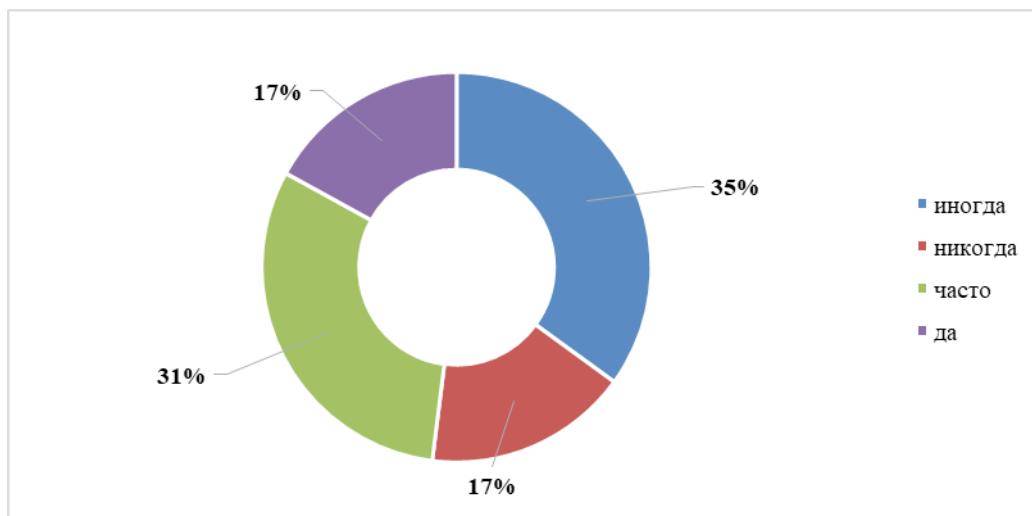

Рисунок 3 – Ответы на вопрос «Сразу ли Вы понимаете, что Вам лгут?»

На следующий вопрос «Насколько Вы доверяете людям, которые ранее Вас/Вашего друга обманули?» были получены ответы следующего характера от респондентов: 28% респондентов не доверяет людям, которые ранее Вас/Вашего друга обманули; 28% – редко верят таким людям, 28,5% часто верят и только 16% опрошенных все равно.

Касательно вопроса «Часто ли Вы сталкиваетесь с обманом вокруг Вас?» были получены следующие результаты: 25% респондентов ответили, что редко сталкиваются с обманом; 25% опрошенных учеников написали, что довольно часто; 22% анкетируемых считают, что это норма, и всего лишь 18% говорят о том, что никогда не сталкиваются с обманом вокруг себя.

Странно отметить, что на вопрос «Какие Ваши действия, когда Вы заметили (замечаете), что человек с Вашего окружения обманывает?» были даны следующие ответы, которые представлены на рисунке 4. Согласно рисунку 22% учеников говорят о том, что все равно узнают правду, 21% респондентов отвечают, что начинают нервничать или пытаются смириться с обманом; 20% опрошенных предпочитают ничего не делать; 14% пытаются выяснить, почему человек вас обманул.

На следующий вопрос «Приходилось ли Вам кого-то обманывать?» были получены следующие ответы на поставленный вопрос: 41% опрашиваемых учеников ответили, что им приходилось кого-нибудь обманывать; 37% респондентов написали, что никогда не обманывали и только 22% анкетируемых затрудняются ответить.

На вопрос «Насколько часто Вы говорили правду преподавателю, когда не были готовы к уроку?» ученики написали следующие ответы:

- 37% учеников часто говорят правду преподавателю;
- 27% опрошенных редко говорят правду учителю;
- 18% – никогда;
- 18% – затрудняются ответить.

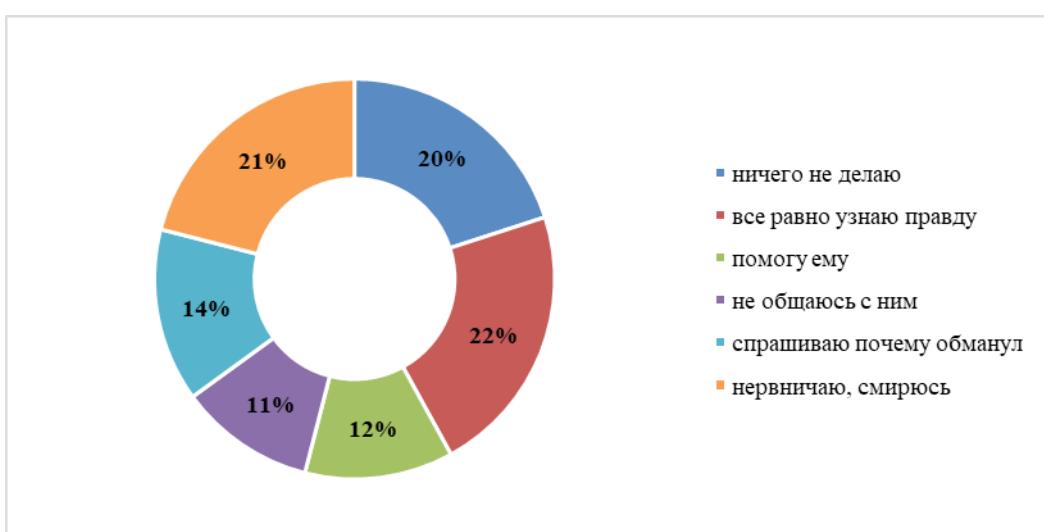
На вопрос «Когда Вас вызывают к доске или просят ответить на уроке и Вы оказались не готовы, что Вы предпринимаете?» ответили следующим образом:

- 32% респондентов признаются, что не готовы к уроку;
- 19% учеников затрудняются ответить на поставленный вопрос;
- 15% опрошенных говорят о том, что будут вынуждены лгать;

- 21% учеников, несмотря на то, что не готовы, пытаются правильно ответить;
- 13% анкетируемых придумывают разные причины, почему не готовы к уроку.

Касательно вопроса «Стесняетесь ли Вы говорить кому-то, что Вас обманул ваш одноклассник(-ца) друг?» были получены

следующие ответы: 34% опрошенных никогда не стесняются говорить о том, что их обманули; 31% респондентов предпочитают редко или иногда рассказывать; 19% учеников затрудняются с ответом и всего лишь 16% анкетируемых часто говорят о том, что их обманули.

Рисунок 4 – Ответы на вопрос «Какие Ваши действия, когда Вы заметили (замечаете), что человек с вашего окружения обманывает?»

А на вопрос «Оказывают ли Вам давление ваши одноклассники(-ницы)/друзья, когда Вам приходилось лгать?» были получены ответы: 42% отвечающих ответили, что никогда одноклассники не оказывали давление на учеников, которые лгали; на 25% респондентов – редко оказывает давление общество за ложь; 16% – часто и затрудняюсь ответить написали 17%.

На следующий вопрос «Оказывают ли Вам поддержку ваши одноклассники(-ницы)/друзья, когда Вам приходилось лгать?» респонденты ответили следующим образом: 26% анкетируемых ответили, что одноклассники никогда не оказывают им поддержку, когда они врут; 28% респондентов ответили, что редко; 24% анкетируемых – часто оказывают им поддержку и 22% отвечающих затрудняются ответить на поставленный вопрос.

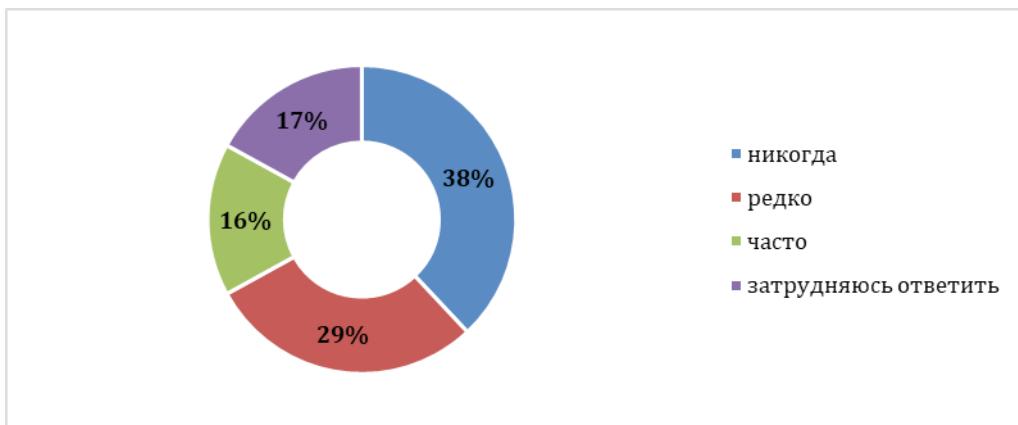
На вопрос «Пользуетесь ли Вы успехом, когда обманываете учителей/друзей» были даны ответы, которые представлены на рисунке 5. Так, 29% респондентов ответили, что редко пользуются успехом, когда обманывают близкое окру-

жение, и 38% анкетируемых никогда не пользуются успехом.

На вопрос «Как Вы отноитесь к тем друзьям/одноклассникам(-ницам), кто пользуется успехом в школе благодаря тому, что часто обманывает или преувеличивает?» были даны ответы следующего характера:

- 44% анкетируемых относятся хорошо к тем друзьям/одноклассникам(-ницам), кто пользуется успехом в школе, благодаря тому, что часто обманывает или преувеличивает; – отношусь;
- 28% относятся отрицательно;
- 28% анкетируемых затрудняются ответить.

Касательно вопроса «Как Вы оцениваете Ваш опыт в дистанционном образовании, часто обманывали/недоговаривали, чтобы получить хорошую оценку или не получить плохую оценку?» анкетируемые ответили следующим образом: 19% респондентов никогда не обманывали при дистанционном образовании с целью получить хорошую оценку; 34% опрошенных учеников применяли обман; 18% не так часто применяли обман для получения хорошей оценки; 14% затрудняются ответить и 19% учеников иногда применяют обман.

Рисунок 5 – Ответы на вопрос «Пользуетесь ли Вы успехом, когда обманываете учителей/друзей»

На вопрос «Манипулировать кем-то для своей выгоды это хорошо или плохо?» были даны ответы: большая часть анкетируемых (43%) считает, что плохо манипулировать кем-то для своей выгоды; 32% анкетируемых затрудняются ответить и 25% респондентов считают хорошей идеей.

На следующий вопрос «Как Вы считаете, хорошо или плохо обманывать?» были даны следующие ответы: 62% учеников считают, что плохо обманывать, и 38% считают, что иногда можно обманывать.

Что касается вопроса «Сталкивались ли Вы с обманом в стенах школы?» респонденты дали следующие ответы: 39% обучающихся редко сталкивались с обманом в стенах школы; 17% респондентов сталкиваются часто; 16% учеников – не заметили; 13% – затрудняются ответить и 15% учеников – никогда.

Касательно вопроса «Ругают ли/наказывают Вас родители, когда Вам приходилось обманывать?» ученики ответили следующим образом:

- 37% учеников ответили, что их часто ругают ли/наказывают родители, когда они обманывали;
- 20% респондентов – никогда не ругали;
- 21% учеников – иногда ругают родители за обман;
- 22% анкетируемых – редко ругали.

А на вопрос «Поддержали ли Вас ваши родители, когда Вам приходилось обманывать?» были даны ответы следующего характера: 58% учеников ответили, что никогда родители их не поддерживали, когда им приходилось обманывать; 21% респондентов затрудняются ответить и 21% учеников ответили, что редко.

И на вопрос «Обманывать или лгать подталкивает Ваше окружение/общество?» были даны следующие ответы: ответили да – 25% учеников; 50% респондентов ответили, что общество никогда не толкало их на обман, и только 25% ответили иногда.

Результаты и обсуждения

Подростковое лицемерие имеет специфические характеристики, типы и цели. Это связано с ясностью возрастных проблем в процессе образования человека. Наиболее распространенными ложными мотивами у молодежи и подростков являются: избегание наказания; желание принять то, что отвергается; защита друзей от вреда; защита себя или других; желание не создавать негативных условий; не быть опозоренным; защита данных; желание доминировать над человеком с властью в руках (Lee, 2000:177).

Некоторые факторы глубоко укоренены в молодой личности (страх, насилие, эмоциональное возбуждение), другие – в обществе (семья, сверстники), третий – в возрасте (Астапов, 2015:217). Также не стоит забывать о влиянии общества, исторического периода, в котором выросли молодые люди, влиянии религии. Кроме того, слово «плохой» по-разному понимается детьми разного возраста.

Например, дети до восьми лет считают, что любая ложь – это ложь, даже если они знают, что то, что говорит говорящий, неправда. К тому же, дети, достигшие двенадцати лет, не воспринимают ложь. Ложь зависит от обстоятельств. Дети, взрослея, не только вырабатывают положитель-

ные привычки, но и учатся распознавать их и бороться с ними.

По данным исследования, следующие две исследовательские группы были определены для изучения закономерностей и причин лжи у подростков: экспериментальная группа (группа «А»): состояла из 25 человек. Это были подростки 14-15 лет с трудностями в успеваемости и обучении, старшеклассники из Москвы, подготовительные классы и классы развивающего обучения (КРО). И контрольная группа (группа «В»): состояла из 25 человек. Это была группа подростков, как правило, 14-15 лет, из московских средних школ.

Согласно исследованию Барсуковой, основные гипотезы заключались в том, что наиболее важными факторами, влияющими на поведение подростков, являются низкий IQ, высокая тревожность, низкая уверенность в себе и низкий социальный статус.

Кроме того, ожидалось, что у подростков из исследовательской группы А будут наблюдаться необычные симптомы вышеупомянутых факторов. В результате подростки были более склонны ко лжи, чем их благонамеренные сверстники, и использовали ее чаще.

Оценка качества и количества результатов исследования позволила сделать следующие выводы:

1. Ретроспективное исследование физической активности не выявило существенных различий между двумя группами молодых людей по уровню тревожности, самооценки и социального желания. Значимые различия были обнаружены только при рассмотрении стадии интеллектуального развития. Следуя этой тенденции, ученики корректирующих классов значительно отстают от своих обычных одноклассников.

Гипотезы, касающиеся влияния тревожности на самооценку подростков, индекс социального принятия и успешность псевдовзаимодействия, были сильно подчеркнуты. У нормальных подростков связь между признаками лицемерия и социальным одобрением еще сильнее. В то же время связь между интеллектуальной собственностью и умственными и физическими способностями молодых людей не до конца понятна (Баженова, 2016:214).

Эмпирически основными мотивами и причинами лжи для всех групп подростков были «ложь и страх наказания» и «ложь с похвалой». Эта проблема была определена с помощью количественного и анкетного анализа.

2. Пол такжеискажает представление о лжи. Опросы показывают, что мальчики более недисциплинированы, чем девочки. В 19% случаев мальчики выразили желание физически наказать своих друзей, то есть «ударить» их, если они были пойманы на лжи, в то время как девочки предпочитали словесно наказывать лжецов.

Гендерное исследование также показало, что мальчики чаще лгут при нормальном поведении, а девочки чаще, чем мальчики, лгут в ситуациях, которые каким-либо образом угрожают их поведению. Результаты показали, что 53% девочек лгут своим родителям и 60% – учителям из «страха наказания». В то же время, «ложь ради похвалы» не была основной причиной, по которой девочки лгали родителям, и только 20% девочек лгали учителям из-за страха наказания. Они также часто называли причины своей помолвки в качестве причины лжи, основными причинами были «чтобы спасти кого-то» и «я не хочу ссориться с друзьями и портить отношения».

Согласно своему исследованию, Знарков обнаружил четкое указание на привязанность к негативной лжи в женской модели.

С мальчиками картина была несколько иной. В 33% случаев мальчики лгут «из-за страха наказания» в разговорах с родителями и в 33% случаев – с учителями. 24% детей лгут своим родителям, а 33% учителей лгут, чтобы получить похвалу.

В ситуациях со сверстниками молодые люди склонны лгать, чтобы быть «социально приемлемыми» и выглядеть лучше в глазах своих сверстников. Ложь друзей особенно болезненна для молодых мужчин и женщин. Но и здесь есть явное различие в отношении женщин ко лжи. Девочки, в частности, чаще вступали в конфронтацию с лжецом и выражали желание найти причину лжи и, возможно, простить его или ее. Когда девушки злились, они давали следующие ответы: «я бы очень разозлилась»; «я бы разозлилась»; «я перестала с ними разговаривать». Молодые люди говорили ложь четко и ясно. Обычно они отвечали так: «я бы не стал с ними общаться»; «я бы очень разозлился»; «я бы ударил его». Последняя фраза встречается чаще других (Байядр, 1991:448).

Вопрос в анкете соответствует целям исследования и дополняет знания, уже полученные при анализе объема данных. Пример исследования содержания правильной интерпретации показывает, что 14-15-летние подростки (независимо от возраста и пола) могут прекрасно

понимать и определять термин «ложный»: «искаженная истина», «не ложный», «неправда», «место, где люди лгут», «нечестность по отношению к другим» и так далее.

Молодые люди часто воспринимают ложь как пробел в правде, независимо от того, выражена она вербально или нет. Около четверти молодых людей были вовлечены в неправильное толкование значения доминирования по данной категории культуры (хотя это и не предполагалось в методических рекомендациях), т.е. высказывались о причинах лжи, ее последствиях и способах борьбы с ней.

Ни одна группа молодых людей не считала, что чисто ложные отношения следует обвинять и наказывать как плохой поступок. Их ответы на вопросы анкеты часто корректировались: «иногда это важно, но ложь все равно беспокоит»; «иногда ложь полезна, но рано или поздно она всплынет»; «полезно, когда есть веская причина для лжи»; «хорошо лгать, но в меру». 93% девочек и 76% мальчиков были одинаково честны, когда речь шла о лжи. Только 7% девочек и 24% мальчиков считают ложь порочным кругом. Молодые люди ненавидят ложь и дают следующие ответы: «ложь – это всегда боль»; «никогда не может помочь»; «если мы будем лгать, окружающие нас люди уйдут от нас» (Балыко, 2017:350).

Таким образом, гипотезы данного исследования подтвердили, что поведение подростков влияет на их ложное поведение. Подростки с высоким уровнем следующих симптомов: тревожность, чрезмерные социальные потребности и низкая самооценка, более склонны ко лжи. В то же время нет никаких доказательств того, что интеллект влияет на поведение самих подростков. Подростки считают, что ложь в целях самобороны является основной причиной.

Из-за того, что школа является важной частью жизни подростка, ложь между школьным учеником и учителем мешает ребенку получить полное и хорошее образование.

Социологами до конца не изучена фальсеоинтеракция подростков в сфере среднего образования. Только в области психологии и философии были проведены некоторые исследования, связанные с проблемой лжи, близкой к фальсеоинтеракции.

Отсутствие исследований в рамках темы повышает актуальность темы, однако она также приводит к многочисленным трудностям в построении инструментальной модели исследования (Подольский, 2019: 125). Тема фальсеоинтеракции подростков в сфере среднего образования

направлена не только на анализ степени лжи и ее восприятия в процессе социального взаимодействия ученика и учителя. Она также связана с обменом ложной информацией или ложью между любыми лицами, которые могут участвовать во взаимоотношениях между субъектами среднего образования и принятием ее без ведома.

К фальсеоинтеракции подростков в сфере среднего образования относятся ложь и незнание учителем и учеником при вступлении в социальную коммуникацию, а также ложь между учеником и родителем, ложь между администрацией школы и учеником и ложь, выраженная в процессе взаимодействия между родителем и учителем, учителем и администрацией школы и родителями и администрацией школы.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что фальсеоинтеракция – это особая форма взаимодействия, характеризующаяся субъектами, которые осознают, что ложь – это обман, и в то же время принимают (или имитируют) эту ложь за правду.

Отсутствие исследований по этой теме является препятствием для достижения целей статьи. Таким образом, взаимосвязь между правдивостью и ложностью информации не была должным образом продемонстрирована у подростков, обучающихся в средней школе, через взаимодействие с ложью.

Однако в целом было дано определение понятия «фальсеоинтеракция», выделены и проанализированы все социокультурные факторы, влияющие на него. Кроме того, в рамках социологического анализа был разработан обобщенный теоретический подход к проблеме вырожденного взаимодействия и лживости, а также проанализировано понимание этого явления на основе специализированных социологических исследований и научных статей.

В целом, уровень исследований фальсеоинтеракции невысок как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях. Скудность исследований, особенно в контексте темы фальсеоинтеракции подростков, повышает актуальность темы и обосновывает необходимость проведения специализированных социологических исследований, направленных на выявление существования ложных взаимодействий между подростками, их причин и путей решения (Фридман, 2004:177).

Фальсеоинтеракция учащихся в сфере среднего образования. Школьное образование явля-

ется фундаментом для ученика на пути к первым знаниям в его жизни. Поэтому в школе необходимо не допускать фальсеоинтеракции среди учащихся. Для этого в ходе проведения классных часов, имеющих воспитательное значение, необходимо ознакомить с понятием «фальсеоинтеракция» и открыто обсудить его причины. «Ложь» между учителями и учениками приводит к большим потерям. Социологи, психологи не до конца изучили фальсеоинтеракцию учащихся в сфере среднего образования. В настоящее время только в области психологии и философии проводились исследования, связанные с фальсеоинтеракцией. Понятие «фальсеоинтеракция» является незнакомым понятием для многих людей, потому что

многие люди не знают его, потому что оно носит научное название, но используется людьми в повседневной жизни. А в системе среднего образования, когда учащимсядается определение этого понятия, на таких занятиях, как самопознание, разыгрываются практические игры, формируется представление о фальсеоинтеракции. Из-за дефицита исследований, связанных с фальсеоинтеракцией, более подробное объяснение этой темы затруднено. Однако при включении в программу современного среднего образования «Самопознание» необходимо открыто объяснить теорию «фальсеоинтеракции», играть в различные практические игры, ставить спектакли, давать правильную информацию учащимся.

Литература

- Астапов В. М. Коморбидность тревоги и подростковой депрессивности / В.М. Астапов, А.Н. Гасилина. – М.: НОУ ВПО Московский психолого-социальный университет, 2015. – 272 с.
- Баженова О.В. Детская и подростковая релаксационная терапия: Практикум / Баженова Оксана Викторовна. – М.: Генезис, 2016. – 180 с.
- Байяд Р. Ваш беспокойный подросток/ Р. Байяд, Д. Байяд / пер. с анг. – М.: Просвещение, 1991. – 125 с.
- Балыко Д. Как разговаривать с подростками, или НЛП для родителей / Д. Балыко. – М.: Студия АРДИС, 2017. – 177 с.
- Барсукова О.В. Изучение особенностей и причин подростковой лжи / О.В. Барсукова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2012. – № 2 (37). – С. 216-219.
- Башкирова Н. Современный ребенок и его проблемы. Детский сад, школа, телевизор, дом, интернет, улица. – М.: Наука и техника, 2015. – 240 с.
- Душина Е.А. Особенности отношения ко лжи современных школьников: Автотефрат (на правах рукописи). – М., 2000.
- Егоров А. Ю. Расстройство поведения у подростков. Клинико-психологические аспекты / А.Ю. Егоров, С.А. Игумнов. – М.: Речь, 2017. – 448 с.
- Подольский Д. Возрастно-психологические особенности трудных подростков / Д. Подольский, Е. Пупырева, И. Борисова. – М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2019. – 124 с.
- Силантьева Е.А. Факторы проявления лжи в процессе учебного взаимодействия студента и преподавателя. – Сургут, 2007. – 124 с.
- Каширина М.В. «Фальсеоинтеракция» в свете социологических теорий // Европейский журнал социальных наук. – 2013. – № 9–3 (36). – С. 272–277.
- Фридман Л.М. Психология детей и подростков: Справочник для учителей и воспитателей. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2004. – С. 219.
- Шуклина Е.А. Качество образования как социологическая проблема / Е. А. Шуклина // Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы. – В 3 т. – М., 2013. – Т. 2. – С. 512-513.
- Parsons T. S. Theories of Society: Foundations of Modern Sociological Theory [Two Volumes in One]. – New York: The Free Press, 1961. – P. 720-724.
- Feldman R. S., Jenkins L., Popoola O. Detection of deception in adults and children via facial expressions // Child Development. – 1979. – 50(2). – P. 350 –355.
- Lee K. Lying as doing deceptive things with words: A speech act theoretical perspective. In J. W. Astington (Ed.). Minds in the making: Essays in honour of David. R. Olson. – Oxford, England: Blackwell. - 2000. – P. 177–196.

References

- Astapov V. M. (2015) Komorbidnost' trevogi i podrostkovoi depressivnosti [Comorbidity of anxiety and adolescent depression]. M.: NGE IHPE Moscow psychological and social university, 272 p. (In Russian)
- Bajjard R. (1991) Vash bespokojnyj podrostok [Your troubled teen]. R. Bajjard, D. Bajjard. Translated from English. M.: Prosveshchenie, 125 p. (In Russian)
- Balyko D. (2017) Kak razgovarivat' s podrostkami, ili NLP dlja roditeli [How to Talk to Teenagers, or NLP for Parents]. D. Balyko. M.: ARDIS Studio, 177 p. (In Russian)

- Barsukova O.V. (2012) Izuchenie osobennostej i prichin podrostkovoj lzhi [Studying the features and causes of adolescent lies]. O. V. Barsukova. Text: direct. *Young scientist*, no 2 (37), pp. 216-219. (In Russian)
- Bashkirova N. (2015) Sovremennyj rebenok i ego problemy. Detskij sad, shkola, televizor, dom, internet, ulica [The modern child and his problems. Kindergarten, school, TV, house, Internet, street]. Nina Bashkirova. M.: Science and technology, 240 p. (In Russian)
- Bazhenova O.V. (2016) Detskaja i podrostkovaja relaksacionnaja terapija [Child and Adolescent Relaxation Therapy]. Praktikum. Bazhenova Oksana Viktorovna. M.: Genezis, 180 p. (In Russian)
- Dushina E.A. (2000) Osobennosti otoshenija ko lzhi sovremennoy shkol'nikov [Features of the attitude to the lies of modern schoolchildren]. Abstract (on the rights of the manuscript). Moscow. (In Russian)
- Egorov A. Ju. (2017) Rasstrojstvo povedenija u podrostkov. Kliniko-psihologicheskie aspekty [Behavior disorder in adolescents. Clinical and psychological aspects]. A.Ju. Egorov, S.A. Igumnov. M.: Rech', 448 p. (In Russian)
- Feldman R. S., Jenkins L., Popoola O. (1979) Detection of deception in adults and children via facial expressions. *Child Development*, no 50(2), pp. 350 –355.
- Fridman L.M. (2004) Psihologija detej i podrostkov: Spravochnik dlja uchitelej i vospitatelej [Psychology of children and adolescents: A handbook for teachers and educators], pp. 219. (In Russian)
- Kashirina M.V. (2013) «Fal'seinterakcija» v svete sociologicheskikh teorij [“Falseinteraction” in the light of sociological theories]. *European Journal of Social Sciences*, no 9–3 (36), pp. 272–277. (In Russian)
- Lee K. (2000) Lying as doing deceptive things with words: A speech act theoretical perspective. In J. W. Astington (Ed.). *Minds in the making: Essays in honour of David. R. Olson*. Oxford, England: Blackwell, pp. 177–196.
- Parsons, T. S. (1961) Theories of Society: Foundations of Modern Sociological Theory [Two Volumes in One]. New York: The Free Press, pp. 720-724.
- Podol'skii D. (2019) Vozrastno-psihologicheskie osobennosti trudnyh podrostkov [Age-psychological features of difficult teenagers], Podol'skii Dmitri, Ekaterina Pupyreva und Irina Borisova. M.: LAP Lambert Academic Publishing, 124 p. (In Russian)
- Shuklina E.A. (2013) Kachestvo obrazovanija kak sociologicheskaja problema [The quality of education as a sociological problem]. Russian society and Sociology in the XXI century: Social challenges and alternatives. In 3 vols. M., vol. 2, pp. 512-513. (In Russian)
- Silant'eva E.A. (2007) Faktory projavlenija lzhi v processe uchebnogo vzaimodejstviya studenta i prepodavatelja [Factors of the manifestation of lies in the process of educational interaction between a student and a teacher]. Surgut, 124 p. (In Russian)

**М. Маульшариф¹ , Б.К. Рахимбекова^{2*} , Р.Б. Сейсебаева² **

¹Университет Narxoz, Казахстан, г. Алматы

²Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: rahimbekovabakyt@gmail.com

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ МОЛОДЕЖИ В КАЗАХСТАНЕ: ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ СВЯЗЬ И ВОЗМОЖНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Во всем мире общепризнана роль религии как средства, способствующего росту гражданской активности, как позитивной, так и негативной. Растущий интерес молодежи к религии актуализирует проблемы взаимодействия религиозности казахстанской молодежи с современными тенденциями развития гражданского общества, определения гражданской позиции молодого поколения и ее участия в социально-политических преобразованиях.

Потенциальная связь и возможные противоречия между религиозностью молодежи и гражданским активизмом анализируются с использованием данных репрезентативного опроса и доступных вторичных источников информации с применением методов описательной статистики, таблицы сопряженности и хи-квадрат-статистики.

В ходе исследования выявлено, что молодежь не задается целью глубокого достижения религиозного знания, так как воспринимает религию как традицию и часть культуры. В Казахстане, скорее всего, она навязана внешними трендовыми увлечениями и установками и не является основанием активной гражданской позиции. Исследование связи между религиозностью и гражданской активностью молодежи в Казахстане показывает, что религия и политика в понимании большинства молодежи не разграничиваются.

Анализ вторичных данных позволил оценить влияние религии на гражданскую активность и политическое участие на дискурсивном уровне. В статье на основе проведенного исследования предполагается, что соблюдение всех религиозных обрядов является поведением, демонстрирующим дисциплинированность, ответственность, уважение традиций и культуры своего народа и может рассматриваться как явный, так и неявный ресурс для активизации общественной жизни.

В статье даны рекомендации для лучшего понимания активного гражданского потенциала религиозной молодежи в условиях светского казахстанского общества.

Ключевые слова: молодежь, религиозность, религиозная идентичность, гражданский активизм, политическое участие.

M. Maulsharif¹, B. Rahimbekova^{2*}, R. Seisebayeva²

¹ Narxoz University, Kazakhstan, Almaty

²Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

*e-mail: rahimbekovabakyt@gmail.com

Religiosity and civic activism of youth in Kazakhstan: potential link and possible contradictions

The role of religion as a mean of promoting the growth of civic engagement, both positive and negative, is generally recognized throughout the world. The growing interest of young people in religion actualizes the problems of interaction of the religiosity of Kazakh youth with modern trends in the development of civil society, determining the civic position of the younger generation and its participation in socio-political transformations.

The potential link and possible contradictions between youth religiosity and civic activism are analyzed using data from a representative survey and available secondary sources of information using methods of descriptive statistics, conjugacy tables and chi-square tests.

The study revealed that young people do not set out to deeply comprehend religious knowledge, as they perceive religion as a tradition and part of culture. In Kazakhstan, it is rather imposed by external trend hobbies and attitudes, and is not the basis for an active civic position. The study of the relationship between religiosity and civic activity of young people in Kazakhstan shows that religion and politics are not differentiated in the understanding of the majority of young people.

The analysis of secondary data made it possible to assess the influence of religion on civic engagement and political participation at the discursive level. Based on the conducted research, the article assumes that the observance of all religious rites is a behavior that demonstrates discipline, responsibility, respect for the traditions and culture, which can be considered as an explicit and implicit resource in public life. The article provides recommendations for a better understanding of the active civic potential of religious youth in a secular Kazakhstani society.

Key words: youth, religiosity, religious identity, civic activism, political participation.

М. Маульшариф¹, Б.К. Рақымбекова^{1*}, Р.Б. Сейсебаева²

¹Narxoz университеті, Қазақстан, Алматы қ.

²Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: rahimbekovabakyt@gmail.com

Қазақстан жастарының діни және азаматтық белсенділігінің потенциалды байланысы мен ықтималды қайшылықтары

Бүкіл әлемде діннің азаматтық белсенділіктің оң және теріс өсуіне ықпал ететін құрал ретіндегі рөлі жалпыға бірдей танылған. Жастардың дінге деген кызығушылығының артуы қазақстандық жастардың діндарлығының азаматтық қоғамды дамытудың қазіргі заманғы үрдістерімен өзара іс-қимыл жасау, жас үрпақтың азаматтық ұстанымын айқындау және оның әлеуметтік-саяси өзгерістерге қатысу проблемаларын өзектендіреді.

Жалпыұлттық өкілдік сауалнаманың деректерін, сондай-ақ қол жетімді қосалқы деректерді қолдана отырып, жастардың діндарлығы мен азаматтық белсенділік арасындағы ықтимал байланыс пен мүмкін болатын қайшылықтарды сипаттамаłyқ статистика, коньюгация кестесі және статистиканың хи-квадраты әдістерін қолдана отырып талданады.

Жастар діни білімді терең түсінү мақсатын көзdemейді, өйткені олар дінді дәстүр мен мәдениеттің бір бөлігі ретінде ғана қабылдайтына көз жеткіздік. Мүмкін, сыртқы трендтік әуестіктер мен ұстанымдардың әсері әрі діндарлық Қазақстан жастарының басым көпшілігіне белсенді азаматтық ұстанымның негізі болып табылмайды. Қазақстан жастарының діндарлығы мен азаматтық белсенділігі арасындағы байланысты зерттеу нәтижесі көрсеткендей, жастардың көпшілігінің түсінігінде дін мен саясаттың аражігі ажыратылмайды. Қосалқы деректерді қолдана отырып, біз діннің азаматтық белсенділік пен саяси қатысуға әсерін дискурсивті деңгейде қарастырамыз. Біз барлық діни шараларды сақтау жастардың тәртіптілігін, жауапкершілігін, өз халқының дәстүрі мен мәдениетін құрметтеуін көрсететін саналы әрекет болып табылатындығын мойындеймиз және оны қоғамдық өмірде айқын да, жасырында ресурс ретінде деп қарастырамыз. Қазақстан зайырлы қоғам жағдайында діни жастардың белсенді азаматтық әлеуетін терең түсінү үшін қысқаша ұсыныстар келтірілген.

Түйін сөздер: жастар, діндарлық, діни бірегейлік, азаматтық белсенділік, саяси қатысу.

Введение

Молодежь играет ключевую роль в социальном развитии и содействие позитивному гражданскому участию молодежи является общей глобальной повесткой дня. В современных условиях развития общества молодежь подвержена влиянию со стороны различных факторов, в частности, религия стала играть значимую роль в жизни отдельных групп молодежи. Мы наблюдаем явление, которое в зависимости от отношения к нему называют по-разному: «возрождение духовности», «мода на религию». Молодые люди находятся только в начале своего жизненного пути и нуждаются в ориентирах, которыми и выступают универсальные стержневые ценности, такие как трудолюбие, доброта, воспитанность, честность, порядочность, терпимость, человечность. Известно, что религия помогает

человеку вырасти зрелой личностью, осознать жизненные трудности как этапы становления и совершенствования человека, быть психологически и морально устойчивым к кризисам, неудачам, конфликтам.

В современных обществах в мире происходят динамичные изменения на стыке религии и политики. В определенных условиях эти изменения вызваны имманентными сдвигами внутри религий; в других – изменением соотношений сил политических акторов на мировой арене, законодательных и институциональных условий,войной или другими потрясениями.

В моменты кризисного состояния общества растет влияние религии на общественную и личную жизнь людей, расширяется спектр их религиозных и нерелигиозных верований. Данное явление имеет место сегодня и в нашей стране. Примеры массового обращения к рели-

гии мы наблюдаем в группах населения разных возрастов и профессий, но особенно оно заметно среди молодежи. Однако, насколько молодежь понимает истинную роль религии в жизни человека? Внешние атрибуты религии, которые демонстрируют религиозность отдельных людей, всегда ли означают религиозность в ее истинном смысле как проявление духовности?

Среди зарубежных исследователей, изучающих взаимосвязь между религиозной принадлежностью и видами гражданской активности, сложилось мнение, что религиозная молодежь, как правило, больше озабочена социальными и общественными проблемами, чем их нерелигиозные сверстники (Celeste и др., 2022).

Большинство исследований роли религии в формировании гражданского активизма и политического участия в Казахстане сосредоточены на религиозной идентификации посредством анализа показателей посещаемости религиозных учреждений (мечети, церкви), а не на религиозной деятельности, выходящей за рамки просто религиозной (конфессиональной) принадлежности. Однако, это серьезное упущение, учитывая фактор участия молодежи в деятельности религиозных организаций в Казахстане. В то же время кейсы (экологические акции в защиту Кокжайляу, Талдыколь, движение “Оян Қазақстан”, “Реформа МВД”, январские события 2022 г.) в контексте Казахстана регулярно демонстрируют важность развития гражданских навыков у молодого поколения казахстанцев, воспринимаемых как группа риска и потенциальная угроза политической стабильности (cabar.kz, 2020).

Религиозный контекст может оказывать значительное влияние на то, как религиозное участие влияет на другие формы гражданской активности. Традиционно гражданская активность рассматривается как заинтересованность и вовлеченность в общественно-политическую жизнь: участие в выборах, членство в политических партиях (к примеру, молодежное крыло “Аманат” и др. партии), сбор подписей, размещение постов и т.д. Отметим, что часто гражданский активизм рассматривается наравне с таким понятием, как политическое участие, как реакция на политические решения или ситуации.

Объект исследования – казахстанская молодежь.

Предмет исследования – характер связей и противоречия между религиозностью и гражданским активизмом молодежи Казахстана.

Цель исследования – изучить потенциальную связь и возможные противоречия между религи-

озностью молодежи и гражданским активизмом в современном Казахстане.

В целях реализации предметно-целевых установок нами поставлены следующие исследовательские вопросы: как молодежь понимает религию; способствует ли приверженность молодежи к религии формированию ее активной гражданской позиции; какие виды гражданской активности распространены среди молодежи.

Общая гипотеза исследования состоит в том, что религиозность молодежи Казахстана атрибутивная, внешняя и не связана с ее активной гражданской позицией.

Исходя из вышеизложенного, интересным и перспективным, на наш взгляд, является исследование отношения к религии современной молодежи и выявление потенциальной связи с гражданским активизмом (civic engagement) и политическим участием (political participation) в Казахстане.

Литературный обзор

В современном мире признана роль религии как средства, способствующего гражданской активности. Согласно данным Pew Research Center (2020), около 62% населения мира придают важное значение религии как значимому компоненту повседневной жизни, религия продолжает сохранять свои позиции в социальной и политической сферах. Это ставит под сомнение модернистские теории секуляризации (Инглхарт, 2021). Академический дискурс проблемы корреляции между религиозностью индивидуума и его гражданской активностью, равно как и вопрос об уровне развития гражданского общества, демократических ценностей и влияния религии на эти процессы, свидетельствует о поляризации мнений среди исследователей (Bloom, Arikhan and Vishkin, 2021). С одной стороны, обеспокоенность, что широкое распространение религиозных убеждений ведет к консервации традиционных устоев общества, с другой – признание позитивного потенциала религии как фактора улучшения духовно-нравственного состояния социума. В исследованиях Верба и др. (1995) сделана попытка оценить влияние религии, в том числе и на политику, на основе концепции трех “B” (belief, behaviour, belong) – вера, поведение и принадлежность (Huckle and Silva, 2020). Теоретические и эмпирические изыскания подчеркивают “политическую амбивалентность религии”, тот факт, что она может быть либо источником недемократических цен-

ностей, либо способствовать развитию демократических гражданских навыков и норм.

В ряде зарубежных исследований рассмотрены кейсы США (Gibson, 2008; Traupmann, 2010), Канады (Smidt, 1999), Швеции (von Essen & Grosse, 2019; Wallman, 2021), Норвегии (Poljarevic et al., 2019.), Мексики (Audette и др., 2020), Гонконга (Celeste Y.M. Yuen & Kim Hung Leung, 2022) для выявления связи между религиозностью и гражданской активностью. Неоднозначные эмпирические результаты этих исследований не позволили прийти к аргументированному утверждению о наличии прямой или отрицательной взаимосвязи между религиозным участием и гражданской активностью (Park & Smith, 2000; Proteau & Sardinha, 2015; von Essen & Grosse, 2019; Yeung, 2017). Было высказано предположение, что в силу социализации в рамках религиозных институтов верующее население подвержено влиянию различных механизмов, которые могут вызвать гражданское и политическое участие (Teorell, 2003; Verba et al., 1995).

Исследователями выявлено, что 40% респондентов воспринимают религиозную духовность как фактор, влияющий на их гражданскую активность (Steensland и др. 2022). Проблемы взаимосвязи религии с гражданским и политическим участием рассмотрены на примерах западных христианских обществ. Исследования же мусульманских обществ сосредоточены на влиянии исламской религиозности на отношение к демократии, а не на том, как религиозное участие мусульман распространяется на социальную и политическую сферы. Авторы немногочисленных публикаций по теме нашего исследования отмечают, что мусульманские общества отличаются от западных отсутствием выраженной связи между гражданской активностью и религиозным участием (Sarkissian, 2012).

Вопросы тождества и различия гражданского и политического участия представляют еще одно направление проблемного поля темы исследования. Для корректного изучения взаимосвязи религиозности и политического участия, а также гражданского активизма необходимо определиться с содержанием понятий «религиозность» и «политическое участие». Среди современных исследователей доминирует подход, рассматривающий религиозность как цельную, комплексную категорию, выраженную во влиянии религии на сознание, поведение, отношения индивидов и социальных групп (Christian, 2001; Филатов, Лункин, 2005).

«Политическое участие индивидов – это действия, целью которых является оказание влияния на власть, государственную политику. К категории политического участия можно отнести голосование, участие в партийной работе, посещение демонстраций, участие в забастовках, публичное выражение своей политической позиции (Claggett, Pollock, 2006). Ряд исследователей разделяют политическое и гражданское участие, рассматривая последнее как «коллективное действие, которым не движет непосредственно желание изменить государственную политику» (Theiss-Morse, Hibbing, 2005). Однако, для большинства современных исследователей не характерна поляризация гражданского и политического активизма. Данная амбивалентность между гражданским и политическим составляющими участия присутствует и в исследованиях российских авторов (Никовская, Скалабан, 2017). Непосредственно проблеме влияния религии на молодежь посвящено исследование С. Коллинз-Майо (2012). В своей работе она отмечает применительно к западному обществу тенденцию снижения религиозности молодого поколения в условиях глобализации и демократизации, в то же время, указывая, что «религиозная принадлежность может служить посреднической структурой, которая играет важную роль в оказании помощи молодежи в реализации активной жизненной позиции. Гражданская адаптация молодых людей часто начинается с развития первоначального интереса к конкретной важной социальной проблеме, основанной на их повседневном жизненном опыте» (Ballard et al., 2015; Kornbluh et al., 2020).

Зарубежные исследователи-социологи, размышляя о проблемах и возможностях, влияющих на гражданскую активность и развитие молодежи, делают вывод о том, что неправительственный сектор, общественные организации, институты гражданского общества являются потенциальной конструктивной силой для развития гражданского активизма молодежи (Youniss, Bales, Christmas-Best, 2002).

В казахстанской литературе по проблематике религии и молодежи отмечается стихийный характер приобщения к религии в поисках ценностей, заполнения духовного вакуума, как правило, в силу возникших жизненных затруднений и социально-экономических проблем. Исследователи указывают на отсутствие глубоких религиоведческих знаний, несформированность представлений о религиозной вере; «религиозная идентичность обусловливается последова-

тельностью событий межличностных и групповых взаимодействий религиозной общности, посредством реализации нормативно-ценностной базы религии и религиозных практик. Эта событийная последовательность формирует соответствующую последовательность эмоционально-чувственных переживаний и опыта взаимодействия с заданными религиозными образами человека" (Рысбекова, 2011; Тастанбекова, Аймаганбетова, 2013).

Методология исследования

Методологической базой данного исследования выступают теоретические основы изучения религии как социального института общества и понятия гражданского общества, в рамках которых реализуется междисциплинарный подход к исследованию социальной и политической функций религии в становлении гражданского общества. Теоретические подходы, которые объясняют связь религиозного участия и гражданской активности, определяют, как религия влияет на ценности, нормы и поведение (Э. Дюркгейм, Р. Мerton). Новые методологические ориентиры в изучении исследуемой проблемы связаны с переосмысливанием концепта "гражданской религии" (*De la religion civile*). Ж.-Ж. Руссо рассуждал о «чувстве общественности, без которого невозможно быть ни хорошим гражданином, ни верноподданным» в условиях постсекулярного общества. В своем поиске содержания гражданской религии Ж.-Ж. Руссо, безусловно, стремился найти баланс между верованиями конкретного человека и возможными противоречиями с его правами и обязанностями как гражданина. Ограничивающая роль религии действий членов общества, согласно Т. Парсонсу, заключается в системе норм и ценностей. Эти подходы можно рассматривать как взаимодополняющие, а не противоречащие друг другу.

Согласно Дюркгейму, религия определяется как целостная система верований и обрядов, которые объединяются в одну моральную квинтэссенцию, а социальная функция религии понимается как характер и направление воздействия религии на общество и его подсистемы. М. Томпсон утверждал, что «невозможно как следует понять общество, будь то в глобальном или локальном масштабе, не осознавая, какую роль играла и играет в нем религия» (Томпсон, 2001). По утверждению А. Рэдклифф-Брауна, функции религии напрямую связаны с социальными потребностями группы (общества), а сама религия

понимается как средство социального контроля, которое предотвращает девиантное поведение и способствует упрочению социальной интеграции и стабильности (А. Рэдклифф-Браун).

В современных прикладных исследованиях следует обратить внимание на то, что многие политологи и социологи, анализируя роль религии в обществе и механизмы ее воспроизведения, фокусируют внимание в большей степени на негативных аспектах религиозности молодежи как сдерживающего фактора профессионального развития, источника гражданской индифферентности, деструктивности и радикального поведения в кризисных ситуациях, в периоды социально-политических потрясений.

В социально-политических науках общепринято понимание гражданского участия молодежи как включенности граждан в обсуждение и разработку политических, социально-экономических, культурных программ и проектов; участие в принятии решений и контроль за их исполнением; самоуправление на низовом уровне (Апресян, 1997) и др. Осознанное участие человека в жизни общества, отражающее его сознательные реальные действия в отношении к окружающему, понимается как гражданская позиция. В научной литературе, в исследовательских отчетах международных организаций чаще используется понятие "гражданский активизм". Важным обстоятельством развития гражданского активизма является сосуществование в нем политической и неполитической составляющих, между которыми нет жесткого разграничения. При этом осознанное участие имеет прогнозируемый характер, формируя устойчивость социальных связей (social networks) и "профессионализацию". Амбивалентность позиций, фрагментарность активистских практик отдельных социальных групп молодежи свидетельствуют о несистемном, случайном характере активизма, его непрогнозируемости.

Методы исследования

Эмпирическую базу исследования составляют данные опроса, проведенного среди молодежи Алматинской области (N=1000, 2017 г.). Опросом были охвачены все районы области, включая город Талдыкорган, с соблюдением квотной выборки. Возраст опрошенных – в диапазоне 14-29 лет. Математическая обработка данных исследования производилась с помощью программы SPSS, версия 23.0. Были использованы следующие методы: описательная стати-

стика, таблицы сопряженности и хи-квадрат-статистика.

Анализ вторичных источников в определенной степени позволил охватить доступные эмпирические данные по исследуемой проблеме религиозной идентичности казахстанской молодежи, ее политического и гражданского участия в Казахстане за последние 5-6 лет. К таким исследованиям относятся проекты по молодежной проблематике фонда Ф. Эберта (2021), “Молодежь Казахстана” (2021), Назарбаевского университета (2019), отчет АСИП по результатам опроса молодежи (2016).

Результаты исследования и обсуждение

Во всем мире молодежь реже идентифицирует себя с какой-либо религиозной группой, чем пожилые люди, в 41 стране (Pew Research Center, 2018). Среди опрошенной казахстанской молодежи (2017) 43% никогда не задумывались над тем, зачем они обращаются к религии, 24%

признались, что обращаются к религии, когда имеются душевные переживания, проблемы (в семье, на работе и т.д.), 17,5% – когда ухудшается здоровье и 15% – когда испытывают материальные трудности, и лишь 0,4% – всегда. При этом, как видно из рисунка 1, для почти половины опрошенных религия – это соблюдение всех религиозных обрядов; также наблюдается, что среди женщин показатели несколько выше, чем среди мужчин.

Согласно данным исследования АСИП (2016), преобладающее большинство опрошенной молодежи считает себя верующими, что составляет 71% из числа опрошенных. В другом исследовании молодежи (2016) 67% респондентов идентифицировали себя с исламом, 27% – с христианством, 3,4% – с атеизмом и 2% – с другими религиями. По мнению исследователя, несмотря на это, уровень религиозности остается относительно низким. Выявленная религиозная идентификация во многом связана с этническим происхождением (Шарипова, 2020).

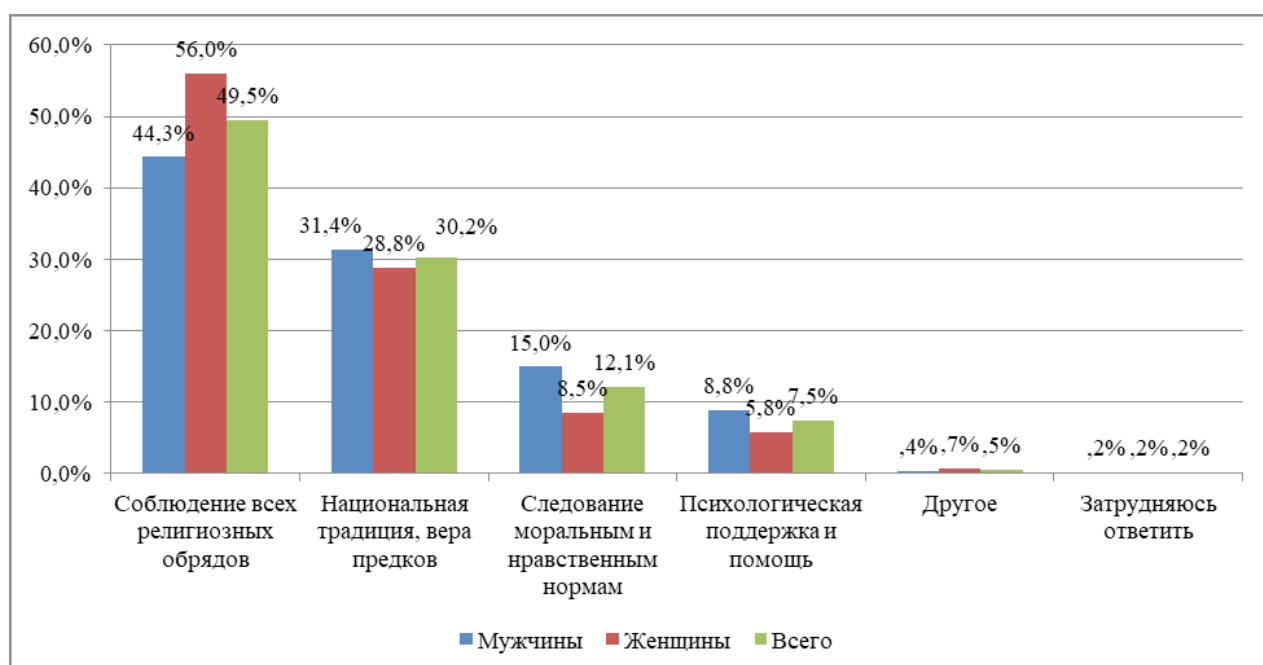

Рисунок 1 – Статистика ответов на вопрос «Что означает религия для молодежи?»

Кросс-анализ индикаторов религиозности и успешности (таблица 1) показывает присутствие связи на уровне $p < 0.05$ между ответами респондентов на вопросы «Что означает религия для Вас?» и «Что поможет Вам стать успешным в будущем?» (таблица 2).

Согласно данным таблицы 1, наибольшим показателем является значение 22,9%, то есть те, кто понимают религию как «соблюдение всех религиозных обрядов» считают, что на их успешность в будущем влияют личные качества. Исходя из теории конформности – усвое-

ние определённых групповых норм, привычек и ценностей, необходимого аспекта социализации личности и предпосылки нормального функционирования любой социальной системы, допускаем, что эта когорта молодежи в определенной мере будет чтить ценности гражданского общества. При этом гражданская активность фиксируется в стремлении к независимости суждений

и большей критичности в восприятии информации вне зависимости от источника её получения и понимании происходящего (Kornbluh и др., 2022). Гражданская активность в этом случае коррелирует с личными качествами человека, включая индивидуальные различия в мотивации, в понимании коллективных интересов (Омото, 2010).

Таблица 1 – Кросс-анализ индикаторов религиозности и успешности

Индикаторы религиозности	Индикаторы успешности					
	Полезные знакомства	Личные качества	Творческий потенциал	Сильная вера	Уверенность	Затрудняюсь ответить
Соблюдение всех религиозных обрядов	11,2%	22,9%	11,5%	3,4%	,1%	,4%
Национальная традиция, вера предков	10,9%	11,5%	5,9%	1,7%	,1%	,1%
Следование моральным и нравственным нормам	3,5%	5,9%	1,6%	1,1%		
Психологическая поддержка и помощь	1,9%	2,8%	2,1%	,5%	,2%	
Другое		,1%	,2%	,2%		
Затрудняюсь ответить		,2%				

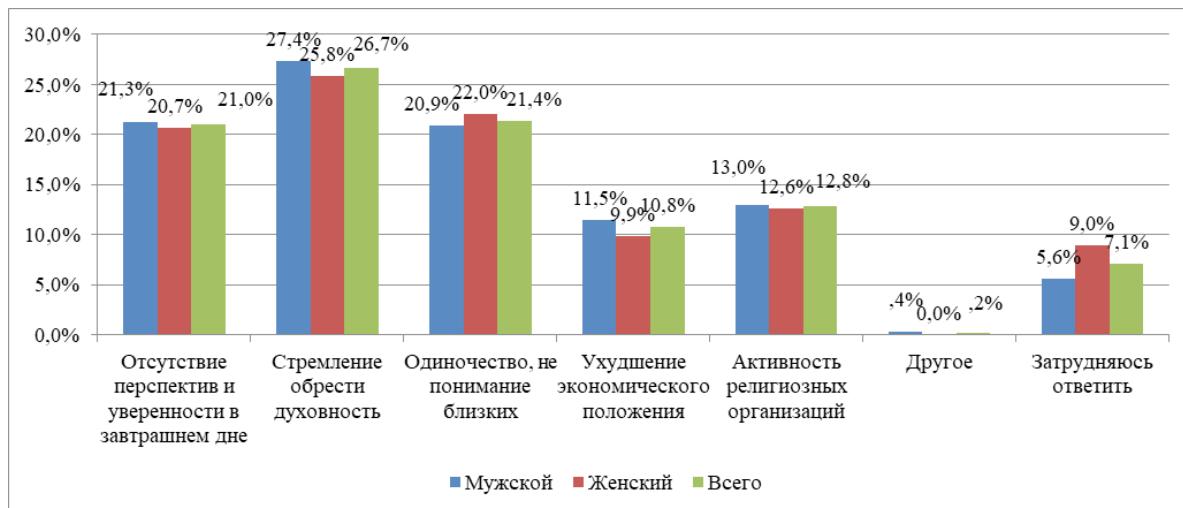
Таблица 2 – Chi-Square Tests

	Value	df	Asymptotic Significance (2-sided)
Pearson Chi-Square	51,243	25	,001
Likelihood Ratio	45,180	25	,008
Linear-by-Linear Association	,167	1	,683
N of Valid Cases	1000		

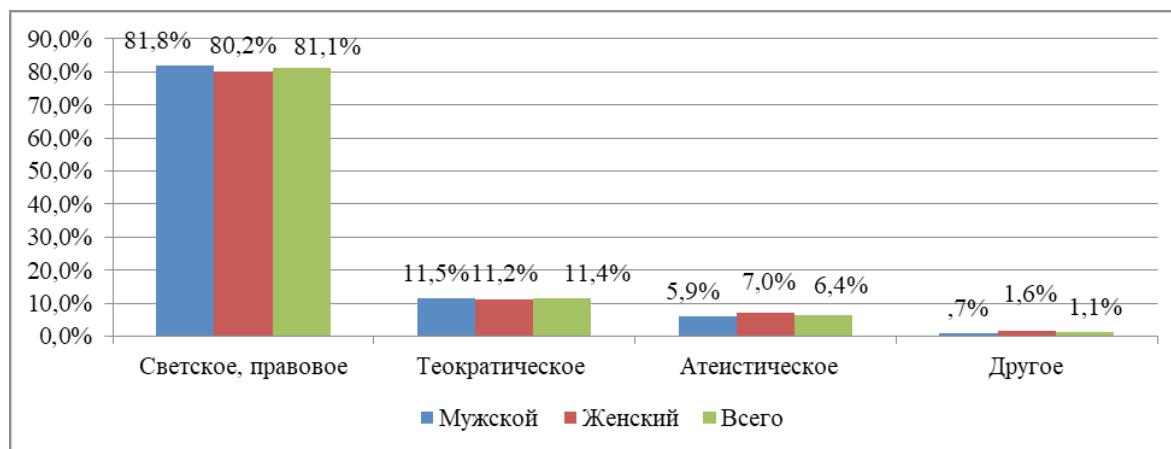
Рассмотрев причины обращения молодежи к религии, отметим, что духовность – истинная составляющая религиозности, очень близко «состоит» с другими двумя значимыми причинами, как «отсутствие перспектив и уверенности в завтрашнем дне» и «одиночество, непонимание близких» (рисунок 2), при этом разница в ответах мужчин и женщин почти незаметна. И как показывают результаты исследования, абсолютное большинство опрошенной молодежи, независимо от гендерной принадлежности, видит казахстанское общество в будущем как светское (рисунок 3).

Необходимо отметить, что религиозность молодежи со временем становится более атрибутивной. Согласно данным исследования 2021

года, 39,1% опрошенной молодежи по Республике идентифицировали себя как «я верующий, но только на праздники посещаю мечеть, церковь и др., очень редко соблюдаю религиозные нормы» (Молодежь Казахстана, 2021). Таким образом, вопрос о степени религиозности казахстанской молодежи, о религиозной идентичности требует дальнейшего изучения в силу недостаточного эмпирического фундамента для исследования глубинных факторов обращения к религии разных категорий молодежи. Анализ данных еще раз подтверждает необходимость смещения акцентов от внешних атрибутивных признаков религиозности к значимости рефлексий молодежи через деятельность религиозных организаций к участию в решении социально-политических проблем.

**Рисунок 2 – Статистика ответов на вопрос
«Перечислите основные причины обращения молодежи к религии»**

**Рисунок 3 – Статистика ответов на вопрос
«Каким Вы видите казахстанское общество в будущем?»**

При этом около 58,5% казахстанской молодежи в целом не интересуется политикой, а 20% индифферентны к политическим вопросам (Фонд Эберта, 2021). По мнению составителей отчета, отсутствие интереса к политике и идеологических лидеров среди молодежи способствует тому, что молодые люди придерживаются взглядов своих родителей или ближайшего окружения. К примеру, в вопросах религии молодежь также ответила, что их приверженность к религии определяется национальной (равно как семейной) традицией, «верой предков» (рисунок 1). Несмотря на незначительное количество интересующихся политикой, более 50% молодых людей, по данным исследования фонда

Ф. Эберта, считают демократию хорошим типом политического устройства, и почти столько же поддерживают идею о том, что политическая оппозиция является необходимой частью демократии, «вопреки распространенному стереотипу о политически апатичном поколении, молодые люди интересуются политикой и действительно верят в демократический процесс» (Henn и Foard, 2014).

Количество тех, кто не удовлетворен демократией в Казахстане, резко увеличилось – более чем в пять раз – с 5,2% в 2016 году до 28,9% в 2020 году. Эти данные исследователи объясняют теми политическими событиями, которые происходили в период политического транзита

власти в Казахстане, включая переименование столицы и президентские выборы 2019 года. Уровень протестного потенциала молодежи довольно высокий, лишь четверть опрошенной молодежи заявила о нежелании участвовать в массовых выступлениях и протестных акциях. Около 37,4% из числа опрошенных указали на высокую вероятность акций протesta по причине повышения цен на продукты питания и лекарственные средства. 33,8% и 33,7% соответственно указали на снижение социальных выплат и бездействие властей по решению проблем (Молодежь Казахстана, 2021). Как показывает казахстанская практика, молодежь чаще воспринимается и используется как объект манипуляции оппозиционными и деструктивными религиозными структурами в периоды общественных волнений, в силу недостаточности или неразвитости политической культуры, навыков гражданского участия.

По данным исследования 2021 года, доля фактически не интересующихся политикой остается достаточно высокой и составляет 33,2% среди опрошенной молодежи, 24,4% очень редко и 24,6% нерегулярно получают информацию о политических событиях. Касательно гражданского активизма, следует отметить, что процент участия в деятельности и мероприятиях молодежных организаций также является довольно низким. Более трети опрошенных затруднились оценить участие молодежи в тех или иных организациях и их возможность влиять на процесс принятия решений. Активное участие по собственной инициативе принимают лишь 9,6% молодых людей; 6,6% опрошенных участвуют по принуждению на работе или в учебном заведении. Активность молодежи в волонтерской, добровольческой деятельности также не слишком высока. Более половины молодых людей (52,9%) не участвовали и не планируют участвовать в добровольческой или волонтерской деятельности. Порядка 24,4% планируют в будущем принять участие в волонтерской деятельности. Активными участниками-волонтерами являются порядка 5,1% молодых людей, нерегулярно в добровольческой деятельности участвуют 14,6% (Молодежь Казахстана, 2021).

Хотя существуют довольно обширные данные по зарубежным и отечественным исследованиям религиозности молодежи, по проблемам политического и гражданского участия в целом, эти отдельные факты не дают однозначного ответа для выявления того, насколько приверженность молодежи к религии способствует разви-

тию ее гражданского активизма. Следовательно, данный вопрос остается перспективным направлением для более глубокого изучения на основе междисциплинарного подхода.

Заключение и выводы

Основная идея данной статьи заключается в том, что религиозность молодежи на основе интеграции с гражданским активизмом имеет потенциал использования во благо общественного развития. Однако, это идея идет в разрез доминирующему тезису о неминуемой секуляризации современных демократических обществ. Если исходить из позиции десекуляризации, то перед исследователями встает задача описания роли религии в социумах, базирующихся на ценностях демократии и гражданского общества. Дискуссии, связанные с ролью религии в жизни молодежи, должны выйти за рамки традиционного/стереотипного видения об атрибутивном характере религиозности и перейти в плоскость решения прикладных задач, связанных с выявлением факторов поддерживающих или сдерживающих гражданский активизм религиозной молодежи.

Способность религии связывать истинные каноны со стремлением преобразовать социально-политическую ситуацию в лучшую сторону, наиболее рельефно проявляется в повседневной жизни граждан, поскольку они вносят вклад в улучшение своих районов, сообществ и рабочих мест. В то же время надо понимать, что религиозные идеи, постулирующие благополучие индивидуума в ущерб остальной части общества, могут способствовать пассивности и безразличию. Подобная форма религиозной практики изолирует верующего молодого человека от социального окружения, позволяя ему искать утешение лишь в личном созерцании.

В реалиях многоконфессионального казахстанского общества существует значительный потенциал разных религий и конфессий, который можно использовать для расширения гражданской активности. Это актуальное направление, которое требует междисциплинарного подхода в исследовании взаимосвязи религиозности молодежи, гражданского активизма и политического участия. Установление позитивных отношений между религией и гражданской активностью будет способствовать решению важных социально-политических задач по обеспечению стабильности и межконфессионального диалога.

Литература

- Allport G.W., Ross J.M. Personal religious orientation and prejudice // *Journal of personality and social psychology*. – 1967. – №. 4. – P. 432.
- Arvanitidis P. The concept and determinants of civic engagement // *Human Affairs*. – 2017. – Vol. 27 (3). – P. 252 – 272. DOI.org/10.1515/humaff-2017-0022).
- Audette A.P., Brockway M., Castro C. R. Religious Engagement, Civic Skills, and Political Participation in Latin America // *Journal for the Scientific Study of Religion*. – 2020. – Vol. 59 (1). – P. 101 – 118. DOI.org/10.1111/jssr.12642.
- Ben-Nun Bloom P., Arikan G., Vishkin A. Religion and Democratic Commitment: A Unifying Motivational Framework // *Political Psychology*. – 2021. – Vol. 42. – P. 75 – 108. DOI.org/10.1111/pops.12730.
- Calfano B. The Faith Factor: How Religion Influences American Elections // *Politics and Religion*. – 2009. – Vol. 2 (3). – P. 479 – 481. DOI:10.1017/S175504830990381.
- Celeste Y.M., Yuen K., Kim H.L. The role of religion in civic engagement of young people from diverse cultures in Hong Kong // *British Journal of Religious Education*. – 2021. – Vol. 44 (1). – P. 98 – 111. DOI: 10.1080/01416200.2021.1918058.
- Christiano K.J. Religiosity of Sociology // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. – Oxford: Pergamon, 2001. – P. 13115–13119.
- Claggett W., Pollock P.H. The modes of participation revisited // *Political Research Quarterly*. – 2006. – Vol. 4. – P. 593 – 600.
- Collins-Mayo S., Dandelion P. Religion and Youth. – Routledge, 2011. – P. 302.
- Henn M., Foard N. Social differentiation in young people's political participation: The impact of social and educational factors on youth political engagement in Britain // *Journal of Youth Studies*. – 2013. – Vol. 17 (3). – P. 360-380. DOI:10.1080/13676261.2013.830704.
- Huckle K.E., Silva A. People of Colour, People of Faith: The Effect of Social Capital and Religion on the Political Participation of Marginalized Communities // *Religions*. – 2020. – Vol. 11(5). – P. 249. DOI.org/10.3390/rel11050249.
- Inglehart R. F. Religion's sudden decline: What's causing it, and what comes next? – Oxford: Oxford University Press, 2021. – P. 208.
- Kornbluh M., Davis A.L., Hoyt L.T., Simpson S. B., Cohen A. K., Ballard P.J. Exploring civic behaviours amongst college students in a year of national unrest // *Journal of Community Psychology*. – 2022. – P. 1 – 23. DOI.org/10.1002/jcop.22808.
- Levitt P. Religion as a path to civic engagement // *Ethnic and Racial Studies*. – 2008. – Vol. 31 (4). – P. 766 – 791.
- Omoto A.M., Snyder M., Hackett J.D. Personality and Motivational Antecedents of Activism and Civic Engagement // *Journal of Personality*. – 2010. – Vol. 78 (6). – P. 1703-1734. DOI.org/10.1111/j.1467-6494.2010.00667.x.
- Park J.Z., Smith C. To Whom Much Has Been Given. Religious capital and community voluntarism among churchgoing protestants // *Journal for the Scientific Study of Religion*. – 2000. – Vol. 39. – P. 272 – 286.
- Prouteau L., Sardinha B. Volunteering and country-level religiosity: Evidence from the European Union. *Voluntas* // *International Journal of Voluntary and Non-profit Organizations*. – 2015. – Vol. 26 (1). – P. 242–266.
- Religion's Relationship to Happiness, Civic Engagement and Health Around the World.https://www.pewresearch.org/religion/2019/01/31/religions-relationship-to-happiness-civic-engagement-and-health-around-the-world/#:~:text=This%20analysis%20 finds%20that%20in,groups%20or%20other%20voluntary%20 organizations).
- Sarkissian A. Religion and Civic Engagement in Muslim Countries // *Journal for the Scientific Study of Religion*. – 2012. – P. 607-622. DOI.org/10.1111/j.1468-5906.2012.01677.x.
- Scott M.L., Cnaan R.A. Youth and religion in an age of global citizenship identification: An 18-country study of youth // *Children and Youth Services Review*. – 2020. – Vol. 110.
- Sharipova D. Perceptions of National Identity in Kazakhstan: Pride, Language, and Religion // *The Muslim World*. – 2020. – P. 89-106.https://www.researchgate.net/publication/338030529_Perceptions_of_ANational_Identity_in_Kazakhstan_Pride_Language_and_Religion
- Smidt C. Religion and Civic Engagement: A Comparative Analysis. // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 1999. – P. 176–192. http://www.jstor.org/stable/1049545.
- Steensland B., King D.P., Duffy B.J. The Discursive and Practical Influence of Spirituality on Civic Engagement // *Journal for the Scientific Study of Religion*. – 2022. – P. 389-407. DOI.org/10.1111/jssr.12788.
- Teorell J. Linking social capital to political participation: Voluntary associations and networks of recruitment in Sweden // *Scandinavian Political Studies*. – 2003. – Vol. 26(1). – C. 49–66.
- Theiss-Morse E., Hibbing J.R. Citizenship and civic engagement // *Annual Review of Political Science*. – 2005. – №. 8. – P. 227 – 249.
- Grant T.J. Religion, Politics, and Civic Engagement in the United States. https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1549267/FULLTEXT01.
- Gibson T. Religion and civic engagement among America's youth // *The Social Science Journal*. – 2008. – Vol. 45 (3). – P. 504-514. DOI: 10.1016/j.soscij.2008.07.007.
- Verba S., Scholzman H., Brady H. Voice and Equality // *Civic Voluntarism in American Politics*. – 1995. – P. 640.
- Von Essen J., Grosse J. Religious Communities and Civil Society in Europe. – Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2019. – P. 402. DOI.org/10.1515/9783110645880-008.

Lundasen W.S. Religious Participation and Civic Engagement in a Secular Context: Evidence from Sweden on the Correlates of Attending Religious Services // *Voluntas. International Journal of Voluntary and Non-profit Organizations* – 2022. – Vol. 33. – P. 627–640. DOI.org/10.1007/s11266-021-00353-7.

Youniss J., Bales S., Christmas-Best V., Diversi M., McLaughlin M., Silbereisen R. Youth Civic Engagement in the Twenty-First Century // *Journal of Research on Adolescence*. – 2002. – Vol. 12. – P. 121-148.

Апресян Р.Г. Гражданское участие: ответственность, сообщество, власть / Отв. ред. Р. Г. Апресян // Неконцептуальный сборник. – М.: Аслан, 1997. – С. 110.

Безнюк Д. К. Религиозный фактор в социальном управлении: опыт социологического прочтения // *Социология и управление*. – 2021. – Т. 7. – № 4. – С. 180 – 190. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-1-2.

Шарипова Да., Бейменбетов С. Молодежь в Казахстане: оценка ценностей, ожиданий и стремлений. <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/kasachstan/18456.pdf>.

Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // *Полис. Политические исследования*. – 2017. – № 6. – С. 43-60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04.

Протестная активность в Казахстане. <https://cabar.asia/ru/protestnaya-aktivnost-v-kazahstane>

Рысбекова Ш.С. Молодежь и религия. <https://articlekz.com/article/15128>

Социологическое исследование «Молодежь Казахстана»: НИЦ «Молодежь». – Нур-Султан, 2021. – 103 с.

Тастанбекова А. Да., Аймаганбетова О.Х. Актуальность исследования религиозной идентичности молодежи в постсоветском Казахстане // *Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии*. – 2013. – №1 (44). – С. 64-74.

Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // *Социологические исследования*. – 2005. – № 6. – С. 35–45.

Этнерелигиозные идентификации казахстанской молодежи / Отчет АСИП по результатам опроса молодежи 23 апреля – 6 мая 2016 года. https://www.soros.kz/wp-content/uploads/2018/02/ethnoreligious_identifications_of_regional_youth.

References

- Allport G.W., Ross J.M. (1967) Personal religious orientation and prejudice. *Journal of personality and social psychology*, no 4, pp. 432.
- Arvanitidis P. (2017). The concept and determinants of civic engagement. *Human Affairs*, no 27(3), pp. 252-272. DOI.org/10.1515/humaff-2017-0022).
- Audette A.P., Brockway M., Cornejo C. (2020) Religious Engagement, Civic Skills, and Political Participation in Latin America. *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 59, pp. 101-118. DOI.org/10.1111/jssr.12642.
- Ben-Nun Bloom P., Arikan G. and Vishkin, A. (2021) Religion and Democratic Commitment: A Unifying Motivational Framework. *Political Psychology*, vol. 42, pp.75-108.DOI.org/10.1111/pops.12730.
- Calfano B. The Faith Factor: How Religion Influences American Elections. *Politics and Religion*, vol. 2(3), pp. 479-481. DOI:10.1017/S1755048309990381.
- Celeste Y.M., Yuen & Kim Hung Leung (2022) The role of religion in civic engagement of young people from diverse cultures in Hong Kong. *British Journal of Religious Education*, vol. 44, no 1, pp. 98 – 111. DOI: 10.1080/01416200.2021.1918058
- Christiano K.J. (2001) Religiosity of Sociology. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Oxford: Pergamon, pp. 13115–13119.
- Claggett W., Pollock P.H. (2006) The modes of participation revisited, 1980–2004. *Political Research Quarterly*, no 4, pp. 593 – 600.
- Collins-Mayo S. (2012) Youth and religion. An international perspective. Theo-Web. *Zeitschrift für Religionspädagogik*, no 11.
- Henn M., Foard N. (2014) Social differentiation in young people's political participation: The impact of social and educational factors on youth political engagement in Britain. *Journal of Youth Studies*, vol. 17, no 3, pp. 360-380 DOI:10.1080/13676261.2013.830704.
- Huckle K.E., Silva A. (2020) People of Colour, People of Faith: The Effect of Social Capital and Religion on the Political Participation of Marginalized Communities. *Religions*, vol. 11, no 5, pp. 249 DOI.org/10.3390/rel11050249.
- Inglehart R. F. Religion's sudden decline: What's causing it, and what comes next? Oxford: Oxford University Press, 2021, pp. 208.
- Kornbluh M., Davis A. L., Hoyt, L. T., Simpson S. B., Cohen A. K., & Ballard P. J. (2022). Exploring civic behaviors amongst college students in a year of national unrest. *Journal of Community Psychology*, vol. 1, no 23. DOI.org/10.1002/jcop.22808.
- Levitt P. (2008) Religion as a path to civic engagement. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 31, no 4, pp. 766 – 791.
- Omoto A.M., Snyder M., Hackett J.D. (2010) Personality and Motivational Antecedents of Activism and Civic Engagement. *Journal of Personality*, vol. 78, pp. 1703-1734. DOI.org/10.1111/j.1467-6494.2010.00667.x.
- Park J. Z., Smith C. (2000) To Whom Much Has Been Given. Religious capital and community voluntarism among churchgoing protestants. *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 39, pp. 272 – 286.
- Prouteau L., Sardinha B. (2015) Volunteering and country-level religiosity: Evidence from the European Union. *Voluntas. International Journal of Voluntary and Non-profit Organizations*, vol. 26, no 1, pp. 242–266.
- Religion's Relationship to Happiness, Civic Engagement and Health Around the World. <https://www.pewresearch.org/religion/2019/01/31/religions-relationship-to-happiness-civic-engagement-and-health-around-the-world> (2020)

- Sarkissian A. (2012) Religion and Civic Engagement in Muslim Countries. *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 51, pp. 607-62. DOI.org/10.1111/j.1468-5906.2012.01677.x.
- Scott M.L., Cnaan R.A. (2020) Youth and religion in an age of global citizenship identification: An 18-country study of youth. *Children and Youth Services Review*, vol. 110.
- Sharipova D. (2020) Perceptions of National Identity in Kazakhstan: Pride, Language, and Religion. *The Muslim World*, vol 110, pp. 89-106. https://www.researchgate.net/publication/338030529_Perceptions_of_National_Identity_in_Kazakhstan_Pride_Language_and_Religion
- Smidt C. (1999) Religion and Civic Engagement: A Comparative Analysis. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 565, pp. 176–192. <http://www.jstor.org/stable/1049545>
- Steensland B., King D.P. Duffy B.J. (2022) The Discursive and Practical Influence of Spirituality on Civic Engagement. *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 61, pp. 389-407. DOI.org/10.1111/jssr.12788
- Teorell J. (2003) Linking social capital to political participation: Voluntary associations and networks of recruitment in Sweden. *Scandinavian Political Studies*, vol. 26, no 1, pp. 49–66.
- Theiss-Morse E., Hibbing J.R. (2005) Citizenship and civic engagement. *Annual Review of Political Science*, no 8, pp. 227 – 249.
- Grant T.J. Religion, Politics, and Civic Engagement in the United States. <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1549267/FULLTEXT01.pdf>.
- Gibson T. (2008) Religion and civic engagement among America's youth. *The Social Science Journal*, vol. 45, no 3, pp. 504-514. DOI: 10.1016/j.soscij.2008.07.007
- Verba S., Schlozman H., Brady H. (1995) Voice and Equality. *Civic Voluntarism in American Politics*, pp. 640.
- Von Essen J., Grosse J. (2019) Religious Communities and Civil Society in Europe. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, pp. 402. DOI.org/10.1515/9783110645880-008.
- Lundasen W. S. (2022) Religious Participation and Civic Engagement in a Secular Context: Evidence from Sweden on the Correlates of Attending Religious Services. *Voluntas, International Journal of Voluntary and Non-profit Organizations*, vol. 33, pp. 627–640. <https://DOI.org/10.1007/s11266-021-00353-7>
- Youniss J., Bales S., Christmas-Best V., Diversi M., McLaughlin M., Silbereisen R. (2002) Youth Civic Engagement in the Twenty-First Century. *Journal of Research on Adolescence*, vol. 12, pp. 121-148.
- Apresyan R.G. (1997) Grazhdanskoye uchastiye: otvetstvennost', obshchnost', vlast' [Civic participation: responsibility, community, power]. Non-conceptual collection. M.: Aslan. pp. 110. (In Russian)
- Beznyuk D. K. Religioznyy faktor v sotsial'nom upravlenii: opyt sotsiologicheskogo prochteniya [Religious factor in social management: the experience of sociological reading]. *Sociology and Management*, vol. 7, no 4, pp. 180 – 190. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-1-2. (In Russian)
- Sharipova D., Beymenbetov S. (2021) Molodezh' v Kazakhstane: otsenka tsennostey, ozhidaniy i stremleniy [Youth in Kazakhstan: assessment of values, expectations and aspirations]. <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/kasachstan/18456.pdf>. (In Russian)
- Nikovskaya L.I., Skalaban I.A. (2017) Grazhdanskoye uchastiye: osobennosti diskursa i tendentsii real'nogo razvitiya [Civic Participation: Features of Discourse and Real Development Trends]. *Polis. Political studies*, no 6, pp. 43-60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04. (In Russian)
- Protestnaya aktivnost' v Kazakhstane. <https://cabar.asia/ru/protestnaya-aktivnost-v-kazahstane> [Protest activity in Kazakhstan]. URL: <https://cabar.asia/ru/protestnaya-aktivnost-v-kazahstane>. (In Russian)
- Rysbekova S.S. Molodezh' i religiya [Youth and Religion]. <https://articlekz.com/article/15128>. (In Russian)
- Sotsiologicheskoye issledovaniye (2021) «Molodezh' Kazakhstana»: NITS «Molodezh'» [Sociological study “Youth of Kazakhstan”: Research Center “Molodezh”]. Nur-Sultan. pp. 103 (In Russian)
- Tastanbekova A.D., Aymaganbetova O. (2013) Aktual'nost' issledovaniya religioznoy identichnosti molodezhi v post-sovetskom Kazakhstane [The relevance of the study of the religious identity of youth in post-Soviet Kazakhstan]. *Bulletin of KazNU. Series of psychology and sociology*, no1 (44), pp. 64-74. (In Russian)
- Filatov S.B., Lunkin R.N. (2005) Statistika russkoy religioznosti: magiya tsifr i neodnoznachnaya real'nost' [Statistics of Russian religiosity: the magic of numbers and ambiguous reality]. *Sociological Studies*, no 6, pp. 35–45. (In Russian)
- Etnoreligioznaia identifikatsiya kazakhstanskoy molodezhi / Otchet ASIP po rezul'tatam oprosa molodezhi 23 aprelya – 6 maya 2016 g. (2016). [Ethno-religious identifications of Kazakhstani youth / ASIP report based on the results of a youth survey April 23 – May 6]. https://www.soros.kz/wp-content/uploads/2018/02/ethnoreligious_identifications_of_Regional_molodezh'.pdf (In Russian)

 O.A. Shebalina

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan, Astana
e-mail: sch.olga_enu@mail.ru

A FREE-ASSOCIATIVE EXPERIMENT FOR IDENTIFYING THE FACTORS FOR THE PERSONAL DEVELOPMENT OF YOUTH IN THE CONTEXT OF PROFESSIONAL EDUCATION

In the conditions of rapid changes taking place in the socio-economic life of Kazakhstan, much attention is paid to young people who are gradually taking active positions in the economic, political, and cultural spheres. Young people are aimed at developing and promoting their initiatives, mainly starting to implement them during the professional training. In these conditions, the socio-cultural potential of the youth acts as a combination of qualities and capabilities of the younger generation, formed under the influence of certain factors and a professionally oriented educational environment. From this perspective, we should determine these factors in accordance with the realities of modern times and youth's point of view. The purpose of the research was to determine the structure of significant indicators for youth's socio-cultural potential development in the context of professional education via the free-associative method. It was considered how the different categories of respondents react to the incentive words and phrases such as "youth", "youth's socio-cultural potential", "socio-cultural environment", and "cross-cultural interaction". Interpretation of the obtained results allows us to divide associations based on keywords and the repeatability sums values of the mentions into groups that make up the semantic core for each definition. As a consequence, twenty cognitive paradigmatic signs with a positive connotation were identified. The scientific value and novelty of the work arrows in proving the possibility of using the free-associative method for the definition of the logical components of the concepts in accordance to the ideas of a certain social group about it.

The main conclusions of the research confirm that the youth of Kazakhstan, as a social group, has a formed structure of associations regarding the role and status of youth in society and the development of socio-cultural potential, including in conditions of intercultural interaction. The practical significance of the results provides a base for the determination of the socio-cultural potential of youth indicators in the professional study field.

Key words: associative method, frequent reactions, semantic core, socio-cultural interaction, youth.

О.А. Шебалина

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қазақстан, Астана к.,
e-mail: sch.olga_enu@mail.ru

Кәсіптік білім беру мәнмәтіндегі жастардың жеке даму факторларының анықтау бойынша еркін-ассоциативті эксперимент

Қазақстанның әлеуметтік-экономикалық өмірінде болып жатқан қарқынды өзгерістер жағдайында экономикалық, саяси және мәдени салаларда біртіндегі белсенеді позицияға ие жастарға көп көңіл бөлініп келеді. Жастар өз бастамаларын дамытуды және ілгерілетуді көздейді, негізінен оларды кәсіби дайындық кезінде іске асыра бастайды. Мұндай жағдайда жастардың әлеуметтік-мәдени әлеуеті белгілі бір факторлардың және кәсіби бағдарланған білім беру ортасының әсерінен қалыптасан жас үрпақтың қасиеттері мен қабілеттерінің жиынтығы ретінде әрекет етеді. Осыған байланысты біздің алдымызда осы факторларды қазіргі заман шындығына және жастардың көзқарасына сәйкес анықтау міндетті түр. Зерттеудің мақсаты еркін ассоциативті әдісті колдана отырып, кәсіптік білім беру мәнмәтінінде жастардың әлеуметтік-мәдени әлеуетін дамытудың маңызды көрсеткіштерінің құрылымын анықтау болды. Респонденттердің әр түрлі категориялары «жастар», «жастардың әлеуметтік-мәдени әлеуеті», «әлеуметтік-мәдени орта» және «мәдениетаралық өзара іс-қимыл» сияқты ынталандыруышы сөздер мен сөз тіркестеріне қалай жауп қайтаратыны қарастырылды. Нәтижелерді түсіндіру бізге ассоциацияларды кілт сөздер мен қайталанулардың қосындыларының мағыналары негізінде әр анықтаманың семантикалық өзегін құрайтын топтарға бөлуге мүмкіндік береді. Нәтижесінде оң коннотациясы бар жиырма когнитивті парадигматикалық белгілер анықталды. Жұмыстың ғылыми құндылығы

және жаңалығы белгілі бір әлеуметтік топтың идеяларына сәйкес ұғымдардың логикалық компоненттерін анықтау үшін еркін ассоциативті әдісті қолдану мүмкіндігін дәлелдеу болып табылады.

Зерттеудің негізгі қорытындылары Қазақстан жастарының әлеуметтік топ ретінде қоғамдағы жастардың рөлі мен мәртебесіне және әлеуметтік-мәдени әлеуетін дамытуға, оның ішінде мәдениетаралық, өзара әрекеттестік контекстінде қалыптасқан ассоциациялар құрылымына ие болатынын растайды. Нәтижелердің практикалық маңыздылығы көсіптік білім беру саласындағы жастардың әлеуметтік-мәдени әлеуетінің көрсеткіштерін анықтауға негіз болады.

Түйін сөздер: ассоциациялар әдісі, жиі жауап қайтарулар, семантикалық, өзегі, әлеуметтік-мәдени өзара іс-кимыл, жастар.

О.А. Шебалина

Евразийский Национальный Университет им. А.Н. Гумилева, Казахстан, г. Астана
e-mail: sch.olga_enu@mail.ru

Свободно-ассоциативный эксперимент по выявлению факторов личностного развития молодежи в контексте профессионального образования

В условиях стремительных изменений, происходящих в социально-экономической жизни Казахстана, большое внимание уделяется молодежи, которая постепенно занимает активные позиции в экономической, политической и культурной сферах. Молодежь нацелена на развитие и продвижение своих инициатив, в основном начиная реализовывать их во время профессиональной подготовки. В этих условиях социокультурный потенциал молодежи выступает как совокупность качеств и способностей подрастающего поколения, сформированных под влиянием определенных факторов и профессионально ориентированной образовательной среды. В этой связи перед нами стоит задача по определению данных факторов в соответствии с реалиями современности и точкой зрения молодежи. Целью исследования было определение структуры значимых показателей развития социокультурного потенциала молодежи в контексте профессионального образования с помощью свободно-ассоциативного метода. Было рассмотрено, как различные категории респондентов реагируют на стимулирующие слова и фразы, такие как «молодежь», «социокультурный потенциал молодежи», «социокультурная среда» и «межкультурное взаимодействие». Интерпретация полученных результатов позволяет нам разделить ассоциации на основе ключевых слов и значений сумм повторяемости упоминаний на группы, составляющие семантическое ядро для каждого определения. Как следствие, было выявлено двадцать когнитивных парадигматических признаков с положительной коннотацией. Научная ценность и новизна работы заключаются в доказательстве возможности использования свободно-ассоциативного метода для определения логических составляющих понятий в соответствии с представлениями определенной социальной группы о нем.

Основные выводы исследования подтверждают, что молодежь Казахстана как социальная группа обладает сформированной структурой ассоциаций относительно роли и статуса молодежи в обществе и развития социально-культурного потенциала, в том числе в условиях межкультурного взаимодействия. Практическая значимость результатов обеспечивает основу для определения показателей социокультурного потенциала молодежи в области профессионального образования.

Ключевые слова: метод ассоциаций, частые реакции, семантическое ядро, социально-культурное взаимодействие, молодежь.

Introduction

In accordance with the course proposed by the President of the Republic of Kazakhstan Kassym-Jomart Tokayev, it is necessary to develop traditions of dialogue and civic engagement, cultivating progressive values underlying internal Kazakhstan solidarity and unity. All of this is indicated as the most important factor for further progress. In the context of the development of the Knowledge Economy, vocational education training and

university education have a significant impact as the social institutions for reproduction of intellectual potential.

Following the state's policy, the young students' formation of worldviews in the context of professional training should be based on universal values. In this case, it will contribute to improving the global competitiveness of Kazakhstan education. In the current situation, the identification of conditions for youth's socio-cultural potential development is quite important as a factor of the global and

interdisciplinary competencies' formation. The 21-st century competencies include volunteering, civic and social responsibility, leadership, communication, research, and entrepreneurial skills.

Justification of the choice of articles and goals and objectives

Young people as a demographic group, characterized by criteria such as age and social status and associated with the individual socio-psychological characteristics were considered by I. Kon (Kon, et al., 1970). R. Merton (1968) suggested the structural-functional approach, following which a systematic analysis of the current state and changes of this social group is assumed in close relationship with the surrounding reality and its ability to reproduce the social structure of society. Following this approach, young people are considered as a system of statuses or positions, depending on which individuals have specific social roles. T. Parsons identified the stages of socialization and the construction of youth culture within the framework of structural functionalism's concept. He designates the system of formal education as the main element of the internalization of a higher-order social organization system. F. Mahler proposed understanding the phenomenon of youth as a transitional state to the status of an adult individual under the influence of economic, cultural, and social conditions, based on the status-role representations.

P. Berger and T. Lukman's culturological approach considers the youth environment through subjective manifestations of personality – interests, motivation, and behavior (Berger, et al., 1966). The behavior of young people in terms of age characteristics and mental parameters while overcoming the "identity crisis" has a significant impact on the development of personality throughout life was analyzed by the psychoanalytic school's representatives Z. Freud and E. Erickson (1978).

A new sociological approach to youth as a social resource in close interaction with society was proposed by K. Mannheim (Casavecchia, 2017). At the same time, the dependence of the potential contribution of young people in the future is directly dependent on the expectations of society and, as a consequence, the content of education and training. Youth as a resource reproduced as a result of interaction can be based on the theory of structuration and the new rules of the sociological method of E. Giddens (1984).

Russian scientists also pay considerable attention to youth issues. According to V. Dobrynina, it

is necessary to analyze such characteristics as psychophysiological features, and economic and social status for understanding the youth's concept. In the works of A. Panarin, youth is interpreted as a specific socio-demographic group that contributes to the accelerated development of the latest professional, scientific, technical, socio-cultural, and territorial environment.

Kazakhstan scientists also paid a lot of attention to youth issues. Of considerable interest are the studies of A. Teslenko and M. Maulsharif devoted to the theoretical and methodological foundations of youth socialization and self-identification of students. The works of B. Mukhametzhhanov, T. Tsareva, G. Abdrayymova, E. Stolyarova, O. Nikolaeva, N. Biekenova are devoted to the issues of student youth, its value and ideological orientation, legal socialization, political culture.

The issues of youth, as a resource for the formation of human capital, the analysis of vocational education as a social institution, modernization processes were handled by B. Turlybekov, G. Aksakalova, R. Aralbayeva, I. Sarybayeva. The works of A. Ivashov are devoted to the problems of socio-cultural analysis of the Kazakhstan education system. Value orientations in the professional sphere and issues of youth self-determination are revealed in the works of N. Nysambayeva, A. Altynbekov.

Thus, the existing approaches allow us to consider youth as a social group from various sides, according to all aspects of its formation and interaction with the surrounding reality. That is, young people are a constantly renewing set of individuals who are in close interaction with society and are characterized by the following signs:

- specific social roles that regulate behavior;
- subjective manifestations of personality;
- age and social status.

The role and importance of youth in society are determined by their social status, ability, and desire to find their place. At the same time, the combination of the variety of views and values, intention to maximize personal potential is an integral part of social status. Thus, the formation of the socio-cultural potential of young people is one of the priority areas of scientific research.

Despite the steps taken, at the current time, Kazakhstan has not formed a comprehensive approach to the formation of the socio-cultural environment in professional training organizations, including a significant gap in approaches to the development of the socio-cultural potential of young people at various levels of professional

education. The current situation is connected with the rapidly changing socio-economic conditions and changes in the political structure of society. Despite the annual research, suggested, among other things, within the framework of the national reports "Youth", to overcome the existing gap, it is necessary to introduce the practices of the world's leading universities in accordance with the traditions of intercultural interaction that have developed in Kazakhstan society.

The purpose of the research was to determine the structure of significant indicators for youth's socio-cultural potential development in the context of professional education via the free-associative method. *The object* of this research is youth, and *the subject* is the structure of stereotypical representations of young people about their role in society and the development of personal socio-cultural potential. *The hypothesis* of this study is the assumption that the analysis of the ideas of youth in the professional education environment within the framework of their life activities within the socio-cultural environment of colleges and universities will contribute to the identification of factors that are significant for the development of personal and professionally important qualities of youth, meeting emerging needs and realizing the potential of young people.

The objectives of the study are: conducting a survey to determine the structure of associations of the youth within the framework of concepts that specify the role and status of youth in society and the development of socio-cultural potential, including in conditions of intercultural interaction; identifying semantic cores and periphery of each concept based on the frequency of respondents' reactions; forming and analyzing a list of stereotypical representations based on associative connections the proposed concepts.

In this paper, we used the *sociological approach* to determine the objective nature of mass consciousness based on affective (emotions), cognitive (values and needs), and connotative aspects. A comprehensive assessment of the current position and society's understanding of all the factors that directly affect to development of a socio-cultural environment in which the younger generation receives professional skills are the main factors of this approach. The first step for the assessment conducting is the formation of an interconnected set of the individuals' opinions involved in the educational process. *The significance of the research* provides a base for identifying the structure of significant indicators for youth's socio-cultural potential development in the context

of professional education based on using the free-associations method.

Scientific research methodology

The method of the free-associative experiment is one of the most popular and proven psycholinguistic methods, which consists in modeling the situation to get quick answers from the respondent, depending on the first word-reaction in response to the presented stimulating word. The results of the experiment can be used for identifying the content that carriers put into the proposed concepts. On this base, we can identify the largest number of cognitive features of the term, relevant to the current state of consciousness of individuals, including those belonging to a specific social group.

For the first time, the association method was presented by F. Galton for the personality assessment (Mülberger, 2017). This method is considered the forerunner of modern projective techniques. Subsequently, this method was applied as a diagnostic tool in C. Jung's research (1910), and Kent-Rosanoff Word Association Test (Kent, et al., 1910), and it is still used in psychology. In sociology, this method has also become widespread in identifying stable characteristics of associations and determining their relationship with phenomena and processes in society. The application of this approach is based on the formation of an associative series, which is inextricably linked with the processes of socialization of an individual and his perception of the norms and values of society. Consequently, we can agree with the statement that the associations of an individual not only reflect the relationships within different situations but also project the personal experience and worldview of an individual as a reaction to the stimulus word.

During preparing the free-associative experiment, it is necessary to take into account all aspects related to the association of individuals, including the concept of implicit stereotypes by Hinton (2017), the possibility of free associations' measurement (Nelson, et al., 2000), the dependence the associations from the mood-state of individuals (Weingartner, et al., 1977; Clark, et al., 1983), response process on stimulus words during the selective listening experiments (Broadbent, 1958). M. Zavalloni research based on free associations suggested the method of the social identity inventory, which was describing a person's individuality (Zavalloni, 1971). Important in determining whether the associations obtained during the experiment are common to a social group is the B. Bettencourt

and D. Hume's work on identifying differences in people's cognitive representations of the group and personal identity (Bettencourt, et al., 1999). Creativity and inner diversity during learning have such components as a mixture of cognitive, social, and emotional elements in various lists of skills and personal traits that contribute to effective learning, both in formal and informal settings (Gordon, et al., 2015). The free-associative experiment was also discussed by W. Holloway and T. Jefferson as a method of qualitative research (Holloway, et al., 2000). S. Arkhipova examines the types, descriptions, and results of verbal-associative experiments and also the features of object perception in the mass consciousness (2011).

Thus, as a result of an associative experiment, the researcher receives a specific set of stereotypical knowledge formed by individuals belonging to the same social group. That is, associative connections, being influenced by a particular personality, also have a significant social component. At the same time, associations formed as a result of an individual's socialization can influence his worldview and behavior in general, including in cases when the conditions of reality that caused specific associations have changed dramatically.

As a result of a free-associative experiment, an associative field is formed, which is a set of associates per word-stimulus, creating high-frequency (cultural and social) associations (core) and low-frequency and single associations (periphery). According to A. Zalevskaya (1998), the strategy of understanding a word can be identified through a situation, while the understanding of the formation of phenomena in the respondents' minds is based on the analysis of associative binomials representing pairs of agreed members of the same grammatical category.

Researchers propose several types of classification of results. G. Miller suggests classifying verbal associations, by contrast, similarity, subordination, generalization, assonance, part-whole, and complement, egocentrism, predication (1951). Ch. Osgood suggests using the semantic differential technique, in which semantic signs are important (1952). A. Klimenko also classifies associations by semantic sign: syntagmatic, paradigmatic, thematic, quotation, word-formation, grammatical, phonetic, accidental, refusals (Klimenko, et al., 2012). At the same time, paradigmatic associations are related to an established worldview and a rich lexical stock of individuals, while syntagmatic associations are inherent to children (Yachnaya, 2011).

The core of the associative field formed by the most common associations is of significant interest

since it allows us to determine the most common cognitive features of the concept. However, the unique associations reflect the social characteristics of the studied set of objects. At the same time, it is necessary to assess the general structure of the associative field, including the core density and the ratio of typical and unique associations, to identify the level of stereotypical perception of phenomena in the minds of individuals and analyze the factors influencing the "pattern" of responses.

Results and discussion

The research objectives of this experiment include identifying the sociological determinants of the associative field of individuals influenced by factors such as gender, age, and status in the vocational education system of the Republic of Kazakhstan. Sociological determinants include the role characteristics of youth and cognitive signs of its socio-cultural potential, also associations related with the socio-cultural environment, and the role of intercultural communication in professional education organizations. At the same time, it is necessary to identify the modification of associations depending on social positions.

We applied the productive technique of the free-associative experiment, the method of comparative analysis of the results obtained, and the classification method in the course of the research. Also, we used language material consisting of four incentive words and phrases for the respondents belonging to different ages and social groups for the survey: "youth", "socio-cultural potential of youth", "socio-cultural environment". To identify the factors influencing the relationships among young people in a multicultural educational environment inherent for higher education in Kazakhstan, the concept of "intercultural interaction" was added as an additional stimulating phrase.

Even though the proposed terminology is widely used and analyzed by various authors, such as Panarin (2007), Gordon (2008), S. Elishev (2017), Rudenkin (2019), Baigabylov, Beisembaev, Baigusheva (Baigabylov, et al., 2013), Behrnd & Porzelt (Behrnd, et al., 2012), etc., its understanding in the youth environment may include certain additional factors that were not analyzed previously; however, they have significant importance for understanding the needs and moods of this social group.

Using the Google Forms platform to form a questionnaire allowed us to receive and systematize the answers received using spreadsheet output and filtering settings in Microsoft Excel format.

The experiment was conducted using the “snowball” method, which involves interviewing subsequent respondents on the recommendation of previous ones. We have chosen this method due to limited access to specific social groups and distrust of various kinds of surveys. This fact also determined one of the most important criteria related to the age characteristics of the respondents. According to V. Belyanin (2009), to associative experiment should be involved individuals at least 17 years old, which is due to their psychological characteristics and the formation of vocabulary and language abilities.

In the process of a free-associative experiment, 128 respondents directly related to the system of professional education in Nur-Sultan and Karaganda were interviewed in the following categories:

1. Status in the system of vocational education:
  - University student;

- College student;
- Master's student;
- Doctoral student;
- University teaching staff;
- College teaching staff;
- Head of department;
- Employee of the department.

2. Age:

- 17-18 years old;
- 19-35 years old;
- 36-45 years old;
- 46-63 years old

3. Gender.

The choice of categories for the associative experiment is due to the need to assess the understanding of the proposed incentive word and phrases by various social groups, depending on their age, gender, and status in the professional education system (Tab. 1).

Table 1 – Categories of respondents

Status in the system of professional education	Men				Women				Total
	17-18	19-35	36-45	46-63	17-18	19-35	36-45	46-63	
University student	8	10			7	16			41
College student	3	9			3	2			17
Master's student		11				7			18
Doctoral student		2	2			3	4	1	12
University teaching staff		1	1			3	6	4	15
College teaching staff		4	4	1		1	3		13
Head of department		2	1			1	2	1	7
Employee of the department				1			3	1	5
Total	11	39	8	2	10	33	18	7	128

The analysis of the obtained associations allows us to explore the relationship between the understanding of the meanings of the incentive word and phrases. The logical chain proposed in the questionnaire provides an assessment of the relationship in the direction: youth – socio-cultural potential of youth – socio-cultural environment – intercultural interaction. As a result, 514 responses for the incentive words and phrases were received:

152 (130 – semantic core; 22 – periphery) – «youth»;

125 (98 – semantic core; 27 – periphery) – «socio-cultural potential of youth»;

116 (96 – semantic core; 20 – periphery) – «socio-cultural environment»;

121 (111 – semantic core; 10 – periphery) – «intercultural interaction».

We assumed the dependence of respondents' responses on age and status in the vocational training system. The analysis of the responses shows that we can observe the expansion of the list of associations, their depth, and their connection with the stimulating phrase among respondents who are at a higher level of the vocational education system. Consequently, their reactions were influenced by personality, confirming that the pragmatic factor had a significant impact on the responses of this group of respondents. At the same time, college and university students the age of around 18, as a rule, offered associations related to the stimulus phrase at the

level of general linguistic features. The responses-reactions of men were more concise; most women suggested more than one association.

Grouping the obtained cognitive features into thematic groups allowed us to establish the types of associations grouped by connotation: positive, negative, neutral. Positive associations have a positive orientation; convey satisfaction, hopes for the best. For example, the following answers of respondents can be attributed to the category of positive cognitive signs of the concept «youth»: «the future», «the potential of the country», «innovation», «lightness», «flexibility», «purposefulness», etc. Neutral reactions include reactions that, according to the classification of G. Miller belong to the category of «similarity»: «society», «people», «life», etc. Associations with a negative connotation are low-frequency and express a certain degree of uncertainty: «stupidity», «inexperienced», «indecisive».

Interpretation of the results obtained allows us to divide associations based on keywords and the values of the amounts of repeatability into groups

that make up the semantic core in the analysis of the concept. The final resulting matrix does not present low-frequency reactions (less than four times), due to individual characteristics of the perception of some respondents, as well as a possible reaction to external stimuli. For example, the reaction «dad» has a frequency of one as an answer in the associative series of the phrase «intercultural interaction». The final resulting matrix of the free-associative experiment is shown in Figure 1.

As can be seen from the presented matrix, the reactions with the highest frequency of mentions in response to the stimulus word «youth» include such concepts as «young», «age», «juvenile», which have a dependence on similarity and occur in respondents belonging mainly to the contingent of students within the vocational education system. With a slight gap in frequency, the reactions «the future» and «the potential of the country» are presented, implying a deeper understanding of the term at the level of interrelationships. These reactions are typical for several respondents regardless of gender, age and status.

youth		socio-cultural potential		socio-cultural environment		cross-cultural interaction	
Reactions	Frequency	Reactions	Frequency	Reactions	Frequency	Reactions	Frequency
young, age, juvenility	25	opportunities	18	society	20	partnership, mutual development	30
the future, the potential of the country	23	development	16	the space of vital activity	14	integration, interaction	22
novelty, innovation, creativity	12	volunteering	8	communication in society	10	globalization	15
training, students	11	intelligence	8	the level of development of society's values	8	communication	13
flexibility, lightness, mobility	9	good manners	6	culture	6	tolerance	12
society, people	9	culture, preservation and development of culture	6	education and science	6	multiculturalism, mutual influence of cultures	7
fun, relaxation, positive	7	development through technology	5	creative environment	6	traditions	6
activity	6	youth as a resource, potential	5	environment & context	9	friendly relations	6
commitment	6	modernity, innovations, trends	5	communications on the Internet	5		
ambitions	5	driving force, contribution	5	professional environment	4		
freedom	5	aspiration	4	development	4		
opportunities	4	creativity	4	conditions for the formation of personality	4		
patriotism, prosperity of the nation	4	tolerance, support	4				
vital energy	4	future	4				

Figure 1 – The final resulting matrix of the free-associative experiment

Less common are reactions related to innovation, creativity, education, flexibility, and society, but this list is typical for respondents belonging to the system of higher professional education.

The most common reactions to the stimulus phrase "socio-cultural potential" are the answers "opportunities" and "development" reactions related to volunteering, education, upbringing, and culture are gaining half the frequency. This trend is also associated with the spread of synonymy of concepts with the word "potential". However, the component of the incentive phrase "socio-cultural" is reflected in a much smaller number of reactions, also mainly typical for teachers and students of the university, as well as heads and employees of the departments.

For the stimulus phrase "socio-cultural environment", the synonymous reaction "society" is also the most common. At the next stage, there are reactions with a frequency of mention slightly less – "the space of vital activity", two times less – "communication in society", "the level of development of values of society". All of these reactions are also typical for representatives of both the vocational education system and higher education. The reactions "culture", "education and science", "creative environment" are less common and are mainly characteristic of teachers and students of universities.

Reactions to the additional incentive phrase "intercultural interaction" can be divided into groups, the most significant in terms of frequency of reactions, which are "partnership", "integration, the interaction of cultures", "globalization" and "communication". Thus, the semantic core for the proposed concepts is quite dense. Consequently, we can suggest a high degree of stereotyping in respondents' perceptions of concepts.

Considering the results obtained from the point of view of sociology, it can be argued that the semantic associations obtained are a reflection of the relationship between the individual's response at a certain point in time to social phenomena and processes expressed by stimulus words and phrases. At the same time, the associations of each respondent include not only his personal life experience but also the social experience of the group to which he belongs. The high density of the semantic core to the proposed concepts proves the influence of stereotypes, traditions, and other factors formed in the social group on the perception of reality in the respondent's mind. Thus, based on the analysis of associations, we get an idea of the structure of

associations as a reflection of the prevailing ideas about social phenomena and processes among respondents belonging to a specific social group.

Based on the above, we can say that the method of free associations can be used as a supplement to traditional methods in sociological research. For example, the author considers it rational to use the results obtained using this method in carrying out structural and factor operationalization of concepts related to the development of the socio-cultural potential of youth in the context of professional education.

Conclusion

The conducted experiment to identify the prevailing ideas about the development of personal socio-cultural potential in the youth environment of professional education organizations by the method of free associations allowed identifying groups of cognitive traits for the concepts proposed to respondents. At the same time, there are significant differences in the reactions received in response to incentive words, depending on the age, gender of respondents, and their status in the professional education system. As a result, four groups of cognitive features were obtained, characterized by a high density of semantic cores, which is proof of the possibility of using the results obtained during the interpretation of the concept of "socio-cultural potential of youth".

As the most important factors for further research, the following cognitive signs were identified, obtained as a result of associations with a positive connotation and is paradigmatic: innovation, creativity, mobility, purposefulness, ambition, freedom, patriotism, development, education, volunteerism, education, science, culture, creativity, communication, multiculturalism, partnership and interaction, tolerance, development of values.

Thus, the analysis of the ideas formed in the professional education environment about young people in the framework of their life activities within the socio-cultural environment of colleges and universities allows us to identify factors that are significant for the personal development of youth, meeting their emerging needs and realizing their potential, which confirms the initial research hypothesis.

The obtained results will be used in further research related to the development of the young people's socio-cultural potential during the professional education.

References

- Arkhipova S.V. (2011) Asociativnyj eksperiment v psiholingvistike [Associative experiment in psycholinguistics]. *Bulleten' BGU: Jazyk, literatura, kul'tura*, no 11, pp. 6-9. (In Russian)
- Baigabylov N.O., Beisembayev A.R., Baigusheva K.M. (2013) Some Issues of Ethno-Cultural Education in Modern Kazakhstan. *Social and Behavioral Sciences*, no 89, pp. 409-412.
- Behrnd V., Porzelt S. (2012) Intercultural competence and training outcomes of students with experiences abroad. *International Journal of Intercultural Relations*, no 36 (2), pp. 213-223.
- Belyanin V.P. (2009) Psiholingvistika [Psycholinguistics]. 6th ed. Moscow: Flint, Moscow Psychological and Social Institute, pp. 129-130. (In Russian)
- Berger P.L., Luckmann T. (1991) The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge. London: Penguin Books, pp. 66-70.
- Bettencourt B.A., Hume D. (1999) The cognitive contents of social-group identity: values, emotions, and relationships. *European Journal of Social Psychology*, no 29(1), pp. 113-121.
- Broadbent D.E. (1958) *Perception and communication*. New York: Pergamon Press, pp. 36-81.
- Casavecchia A. (2017) Connecting Education to Society through Karl Mannheim's Approach. *Italian Journal of Sociology of Education*, no 9 (3), pp. 256-264.
- Clark M.S., Waddell B.A. (1983) Effects of Moods on Thoughts About Helping, Attraction and Information Acquisition. *Social Psychology Quarterly*, no 46 (1), pp. 31.
- Elishev S. O. (2017) Youth problematic and approaches to the definition of "youth" in sociology". *Moscow State University Bulletin, Series 18 "Sociology and Political Science"*, no 23(3), pp. 200-223.
- Erikson E. H. (1968) Identity Youth and Crisis. New York: W.W. Norton & Company, pp. 128-135.
- Giddens A. (1986) The constitution of society. Berkeley: University of California Press, pp. 118-119.
- Gordon J., O'Toole L. (2015) Learning for well-being: creativity and inner diversity. *Cambridge Journal of Education*, vol. 45, no 3, pp. 333-346.
- Gordon V. (2008) Student diversity and student needs. Academic advising. A comprehensive handbook. Second Ed. San Francisco: Jossey-Bass, pp. 119-121.
- Hinton P. (2017) Implicit stereotypes and the predictive brain: cognition and culture in "biased" person perception. *Palgrave Communications*, no 3 (1), pp. 1-10.
- Hollway W., Jefferson T. (2000) Doing Qualitative Research Differently: Free Association, Narrative and the interview method. London: Sage publishing, pp. 84-103.
- Jung Carl G. (1910) The Association Method. *The American Journal of Psychology*, vol. 21, no 2, pp. 219-269.
- Kent G.H., Rosanoff A.J. (1910) A Study of Association in Insanity. *American Journal of Insanity*, vol. 67, no 2, pp. 317-390.
- Klimenko A., Posoh A. (2012) Semantika i grammatika v asociativnom sintagmatischeskom binome [Semantics and grammar in associative syntagmatic binomial]. Sovremennye napravlenija issledovanija i prepodavanija slavjanskih jazykov: sb. nauch. st. [Modern directions of research and teaching of Slavic languages: Collection of scientific articles]. Minsk: Belarusian State University, pp. 91-97.
- Kon I.S., Ikonomikova S.N. (1970) Molodezh' kak social'naya kategorija [Youth as a social category]. Report at the VII World Sociological Congress in Varna. M., pp. 5-9. (In Russian)
- Merton R. (2006) Social'naya teoriya i social'naya struktura [Social theory and social structure]. M., pp. 287-339. (In Russian)
- Miller G.A. (1951) Language and communication. McGraw-Hill, 298 p.
- Mülberger A. (2017) Mental association: testing individual differences before Binet. *Journal of the history of the behavioral sciences*, vol. 53, no 2, pp. 176-198.
- Nelson Douglas L., McEvoy, Cathy L., Simon, D. (2000) What is free association and what does it measure? *Memory & Cognition*, no 28 (6), pp. 887-899.
- Osgood C.E. (1952) Language and communication. *Psychological Bulletin*, no 49 (4), pp. 361-363.
- Panarin P.A. (2007) Psihologiya socializacii sovremennoj molodezhi [Psychology of socialization of modern youth]. M.: Publishing house of RIC AIM, 160 p. (In Russian)
- Rudenkin D.V. (2019) Molodezh' kak sociologicheskaya kategorija: osnovnye konceptual'nye podhody [Youth as a Sociological category: basic conceptual approaches]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no 9 (138), pp. 13-17. (In Russian)
- Weingartner H., Miller H., Murphy D. (1977) Mood-state-dependent retrieval of verbal associations. *Journal of Abnormal Psychology*, vol. 86, no 3, pp. 276-284.
- Yachnaya T.A. (2011) Tipy svyazej v associativnyh binomah [Types of connections in associative binomials]. *Proceedings of BSTU. Series 6: History, philosophy*, no 5, pp. 185-187. (In Russian)
- Zalevskaya A.A. (1998) Znachenie slova i vozmozhnosti ego opisaniya [The meaning of the word and the possibilities of its description]. *Lingvisticheskoe soznanie: stanovlenie i funkcionirovanie: sbornik statej*. M., pp. 35-37. (In Russian)
- Zavalloni M. (1971) Cognitive processes and social identity through focused introspection. *European Journal Social Psychology*, no 1 (2), pp. 235-260.

Литература

- Архипова С.В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике // *Бюллетень БГУ: Язык, литература, культура*. – 2011. – № 11. – С. 6-9.
- Baigabylov N.O., Beisembayev A.R., Baigusheva K.M. Some Issues of Ethno-Cultural Education in Modern Kazakhstan // *Social and Behavioral Sciences*. – 2013. – № 89. – P. 409-412.
- Behrnd V., Porzelt, S. Intercultural competence and training outcomes of students with experiences abroad // *International Journal of Intercultural Relations*. – 2012. – № 36 (2). – P. 213-223.
- Белянин В. П. Психолингвистика. 6-е изд. – М.: Флинт, Московский психологический и социальный институт, 2009. – С. 129-130.
- Berger P.L., Luckmann, T. *The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge*. – London: Penguin Books, 1991. – P. 66-70.
- Bettencourt B. A., Hume D. The cognitive contents of social-group identity: values, emotions, and relationships // *European Journal of Social Psychology*. – 1999. – № 29 (1). – P. 113–121.
- Broadbent, D.E. *Perception and communication*. – New York: Pergamon Press, 1958. – P. 31-81.
- Casavecchia A. Connecting Education to Society through Karl Mannheim's Approach // *Italian Journal of Sociology of Education*. – 2017. – № 9 (3). – P. 256-264.
- Clark M.S., Waddell, B.A. Effects of Moods on Thoughts About Helping, Attraction and Information Acquisition // *Social Psychology Quarterly*. – 1983. – № 46 (1). – P. 31.
- Elishev S.O. Youth problematic and approaches to the definition of “youth” in sociology // *Moscow State University Bulletin. Series 18 Sociology and Political Science*. – 2017. – № 23 (3). – P. 200-223.
- Erikson E. H. *Identity Youth and Crisis*. – New York: W.W. Norton & Company, 1968. – P. 128-135.
- Giddens A. *The constitution of society*. – Berkeley: University of California Press, 1986. – P. 118-119.
- Gordon J., O'Toole L. Learning for well-being: creativity and inner diversity // *Cambridge Journal of Education*. – 2015. – Vol. 45. – № 3. – P. 333-346.
- Gordon V. Student diversity and student needs. Academic advising: A comprehensive handbook. – Second Ed. – San Francisco: Jossey-Bass, 2008. – P. 119-121.
- Hinton P. Implicit stereotypes and the predictive brain: cognition and culture in “biased” person perception // *Palgrave Communications*. – 2017. – № 3 (1). – P. 1-10.
- Hollway W., Jefferson T. Doing Qualitative Research Differently: Free Association, Narrative and the interview method. – London: Sage publishing, 2000. – P. 84-103.
- Jung Carl G. The Association Method // *The American Journal of Psychology*. – 1910. – Vol. 21. – № 2. – P. 219-269.
- Залевская А.А. Значение слова и возможности его описания // *Лингвистическое сознание: становление и функционирование: сборник статей*. – М., 1998. – С. 35-37.
- Kent G.H., Rosanoff A.J. A Study of Association in Insanity // *American Journal of Insanity*. – 1910. – Vol. 67. – № 2. – P. 317–390.
- Клименко А., Посох А. Семантика и грамматика в ассоциативном и семантическом биноме // *Современные направления исследования и преподавания славянских языков: сб. науч. ст.* Белорусский государственный университет. – Минск, 2012. – С. 91-97.
- Кон И.С., Иконникова С.Н. Молодежь как социальная категория: доклад на VII Мировом социологическом конгрессе в Варне. – М., 1970. – С. 5-9.
- Miller G. A. *Language and communication*. – McGraw-Hill, 1951. – 298 р.
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М., 2006. – С. 287-339.
- Mülberger A. Mental association: testing individual differences before Binet // *Journal of the history of the behavioral sciences*. 2017. – Т. 53. – № 2. – P. 176-198.
- Nelson Douglas L., McEvoy Cathy L., Simon D. What is free association and what does it measure? // *Memory & Cognition*. 2000. – № 28 (6). – P. 887-899.
- Osgood C.E. Language and communication // *Psychological Bulletin*. – 1952. – № 49 (4). – P. 361-363.
- Панарин П.А. *Психология социализации современной молодежи*. – М.: Изд-во РИЦ АИМ, 2007. – 160 с.
- Руденкин Д.В. Молодежь как социологическая категория: основные концептуальные подходы // *Теория и практика общественного развития*. – 2019. – № 9 (139). – С. 13-17.
- Weingartner H., Miller H., Murphy D. Mood-state-dependent retrieval of verbal associations // *Journal of Abnormal Psychology*. – 1977. – Vol. 86. – № 3. – P. 276-284.
- Zavalloni M. Cognitive processes and social identity through focused introspection // *European Journal of Social Psychology*. – 1971. – № 1 (2). – P. 235-260.
- Ячная Т.А. Типы связей в ассоциативных биномах // *Труды БГТУ, Серия 6: История, философия*. - 2011. – № 5. – С. 185-187.

Т.Б. Тауекелова* , **Г.О. Абдикерова**

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: batyrkyzy1976@mail.ru

ШЕТЕЛДІК БРЕНДТЕРДІҢ КОРПОРАТИВТІ ӘЛЕУМЕТТІК ЖАУАПКЕРШІЛІК СТРАТЕГИЯЛАРЫН ДАМЫТУ ЕРЕКШЕЛІКТЕРИ

Мақалада шетелдік брендтердің корпоративті әлеуметтік жауапкершілікті стратегияларын дамыту ерекшеліктері қарастырылады. Стратегияның мақсаты корпоративті әлеуметтік жауапкершілік саласындағы жобалар мен үрдістерді басқару және бизнестің негізгі қағидаттары мен басымдықтарын белгілеу үшін қажет. Стратегия халықаралық стандарттарда бекітілген нормаларды пайдалана отырып, корпоративті әлеуметтік жауапкершілікті бизнес қызметінің тиімділігін арттыру және тұрақты дамуын қамтамасыз етеді. Қазіргі жағдайдағы қазақстандық бизнестің әлеуметтік жауапкершілігін қалыптастырудың стратегиялық бағыттарын айқындау біздің негізгі міндет болып табылады. Осыған орай шетелдік брендтердің корпоративті әлеуметтік жауапкершілігі стратегияларын ендірудің нәтижелері мен салыстырмалы талдауы берілген. Мұнда әдебиеттерге, оның ішінде, ғылыми басыымдар мен ғылыми мақалаларды талдау нәтижесінде жиналған ақпаратқа негізделген Starbucks, H&M және IKEA компаниялары туралы зерттеулер еніп отыр. Осы салыстырмалы талдаулар мен нәтижелер қазақстандық бизнестің әлеуметтік жауапкершілігінің стратегияларын қалыптастырудың үлгісі бола алады. Болашакта Қазақстанда жұмыс істеп жатқан шетелдік брендтердің корпоративті әлеуметтік жауапкершілік стратегиялары туралы да әлеуметтанулық зерттеулер аса қажет.

Салыстырмалы әлеуметтанулық зерттеулер арқылы қазақстандық бизнестің әлеуметтік жауапкершілігін дамытудың стратегиялық бағыттарын айқындау маңызды міндет болып есептеледі. Себебі, қазір бизнестің жұмыс істеу ортасы, мүмкіндігі мен шенбері де өзгеруде және уақыт үздіксіз өзгерістерді талап етуде. Негізінде, стратегия бизнестің мұддесі мен табысына ғана емес, ұжымның, ал нақтырақ айтқанда қоғамның мұддесіне назар аудара отырып жасалуы тиіс.

Түйін сөздер: бизнестің әлеуметтік жауапкершілігі, корпоративті әлеуметтік жауапкершілік, бренд, стратегия, EFQM.

T.B. Tauyekelova*, G.O. Abdikerova
Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty
*e-mail: batyrkyzy1976@mail.ru

Features of developing corporate social responsibility strategies of foreign brands

The article discusses the features of the development of corporate social responsibility strategies of foreign brands. The purpose of the strategy is to manage projects and processes in the field of corporate social responsibility and define the basic principles and priorities of the business. The strategy ensures the sustainable development and improvement of the efficiency of corporate socially responsible business using the norms enshrined in international standards. Our main task is to identify strategic directions for the formation of social responsibility of Kazakhstan business in modern conditions. In this regard, a comparative analysis and results of the implementation of corporate social responsibility strategies of foreign brands are given. Here are the studies of Starbucks, H&M and IKEA based on literature, including information collected from the analysis of scientific publications and scientific articles. These comparative analyzes and results can serve as an example of the formation of social responsibility strategies of Kazakh business. In the future, serious sociological studies of strategies of corporate social responsibility of foreign brands operating in Kazakhstan are necessary.

It is important to determine the strategic directions of the development of social responsibility of the Kazakh business by means of comparative sociological studies. The fact is that the environment, opportunities and framework of business functioning are changing now, and time requires continuous changes. In principle, the strategy should be built with an emphasis not only on the interests and success of the business, but on the interests of the collective, more precisely, society.

Key words: social responsibility of Business, Corporate Social Responsibility, brand, strategy, EFQM.

Т.Б. Таукелова*, Г.О. Абдикерова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы
*e-mail: batyrkyzy1976@mail.ru

Особенности развития стратегий корпоративной социальной ответственности зарубежных брендов

В статье рассматриваются особенности развития стратегий корпоративной социальной ответственности зарубежных брендов. Цель стратегии – управление проектами и процессами в области корпоративной социальной ответственности и определение основных принципов и приоритетов бизнеса. Стратегия обеспечивает устойчивое развитие и повышение эффективности деятельности корпоративного социально ответственного бизнеса с использованием норм, закрепленных в международных стандартах. Основной задачей исследования является определение стратегических направлений формирования социальной ответственности казахстанского бизнеса в современных условиях. В этой связи дан сравнительный анализ и результаты внедрения стратегий корпоративной социальной ответственности зарубежных брендов. Здесь представлены исследования компаний Starbucks, H&M и IKEA, основанные на литературе, в том числе на информации, собранной в результате анализа научных публикаций и научных статей. Данные сравнительного анализа и результаты могут служить примером формирования стратегий социальной ответственности казахстанского бизнеса. В перспективе необходимы серьезные социологические исследования стратегий корпоративной социальной ответственности зарубежных брендов, работающих в Казахстане.

Важно определить стратегические направления развития социальной ответственности казахстанского бизнеса посредством сравнительных социологических исследований. Дело в том, что сейчас меняется и среда, возможности и рамки функционирования бизнеса, и время требует непрерывных изменений. В принципе, стратегия должна строиться с акцентом не только на интересы и успехи бизнеса, но и на интересы коллектива, точнее общества.

Ключевые слова: социальная ответственность бизнеса, корпоративная социальная ответственность, бренд, стратегия, EFQM.

Кіріспе

Тәуелсіз Қазақстанда әлеуметтік жауапкершілікті дамытудың алғышарттары 1990 жылдардың ортасында өздерінің әлеуметтік жауапкершілігін көрсеткен шетелдік компаниялардың нарыққа шығуымен пайда болды (Yerniyazova, 2019).

Компаниялардың нарыққа шығуы бизнестің әлеуметтік жауапкершілігін оның қызметінің негізгі қагидаттарының бірі ретінде қарастыра бастады. Бизнесті дұрыс жүргізуде оның бизнес стратегиясының дұрыс қалыптасуы аса маңызды.

«Стратегия» сөзі әскери – іс ғылымынан алынған. Стратегия (грек тіл. Strategos – әскер жүргіземін деген мағына береді) тактикамен салыстырып қараганда іс-әрекеттің жалпы жоспары (Осипов, 2000). Сан-Диего халықаралық университеттің профессоры, жетекші корпорацияларда практикалық тәжірибесі бар, стратегиялық жоспарлау мәселелері бойынша танымал ғалым Игорь Ансофф өзінің «Стратегиялық менеджмент» кітабында стратегия – бұл, үйім өз қызметінде басшылыққа алатын шешім қабылдау ережелерінің жиынтығы, – деп жазды (Ансофф, 1989). Біздің ойымызша, И. Ансоффтың

стратегиялық жоспарлау моделі стратегиялық шешімдер қабылдаудың дәйекті үрдісінде қалыптасты. Өз заманының талабы ретінде И. Ансоффтың моделі стратегиялық жоспарлаудан ғөрі корпоративті кенеңтү және әртаратандыру үрдістерін колдады, – деп айтуда болады.

Корпоративті әлеуметтік жауапкершілік стратегиясы мақсатты белгілеу мен мүдделі тараптардың негізгі топтарымен (стейхолдер) өзара қарым-қатынасты дамыту негізінде қалыптасады. Осыған орай стейхолдерлерді негізгі төрт топқа бөліп қарастыруға болады: тұтынушылар, үйім персоналы, үйім қызметінің аумағында қатысатын жергілікті қоғамдастықтар, компания инвесторлары (Грибцова, 2013). Мақсат пен мүдде айқын болғанда, бизнестің стратегиясы да, оның шешім қабылдау ережелері де айқын болары сөзсіз.

Р.А. Фатхутдиновтың пікірінше, стратегия – бұл бағдарлама, жоспар, субъектінің негізгі бағыты, стратегиялық мақсаттарға қол жеткізу жөніндегі қызмет. Соңдай-ақ ол стратегияның не үшін қажет екендігін байлаша түсіндіреді.

- Өзіне басқару объектісін дамытудың техникалық, технологиялық, экологиялық, экономикалық, басқарушылық және басқа да аспекттерін синтездеу;

- Басқарылатын ұйымның әртүрлі жақтарын біріктіру, мысалы, миссия, әлеует, құрылым, корпоративтік мәдениет, менеджмент жүйесі және т.б;

- Жедел міндеттерге кол жеткізу емес, стратегиялық, қоғамдық, корпоративтік және жеке мұдделерді қамтамасыз ететін мақсаттар;

- Икемді болу, кеңістікте және уақытта туындастын стратегиялық жағдайлардың көп екендігін ескеру;

- Басқару субъектілері мен объектілерінің, сыртқы ортаның стратегиялық және тактикалық бәсекелестік артықшылықтарын, бүкіл ұйымның білімін, іскерлігін, тәжірибесін шоғырландыру;

- Орташа тәуекелді болуы, бәсекелестердің стратегиялық артықшылықтарын тәмендетпеуі және өзінің артықшылықтарына асырабагаламауы (Фатхутдинов, 2005). Корпоративті әлеуметтік жауапкершілік стратегиясы – бұл корпоративтік ұйым өзінің қызметін (миссиясы, пайымдауы, мақсаттары) мұдделі тараптар үшін құндылықты түрде дамытуға қалай әрекет ететіндігі және осылайша өзінің мақсаттарына қалай жететіндігі туралы жоспарланған іс-қымыл бағдарламасы (Emezi, 2014). Қазақстандық бизнесе әлеуметтік жауапкершілік пен сенімді дамытудың стратегиялық бағыттарын қалыптастыруды зерттеу өзекті ғылыми міндеттердің бірі болып табылады.

Әдеби шолу

Стратегия ұғымына жеткілікті түрде анықтама берген ғалым Г. Минцберг болды. Ол стратегияны *Жоспар, Қагида, Позиция, Перспектива* және *Тәсіл* деген комбинациялар арқылы анықтайды. Енді Г. Минцбергтің комбинациясына келер болсақ, оның негізгі компоненттерінің мағынасы келесі ерекшеліктерді көрсетеді.

- *Жоспар* – белгілі бір жағдайда басшылыққа альнатын, саналы және әдейі жасалған жұмыс тізбегінің бір түрі. Стратегия-жоспардың еki маңызды сипаттамасы бар, ол алдын ала іс-шаралар басталғанға дейін және белгілі бір мақсатта әдейі жасалады.

- *Тәсіл* – компанияның белгілі бір жағдайда немесе іс-шарада бәсекелестерін жену үшін қолданылатын әдісі.

- *Қагида* – ұйымның мінез-құлқының тұрақты ерекшелігін сипаттайтын іс-әрекет.

- *Позиция* – бұл компанияның нарықтықландышафтағы ең тиімді орнын іздеу (компанияның ресурстары мен қабілеттері, кірістің жағымды потенциалы, бәсекелестікten қорғалуы).

- *Перспектива* – бұл, ұйымның өз мұддесін жүзеге асыру барысында ниеті мен мақсаттары арқылы әлемді көрүі/ қабылдауды ретінде қарастырылады (Минцберг, 2003). Бұл тізбектегі стратегияның компоненттері өзара байланысты және тәуелсіз. Мұнда барлық жоспарлардың мінез-құлқы қағидаларына, ал үлгілердің шындыққа айнала бермейтінін ескеру қажет.

Сондай-ақ ғалымдар А.А. Томпсон мен А.Дж. Стрикландтің «Стратегиялық менеджмент. Стратегияны жасау және жүзеге асыру өнері» еңбегі бизнестің түрлі мектептері мысалында стратегиялық басқарудың не екенін түсінуге мүмкіндік береді. Сонымен қатар бизнестің жұмыс ортасы да өзгеріп келеді. Ұдайы болып тұратын өзгермелі жағдайларға, сыртқы ортаның өзгеруіне сәйкес қәсіпорындардың бейімделу қажеттілігі фактісі экономикалық қайта құрулардың барлық бағыты бойынша қәсіпорындарды болашаққа бағдар жасауға, стратегиясын қалыптастыруға, негізгі құндылықтар мен бәсекелестік артықшылықтарды анықтауға, стратегиялық қауіптер мен оларды жоюға, яғни, стратегиялық менеджмент идеяларын тіkelей қолдануға шақырады. Осыған орай, бизнесті дұрыс анықтауда үш факторға назар аударып, бизнестің стратегиясын соған сәйкес қабылдау керектігін түсіндіреді. Олар келесі сұраптармен байланысты.

- Сатып алушының қажеттіліктерімен не істеу керек?

- Сатып алушылар тобы немесе тауарлар кімдер үшін шығарылады?

- Технологиялық және функционалдық орындау, яғни сатып алушының қажеттіліктері қалай қанағаттандырылады? Яғни, компанияның қызмет саласын анықтайтын оның бизнес-стратегиясы болады. Бизнес-стратегия қызметтің нақты бір саласында жұмыс істеудің ең жақсы көрсеткіштеріне қол жеткізу мақсатында басшылық әзірлейтін бірқатар тәсілдер мен бағыттарды қамтиды (Томпсон, 1998).

Г. Минцбергтің келесі бір мақаласында, стратегия толығыммен ойластырылған болуы үшін, яғни іске асырылған стратегия дәл болжанғандай қалыптасуы үшін кем дегенде үш шарт орындалуы керек – деп пайымдайды. Біріншіден, ұйымдардың өздері қалаған нәрсеге күмәнданбауы үшін тұжырымдалған нақты ниеттері болуы керек. Екіншіден, кез келген күмәнді жою үшін ұжымдық әрекеттер ортақ болу керек. Үшіншіден, бұл ұжымдық ниеттер сыртқы күштің кедергісіне тәуелсіз (нарықтық, технологиялық, саяси) орындалуы керек (Mintzberg, 1985a).

Жоғарыда айтылған ойларды әрі қарай жалғастырған белгілі француз маркетологы Ж.Ж. Ламбен маркетингтің негізгі қағидаларын фирманиң жалпы даму стратегиясымен толық және жүйелі түрде байланыстыра қарастыра отырып, стратегия мен маркетингті тиімді үйлестіру міндеттіне ерекше назар аудару керектігін айтты. Оның ойынша, компанияның стратегиялық тұжырымдары стратегиялық мақсаттарды нақтылайтын және тандалған даму бағытын қамтамасыз ететін құралдармен толықтырылған іс-қимыл бағдарламасына енүі керек (Ламбен, 1996). Галым Майкл Порттер өзінің «Конкуренттік стратегия: салалар мен бәсекелестерді талдау методикасы» еңбегінде бәсекеге қабілетті күштерге қарсы тұру және саланың басқа фирмаларымен салыстырғанда жақсы қорсеткіштеріне қол жеткізу үшін тиімді болып табылатын үш ықтимал базалық стратегиялық тәсілді бөліп көрсетті. Олар: абсолютті шығындар басымдығы, саралau, фокустау тәсілдері болатын. Сондай-ақ ол стратегияның негізгі нұсқалары осы саладағы бәсекелестермен салыстырғанда жоғары нәтижелерге қол жеткізу құралы болып табылады, ал белгілі бір салалық құрылымда бұл барлық фирмалар үшін, ал басқа салаларда кірістіліктің жалпы жоғары деңгейін білдіруі мүмкін стратегияны іске асырудағы жетістік абсолютті түрде тиімді пайдаға жету үшін қажет – деп түсіндірді (Порттер, 2005). Галым экономикалық бәсекелестікті зерттеу саласындағы белгілі маман ретінде бәсекелестік стратегияны тұжырымдау контекстінің моделін ұсынады. Осы модельдің қалыптасуына төрт негізгі фактор әсер етеді – деп қарастырған. Оның ішінде сыртқы факторлардың бірі – күтілетін әлеуметтік үміттер, яғни компанияның әлеуметтік ортасының қажеттіліктерін қанағаттандыру екенін баса көрсетеді. Әлеуметтік стратегия осы күтілімдерді қанағаттандыруға бағытталған бизнестің жалпы стратегиясының маңызды құрамдас болып табылады. Жалпы әлеуметтік стратегияны дұрыс бағдарлау – корпоративтік стратегияны жүзеге асырудың қажетті алғышарты.

Үйымның көзқарасын, миссиясын, стратегиялық мақсаттарын қамтып, оның негізгі, жаһандық және жартылай тұрақты ерекшеліктерін анықтайтын оның бизнес саясаты. Бизнес-саясат басқару процестеріне енетін көзқарастарға негізделеді. Ол тікелей стратегиялық басқару деңгейінде (жоғары басқару шешімдерімен) және жанама түрде жедел басқару деңгейінде (орта және бірінші буын менеджерлерінің

шешімімен) болады – деп пайымдайды (Tjasa, 2020).

Европалық маркетинг мектебінің көрнекті өкілі Ж.Ж. Ламбен маркетингтің екі деңгейінің мазмұны мен өзара байланысын талдаپ, сондай-ақ стратегиялық және операциялық, теориялық білімді практикалық қолдануға баса назар аудара отырып, нарықты дамыту стратегиясы бойынша компанияның құш-жігерін арттыру үшін қолданыстағы тауарларды жаңа немесе болашақ нарықтарда сату көлемі бойынша ол мақсатқа жету үшін бірнеше альтернативті тәсілдердің бар екендігін түсіндіреді. Олар:

- қызымет көрсетілген тұтынушылардың әлі де қол жеткізілмеген қажеттіліктеріне назар аудару;

- нарықтың жаңа сегменттерін игеру;

- сатудың жаңа арналарын табу;

- географияның кеңейту (Ламбен, 2014а).

Ж.Ж. Ламбенниң ойын әрі қарай жалғастыратын болсақ, бизнестің әлеуметтік жауапкершілік стратегиясын дамытуда ұсақ компаниялар мен кәсіпорындарды табиғи өнімдерді жеткізушілермен біріктіріп, ірілendіру қажет. Әрдайым тұтынушыға пайдалы әрі табиғи өнімдерді жеткізе отырып, ірі компаниялар өз инвестицияларын сала алады. Сондай-ақ ірі компаниялар нарықта тұрақты бәсекелестікке ие бола отырып, әлеуметтік мәселелерді шешуге де атсалысады. Ирі компаниялар жергілікті өндіруші кәсіпорындарға қолдау беретін болса, онда жергілікті кәсіпорындар өздерінің де экономикалық және әлеуметтік мәселелерін шеше алар еди.

Стратегия мен жауапкершіліктің бизнес үйімда қалай өзара байланысты болуы керек екендігін қарастырған зерттеулер барышылық. Осыған байланысты, жауапкершілік пен стратегияны түрліше байланыстыратын перспективаларды теориялық шолу жасау арқылы төрт архетип бойынша түсіндіретін көзқарасқа келер болсақ, бұл перспективалар олардың стратегиялық бағытына (ішкі-сиртқы) және жауапкершілікке (ішкі-сиртқы) байланысты ерекшеленетіндігін байқауға болады. Сонымен қатар, зерттеу сыртқы жауапкершілікке бағдарланып, көбінесе мұдделі тараптардың көзқарасы ретінде қолданылатын интегративті стратегиялық бағдармен сипатталатын корпоративтік жауапкершіліктің классикалық көзқарасын анықтайды (Heikkurinen, 2018). Компанияның стратегиялық жоспары жеке тұлғалардың емес, бүкіл ұжымның және тұтастай қоғамның мұдделерін ескере отырып әзіrlenуі

тиіс (Ережепов, 2019). Тиімді әлеуметтік стратегияны таңдауда міндеттер мен қажеттіліктерді есепке ала отырып, стратегиялық тәсілге сәйкес келетін бағыттарды таңдау дұрыс болатыны анық. Компанияның бизнес жүргізудегі әлеуметтік жауапкершілігінің стратегияларын анықтауда оның басшылары мен жұмысшыларының құндылықтары да әсер ететінін ескеруіміз керек.

Зерттеуіміздің басты мәселесі болып отырган тиімді әлеуметтік стратегиялар қалай қалыптасады және олар бәсекелестік артықшылықтарға қалай әсер етеді деген сұраптарға келетін болсақ, бәсекелестік артықшылықтарды қалыптастырудың негізгі көздері ресурстар екендігі белгілі. Сонымен қатар әлеуметтік стратегияларға материалдық емес ресурстар да, атап айтқанда, әлеуметтік капитал, адами капитал, бедел капиталы да әсер етеді. Бұл ресурстар бизнестің стейхолдерлермен өзара іс-әрекеттері процесінде дамып отырады. Сондай-ақ әлеуметтік стратегия тұрғысынан ең маңызды ресурстың бірі ол – тұтынушылардың сенімі, нақты айтқанда, жалпы бизнеске деген сенім. Себебі, бизнеске және компания өнімдеріне деген сенім болмай сұраныстың да болуы мүмкін емес. Сенім компанияның ерік құш-жігерінің арқасында ұзақ уақыт бойы дамып, оның қаржылық көрсеткіштерінің өсуіне де ықпал ететін ресурс. Бизнесте сенім деңгейі жоғары болған сайын оның бәсекелестік артықшылығы тұрақты және қүшті болады деп қорытынды жасауга болады.

Кәсіпорындардың әлеуметтік стратегиясын ұйымдастыру мен дамытудағы ең тиімді элементтерді салыстырмалы бағалау және анықтау үшін бенчмаркинг технологиясын жасау және қолдану қажет. Бенчмаркингті қолдану әлеуметтік-жауапкершілік мінез-құлықтың экономикалық ұтымдылығын, маңызды немесе мағынасыз болып табылатын шығындар мен корпоративті әлеуметтік жауапкершіліктің тиімсіз бағыттарын анықтауға мүмкіндік береді (Денисов, 2013).

Әрбір бизнесмен өз бизнесінің бағытын өзірлейді, ұйымды құрады, оның миссиясы мен стратегиясын, ал сайып келгенде бизнестің әлеуметтік институт ретінде келбетін айқындауды (Антонова, 2011).

Зерттеу әдісі

Стратегиялық корпоративті әлеуметтік жауапкершілік өнімділікті арттырудың шешімі болып табылады. Бұл, шетелдік компаниялардың

корпоративті әлеуметтік жауапкершілік саясатын зерттеу деректеріне сүйене отырып, сондай-ақ ғылыми ақпарат дереккөздерін зерттеу негізінде анықталды. Шетелдік зерттеулер стратегиялық негіздерді қалыптастырган үш ірі, атап айтқанда Starbucks, Н&М және IKEA сынды компаниюлардың корпоративті әлеуметтік жауапкершілік саласындағы стратегияларын талдайды. Мұнда корпоративті әлеуметтік жауапкершілік стратегияларының теориялық негіздері мен оны дамыту ерекшеліктері талданған. Жоғарыда аталған шетелдік компаниялардың тәжірибелерін назарға ала отырып, отандық компаниялар қызметтің әлеуметтік жауапкершілігінің тиімділігін арттыру бағыттарын қарастыру өзекті болып табылады.

Қазіргі жағдайда шетелдік компаниялардың халықаралық нарықта корпоративті әлеуметтік жауапкершілік тәжірибесін қолданудың бірыңғай моделі жок. Алайда зерттеушілер корпоративті әлеуметтік жауапкершіліктің түрлі тәсілдерін компаниялардың бизнес-стратегияларымен байланысты деп айтады. Нақты модельдің болмауынан нарықтардағы компаниялар арасында корпоративті әлеуметтік жауапкершілік қағидаттары мен құндылықтарын ұстануда айырмашылықтар орын алуы мүмкін. Қоپұлтты компаниюлар ретінде оларға зерттеушілер үлкен қызығушылықпен қарайды. Өйткені, көптеген нарықта жұмыс істеп отырган компаниялар өз бизнестерінің тұрақтылығы мен сапасын, жауапкершілігін талап етеді.

Зерттеулер көрсетіп отыргандай, корпоративті әлеуметтік жауапкершілікті ұстану компаниялардың бизнесіне анағұрлым пайда алып келеді. Олар жоғары репутацияны иеленіп, имиджін көтереді, инвестициялар тартады, конкуренциялық ортада артықшылықтарға ие болады. Шетелдік зерттеулер мен тәжірибелер корпоративті әлеуметтік жауапкершіліктің жүйе ретінде қалыптасқандығын көрсетеді. Сонымен қатар оны өздерінің компанияларының қызметтің стратегиялық бағыты ретінде қарайтындығын байқауға болады. Компаниялар әлеуметтік жауапкершілік және экологиялық жауапкершілік тұжырымдамаларын үнемі жетілдіруді ұдайы үрдіс ретінде санайды. Оларды жүзеге асыруда мақсатқа жетушілік, ниет және команда мен жұмыс қажет деп талап қояды. Компанияның әлеуметтік жауапкершілік саясатын одан әрі жетілдіруде мына бағыттарға басты назар аударып отыр: қызметкерлердің қоршаған ортаны сақтауға атсалысын арттыру; әлеуметтік бағдарламалардың санын көбейту,

жұмысшылардың әлеуметтік және азаматтық позициясын дамыту және тағы басқалар. Осындаид зерттеулерден алған тәжірибелер арқылы Қазақстанда саны артып келе жатқан компаниялар мен кәсіпорындар өздерінің корпоративті әлеуметтік жауапкершілік стратегияларын қалыптастыруды бір жүйеге келтіруі керек.

Шетелдік үйымдардың өзін-өзі бағалау құралы болып табылатын Европалық сapanы басқару корының (EFQM) моделін стратегиялық бағалаудың негізіне айналдыру үшін корпоративті әлеуметтік жауапкершілікке енгізен. Бұл беріліп отырған үш компанияның корпоративті әлеуметтік жауапкершілік стратегиялары мен нәтижелерін бағалауда өзінің тімділігін дәлелдеді (Phunbubrha, 2009).

EFQM моделі нарықтағы үйымдардың ертүрлі екендігін түсінеді, себебі трансформацияның универсалды тәсілі жоқ деуге болады. Сондыктan да EFQM моделі үйымдастырушылық кедергілерге әрқашанда тез бейімделіп, өнімділікті арттыруға икемді болып табылады. EFQM моделі қазіргі уақыттағы трансформацияны жүзеге асыру үшін үйымдастырушылық талдаулар, болашақты болжау және аналитиканың артықшылықтарын түсінуде күнделікті нарықта өзгеріп отырған жылдар бойы тәжірибелін әтижесінде құралған модель деп айтуға болады.

Компанияның корпоративті әлеуметтік жауапкершілік саласындағы EFQM Excellence модельінің өлшемдеріне сәйкес өлшеу айтарлықтай дәл болып табылады (Jankala, 2016) (1-сурет).

1-сурет – Корпоративті әлеуметтік жауапкершілікке қатысты EFQM жүйесінің критерийлері

Нәтижелер және талқылама

Табысты жұмыс істеп келе жатқан ірі компаниялардың бірі Starbucks өзінің әлеуметтік жауапкершілігін еki түрлі аспект бойынша жүргізеді. Олар ішкі ортасына және сыртқы ортасына қатысты әлеуметтік жауапкершілік болып табылады. Starbucks компаниясы корпоративті әлеуметтік жауапкершілікті бизнесті жүргізу деп есептейді. Компания бизнесті әлеуметтік, экологиялық және экономикалық пайда экелетін тәсілдер арқылы, сондай-ақ клиенттердің, қызметкерлердің, акционерлер мен жеткізушілердің мүдделерін ескере отырып жүргізеді. Компания корпоративті әлеуметтік жауапкершілікті адамдар үшін ғана емес, сонымен қатар қоршаган орта, қауымдастықтар үшін, қайырымдылық қызметтер арқылы жүргізе отырып, төрт маңызды сала, оның ішінде өнімдер, қоғам, қоршаган орта және жұмыс орындары бойынша жүзеге асырады. Starbucks компаниясының корпоративті әлеуметтік

жауапкершілік стратегиясын төмендегі суретten байқауға болады (2-сурет).

Беріліп отырған келесі суретте (3-сурет) H&M компаниясының корпоративті әлеуметтік жауапкершілік стратегиясы бейнеленген. Компанияның негізгі стратегиясы жақсы пайда мен бақылауды сақтай отырып есу болып табылады. Ондағы мақсат – дүкендердің санын жылына арттырып отыру. H&M компаниясының өндірістік және логистикалық желілерде мықты менеджменті бар инновациялық компания екендігі зерттеу барысында анықталды. Бұл компания сату қабілеті, қарапайымдылық, үнемі жетілдіру, үнемділік, кәсіпкерлік деңгей құндылықтарды басты назарда ұстайды (Phunbubrha, 2009).

Корпоративті әлеуметтік жауапкершіліктің маңызды факторларының бірі H&M компаниясы үшін жауапты серіктестерімен жұмыс жасау болып табылады. H&M компаниясының ерекшелігі – тұтынушыларының қажеттіліктері мен ниеттерін түсінуде.

<p>КОФЕ</p> <p>Кофеңін сапасын ұстап тұру</p> <p>Сапа мен баға арасындағы байланыс</p> <p>Кызметкерлердің адам құқықтарын құрметтей</p> <p>ҚОҒАМ</p> <p>Кофе нарының үздікіз залогиясы</p> <p>Әлемдік қоғамдастықтармен қызмет</p> <p>Қоғам мәселелеріне құрметпен қарау</p> <p>Жергілікті қоғамдастықтарды және экономикалық дамуды қолдау</p> <p>ҚОРШАҒАН ОРТА</p> <p>Коршаган ортасы корғауға деген адалдық</p> <p>Климаттың өзгеруін азайту стратегиясы</p> <p>Көгалдандыру</p> <p>ДЕНСАУЛЫҚ ЖӘНЕ ӘЛ-АУҚАТ</p> <p>Денсаулық пен әл-ауқатқа деген адалдық</p> <p>ЖҰМЫС ОРНЫ</p> <p>Үздік жұмыс орталарын қамтамасыз ету</p> <p>Серіктестерді тындау</p> <p>Серіктестіктерге артықшылықтар беру</p>	<p>адалдықта негізделген корпоративтік мәдениетті қолдайды (Попов, 2020).</p> <p>Корпоративтік әлеуметтік жауапкершілік (CSR) менеджери Корпоративтік әлеуметтік жауапкершілік (CSR) департаменті</p> <p>Өндірістік кеңсе</p> <ul style="list-style-type: none"> • Қызыр шығыс • Оңтүстік Азия 	<ul style="list-style-type: none"> • Экологиялық үйлестірушілер • Мінезд-құлық үйлестірушілері • IT үйлестірушілері • Қауымдастық инвестиациясының үйлестірушісі <ul style="list-style-type: none"> • Мінезд-құлық үйлестірушілерінің аймақтық коды • Мінезд-құлық коды бойынша менеджерлер мен аудиторлар • Жаһандық коршаган орта, денсаулық, қауіпсіздік бойынша (ЕНС) менеджер • Қауымдастық инвестиациясының үйлестірушісі
--	--	---

3-сурет – Н&М компаниясының корпоративтік әлеуметтік жауапкершілік стратегиясы

Менеджмент саласындағы ең басты халықаралық консалтингтік компания Reputation Institute ең үздік 100 компанияның жыл сайынғы рейтингінен етіп отырады. Жыл сайынғы жүргізілетін Global CR RepTrak100|2018 жылғы зерттеулері әлем елдері бойынша корпоративтік әлеуметтік жауапкершілік саласындағы ең жақсы репутацияға ие компаниялардың тізімін жариялады. CR RepTrak ұпайлары компаниялардың жұмыс орындарына, басқаруы мен азаматтық құндылықтарға негізделген. Корпоративтік әлеуметтік жауапкершілік саласындағы позициялары бойынша IKEA компаниясы да ең жоғары репутацияны иеленеді (Глобальные лидеры в области КСО, 2018 г.) Компания «Бизнес әлеуметтік жауапкершілік үшін» (Business for Social Responsibility, BSR) халықаралық коммерциялық емес ұйымының мүшесі. Ол үйімда компанияның өзінің өкілі де бар. IKEA компаниясы еңбек қатынастары саласында мемлекеттік еңбек заңнамасына сәйкес әрекет етіп, қызметкерлеріне өз территориясындағы өндірістері мен сауда-қоймаларында негізгі адам құқықтарының сақталуына кепілдік береді. Компания ұжымы толеранттылыққа, ашықтық пен

IKEA компаниясының корпоративтік әлеуметтік жауапкершілік саласындағы қызметтері мен қайырымдылық шаралары да жеткілікті. Босқындардың өмір сүру деңгейін көтеруге де қаражат бөліп отырады. Жеткізушилдердің мінезд-құлық Кодексін енгізе отырып, балалар еңбегін пайдалануға, мәжбүрлі және құлдық жұмысқа, жұмыстағы кемсітүшілікке тыйым салады (Alaa, 2021).

Қорытынды

Сонымен қорытындылай келе, корпоративтік әлеуметтік жауапкершілікті компанииның қызметінің стратегиясы ретінде қабылдай отырып, бизнесе жетістікке қол жеткізіп отырған шетелдік брендтерге көптеген факторлардың әсер етіп отырғандығын байқауға болады. Бірінші кезекте, олардың мықты мақсаттары мен стратегиялары бар. Екіншіден, олар өнімдерінің жоғары сапасын бір қалыпта ұстап отыр. Үшіншіден, басқару менеджменті мен инновациялық жетістіктерге де басты назар аударуда. Корпоративтік құндылықтары және кәсіпорынның қызметкерлерімен бірге шешім қабылдаулары да әлеуметтік стратегия мен бәсекелестікке ерекше әсер етеді. Корпоративтік құндылықтарға бағытталған әлеуметтік бағдар анағұрлым күшті болса, кәсіпорынның әлеу-

меттік стратегиясы да соғұрлым мықты болады.

Бизнесің әлеуметтік жауапкершілігі стратегиясының мынандай артықшылықтарын атап өтүге болады:

- стратегия кәсіпорынның қызметін және басқару шешімдерін қабылдауды қамтамасыз етеді;

- бизнесің әлеуметтік жауапкершілік стратегиясы ресурстарды қолданудың алтернативті нұсқаларын бағалауды қамтамасыз етеді, стратегиялық негізделген және тиімді жобаларға ойластырылған түрде ресурстарды жеткізе алады;

- бизнесің әлеуметтік жауапкершілігі стратегиясында ең жаңа және прогрессивті, креативті өңдеулер қолданылады.

Сонымен қатар бизнесің әлеуметтік жауапкершілігі стратегиясының кемшіліктері де жоқ емес.

- бизнесің әлеуметтік жауапкершілігі стратегиясы кәсіпорынның болашактағы нақты және егжей-тегжейлі бейнесін көрсетіп бере алмайды;

- әрбір бизнесмен бизнестің әлеуметтік жауапкершілігі стратегиясын әрқалай түсінеді және жүзеге асырады, әрбір менеджердің стратегиялық көрегенділік жасай алуы да екіталаі;

- ұйымда бизнесің әлеуметтік жауапкершілігі стратегиясын қалыптастыру үлкен күш пен енбекті, көп уақыт пен ресурстарды талап етеді. Сондай-ақ стратегиялық көрегенділіктің қателері де көп көрініс береді. Сондықтан әлеуметтік жауапкершілік стратегиясын қалыптастыру көп уақытты, ресурстарды, инвестицияны талап етеді. Ең маңыздысы адами ресурстарды дұрыс бағалай білу және компания мен қоғамның өзара сенімді қарым-қатынасын қалыптастыруға күш салу болып табылады. Бизнес жасауға әлеуметтік жауапкершілік тұргысынан келу қазіргі заманның басты талабы, бұл өмір сапасының өзгеруімен, тұтынушылардың қажеттіліктеріне сай қызмет көрсету және бұл қажеттіліктердің есу тенденциясын бағалап отырумен тығыз байланысты.

Әдебиеттер

Ансофф И. Стратегическое управление. – М., 1989. – С. 303.

Антонова Н.В., Иванова Н.Л. Проблемы подготовки специалистов-психологов для работы в бизнесе / Отв. ред. В.А. Штроо, Н.Л. Иванова, Н.В. Антонова // Психологические проблемы современного бизнеса: Сборник научных статей. – М., 2011. – С. 343.

Alaa Baraka, Hiba Al Farkh. The influence of Corporate Social Responsibility on Financial Performance: The Case of IKEA // Journal of Service, Innovation and Sustainable Development. – 2021. – Vol. 2. - № 2. – С. 98-113. DOI: 10.33168/SISD.2021.0209

Грибцова Т.Ю. Формирование стратегии корпоративной социальной ответственности: анализ алтернатив // Российское предпринимательство. – 2013. – №8 (230) / апрель. – С. 90-97.

Глобальные лидеры в области КСО 2018 года. – URL: <http://reputationcapital.blog/2018/10/nazvany-globalnye-lidery-v-oblasti-kso-2018-goda/>)

Денисов А.Э. Формирование корпоративной социальной стратегии: основные принципы и инструменты // Проблемы современной экономики. – 2013. – №2 (46). – С. 54-58.

Ережепов Н.С. Қазақстанның жаһандық бәсекеге қабілеттілігі: уақыт таланттарына практикалық жауаптардың стратегиясы // Халықаралық гылыми конференция жинағы, Алматы, 14-15 наурыз. – 2019. – Б. 290.

Radoslav J., Jankalova M. The application of the EFQM Excellence Model by the evaluation of Corporate Social Responsibility activities of companies // Procedia Economics and Finance. – 2016. – №39. – Р. 660-667.

Ламбен Ж.Ж. Стратегический маркетинг. Европейская перспектива / Пер. с фран. – СПб.: Наука, 1996. – С. 589.

Ламбен Ж.Ж., Чумпилас Р., Шулинг И. Менеджмент, ориентированный на рынок / Пер. с англ.; под ред. В.Б. Колчанова. – СПб.: Питер. – Серия «Классика МВА», 2014. – С. 720.

Минцберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпел Дж. Школы стратегий. – СПб.: «Питер», 2003. – С. 336.

Mintzberg H, James A. Waters. Of strategies, Deliberate and Emergent // Strategic Management Journal. – 1985. – Vol. 6. - №3. – С. 257-272.

Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов / Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – С. 454.

Попов А.А., Мальцева С.М., Карповаз Т.П. Реализация системы корпоративной социальной ответственности группы компаний «IKEA» // Вестник Самарского муниципального института управления. – 2020. – №2. – С. 92-101.

Phunbubpha Thiengnoi, Sadaf Afzal. A Comparative analysis of CSR strategies, implementation and outcomes. – A Qualitative case study of IKEA, Starbucks and H&M Service Management Research: Master Thesis. Spring. – Karlstad: Karlstad University, 2009. – Р. 69.

Социологический энциклопедический словарь на русском, английском, немецком, французском, и чешском языках / Под ред. Г.В. Осипова. – М.: НОРМА, 2000. – С. 488.

- Charles Nwaneri Emezi. Corporate social responsibility: a strategic tool to achieve corporate objective // *Responsibility and Sustainability. Socioeconomic, political and legal issues.* – 2014. – Vol. 2. - № 3. – P. 43-56.
- Томпсон А.А., Стрикленд А.Дж. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии / Пер. с анг.; под ред. Л.Г. Зайцева, М.И. Соколовой. – М.: ЮНИТИ, 1998. – С. 576.
- T. Strukelj, J. Nikoli, D. Zlatanovi, S. Sternad Zadukovsek. A Strategic model for Sustainable Business Policy Development // *Sustainability.* – 2020. – P. 2-28
- Yerniyazova A., Smailova Zh. Corporate social responsibility of businesses the Republic of Kazakhstan // *Reports of the national academy of sciences of the republic of Kazakhstan.* – 2019. – Vol. 4. - № 326. – P. 76-82.
- Фатхутдинов Р.А. Стратегический менеджмент. – М.: Дело, 2005. – С. 448.
- Heikkurinen Pasi. Strategic corporate responsibility: a theory review and synthesis // *Journal of Global Responsibility.* – 2018. – Vol. 9. - № 4. – P. 388-414.

References

- Ansoff I. (1989) Strategic management [Strategic Management.] M., pp. 303. (in Russian).
- Antonova H.V., Ivanova N.L. (2011) Problemy podgotovki psikhologov dlya raboty v biznese. Psichologicheskiye problemy sovremennoego biznesa [Problems of training psychologists to work in business. Psychological problems of modern business]. Collection of scientific articles. Ed. by V.A. Stroo, N.L. Ivanov, N.V. Antonov. M., pp. 343. (in Russian)
- Alaa Baraka, Hiba Al Farkh. (2021). The influence of Corporate Social Responsibility on Financial Performance: The Case of IKEA. *Journal of Service, Innovation and Sustainable Development*, vol. 2, no 2, pp. 98-113. DOI: 10.33168/SISD.2021.0209
- Gribtsova T.Y. (2013) Formirovaniye strategii korporativnoy sotsial'noy otvetstvennosti: analiz al'ternativ [Formation of corporate social responsibility strategy: analysis of alternatives]. *Russian Entrepreneurship*, no 8 (230), april, pp. 90-97. (in Russian)
- Global Leaders in CSR (2018) URL: <http://reputation capital. blog/2018/10/nazvany-globalnye-lidery-v-oblasti-kso-2018-goda/>
- Denisov A.E. (2013) Formirovaniye korporativnoy sotsial'noy strategii: osnovnyye printsipy i instrumenty [Formation of corporate social strategy: basic principles and tools]. *Problems of the modern economy*, no 2 (46), pp. 54-58. (in Russian)
- Yerniyazova A., Smailova Zh. (2019). Corporate social responsibility of businesses the Republic of Kazakhstan. *Reports of the national academy of sciences of the republic of Kazakhstan*, vol. 4, no 326, pp. 76-82.
- Lamben J.J. R. (1996) Strategic marketing. Yevropeyskaya perspektiva [Strategic marketing. European perspective]. Trans. from French. SPB.: Science, pp. 589. (in Russian)
- Lamben J.J., Chumpitas R. Shuling I. (2014) Oriyentirovannoye na rynok upravleniye [Market-oriented management]. Translation from English under the editor V. B. Kolchanova. SPb.: Peter. The series “classic MBA”, pp. 720. (in Russian)
- Radoslav J., Jankalova M. (2016) The application of the EFQM Excellence Model by the evaluation of Corporate Social Responsibility activities of companies. *Procedia Economics and Finance*, no 39, pp. 660-667.
- Mintsberg G. Alstrand B. Lampel J. (2003) Shkoly strategiy [Schools of Strategies]. St. Petersburg. “Peter”, pp 336. (in Russian)
- Mintzberg H, James A. (1985). Waters of strategies, Deliberate and Emergent. *Strategic Management Journal*, vol. 6, no 3, pp. 257-272.
- Porter M. (2005) Konkurentnaya strategiya: metodologiya analiza otriasley i konkurentov [Competitive strategy: A Methodology for analyzing industries and competitors]. Translated from English. M.: Alpina Business Books, pp. 454. (in Russian)
- Popov A.A., Maltseva S.M., Karpovaz T.P. (2020) Vnedreniye sistemy korporativnoy sotsial'noy otvetstvennosti Gruppy kompaniy IKEA [Implementation of the corporate social responsibility system of the IKEA Group of Companies] *Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management*, no 2, pp. 92-101. (in Russian)
- Phunbubpha Thiengnoi, Sadaf Afzal (2009). A Comparative analysis of CSR strategies, implementation and outcomes. A Qualitative case study of IKEA, Starbucks and H&M Service Management Research. Master Thesis. Spring. Karlstad: Karlstad University, pp.69.
- Thompson A.A. Strickland A.J. (1998) Strategic management. The art of strategy development and implementation. Translated from English by L.G. Zaitsev, M.I. Sokolova. M.: UNITY, pp. 576. (in Russian)
- T. Strukelj, J. Nikoli, D. Zlatanovi, S. Sternad Zadukovsek (2020). A Strategic model for Sustainable Business Policy Development. *Sustainability*, pp. 2-28
- Sotsiologicheskiy entsiklopedicheskiy slovar' na russkom, angliyskom, nemetskem, frantsuzskom i cheshskom yazykakh [Sociological Encyclopedic dictionary in Russian, English, German, French and Czech]. (2000) Edited by G.V. Osipov. M.: NORM, pp. 488. (in Russian)
- Charles Nwaneri Emezi (2014) Corporate social responsibility: a strategic tool to achieve corporate objective. *Responsibility and Sustainability. Socioeconomic, political and legal issues.* vol. 2, no 3, pp. 43-56.
- Fatkutdinov R.A. (2005) Strategic management [Strategic Management]. M.: Delo, pp. 448. (in Russian)
- Heikkurinen Pasi. (2018) Strategic corporate responsibility: a theory review and synthesis. *Journal of Global Responsibility*, vol. 9, no 4, pp. 388-414.

С.А. Никифорова¹ , А.С. Ламанова¹ ,
**А.А. Инджиголян^{2*} , М.Т. Алиева¹ **

¹Медицинский университет Караганды, Казахстан, г. Караганда

²Карагандинский университет имени Е.А. Букетова, Казахстан, г. Караганда

*e-mail: anzhela_i2002@mail.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО САМОЧУВСТВИЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

В статье изложены результаты социологического опроса медицинских работников, проведенного в 2022 году сотрудниками Медицинского университета Караганды и Карагандинского университета им. Е.А. Букетова. Особенности труда и социально-психологическое самочувствие медицинских работников всегда находились в центре внимания такого направления современной науки, как социология труда и профессий, так как медицина является важнейшей социально значимой сферой жизни общества.

Объектом исследования стали врачи, медицинский персонал больниц и поликлиник, студенты колледжей и вузов, имеющие опыт работы в ковидных стационарах. Цель проведенного исследования – проанализировать процесс динамики изменения структуры этоса медицинских работников под влиянием опыта работы в условиях пандемии и изучить социально-психологическое самочувствие, уровень удовлетворенности различными аспектами труда и жизни на основе комплексного междисциплинарного подхода (социологические анкеты, за разработку которых получено авторское свидетельство научным коллективом, с помощью платформы Google в онлайн-формате, контент-анализ высказываний медицинских работников, психологическое тестирование).

Как показал опрос, по оценкам медицинских работников в условиях пандемии роль и значение медицины в современных государствах значительно возросли, вопросы качества оказания медицинских услуг и система поощрений за труд особенно обострились. В этих условиях усиления внешних и внутренних вызовов в отношении этой важной профессии вопросы сохранения и воспроизведения профессионального этоса медицинских работников становятся тесно связаны с решением проблемы сохранения оптимального социально-психологического самочувствия медицинских работников, уровня удовлетворенности от условий и результатов труда.

Как показали результаты исследования, в постпандемийный период у большинства работников здравоохранения (более половины опрошенных респондентов) Карагандинской области выявлено позитивное социально-психологическое самочувствие, наблюдается позитивная динамика усиления в структуре этоса профессиональных целей и ценностей врачебной деятельности и в то же время наличие определенного уровня тревожности.

Изучение данного вопроса даёт возможность подготовиться к возможным повторениям подобных ситуаций, дать им оценку в условиях реального времени, необходимым образом скоординировать работу медицинских работников в экстремальных условиях развития медико-социальной ситуации.

Ключевые слова: этос, профессиональные ценности и нормы, COVID-19, здравоохранение, медицина, медицинские работники, социально-психологическое самочувствие.

S.A. Nikiforova¹, A.S. Lamanova¹, A.A. Injigolian^{2*}, M.T. Aliyeva¹

¹Medical University of Karaganda, Kazakhstan, Karaganda

²E.A. Buketov Karaganda University, Kazakhstan, Karaganda

*e-mail: anzhela_i2002@mail.ru

Sociological analysis of the dynamics of socio-psychological well-being of medical workers in the conditions of the COVID-19 pandemic

The article presents the results of a sociological survey of medical workers conducted in 2022 by the staff of the Karaganda Medical University and Karaganda State University. Labor peculiarities and socio-psychological well-being of medical workers have always been in the focus of

such a direction of modern science as the sociology of labor and professions, since medicine is the most important socially significant sphere of society.

The object of the study were doctors, medical staff of hospitals and polyclinics, college and university students with experience in covid hospitals. The purpose of the study is to analyze the process of dynamics of changes in the structure of the ethos of medical workers under the influence of work experience in a pandemic and to study the socio-psychological well-being, the level of satisfaction with various aspects of work and life on the basis of a comprehensive interdisciplinary approach (sociological questionnaires, for the development of which the author's certificate was obtained by the research team, using the Google platform in online format, content analysis of statements of medical workers, psychological testing).

According to the survey, according to the estimates of medical workers in the conditions of a pandemic, the role and importance of medicine in modern states has increased significantly, issues of the quality of medical services and the system of incentives for work have become particularly acute. In these conditions of increasing external and internal challenges in relation to this important profession, the issues of preserving and reproducing the professional ethos of medical workers become closely related to solving the problem of preserving the optimal socio-psychological well-being of medical workers, the level of satisfaction with working conditions and results.

The study of this issue makes it possible to prepare for possible repetitions of such situations, to assess them in real time, to coordinate the work of medical workers in extreme conditions of the development of a medical and social situation in the necessary way.

Key words: ethos, professional values and norms, COVID-19, healthcare, medicine, medical workers, socio-psychological well-being, anxiety level, corporate culture.

С.А. Никифорова¹, А.С. Ламанова¹, А.А. Индиголян^{2*}, М.Т. Алиева¹

¹Қарағанды медицина университеті, Қазақстан, Қарағанды қ.

²Е.А. Бекетов атындағы Қарағанды университеті, Қазақстан, Қарағанды қ.

*e-mail: anzhela_i2002@mail.ru

«COVID-19» пандемиясы жағдайында медицина қызметкерлерінің әлеуметтік-психологиялық көніл-күйінің динамикасына әлеуметтік талдау

Макалада 2022 жылы Қарағанды медицина университеті мен Е.А. Бекетов атындағы Қарағанды университетінің қызметкерлері жүргізген медициналық қызметкерлердің әлеуметтік сауалнамасының нәтижелері баяндалған. Медицина қызметкерлерінің еңбек ерекшеліктері мен әлеуметтік-психологиялық, әл-ауқаты әрдайым қазіргі ғылымның еңбек және кәсіптер әлеуметтануы сияқты бағытының басты назарында болды, өйткені медицина қоғам өмірінің маңызды әлеуметтік саласы болып табылады.

Зерттеудің мақсаты – пандемия кезіндегі жұмыс тәжірибелесінің әсерінен медицина қызметкерлерінің этикасы құрылымының өзгеру динамикасын талдау және жан-жақты пәнаралық тәсіл негізінде әлеуметтік-психологиялық, әл-ауқатты, еңбек пен өмірдің әртүрлі аспектілеріне қанағаттану деңгейін зерттеу (Google платформасын қолдана отырып онлайн форматта жасалған әлеуметтік сауалнамалар, оны жасау үшін ғылыми топ авторлық қуәлік алған, медициналық қызметкерлердің мәлімдемесіне контент талдау, психологиялық тестілеу).

Сауалнама көрсеткендегі, пандемия кезіндегі медицина қызметкерлерінің бағалауы бойынша қазіргі мемлекеттердегі медицинаның рөлі мен маңызы едәүір артты, медициналық қызмет көрсету сапасы мен еңбекке ынталандыру жүйесі ерекше күшіне түсті. Осы маңызды мамандыққа қатысты сыртқы және ішкі сын-тегеуіндердің күшінде жағдайында медицина қызметкерлерінің кәсіби этикасын сақтау және жаңғырту мәселелері медицина қызметкерлерінің онтайлы әлеуметтік-психологиялық, көніл-күйін, еңбек жағдайлары мен нәтижелеріне қанағаттану деңгейін сақтау проблемасын шешумен тығыз байланысты болады.

Бұл мәселені зерттеу осындағы жағдайлардың ықтимал қайталануларына дайындалуға, оларға нақты уақыт жағдайында баға беруге, медициналық-әлеуметтік жағдайдың төтенше жағдайында медицина қызметкерлерінің жұмысын үйлестіруге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: этос, кәсіби құндылықтар мен нормалар, COVID-19, деңсаулық, сақтау, медицина, медицина қызметкерлері, әлеуметтік-психологиялық, әл-ауқат.

Введение

В философии и социологии изучение этоса профессий имеет глубокие традиции и несколько доминирующих подходов. Долгий период в

истории науки понятие «этос» трактовалось исключительно с точки зрения этико-философских учений как индивидуальная и групповая этика и мораль, регулирующие поведение людей (Мижушев, 2017: 162). В 19-20 вв. использование

новых подходов к анализу этого явления значительно расширило границы и сферы применения термина к различным узким сферам жизни общества – в философии человека, в экономике, философии науки, социологии знания, социальной психологии (В. Вундт, М. Вебер, Р. Мертон и Т. Парсонс, М. Шелер, М. Хайдеггер) (Авдеева, 2013: 66).

Профессиональный этос как предмет исследования стал изучаться относительно недавно, в 40-х годах 20 века в рамках социологии профессий и профессиональных групп, и связан с динамическим ростом новых профессий в условиях роста капиталистических отношений и развертывания процессов НТР.

В европейской и американской научной традиции сложилось естественное разделение любой деятельности на собственно «profession» и на «occupation», причем под классическими профессиями, находящимися в центре внимания исследователей, находились институционально развитые, с высокой корпоративной культурой и выраженным профессиональным этосом виды деятельности, например врачи и юристы (Obermann, Thielscher, 2022: 265). При этом фокус исследований в условиях роста новых форм занятости смешался в сторону изучения динамики формирования этоса новых профессий и эволюции этоса классических профессий в новых условиях.

В российской науке советского периода по идеологическим соображениям преимущественно изучались профессии, связанные с тяжелым физическим трудом, рабоче-крестьянские или инженерные, связанные непосредственно с производством и процессом индустриализации. Только в постсоветский период в России стали широко использоваться для анализа динамики изменений в сфере профессионально-трудовых отношений западные методологии социологии профессий, например, в отношении этоса педагогов (Дроботенко, 2016: 81).

В современной американской и европейской научных традициях сложились несколько методологических матриц и подходов, с помощью которых врачей и медицинских работников изучали как профессиональную группу с особенной структурой этоса: критический подход (марксистский и неомарксистский анализ), инструментальный подход (использует при анализе методы структурного функционализма), символический интеракционизм и социокультурный подход.

Марксистский и неомарксистский подход использовали при изучении врачей и медицин-

ских работников в системе властных отношений, так как любая группа, обладающая специализированными знаниями, стремилась к доминированию, пытается пресекать посягательство на свою автономию (Macdonald, 1995: 122). С другой стороны, «власть и статус» медицины постоянно находятся под давлением и в условиях конкуренции с неформальными врачебными практиками – начиная от домашнего самолечения и заканчивая шарлатанами.

Инструментальный подход позволяет оценить роль и место врачей и медицинских работников в структуре общества с точки зрения их функций или дисфункций, направленных на сохранение и воспроизведение общественной интеграции/дезинтеграции (Allsop, 2002: 44). Так, у Т. Парсонса врачи и медицинские работники являются примерами «идеального типа» профессий, обладающих «сильным» этосом, нацеленным на достижение общественного блага, выполняющих абсолютно интегративную роль в обществе (Parsons, 1968: 537). Последователи этого подхода в российской науке называют факторы, которые способствуют формированию сильной корпоративной группы «врачи» в обществе, – «специальные знания», «этику врача» и «автономию в принятии решений» (Решетников, 2021: 56). Нужно отметить, что такой подход был эффективен в условиях «простого общества», в условиях модернистского или советского общества, где профессия врача и образ медицинского работника формировалось «вне» и часто «вопреки» рынку.

В условиях модернизации и усложнения общественных отношений и проникновения рынка во все сферы жизни общества, в том числе и в здравоохранение, возник интеракционистский подход в анализе профессиональной группы «врачи и медицинские работники» – их представители анализировали профессию врача как «символ» и «конструкт», не всегда соотносящийся с повседневной практикой. Медицина в изменившихся условиях рассматривается как часть рынка, а население как потребители медицинских услуг. Этот подход позволил изучать врачей в более широком контексте, с учетом оценки их деятельности у группы потребителей – населения в целом (Lock, 2001: 460).

Социокультурный подход изучает врачей и медицинских работников как особую профессиональную группу, обладающую «культурным» капиталом (Bourdieu, 1987: 806) – экспертным знанием, способную превращать его в важный социокультурный ресурс. В то же время, социо-

культурный подход предусматривает постоянно изучать объём и содержание культурного капитала профессионалов как ресурса в зависимости от постоянно меняющихся социокультурных обстоятельств.

Завершая обзор западных подходов в изучении данной тематики, можно отметить, что каждый подход имеет свои преимущества и недостатки, в нашем исследовании мы придерживаемся интегративного подхода, сочетающего в себе элементы интеракционистского и социокультурного подходов.

В Казахстане изучение профессионального этоса и социально-психологического состояния отдельных профессиональных групп в период нормализации или, наоборот, в состоянии флуктуаций и неопределенности предпринимается не впервые (Прилуцкая, 2022). Но в отечественном научном сообществе пока преимущественно поднимаются вопросы эффективности медицинского образования (Ibjigolyan, 2018). В сфере философии и социологии профессий, изучения этоса и корпоративной культуры медиков, диагностики социального самочувствия медицинских работников в новых условиях реагирования на распространение новых респираторных инфекций пока существует определенный пробел.

За рубежом уже есть первый опыт эмпирического анализа общественной (Телжан, 2022) и медицинской (Kholmogorova, 2020), (Yan and Zhang, 2020) ситуации в условиях пандемии, на который мы опирались в своем исследовании, в Казахстане вышли лишь отдельные статьи на эту тему (Ергебеков, 2021), (Kim, 2021).

Развитие медицины и здравоохранения всегда находится в центре внимания общества и государства, эта сфера, с одной стороны, социально значима, с другой – достаточно затратная для структуры экономики.

Постоянно возникающие внешние и внутренние вызовы современности, такие, как глобализация, усложнение социальной жизни, дифференциация доходов, политическая и социально-экономическая нестабильность, вызвали определенный рост негативных явлений и в здравоохранении. Во всех современных странах ведется постоянный поиск оптимального соотношения качества медицинского обслуживания, механизма обновления и переоснащения медицинского оборудования и модели эффективного финансирования. Наша страна – не исключение. Одной из первых в истории независимого Казахстана комплексных программ по развитию здравоохранения стала «Саламатты

Казахстан» – государственная программа развития здравоохранения Республики Казахстан на 2011-2015 годы. В настоящее время действует государственная программа «Денсаулық», рассчитанная на 2020-2025 годы.

За эти годы в структуре здравоохранения в Казахстане произошли большие количественные и качественные изменения, завершен переход от советской системы здравоохранения к современной, клиентоориентированной. Безусловно, эти изменения не могли не повлиять на представления о самой профессии врача и ее миссии не только в глазах общественного мнения, но и среди корпоративного профессионального сообщества.

Важным триггером, который обострил внимание широкой общественности и профессионалов к обозначенной теме, стала пандемия COVID-19, начавшаяся в Казахстане в марте 2020 года.

С целью изучения социально-психологического состояния и динамики структуры этоса медицинских работников во время и постпандемийный период, а также выработки рекомендаций по преодолению негативных и стрессовых ситуаций среди представителей здравоохранения в Карагандинской области было проведено социологическое исследование методом анкетирования среди врачей, младшего среднего медицинского персонала учреждений здравоохранения, населения, студентов медицинских учебных заведений (имеющих опыт работы в ковидных стационарах).

Задачей исследования стало определение социального самочувствия, уровня удовлетворённости и тревожности, психоэмоционального состояния медицинских работников в ковидный и постковидный период, влияния ситуации пандемии на изменение образа жизни врачей, их этоса, индивидуальную и профессиональную идентификацию. Объектом данного исследования выступили медицинские работники

Материалы и методы исследования

Перед проведением эмпирического этапа исследования была разработана анкета для работников здравоохранения «Социальное самочувствие медицинских работников в условиях реагирования на распространение новых респираторных инфекций, включая коронавирусную инфекцию», которая может быть полезна организаторам общественного здравоохранения, руководителям медицинских организаций, отве-

чающим за обеспечение оптимального социально-психологического климата в медицинском коллективе для профилактики неблагополучных эффектов в области профессиональных взаимодействий, а также предупреждения профессионального выгорания в Казахстане.

Анкета представляет собой набор логически связанных между собой открытых и закрытых вопросов в количестве 35. Композиция анкеты:

1. Вводная часть: присутствует обращение к респонденту (медицинским работникам) и разъяснение правил заполнения анкеты.

2. Содержательная часть: собственно, раскрывает суть темы, условно разбита на выделенные в тексте анкеты блоки вопросов.

Блок 1. Социально-психологическое самочувствие медицинских работников.

Блок 2. Отношение к профессии медицинских работников.

3. Заключительная часть. Социально-демографический блок: представлены вопросы социально-демографического характера, обращенные к личности опрашиваемого (пол, возраст, род деятельности и т.п.).

Вопросы анкеты носили преимущественно закрытый и полузакрытый характер.

В анкете присутствует вертикальное расположение вопросов и категорий ответа. Ряд вопросов представлен в табличной форме, предполагающих возможность уточнения деталей отношения к теме. Время заполнения анкеты респондентами – не более 30 минут. Анкета, созданная на государственном/ казахском и русском языках, предлагалась респондентам в процессе опроса как в формате of-line /Face-to-face, так и on-line, посредством использования Google form (Рис. 1).

Саяналама

Көрсеткін респондент! Караганды мемлекеттік университеттегі пылыми мерзтеу тобы COVID-19 коронавирустың пандемия жағдайында анықтаудың салынтылықты жөргөзу миссиясында Караганды облысының тұрғындардан айтулатын саянталым жүргізу. Одан беріткін ақылда объекттегі нағындарға көз жеткізу үшін елең көрсетілді.

Одесінде жүргізілген барыңдың сәйкесінде берілгенде, берілгенде сәйкесінде жүргізу тиражынан шартынан жүргізіледі.

Катынууда оқынушылардың толықтыру көзінде инкөніл болу үшін экранда көзтегі көмектердің жадалығынан жақындау алаңынан жүргізу мүмкін.

Катынууда оқынушылардың толықтыру көзінде инкөніл болу үшін экранда көзтегі көмектердің жадалығынан жақындау алаңынан жүргізу мүмкін.

1. Вспомните, пожалуйста, когда Вы в последний раз обращались за врачебной помощью

Одни из списка

1. Менее трех месяцев назад

2. Полтора недели

3. Сегодня

4. Более года назад

5. Не обращался

Рисунок 1 – Google-форма одной из анкет исследования

Анкета была апробирована на выборке медицинских работников и студентов выпускных курсов медицинских колледжей и медицинского университета Карагандинской области (общее количество респондентов составило 1000 человек). Она показала свою функциональность и эффективность при определении особенностей психоэмоционального состояния медицинских специалистов в период пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией и целого ряда взаимосвязанных вопросов. Анализ полученных данных был осуществлен с применением статистического пакета и обработки количественной информации IBM SPSS, программ «Excel», «Statistica», с использованием методов описательной статистики, при рассмотрении открытых вопросов анкеты или их фрагментов применяется метод контент-анализа. При помощи предложенной анкеты можно сформировать и в дальнейшем реализовать рекомендации для организаторов общественного здравоохранения, руководителей медицинских организаций и медицинских образовательных учреждений, обеспечивающих оптимальные социально-психологические условия для выполнения функциональных обязанностей своих сотрудников и обучающихся.

Социологическое исследование было проведено в феврале-марте 2022 года в Карагандинской области (продолжительность – 60 календарных дней). В опросе приняли участие 1000 человек, отобранных методом «снежного кома» – случайная выборка, с учетом места работы и места учебы респондентов.

В данной статье представлены предварительные результаты анализа ответов на вопросы врачей, медицинского персонала больниц и поликлиник, студентов колледжей и вузов, имеющих опыт работы в ковидных стационарах (31 вопрос плюс 4 социально-демографических параметра).

Результаты и обсуждения

Пандемия COVID-19 внесла коррективы в образ жизни людей, заставила пересмотреть отношение ко многим вещам. В связи с резким ухудшением ситуации с заболеваемостью, вызванной коронавирусной инфекцией, особую значимость приобретает координация работы и реагирования всех общественных структур, особенно в сфере медицины.

Результаты опроса проанализированы по некоторым важным направлениям развития здравоохранения и особенностям образа жизни

медицинских работников в Казахстане на современном этапе:

- особенности социально-психологического состояния медицинских работников в ковидный и постковидный периоды, социальное самочувствие и уровень тревожности;

- влияние ситуации пандемии на образ жизни врачей, их этос, индивидуальную и профессиональную идентификацию.

Как показали результаты исследования, в целом большинство опрошенных медицинских работников, врачей характеризуются позитивным социально-психологическим на-

строением, сумма положительных ответов на вопрос «С каким настроением Вы живете последний год?» составляет более 60,4%, это варианты ответов «испытываю оптимизм» – 22,6%, «испытываю спокойствие» – 20,0% и «испытываю уверенность в будущем» – 17,8%.

В разрезе категорий опрошенных, в зависимости от профессионального статуса и пола, наиболее позитивное социально-психологическое состояние обнаружено у врачей-женщин, наименее – у женщин – студентов вузов и колледжей (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Ответы на вопрос «С каким настроением Вы живете последний год?», %

Категория опрошенных	Врачи		Медицинский персонал больниц и поликлиник		Студенты колледжей и вузов, имеющие опыт работы в ковидных госпиталях		Средняя
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	
Испытываю оптимизм	24,3	25,6	24,3	22,1	19,9	19,2	22,6
Испытываю спокойствие	21,9	18,2	22,6	22,5	14,9	19,9	20,0
Испытываю уверенность в будущем	22,7	19,2	17,9	18,7	19,1	9,2	17,8
Испытываю ощущение беспокойства	10,2	16,4	7,9	5,3	9,1	10,0	9,8
Испытываю страх, отчаяние	4,2	4,2	7,9	8,2	9,0	10,6	7,4
Испытываю апатию, безразличие	12,9	11,2	12,6	14,9	16,8	12,8	13,5
Испытываю смиренение, подчинение ситуации	3,8	5,2	6,8	8,3	11,2	18,3	8,9

Большинство опрошенных врачей, как показали результаты опроса, несмотря на позитивное социально-психологическое самочувствие, которое они демонстрируют в ответах, сами часто нуждаются как в прямой медицинской помощи, так и характеризуются определённым уровнем тревожности.

Так 36,8% опрошенных обращались к врачам в связи с плохим самочувствием не менее 3-х месяцев назад, еще 28,5% – не менее 6 месяцев назад. Большинство респондентов непосредственно во время пандемии столкнулись с ковидной болезнью. Так, у 76,9% опрошенных болели члены семьи, 2/5 часть – переболела сама.

Среди опрошенных специалистов высокий процент доверяющих развитию современной медицины – охват добровольной вакцинацией составляет 76,9%. Принудительно, как заявили

опрошенные, вакцинировалась 1/5 часть респондентов, среди анкет, заполненных на русском языке, есть зафиксированные в ответах единичные случаи сознательного отказа от процедуры.

В тройку наиболее важных нерешенных проблем, а также проблем, которые волнуют медицинских работников сейчас и во время пандемии, вошли, прежде всего, проблемы личного характера:

- здоровье – 56,1%;
- финансовые трудности – 50,8%;
- проблемы образования – 34,8%.

2/5 опрошенных респондентов постоянно волнуют вопросы профессиональной реализации и корпоративной культуры, в частности условия труда, уход за больными, обеспеченность лекарственными средствами, психологические

проблемы – усталость, профессиональное выгорание.

Сильное влияние COVID-19 на изменение своего образа жизни ощутила только 1/5 часть медицинских работников. Около половины опрошенных заявили, что их жизнь существенно не изменилась и всегда характеризовалась повышенными рисками и сложными условиями труда. 11,8% задумались об уходе из профессии или места учебы.

С целью изучения уровня тревожности среди медицинских работников респондентов просили в процессе исследования определить по 5-балльной шкале степень своей обеспокоенности в связи с введением системы карантинных мер, где 1 балл – наименее вызывающее опасение, 5 баллов – наиболее вызывающее опасение. Наибольшее опасение у медицинских работников вызывает работа «с заразившимися и больными» – 4,4 баллов, «нехватка денег» – 3,9 баллов, «риск заразиться» – 3,8 баллов, «дефицит лекарств» – 3,4 баллов.

Как показали результаты опроса, в период пандемии режим использования мер защиты у медицинских работников носил регулярный характер. Так, например, в отношении как минимум трех мер защиты, таких как «надевали средства индивидуальной защиты (защитная маска, одноразовые перчатки)», «использовали дезинфицирующие средства, антисептик» и «регулярно мыли руки с мылом», более 90% опрошенных ответили на вопрос «всегда».

Остальные меры защиты, такие как «избегал/а прикосновения к своему лицу», «избегал/а рукопожатий», «избегал/а больших собраний/длинных очередей», «придерживался/ась социальной дистанции», «ограничивали, воздерживались от контактов с друзьями, родственниками», «ограничивали и отказывались от зарубежных поездок, путешествий», «избегал/а общественного транспорта», респонденты использовали редко.

Основными мотивами, побуждающими врачей регулярно использовать защитные меры, являются «беспокойство за здоровье и жизнь (свои и близких)» – 67,4% и «гражданская ответственность» – 66,4%. Наименее эффективной мотивацией, как показывает исследование, являются императивные и запретительные меры – «возможность быть наказанным за несоблюдение требований» – 21,8%.

Исследовательский интерес представляют ответы на вопрос «Насколько, на Ваш взгляд, эффективны перечисленные карантинные меры?».

На первом месте по эффективности в условиях пандемии, по мнению врачей, находится самоизоляция, на втором – социальная дистанция, на третьем – ограничения на международные перемещения. Низкий эффект, по мнению медицинских работников, имеют вакцинация и ношение масок.

Максимально позитивные оценки у врачей вызывало введение таких мер массовой профилактики распространения эпидемии среди населения, как вакцинация, применение ПЦР диагностики, ношение масок, социальная дистанция. Эти меры, несмотря на неоднозначный, по их мнению, эффект, имеют важное психологическое значение как профилактические, содержащие распространение эпидемии и панические настроения среди населения меры.

К мерам принуждения в сфере реализации карантинных мероприятий медицинские работники относятся с осторожностью – 69,1% отметили, что «нужно сочетать принуждение и меры стимулирования».

Второй блок вопросов в исследовании был посвящен влиянию эпидемии на профессиональный ethos медицинских работников, их представление о профессии, статус профессии в обществе.

По мнению большинства опрошенных респондентов (68,4%), авторитет врачей и медработников в период вспышки коронавируса повысился. Однако, по оценкам респондентов, это произошло преимущественно в среде профессионалов, например, посредством усиления корпоративной солидарности, а в общественном мнении статус профессии врача продолжает сильно колебаться. 48,6% опрошенных медицинских работников заявили в анкетах, что после пандемии повысили свое мнение о выбранной ими специальности, стали относиться к профессии и к своим обязанностям более осознанно.

С целью более глубоко изучения мировоззрения медицинских работников в анкете им было предложено согласиться или не согласиться с рядом высказываний, которые касаются восприятия людьми и профессионалами миссии и ценности врачебной деятельности (см. таблицу 2). Максимальное количество опрошенных – 84,6% абсолютно согласились с утверждением, что «врачу помимо знаний и умений необходимо обладать способностью и смелостью принимать на себя ответственность за решения», на втором месте – утверждение «врачу помимо знаний и умений необходимо обладать определенным характером, складом ума» – 55,4%, на

третьем – «профессия врача – это подвиг: требует самопожертвования, чистоты души и чистоты помыслов» – 33,5%. Минимальное количество согласившихся с утверждением «врачом нужно

родиться, это призвание, а не работа». Максимальное количество несогласных с утверждением «врач такая же работа, как и любая другая, человека можно всему научить».

Таблица 2 – Ответы на вопрос «Насколько Вы согласны со следующими утверждениями о профессии «врача»?», %

Высказывания	Согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Не согласен
Врачом нужно родиться, это призвание, а не работа.	15,7	15,1	46,3	22,9
Врач такая же работа, как и любая другая, человека можно всему научить	12,9	15,4	16,3	55,4
Врачу помимо знаний и умений необходимо обладать определенным характером, складом ума	55,4	12,9	15,4	16,3
Врачу помимо знаний и умений необходимо обладать способностью и смелостью принимать на себя ответственность за решения	84,6	5,9	5,2	4,3
Профессия врача – это подвиг: требует самопожертвования, чистоты души и чистоты помыслов	33,5	29,9	20,3	16,3

При определении степени важности некоторых перечисленных в анкете навыков респонденты на первое место поставили професионализм и критическое мышление, на второе – эмоциональный интеллект, на третье – финансовую грамотность.

Среди компетенций врача в условиях пандемии наибольшее значение имеют коммуникативные навыки и общая образованность, далее идет навык постоянного самосовершенствования.

Опыт оказания помощи больным во время пандемии указали 62,3% опрошенных, из них основными мотивами своего участия в этой сложной и тяжелой работе респонденты указывают «выполнение профессионального долга» и «желание оказать помощь, милосердие». Респонденты отмечают, что среди организационно-коммуникационных трудностей, к которым они оказались не готовы во время оказания медицинской помощи больным и зараженным COVID-19, были, прежде всего, коммуникация с заболевшим и с родственниками заболевших.

Наибольшее недовольство в отношении организации условий труда на рабочем месте и во время выполняемой деятельности в период пандемии у врачей вызывали недостаточность средств индивидуальной защиты и большой объем бумажной и канцелярской работы.

Среди рекомендаций в отношении предупреждения и профилактики COVID-19 и других возможных респираторных инфекций и эпидемий, которые просили сформулировать респон-

дентов, доминировали две точки зрения: необходимо «готовить специалистов-эпидемиологов в сфере профилактики инфекций, улучшить условия труда врачей и медперсонала соответствующего профиля» и «адресно увеличивать заработную плату врачей и медицинского персонала».

Выводы

По итогам опроса и анализа ответов респондентов сформулированы ряд выводов и рекомендаций. В частности, как показали результаты исследования, в целом медицинские работники обладают положительным социально-психологическим состоянием, высоким уровнем стресс-устойчивости, в условиях пандемии их образ жизни изменился незначительно, а в структуре этоса и ценностных ориентаций произошла переоценка места и значения врачебной деятельности в сторону повышения роли корпоративной культуры и гражданской ответственности. Врачи успешно вписаны в рыночные отношения и клиентоориентированную медицину, однако в этих условиях, по их оценкам, все еще недостаточно хорошо работают механизмы материального стимулирования и адекватной оценки врачебного труда. Растет бюрократизация, наблюдается дефицит оборудования и лекарственных средств в условиях чрезвычайных ситуаций.

Как показывает анализ, различия в оценке влияния пандемии COVID-19 на социально-психологическое самочувствие, образ жизни, пред-

ставление о профессии медицинских работников зависит от возраста респондентов и рода их деятельности. Чем выше возраст респондентов, тем ниже социально-психологическое самочувствие и выше уровень тревожности, вне зависимости от профессионального статуса работников. Врачи дают более позитивные оценки, чем средний и младший медицинский персонал. Самые низкие оценки социально-психологического самочувствия – у девушек – студентов колледжей и университета, имеющих практику работы в ковидных госпиталях. Это свидетельствует об углублении процессов поколенческой и профессиональной дифференциации и неоднородности корпоративной культуры медицинских работников.

В целом, медицинские работники, по данному опросу, обладают высоким уровнем стрессоустойчивости, стабильным психоэмоциональным состоянием, но продолжают испытывать дефицит в эффективных формах оплаты и оценки врачебного труда как со стороны государства, так и со стороны общественности. Наблюдается тенденция бюрократизации врачебного труда, недостаток оборудования и лекарственных средств в условиях ЧС.

Уроки пандемии необходимо извлечь представителям системы подготовки и переподготовки медицинских кадров. Как показали результаты опроса, по мнению медицинских работников,

наиболее успешно адаптируются к изменяющимся условиям труда специалисты за счет социальных компетенций и навыков. Поэтому сокращение в содержании образовательных программ гуманитарных, социально-политических и психологических дисциплин делает профессиональный ethos врачей более «хрупким».

В процессе подготовки медицинского персонала и в процессе работы в условиях медицинских учреждений необходимо учитывать гендерные и возрастные особенности специалистов, проводить в вузах и медицинских учреждениях адресную психологическую работу с учетом этих факторов. Результаты исследования могут быть полезны организаторам общественного здравоохранения, руководителям медицинских организаций, отвечающих за обеспечение оптимального социально-психологического климата в медицинском коллективе, для профилактики неблагополучных эффектов в области профессиональных взаимодействий, а также предупреждения профессионального выгорания.

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования научного проекта на тему «COVID-19: научно-технологическое обоснование возникновения новых респираторных заболеваний, включающее коронавирусную инфекцию» (2021–2023 гг.) № BR 11065386 (Министерство здравоохранения РК).

Литература

- Мигушов К.А. Философско-этический анализ понятий «Мораль», «Нравственность», «Этос» // *Известия Тульского государственного университета*. – 2017. – № 5. – С. 160 – 169.
- Авдеева И.А. Этос как этико-философская проблема в контексте современных исследований // *Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки*. – 2013. – № 6 – С. 66-74.
- Obermann K., Thielscher Ch. Medical Economics: An Integrated Approach to the Economics of Health. – New York: Agenda Publishing, 2022. – 320 p.
- Дроботенко Ю.Б. Изменение этоса педагогической профессии в современных социокультурных условиях // *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. – 2016. – №2. – С. 77-84.
- Macdonald K. The Sociology of the Professions. – L.: Sage, 1995. – 134 p.
- Allsop J. & Saks M. Regulating the Health Professions. – London: Sage, 2002. – 287 p.
- Parsons T. Professions / Edited by D. Fills // *International Encyclopedia of the Social Sciences*. – 1968. – Vol. 12. – P. 536-547.
- Решетников А.В. Эволюция социологии медицины // *Социология медицины*. – 2012. – 272 с.
- Lock M. The Tempering of Medical Anthropology: Troubling Natural Categories // *Medical Anthropology Quarterly, New Series. Special Issue: The Contributions of Medical Anthropology to Anthropology and Beyond*. – 2001. – №15 (4). – P. 478–492.
- Bourdieu P. The Force of Law: Toward a Sociology of the Juridical Field // *Hastings Law Journal*. – 1987. – Vol. 38. – P. 805–853.
- Прилуцкая В.М., Мендуалиева Т.Т., Коратаца О. Эмоциональное реагирование и копинг-стратегии среди студентов-медиков во время пандемии коронавирусной инфекции: поперечное онлайн-исследование // *Наука и здравоохранение*. – 2022. – №4(22). – С. 5-14.
- Injigolyan A.A., Lamanova Ye.A. The experience of the using of sociological method «feedback» on the realization of the tasks of the educational quality's increasing in the medical university // *Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия*. – 2018. – №1. – С. 18-23

Телжан В. Социально-психологические последствия карантинных мер в период пандемии COVID-19 // *Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии*. – 2022. – Т. 80. – №1. – С. 140-146

Kholmogorova A.B., Petrikov S.S., Suroyegina A.Y., Mikita O.Y., Rakhmanina A.A., Roy A.P. Burnout and its Factors in Healthcare Workers Involved in Providing Health Care for Patients With COVID-19 at Different Stages of the Pandemic // *Russian Sklifosovsky Journal «Emergency Medical Care»*. – 2020. – № 9(3). – Р. 337-342.

Yan and Zhang, Zhun and Zeng, Weijian and Li, Jie and Wang, Xuewen and Luo, GQ Hailong. Anxiety and Depression Survey of Chinese Medical Staff Before and During COVID-19 Defense (3/7/2020). [Электронный ресурс]. <https://ssrn.com/abstract=3551350> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3551350> (Дата обращения: 13.06.2022)

Ергебеков М., Темирбекова Ж. Казахстан и COVID-19: медиа, культура, политика. – Алматы: Издательство «DELUXE Printery», 2021. – 380 с.

Kim A. M. et al. Системный подход и психологические исследования в условиях пандемии // *Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии*. – 2021. – Т. 76 – № 1. – С. 17-24.

Государственная программа развития здравоохранения Республики Казахстан «Саламатты Қазақстан» на 2011 – 2015 годы [Электронный ресурс]. – <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U100000111> (Дата обращения: 13.06.2022)

Государственная программа развития здравоохранения Республики Казахстан «Денсаулық» на 2020 – 2025 годы [Электронный ресурс]. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000982> (Дата обращения: 13.06.2022)

References

- Allsop J. & Saks M. (2002) Regulating the Health Professions. London: Sage. 287 p.
- Avdeeva I.A. (2013) Etos kak etiko-filosofskaya problema v kontekste sovremennoy issledovanij [Ethos as an ethical and philosophical problem in the context of modern research]. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, no 6, pp. 66-74. (in Russian)
- Bourdieu P. (1987) The Force of Law: Toward a Sociology of the Juridical Field. *Hastings Law Journal*, vol. 38, pp. 805–853.
- Drobotenko Y.U. (2016) Izmenenie etosa pedagogicheskoy professii v sovremennoy sociokul'turnykh usloviyah [Changing the ethos of the teaching profession in modern socio-cultural conditions]. *Human Science: Humanities Studies*, no 2, pp.77-84 (in Russian)
- Ergebekov M., Temirbekova Zh. (2021) Kazakhstan i COVID-19: media, kultura, politika [Kazakhstan and COVID-19: media, culture, politics]. Almaty, 380 p. (in Russian)
- Gosudarstvennaya programma razvitiya zdravooхraneniya Respubliki Kazahstan «Salamatti Kazakstan» na 2011 – 2015 godi (State program for the development of health care of the Republic of Kazakhstan «Salamatty Kazakhstan» for 2011 – 2015). Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U100000111> (in Russian)
- Gosudarstvennaya programma razvitiya zdravooхraneniya Respubliki Kazahstan «Densaulik» na 2020 – 2025 godi (The state program for the development of health care of the Republic of Kazakhstan «Densaulyk» for 2020 – 2025). Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000982>) (in Russian)
- Injigolyan A.A., Lamanova Ye.A. (2018) The experience of the using of sociological method «feedback» on the realization of the tasks of the educational quality's increasing in the medical university. *Bulletin of Karaganda University. Series: History. Philosophy*, no 2, pp. 18-23.
- Kholmogorova A.B., Petrikov S.S., Suroyegina A.Y., Mikita O.Y., Rakhmanina A.A., Roy A.P. (2020) Burnout and its Factors in Healthcare Workers Involved in Providing Health Care for Patients With COVID-19 at Different Stages of the Pandemic. *Russian Sklifosovsky Journal «Emergency Medical Care»*, no 9(3), pp. 337-342. (in English)
- Macdonald K. (1995) The Sociology of the Professions. London: Sage. 134 p.
- Lock M. (2001) The Tempering of Medical Anthropology: Troubling Natural Categories. *Medical Anthropology Quarterly, New Series.*, Special Issue: The Contributions of Medical Anthropology to Anthropology and Beyond, no 15 (4), pp. 478– 492.
- Migushov K.A. (2017) Filosofsko-eticheskij analiz ponyatiy «Moral», «Nrvastvennost», «Etos» [Philosophical and ethical analysis of the concepts of “Morality”, “Morality”, “Ethos]]. *News of the Tula State University*, 5, pp. 160 – 169. (in Russian)
- Obermann K., Thielscher Ch. (2022) Medical Economics: An Integrated Approach to the Economics of Health. New York: Agenda Publishing, 320 p.
- Parsons T. (1968) Professions. *International Encyclopedia of the Social Sciences*, vol. 12, pp. 536-547.
- Reshetnikov A.V. (2012) Jevoljucija sociologii mediciny [The evolution of sociology. Sociology of medicine]. *Sociologiya mediciny*, 272 p. (in Russian)
- Priluckaya V.M., Mendualieva T.T., Koracca O. (2022) Emocionalnoe reagirovanie i koping-strategii sredi studentov-medikov vo vremya pandemii koronavirusnoi infekcii_ poperechnoe onlain issledovanie [Emotional response and coping strategies among medical students during the coronavirus pandemic: a cross-sectional online study]. *Science and health*, no 4 (22), pp. 5 -14. (in Russian)
- Telzhan V. (2022) Sotsialno-psihologicheskie posledstvija karantinnyh mer v period pandemii COVID-19 [Socio-psychological consequences of quarantine measures during the COVID-19 pandemic]. *Bulletin of the Treasury. Psychology and Sociology series*, vol. 80, no 1, pp. 140-146. (in Russian)
- Yan and Zhang, Zhun and Zeng, Weijian and Li, Jie and Wang, Xuewen and Luo, GQ Hailong (2020) Anxiety and Depression Survey of Chinese Medical Staff Before and During COVID-19 Defense. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3551350> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3551350>

A.E. Мұхамедиев

«Стратегия» Әлеуметтік және саяси зерттеулер орталығы» қоғамдық қоры,
Қазақстан, Алматы қ.
e-mail: mukhamediyevazat@gmail.com

ӘДЕБИЕТТИ ЖҮЙЕЛІ ШОЛУ: «Z» ҮРПАҚТЫҢ ЖАҢА СИНТЕТИКАЛЫҚ ПСИХОТРОП ЗАТТАРҒА (ЖСПЗ) ҚАТЫНАСЫ

Синтетикалық есірткілер әлемдік деңгейдегі есірткіге қатысты ең өзекті мәселелердің бірі болып табылады. Зумерлер деп аталын «Z» үрпак (Generation Z) әкілдері – жастардың қазіргі уақытта жаңа синтетикалық психотроп заттарды (ЖСПЗ) қолдануы үлкен алаңдатушылық тудырады. Жасөспірімдер мен жастар TikTok, Instagram және т. б. әлеуметтік желілердің белсенді қолданушылары болып табылады. Жасерекшеліктеріне байланысты олар тың, әдеттен тыс нәрсені іздеуге, еліктеуге, өз мүмкіндіктерін асыра бағалауға әрі әлеуметтік желілер арқылы әртүрлі әсерлерге тез түсіп кетуге бейім, осының бәрі зерттеудің өзектілігін айғақтайды. Зерттеудің мақсаты – жасөспірімдердің есірткі қолдануы және «Z» үрпақтың ЖСПЗ-ға қатынасы туралы ғылыми зерттеулерге жүйелі шолу жасау. Зерттеу әдісі – эмпирикалық зерттеулердің сапалық, және сандық нәтижелерін жүйелі түрде талдау үшін біріктіруге мүмкіндік беретін жүйелі шолу. Зерттеу нәтижелері: «Z» үрпақта әлеуметтік желілерге деген құмарлығына байланысты бұрынғы жас топтарына қарағанда психотропты заттарды теріс пайдалану проблемасының даму қаупі жоғары. Бұл көбінесе жасөспірім кезеңінің проблемасы екендігі белгілі болды; ЖСПЗ қолданумен байланысты көптеген бұзылуар нақты жасөспірім кезеңінен басталады. Интернеттің жастар мен ЖСПЗ қатынастарында үлкен рөл атқаратыны, ЖСПЗ қолдану мен суицид арасында оң байланыс бар екендігі анықталды. Зерттеудің тәжірибелі маңыздылығы – жаһандық перспективада ЖСПЗ-ның қазіргі жастар арасында таралуы бұл зерттеу саласын әлеуметтанулық тұрғыдан қазақстандық қоғамның болашағы үшін ерекше өзекті етеді. Жастардың ЖСПЗ-ны қолдану және есірткі тарату үшін әлеуметтік желіні пайдалану тәжірибесін тереңірек зерттеу қажет.

Түйін сөздер: «Z» үрпак, жастар, ЖСПЗ, жаңа есірткілер, жүйелі шолу.

A.E. Mukhamediyev

Public foundation «Center for Social and Political Studies «Strategy», Kazakhstan, Almaty
e-mail: mukhamediyevazat@gmail.com

Systematic review of the literature: the attitude of «Z» generation to new synthetic psychotropic substances (NSPS)

Synthetic drugs are one of the most pressing drug problems worldwide. The current use of new synthetic psychotropic substances (NSPS) by members of Generation «Z», known as zoomers, is a cause of great concern. Teenagers and youth are active users of social networks such as TikTok, Instagram, etc. The relevance of the study is due to the fact that due to the peculiarities of their age, they tend to search for something new, unusual, to imitate, overestimate their capabilities and can quickly fall under various influences through social networks. The aim of the study is a systematic review of scientific research on drug use by adolescents and the attitude of «Z» generation to NSPS. The research method is a systematic review that allows both qualitative and quantitative results of empirical research to be systematically integrated into the analysis. Study results: «Z» generation is at higher risk of developing substance abuse problems than previous age groups due to their obsession with social networks. It has been established that this is a problem mostly in adolescence; most disorders associated with the use of NSPS begin precisely in adolescence. It is revealed that the Internet plays an important role in the relationship between youth and NSPS, there is a positive relationship between the use of NSPS and suicide. The practical significance of the study – the prevalence of NSPS among modern youth in the global perspective makes this area of research especially relevant for the future of Kazakhstan society from a sociological point of view. There is a need for a deeper study of the practice of the use of NSPS by youth and the use of a social network for the drug trafficking.

Key words: «Z» generation, young people, NSPS, new drugs, systematic review.

А.Е. Мұхамедиев

Общественный фонд «Центр социальных и политических исследований «Стратегия»,
Казахстан, г. Алматы
e-mail: mukhamedievazat@gmail.com

Систематический обзор литературы: отношение поколения «Z» к новым синтетическим психотропным веществам (НСПВ)

Синтетические наркотики являются одной из самых злободневных проблем, связанных с наркотиками мирового масштаба. В настоящее время наибольшую озабоченность вызывает употребление новых синтетических психотропных веществ (НСПВ) молодыми людьми – представителями поколения «Z», также называемыми зумерами. Подростки и молодежь являются активными пользователями социальных сетей, таких как TikTok, Instagram и др. Актуальность исследования обусловлена тем, что в силу особенностей своего возраста они склонны к поиску чего-то нового, необычного, к подражанию, переоценивают свои возможности и могут быстро попадать под различные влияния через социальные сети. Целью исследования является систематический обзор научных исследований об употреблении наркотиков подростками и отношении поколения «Z» к НСПВ. Метод исследования представляет собой систематический обзор, который позволяет интегрировать в анализ как качественные, так и количественные результаты эмпирических исследований. Результаты исследования: поколение «Z» подвержено более высокому риску развития проблемы злоупотребления психотропными веществами, чем предыдущие возрастные группы, из-за их одержимости социальными сетями. Установлено, что это проблема в большей мере подросткового периода; большинство расстройств, связанных с употреблением НСПВ, начинаются именно в подростковом возрасте. Выявлено, что интернет играет большую роль в отношениях молодежи и НСПВ, существует положительная связь между употреблением НСПВ и суицидом. Практическая значимость исследования – распространность НСПВ среди современной молодежи в глобальной перспективе делает данное направление исследования особенно актуальным для будущего казахстанского общества с социологической точки зрения. Необходимо более глубокое изучение практики употребления НСПВ молодежью и использования социальной сети для распространения наркотиков.

Ключевые слова: поколение «Z», молодёжь, НСПВ, новые наркотики, систематический обзор.

Kіріспе

Жаңа синтетикалық психотроп заттар (ЖСПЗ) мәселесі онлайн-нарықтың тез дамуы мен оның шектеусіз сипатына байланысты маңызды бола түсіде (EMCDDA 2015). ЖСПЗ Еуропалық Одақ 1961 жылғы Есірткі құралдары туралы бірынғай Конвенцияға немесе 1971 жылғы Психотроптық заттар туралы Конвенцияға сәйкес тізімге енгізілмеген, бірақ халық денсаулығына салыстырмалы қауіп төндіруі мүмкін таза не препараттар түріндегі жаңа есірткі немесе психотроптық препараттар ретінде занды түрде айқындалған (UNODC, 2014). ЖСПЗ-ға баса назар аудару жастар арасындағы оған деген қызығушылықтың артуы себепті ғылыми әдебиетте кең таралған, зерттеу қызығушылығын тудырган тақырыпқа айналды. Соңғы жылдарда ЖСПЗ санының, түрінің және қолжетімділігінің бұрын-сонды болмаған өсуі байқалады. Қазіргі уақытта ЖСПЗ әлемнің барлық елдерінде қолжетімді (UNODC, 2014). Осылайша ЖСПЗ тұтыну шынымен жаһандық құбылысқа айналды. ЖСПЗ туралы ақпарат көзі ретінде Интернет маңызды рөл атқарады

(Schifano et al., 2015). Әлеуетті тұтынушылар, соның ішінде балалар, жасөспірімдер және психиатриялық науқастар секілді осал тұлғалар психотропты заттар есерін қарқынды түрде жарнамалайтын және есірткінің әдеттегі тексерумен анықталмайтындығын көрсететін агрессивті маркетингтік стратегияларға (тартымды атаулар, түрлі-түсті қаптамалар, тестілеуге арналған тегін үлгілер) онлайн бағдарланған (Bersani et al., 2014). ЖСПЗ-ны «занды», «қауіпсіз» деп жарнамалау олардың танымалдылығы мен тұтынудың артуына ықпал етуі мүмкін. Алайда Schifano et.al (2015) қазір ЖСПЗ қолданумен байланысты денсаулыққа ықтимал жедел және созылмалы зияндарды көрсететін клиникалық дәлелдердің өсіп келе жатқанын анықтаган. Еуропалық комиссия (2011) Еуропалық есірткі нарығындағы жағдайды ескере отырып, жастардың ЖСПЗ-ға қатысты тәжірибесі мен қатынасын зерттеген. Иріктеме Еуропа Одағына кіретін 27 елдегі кездейсоқ таңдалған 12000-нан астам жасөспірімдер мен жастарды (15-24 жас аралығындағы) қамтыды. Жалпы алғанда респонденттердің 5% ЖСПЗ тұтынганын хабарлаған, оның ішінде: Ирландия – 16%,

Польша – 9%, Латвия – 8,8%, Ұлыбритания – 8% көрсеткішімен рейтингтің басында болса, Италия – 0,8%, Финляндия – 1%, Грекия – 1,6% көрсеткіштерімен төменгі орында болды.

Тақырыптың дәйектелігі және мақсаты

Зерттеу тақырыбының таңдалуының негізгі себебі – қазіргі Қазақстан қоғамындағы жастар арасында ЖСПЗ-ның кең таралуында. Бұл мәселені зерделеу қажеттілігі ЖСПЗ-ны қолдану – жасөспірім кезеңінде проблемасы ретінде айқындалуы және жастар мен ЖСПЗ арасындағы қарым-қатынастың позитивті корреляциясына байланысты туындалған отыр. Зерттеудің мақсаты – жасөспірімдердің есірткі қолдануы және «Z» ұрпақтың ЖСПЗ-ға қатынасы туралы ғылыми зерттеулерге жүйелі шолу жасау.

Зерттеу әдіснамасы

Зерттеу барысында соңғы 15 жыл ішінде жарияланған қолжетімді мақалалардың жүйелі әдебиетіне шолу жасалды. Бұл әдіс реалистік синтез техникасын қолдана отырып, зерттеуге жүйелі шолуды қамтиды (Booth, Sutton & Papaioannou, 2016). Жүйелі шолу – белгілі бір тақырып бойынша зерттеуді жинақтау, сынни түрғыдан бағалау және синтездеу кезінде біржақтылықты шектейтін іздеу әдістемесі. Әдебиеттерге жүйелі шолу келісілген зерттеу стандарттарына сәйкес мүмкін болатын ең объективті көзқарасты қолдау және осылайша біржақтылықты азайту үшін жүргізіледі. Шолуды іске асыру жоспары үш маңызды кезеңді қамтиды. Жоспарлау кезеңінде зерттеудің негізгі мақсаттары, ғылыми жұмыстарды іздеу көздері анықталады, сонымен қатар жүйелі шолу хаттамасы жасалады. Жұмысты таңдау, деректерді шығару, процесті бақылау және деректерді синтездеу екінші кезеңде жүзеге асырылады. Соңғы кезеңді зерттеуді ғылыми журналдардағы мақала ретінде рәсімдеу болады.

Жоспарлау. Хаттама бірнеше бөліктерден тұрады (Kitchenham and Charters, 2007): (1) зерттеу сұрақтары, (2) іздеу стратегиясы, (3) ғылыми еңбектерді алып тастау критерийлері, (4) деректерді алу стратегиясы, (5) синтез стратегиясы.

1. Бұл зерттеу аясында біз төмендегі сұрақтарға жауап алуымыз қажет:

1.1. «Z» ұрпақ және ЖСПЗ: кім және не?

1.2. «Z» ұрпақ пен ЖСПЗ арасында қандай байланыс бар?

2. Осы зерттеуге арналған жарияланымдарды іздеп, іріктеу бірнеше кезеңде жүзеге асырылды. Бірінші кезеңде Scopus, Web of Science, Wiley, Google Scholar, КиберЛенинка сынды академиялық мәліметтер базасында кең ауқымды іздеу жұмыстары жүргізілді. Екінші кезеңде әдебиеттерді кең және жан-жақты іздеуді қамтамасыз ету үшін тақырып өрісінің сипаттамасы, зерттеу терминдері, зерттеу әдіснамасын сипаттайтын сөздер кіретін кілт сөздердің тізімі жасалды. Тақырып өрісін сипаттау үшін келесі сөздер қолданылды: *Gen Z, Z Generation, New Synthetic Psychotropic Substances, NPS, Novel Psychoactive Substances, Digital Generation, Deviation, Youth Attitude, Поколения «Z», Новые синтетические психотропные вещества, Психотроптық заттар*. Үшінші кезеңде шолу үшін зерттеулердің соңғы іріктеуі өтті.

3. Барлық мақалалар оқылып және төмендегі критерийлерге сәйкес келмейтін зерттеулер алынып тасталды:

а) Зерттеудің сандық бағасын бермейтін жарияланымдар (сұхбат, бақылау талдауы және т.б.);

б) 2007 ж. бұрын жарияланған жарияланымдар;

с) Тек бір беттен тұратын жарияланымдар (деректердің мақалалар), постерлер, презентациялар, ғылыми іс-шаралар бағдарламалары немесе оқу слайдтары;

д) Жоғары оку орындарымен байланысты емес жарияланымдар (мектептер, колледждер және т. б.);

е) Осы тақырыпқа байланысты емес жарияланымдар.

4. Деректерді алу стратегиясы аясында 4 бірлік деректер белгіленіп алынып, іріктелген ғылыми жұмыстарға талдау жүргізу үшін пайдаланылды:

а) Мақала атаяу;

б) ЖСПЗ қолдану және онымен байланысты психикалық денсаулық тұрғысынан «Z» ұрпағын талқылау;

с) Кез келген сандық есептеу әдісін және сапалы жобалау әдісін қолдану;

д) Психотропты заттарды теріс қолдану проблемасының жоғары қаупін көрсететін факторлар мен жағдайларды талдау;

е) Кез келген есірткінің, оның ішінде синтетикалық есірткінің адамдардың өмір жолына әсерін зерттеу.

5. Синтез стратегиясы зерттеудің негізгі сұрақтарына жауап алу үшін таңдалған жарияланымнан деректерді талдауға негізделген.

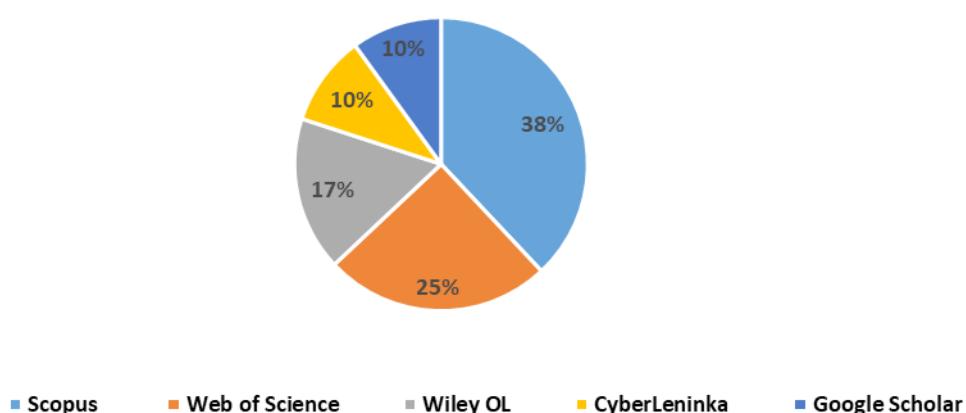
Нәтижелер мен талқылама

Зерттеу барысында әр түрлі академиялық база/дереккөздерден 40-тан астам ғылыми жұмыс қарастырылды (1-сурет).

Бұл ғылыми жұмыстардың шамамен 38% Scopus библиографиялық және реферативті мәліметтер базасынан, 25% Web of Science платформасынан, 17% Wiley онлайн кітапханасынан, 10% Google Scholar-дан

және 10% Cyberleninka ғылыми электрондық кітапханасынан алынды. Ғылыми жұмыстар жоғарыда аталған түйін сөздер негізінде таңдалды.

Бұл 40 ғылыми жұмыс жұмыстың ішінен 20 жарияланым алып тастау критерийлерін қолдана отырып таңдалды. Бұл жұмыстар бойынша негізгі ақпарат дереккөздің атауы, жарияланған жылы экспериментке қатысушылардың санына қарай жүйеленген (1-кесте).

1-сурет – Ғылыми жұмыстар/жарияланымдар іздестірілген академиялық базалар

1-кесте – Таңдалып алынған мақалалар тізімі

№	Макаланың атауы / Жарияланған жылы	Респонденттер саны
1	Patterns and Correlates of New Psychoactive Substance Use in a Sample of Australian High School Students, 2016	1126
2	Novel Psychoactive Substances: Use and Knowledge Among Adolescents and Young Adults in Urban and Rural Areas, 2015	3011
3	New Psychoactive Substances and Suicidality: A Systematic Review of the Current Literature, 2021	-
4	The users of Novel Psychoactive Substances: Online Survey About Their Characteristics, Attitudes and Motivations, 2016	619
5	The Z Generation, 2016	-
6	Psychoactive Substances Use Experience and Addiction or Risk of Addiction Among by Polish Adolescents Living in Rural and Urban Areas, 2014	1860
7	Synthetic and Other Drug Use among High School Students, 2018	59 218 (104 орта және жоғарғы мектеп оқушылары)
8	Understanding The Generation Z: The Future Workforce, 2016	-
9	Students in Public and Private Schools – Which Are at Higher Risk Of Drug Use?: A Survey From Iran, 2020	650
10	The Diverse Reasons For Using Novel Psychoactive Substances – A Qualitative Study Of The Users' Own Perspectives, 2017	613

Кестенің жалгасы

№	Мақаланың атауы / Жарияланған жылы	Респонденттер саны
11	Personal and Social Consequences of Psychotropic Substance Use: A Population-Based Internet Survey, 2022	1224
12	Update on Critical Issues and Current Challenges with «Newer Psychoactive Substances: A Narrative Review», 2022	-
13	What's So «New» About New Psychoactive Substances? Definitions, prevalence, motivations, user groups and a proposed new taxonomy, 2017	-
14	How and Where to Find NPS Users: a Comparison of Methods in a Cross-National Survey Among Three Groups of Current Users of New Psychoactive Substances in Europe, 2019	3023
15	Awareness of users and motivational factors for using new psychoactive substances in Belgium, 2020	45
16	Sex and Gender Differences in the Effects of Novel Psychoactive Substances, 2020	-
17	Sales and Advertising Channels of New Psychoactive Substances (NPS): Internet, Social Networks, and Smartphone Apps, 2018	-
18	New psychoactive substances in Eurasia: a qualitative study of people who use drugs and harm reduction services in six countries, 2020	124
19	Substance Use in the Club Scene of Rome: A Pilot Study, 2015	-
20	Why do people use new psychoactive substances? Development of a new measurement tool in six European countries, 2020	3023

Бұл бөлімде әдебиеттердің жүйелі шолу нәтижелері негізінде зерттеудің негізгі сұрақтарына жауап беруге тырысамыз.

«Z» үрпақ және ЖСПЗ: кім және не?

Csobanka (2016) «Z» үрпағының анықтамасы бар екендігін («миллениалдар», «сандық аборигендер», «Facebook үрпағы», «коммутаторлар») және олардың 14-25 жас аралығындағы жасөспірімдер екендігін атап өтеді. «Z» үрпағын және оның мәнін жақсы түсіну үшін мына пікірге тоқталса болады, «олар 1990-шы жылдары туып, 2000-шы жылдары галамтор, смартфондар, ноутбуктар мен еркін қолжетімді желілер бар әлемдегі ең терең өзгерістер кезінде өсті» (Singh & Dangmei, 2016). Сондай-ақ «Бұл үрпақ өзінің жастық шағы мен ересек жылдарын экономикалық және әлеуметтік жаңа дәуірінде өткізеді» деген де пікір бар (Sidorcuka & Chesnovicka, 2017). Z-тер – этникалық жағынан әр түрлі және технологиялық тұрғыдан дамыған үрпақ. «Z» үрпағында бейресми, жеке және тікелей қарым-қатынас әдісі бар, ал әлеуметтік желілер олардың өмірінің маңызды бөлігі болып табылады. Mihelich (2013) «Z» үрпақтың экологиялық мәселелерге өте алаңдайтынына, келе жатқан ауыз су жетіспеушілігі проблемасын өте жақсы білетіндігіне, бұл олардың табиги ресурстарға деген жоғары жауапкершілік сезімін көрсететініне ерекше тоқталып өтеді. Hardey (2011:750-753) «Z» үрпағы әртүрлі мобиЛЬДІ

құрылғыларды пайдаланып, шындыққа, қоршаған және өмір сүретін ортага түсініктеме беретін, Twitter, блогтар және интернет-форумдар арқылы өз пікірлері мен көзқарастарын білдіріп, сонымен катар фотосуреттермен (Instagram, Pinterest, Snapchat) және фильмдермен бөлісітінін, сондай-ақ Интернеттің контентін қолданып қана қоймай, оны жасайтынын және басқаратынына қазіргі қоғамды дәлел ете отырып, ойын тұжырымдайды.

Жаңа синтетикалық психотроп заттар (ЖСПЗ) – бұл көбінесе дизайнерлік немесе синтетикалық есірткі, танымал, бірақ адастыратын «занды максимум» терминімен белгілі әр түрлі заттар тобы (Peacock et al., 2019). Олар әдетте қолданыстағы бақыланатын дәрі-дәрмектер мен фармацевтикалық өнімдердің аналогтары немесе лицензияланған дәрі-дәрмектер мен басқа да бақыланатын заттардың әрекеттері мен психотропты әсерлерін модельдеу үшін синтезделген химиялық заттар (Batisse et al., 2014) Психотропты заттар – тұтынғаннан кейін адамның көңіл-күйі, мінез-құлқы, кабылдауы мен танымдық қабілеті өзгеріп, тәуелділікті дамытатын кез келген зат. Ергабылов (2018) психотропты заттардың ең проблемалық түрі ЖСПЗ және бұл жердегі негізгі проблема – олардың денсаулыққа нақты әсерін анықтауда, себебі ЖСПЗ-ны ұзақ уақыт тұтынғанда салдары қандай болатыны жөнінде ақпараттың

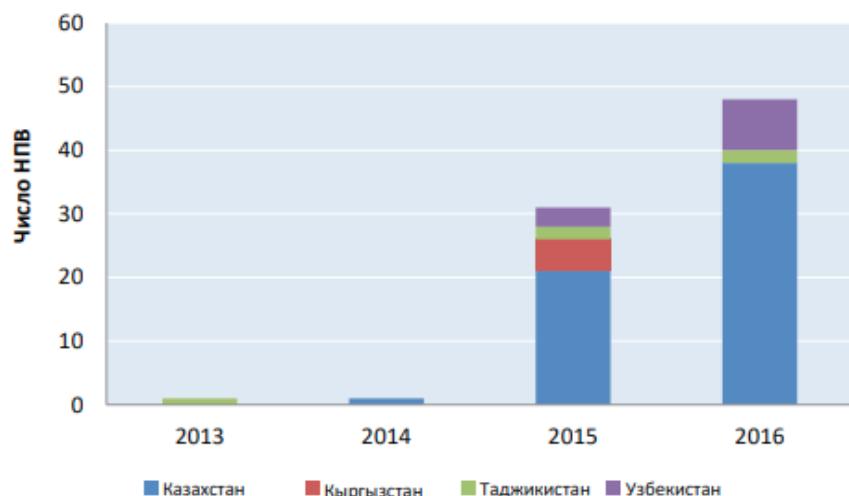
аздығы екендігін көлтіреді. ЖСПЗ-га интернет-дүкендер арқылы тапсырыс беруге болады. Бұл есірткі түрі қолжетімді. ЖСПЗ жастар арасында танымалдылығына негізгі себепші факторлар – оның болжамды заңдылығы мен денсаулыққа қауіптілігі төмен деген түсінік және төмен бағасы. Қөптеген ЖСПЗ клиникалық тұрғыдан зерттелмеген және олар туралы ақпарат жоқ.

«Z» үрпақ пен ЖСПЗ арасында қандай байланыс бар?

ЖСПЗ халықаралық қоғамдастықтың наزارын 2009 жылдан бастап өзіне аудартып, синтетикалық есірткінің жаһандық нарығын өзгертті. Жаңа есірткі түрлерінің пайда болуы Қазақстан үшін салыстырмалы түрде жаңа құбылыс болып табылады. Дегенмен, КР істер министрлігі 2021 жылы синтетикалық есірткі айналымына байланысты 1 036 қылмыс тіркеліп, 160 кг астам психотроп заттар, 3,5 тонна

прекурсорлар тәркіленіп алынып, 14 есірткі зертханасы жойылды деген ақпаратты ұсынады (Polsia.kz). 2016-2020 жылдар аралығында ЖСПЗ-га тәуелді адамдардың саны 60 есеге өскен (UNODC, 2021). БҮҰ-ның ұсынған мәліметтері бойынша 2013-2016 жылдары Орталық Азияның басқа елдерімен салыстырғанда Қазақстанда ЖСПЗ саны көп тіркелген (УПН ООН, 2017) (2-сурет).

2012 жылы жүргізілген балалар мен жастардың ЖСПЗ тұтынуын зерттеудің нәтижесінде алынған деректерге сәйкес, 16 жастағы окушылардың 15,8% ($\pm 1,9$) қандай да бір есірткі заттарын пайдаланған. Есірткі заттарын ағымдағы және өмірде бұрын-соңды тұтынудың ең көп таралуы 22 жастағы жастарда, ер адамдар арасында кездеседі (2-кесте). «НаркоСTOP» басташыл тобының зерттеуі бойынша Алматыдағы әрбір бесінші жасөспірім кем дегенде бір рет синтетикалық есірткіні қолданып көрген.

*Дереккөз: УПН ООН (2017)
2-сурет – Орталық Азияда тіркелген әртүрлі ЖСПЗ саны (2013-2016 жж.)*

2-кесте – Қазақстандағы балалар мен жастар арасында есірткі заттарын қолданудың таралу көрсеткіштері*

Көрсеткіш	Барлығы (n=4000)	Еп (n=1731)	Әйел (n=2269)	16 жас (n=1415)	19 жас (n=1824)	22 жас (n=761)
Есірткіні өмір бойы тұтыну	16,1% ($\pm 1,1$)	22,6 % (± 2)	11,1% ($\pm 1,3$)	15,8% ($\pm 1,9$)	15,1% ($\pm 1,6$)	19,1% ($\pm 2,8$)
Есірткіні соңғы 12 айда тұтыну	8,2% ($\pm 0,9$)	13 % ($\pm 1,2$)	4,5% ($\pm 0,9$)	7,3% ($\pm 1,4$)	4,7% (± 1)	5,3% ($\pm 1,6$)
Есірткіні соңғы 30 күнде тұтыну	4,6% ($\pm 0,7$)	7,6 % ($\pm 1,6$)	2,4% ($\pm 0,6$)	4,2% (± 1)	8,4% ($\pm 1,3$)	9,2% ($\pm 1,6$)

*Дереккөз: КР есірткі ахуалы туралы ұлттық есеп, 2014

«Жаңа есірткі» ұғымы – адамның орталық жүйке жүйесіне әсер етіп, сананың күйін өзгертетін жаңа заттарға арналған ортақ атау. Әлемдік тәжірибеде «жаңа есірткі» ұғымы ең алдымен синтетикалық есірткі деп түсіндірледі. Тәуелсіз Мемлекеттер Достастығы (ТМД) елдерінде «жаңа» есірткілер «дизайнерлік», «клубтық», «легальды» сынды атауларды қамтиды. Қазіргі уақыттағы наркотизацияның ең басты проблемасы – «жеңіл» деп аталатын «жаңа» есірткілер қауіпсіз есірткі идеологиясын тудырып, бұл өкінішке орай жеке адам немесе қоғам тарарапынан жеткілікті деңгейде қарсылыққа ұшырамауы. Қазіргі уақытта әлемдік деңгейде наркоахал мәселесі аса тез жылдамдықпен өзгеріп, бұл наркоманияның жаңа толқынына себеп болуда. Есірткі және психотропты заттар тасымалына қатысты заң жобаларына енгізіліп жатқан жаңа толықтырулар мен өзгерістерге есірткі нарығы да бейімделіп, әр түрлі есірткілік заттарға ұсыныс спектрін кеңейтуде. Зерттеушілердің басқа бір тобы ЖСПЗ-ны дайындастырып технологиялардың қарқынды дамуына орай жаңа есірткілердің елеулі және жағымсыз салдарына душар болатынын, себебі жаңа есірткі арқылы тәжірибелер кеңінен «жүргізілетін» буын болып табылатынын нақтылайды (Johnston et al., 2014). Miotto et al. (2013) ЖСПЗ – негізінен жаңа есірткінің коммерциялық қолжетімді синтетикалық зат екенін, бұның салдарынан есірткіні тұтыну қолайлылығына қатысты қоғамдық нормалардың өзгеруін ескере отырып, жасөспірімдердің синтетикалық есірткіні тұтынуына қатысты аландаушылық артып келетіні жайлы баяндайды. «Болашақтың мониторингі» зерттеулерінің қорытындысы жасөспірімдердің есірткі тұтынуының болжамды зияны және олардың марихуана мен ЖСПЗ қолдануы арасындағы кері байланысты көрсеткеніне баса назар аударады (Johnston et al., 2014).

«Жаңа» ғылыми-зерттеу орталығының 2020 жылғы деректеріне сәйкес, Қазақстанда жаңа заттардың тек 1,4%-ы ғана Интернетті пайдаланбайтындар катарында. Жаңа заттардың 67,6% интернетте күніне 3 сағаттан артық уақыт өткізеді. Сондай-ақ жаңа заттар үшін ақпарат алу көзін ретінде бірінші орында әлеуметтік желілер, блогтар (61,5%), қазақстандық республикалық арналар (39,1%) мен қазақстандық интернет сайttар (33,3%) тұр (Жусупова, 2021). Неліктен «Z» ұрпағында есірткіге тәуелділіктің даму қаупі жоғарыдеген сұрақтындейді. Көп зерттеушілер бұл ұрпақтың жалғыздығы немесе әлеуметтік

желілерге деген құмарлығынан деп санайды. Осы орайда, 2018 жылы ҚР ПМ синтетикалық есірткінің 90 пайызы әлеуметтік желілер арқылы таратылатынын, Интернет-дүкендер «өнімнің» кең ассортиментін ұсынып, тіпті әртүрлі «акциялардың» бар екендігін мәлімдеген хабарламасына дабылмен қарауға мәжбүрледі. Сондай-ақ ЖСПЗ-ны қолданатындар әдетте жас жігіт ретінде суреттеледі (Vardakou, Pistols, & Spiliopoulou, 2010; Werse & Morgenstern, 2012). Жоғарыда келтірілген «Z» ұрпақ сипаттамалары бұл статистикалық мәліметті жаңа заттардың ЖСПЗ қатынасына қатысты зерттеулердің нәтижелері нақтыланып, психотроп заттарды Интернетке патологиялық тәуелді жасөспірімдер осы тәуелділік қаупі тәндірмейтін адамдармен салыстырғанда жиі қолданатынын айқындейды. Мысалы, Pawłowska et al. (2009) зерттеуі негізінде Интернетке тәуелділіктің қаупі бар жасөспірімдер қыын жағдайларда осы тәуелділіктің даму қаупі жоқ адамдармен салыстырғанда психотропты заттарды жиі қолданады деген тұжырымға келді. Интернетке тәуелділікті зерттеушілер (Wenzel et al., 2009; Padilla-Walker et al., 2010; Ream et al., 2011) жасөспірімдер есірткіні онлайн ойындар кезінде жиі қолданады деген пікір білдіре, Fisoun et al. (2012) жүргізген зерттеу есірткіні пайдаланбайтындарға қарағанда заңсыз есірткіні қолданатын жасөспірімдер порнографиялық веб-сайттарда отыратынын көрсетті. Бұл зерттеулер жаңа заттардың ЖСПЗ қатынасына Интернетке тәуелділік факторының елеулі әсер ететінін көрсетіп берді. Кейір зерттеулер ЖСПЗ қолдануға ынталандыратын негізгі факторлар ретінде баға, заңды мәртебе, қолжетімділік және скринингтік сынақтарда анықталмауы сияқты сыртқы жағдайларға байланысты екендігін атап көрсетеді (Corazza, Simonato, Corkery, Trincas, & Shifano, 2014; Werse & Morgenstern, 2012; Winstock, Lawn, Deluca, & Borschmann, 2015). Soussan & Kjellgren (2016) мынадай қызық зерттеу мәліметін келтіреді: ЖСПЗ тұтынуға қатысты қолжетімділік, заңдылық, скринингтік тесттердегі анықталмауы сияқты сипаттамалар ләzzat алу үшін тұтынуға қарағанда әлдеқайда аз макұлданған мотивация болған. Бұл ЖСПЗ-ны қайтадан тұтынуға әкелетін мотивация тұрғысынан түсіндірледі. Soussan & Kjellgren (2016) ЖСПЗ қолданушылардың мотиві мен қатынасына қарай синтетикалық есірткі заттар тобына кіретін есірткілердің ләzzat алуға ынталандыруды қамтитын, алайда одан да асып түсетін арнағы профильдері бар екенін атап

өтеді. 3-суретте көрсетілгендей барлық ЖСПЗ бойынша есірткінің әсерін орташа бағалау 70,8 (SD (ортаквадраттық ауытку) = 28,8) құрады, ал респонденттер ЖСПЗ-ны қайтадан пайдалануды жоспарлаған дәрежесі 60,7 (SD = 38,4) болды. Барлық тіркеңген ЖСПЗ-ның тәуелділік әлеуеті 32,6 (SD = 33,1) деп бағаланды. Алайда, мотивтер де, қатынастар да нашақорлар топтары арасында айтарлықтай ерекшеленеді. Респонденттер галлюциногендік ЖСПЗ басқа топтарға қарағанда едәүір тәмен тәуелді қылатын потенциалға ие (орташа = 8,3, SD = 15,9) деп санайды. Стимуляторлар ақыл-ой мен физикалық қабілеттердің жоғарылату үшін қолданылуымен (орташа = 56,5, SD = 34,9) синтетикалық каннабиноидтардан, GABA, опиоидтерден, диссоциативтерден және галлюциногендерден ерекшеленеді. Сонымен қатар, стимуляторлар GABA-ны (гамма аминомайлы қышқылын) есептемегендеге, барлық басқа ЖСПЗ-ға қарағанда едәүір жоғары әлеуметтік жағдайларды жеңілдету бойынша (орташа = 43,1, SD = 35,5) қолданылған. Диссоциативтерді өзін-өзі тану немесе рухани мақсаттар үшін қолдану (орташа = 68,3, SD =

30.7) келесі есірткі топтарымен салыстырыланда едәүір жоғары болды: GABA, синтетикалық каннабиноидтар, опиоидтар және стимуляторлар. Диссоциативтер сонымен қатар ЖСПЗ-ның барлық топтарының бағаланған әсерлері (орташа = 80,0, SD = 24,7) және жоспарланған қайта қолдану (орташа = 70,3, SD = 35,0) бойынша ең жоғары баллға ие. Синтетикалық каннабиноидтарды қолданудың негізгі мотивациясы ләззат алу (орташа = 70,4, SD = 29,9), содан кейін баға, құқықтық мәртебе, қолжетімділік және скринингтік тексерулерде анықталмауы болды (орташа = 66,3, SD = 36,9). Жалпы алғанда синтетикалық каннабиноидтар барлық есірткі топтары бойынша тәмен көрсеткіштерге ие болды. Ал опиоидтарды қолдану барлық басқа есірткі топтарымен салыстырыланда әдеттер мен тәуелділіктерге (орташа = 51,4, SD = 38,0) себебіне тікелей қатысты болды. GABA-ны қолданушылар барлық топтардың ең тәменгі ләззат алу (60,8, SD = 33,5) деңгейімен сипатталды. Сондай-ақ, GABA барлық топтардың ең жоғары тәуелділік әлеуетіне ие екендігі анықталды (орташа = 70,6, SD = 28,8) (3-сурет).

The mean approval rates for each motivation split by drug group.

Motivated by	Hallucinogens	Stimulants	Dissociatives	GABA	Synthetic cannabinoids	Opioids	Total
Pleasure and enjoyment?	68.9 (SD = 29.6)	72.9 (SD = 29.0)	77.0 (SD = 23.0)	60.8 (SD = 33.5)	70.4 (SD = 29.9)	80.6 (SD = 25.3)	70.8 (SD = 29.2)
Facilitation of social situations?	22.9 (SD = 28.6)	43.1 (SD = 35.5)	26.4 (SD = 29.3)	45.7 (SD = 36.8)	28.8 (SD = 31.2)	25.5 (SD = 29.6)	30.7 (SD = 32.7)
Enhanced mental or physical abilities?	45.5 (SD = 36.4)	56.5 (SD = 34.9)	38.0 (SD = 35.1)	28.8 (SD = 33.4)	18.5 (SD = 27.6)	35.6 (SD = 33.6)	44.0 (SD = 36.5)
Coping with pain, boredom, emotions, problems, anxiety, sleep deprivation?	24.7 (SD = 29.7)	35.5 (SD = 34.6)	49.7 (SD = 33.9)	77.2 (SD = 26.9)	47.5 (SD = 37.4)	68.9 (SD = 30.6)	37.4 (SD = 35.6)
Self-assertion and self-confidence?	21.7 (SD = 28.8)	36.0 (SD = 32.5)	27.4 (SD = 30.7)	35.3 (SD = 36.1)	15.6 (SD = 23.8)	22.2 (SD = 28.2)	26.7 (SD = 31.0)
Habit or addiction?	8.3 (SD = 15.9)	25.6 (SD = 32.0)	25.6 (SD = 28.7)	31.9 (SD = 33.6)	25.2 (SD = 30.4)	51.4 (SD = 38.1)	19.2 (SD = 28.1)
Self-exploration or spiritual attainment?	76.6 (SD = 29.3)	33.1 (SD = 33.9)	68.3 (SD = 30.6)	17.4 (SD = 25.5)	28.4 (SD = 30.8)	28.6 (SD = 33.2)	55.1 (SD = 38.4)
Circumstances such as price, legal status, availability, non-detectability in screening tests?	40.6 (SD = 37.0)	48.4 (SD = 37.8)	51.6 (SD = 35.6)	64.0 (SD = 34.2)	66.3 (SD = 36.9)	55.7 (SD = 36)	47.9 (SD = 37.7)

*Дереккөз: Soussan & Kjellgren (2016)

3-сурет – ЖСПЗ түрлерін қолданудағы мотивация/қатынастың орташа макұлдау көрсеткіштері*

Soussan (2018) ЖСПЗ қолданудың жалпы себептері ретінде демалу және ләззат алу болғанын анықтаған. Сонымен қатар, қолданушылар ЖСПЗ-ны табиги құмарлық пен спонтандық қызығушылық, жаңа және қызықты оқигалар туындауына жағдай жасау, өзін-өзі тексеру мен жеке қабілеттерін дамыту үшін қолданатыны белгілі болды. Сондай-ақ, ЖСПЗ қындықтарды жену және қарым-қатынасты арттыру үшін қолданылды (Soussan, 2018). Ергабылов (2018) ЖСПЗ қолданудың мотивтері дәстүрлі екендігін, яғни, субмиссивті (басқа адамдардың қысымына бағыну), гедонистік

(эйфория сезімін сезінуге деген үмтүліс) және мінез-құлық белсенділігін арттыру мақсатында екенін көлтірген. ЖСПЗ қолдану мен суицидтің өзара корреляциясына келетін болсақ, бірқатар зерттеушілер, ЖСПЗ қолдану суицидке әкелуші факторлардың бірі екендігін (Carrasco-Barrios et al., 2020), ЖСПЗ қолдану салдарынан пайда болатын психикалық бұзылу суицидке әкелетін қауіпті құбылыс және бұл категорияны көбіне жастар құрайтының нақтылайды (Abroms & Sher, 2016; Schneider, 2009). Коронавирус пандемиясы ЖСПЗ-ны теріс қолдануға себепші болып, психикалық денсаулыққа әсер ету

арқылы суицидтік ойларды күшайтей түсken. 2020 жылғы маусымда жүргізілген сауалнамада респонденттердің 13%-ы коронавируска байланысты туындаған стресс салдарынан ЖСПЗ күшайтілген көлемде қолданғанын, ал 11%-ы соңғы 30 күнде өзін-өзі өлтіру туралы ойлардың келгенін хабарлаған (Czeisler et al., 2020). 2020 жылдың басындағы деректер есірткіні шектен тыс қолданудан болатын өлім-жітім, әсіресе 2020 жылдың наурыз-мамыр айларында байқалғанын көрсетti. Бұл пандемиямен байланысты карантиннің басталуымен сәйкес келді. ЖСПЗ қолдану зиянды мінез-құлыққа, соның ішінде басқа адамдарға немесе заттарға қатысты зорлық-зомбылыққа, жол-көлік оқиғаларына, сондай-ақ өзіне-өзі зиян келтіруге немесе суицидке әкелу мүмкін (Kamijo et al., 2014; 2016). Сонымен қатар улану, тәуелділік белгілері мен психикалық бұзылуардың көбеюі, оның ішінде өзіне-өзі зиян келтіру және өзін-өзі өлтіру қаупі мефедрон мен катинондарды теріс пайдаланумен байланысты болған (Kriikku at el., 2015; Loi et al., 2015; Ordak et al., 2018).

Коронавирус індегінің есірткіге әсеріне қысқаша шолу жасаған зерттеушілер тобының есебіне сәйкес (UNODC 2020, Covid-19

response), Қазақстандағы ЖСПЗ мен басқа есірткілерге қолжетімділік коронавирус пандемиясының басталуымен күрт нашарлаған. Енгізілген карантиндік режим тұтынушылардың сөзінше, қала ішіндегі қозғалысқа қындық тудырумен қатар, есірткі бағасының өсуіне себеп болды (3-кесте). Респонденттер сондай-ақ опиоидты есірткі заттардың тапшы болуына байланысты экстракциялық апиын жасау үшін кәдімгі гастрономиялық қекнәрді жиі қолдана бастағанын хабарлады. Жалпы зерттеушілер синтетикалық есірткінің таралуы қазіргі уақытта өте өзекті проблема екенін ескертеді. Қазақстан Республикасы ПМ-нің ақпараты бойынша 2020 жылдың алғашқы 5 айында айналымда тыым салынған 27 кг синтетикалық заттар тәркіленген. Бұл 2019 жылдың көрсеткішімен салыстырғанда үш есе көп (КР ПМ, 2020). Есірткіні тұрақты емес немесе үнемі қабылдайтын, бірақ есепке алынбаған адамдардың нақты санын қолжетімді мәліметтерден шығару мүмкін емес. Алайда, егер БҮҰ деректеріне (UNODC, 2019) сүйенген жағдайда, Қазақстандағы есірткі тұтынушылардың саны есепте тұрғандар санынан 7 есе көп болуы мүмкін деп болжам жасауга болады.

3-кесте – Қазақстандағы төтенше жағдайға дейін және оның кезіндегі (коронавирус пандемиясы) есірткінің көшедегі орташа бағасы*

Есірткі атаулары	Төтенше жағдайға дейін (16 наурыз, 2020)	Мамыр, 2020
Героин (1 дозасы үшін)	5000-6000 теңге	10000-12000 теңге
	13-18 \$	24-29 \$
Марихуана (бір корапшасы)	2000-3000 теңге	4000 теңге
	5-8 \$	10 \$
Скорость (speed) 1 граммы үшін	10000-15000 теңге	10000-15000 теңге
	26-39 \$	24-27 \$

*Дереккөз: UNODC 2020, Covid-19 response

Қорытынды

Бұл мақалада авторлар «Z» ұрпақтың ЖСПЗ-га қатынасы бойынша таңдалған 20 мақаланы қарастырды. Ғылыми мақалалардағы зерттеу әдістемесі мен алынған нәтижелер толықтай талданды. «Z» ұрпақ және ЖСПЗ қатысты нақты анықтамалар осы салада зерттеулер жүргізген ғалымдардың енбегіне сүйене отырып берілді. Жастардың ЖСПЗ қолдану моти-

вациялары мен қатынасы анықталып, негізгі қолдануға итермелеші демалыс, ләzzat алу, құмарлық, субмиссия және қызығушылық екендігі көрсетілді. «Z» ұрпақта әлеуметтік желілерге деген құмарлығына байланысты бұрынғы жас топтарына қарағанда психотропты заттарды теріс пайдалану проблемасының даму қаупі жоғары екендігі, интернеттің жастар мен ЖСПЗ арасындағы қарым-қатынаста үлкен рөл ойнайтыны, бұл көп жағдайда негативті себеп-

салдарларға әкелетіні анықталды. ЖСПЗ қолдану мен суицид арасында позитивті байланыстың бар екендігі нақтыланып, жастар мен ЖСПЗ жалпы өзара оң байланысы және бұл 21 ғасырдағы жаңа бір субмәдинеттік құбылыс болғаны айтылды. Осы орайда жүргізілген жүйелі әдеби шолудың анықтамалық, талдаулық қызметтен

бөлек, комплексті сандық және сапалық зерттеу жұмыстары нәтижесінде негізделетін нақты іс-әрекет алгоритмін құруға көмегін тигіздеді. Бұл алдағы зерттеу жұмыстарына бағдар беріп ғана қоймай, қазақ қоғамында қазір өзекті мәселеге айналған жастар мен ЖСПЗ қарым-қатынасын теренірек зерттеуге атсалысады.

Әдебиеттер

- Abroms M., Sher L. Dual Disorders and Suicide // *Dual. Diagn.* – 2016. – № 12. – P. 148–149.
- Ballestar-Tarín M.L., Ibáñez-del-Valle V., Cauli O., Navarro-Martínez R. Personal and Social Consequences of Psychotropic Substance Use: A Population-Based Internet Survey // *Medicina*. – 2022. – № 58. – P. 2-22.
- Batisse A., Eiden C., Peyriere H. et al. Use of new psychoactive substances to mimic prescription drugs: the trend in France // *Neurotoxicology*. – 2020. – № 79. – P. 20-24.
- Bersani F.S., Corazza O., Albano G., et al. 25C-NBOMe: preliminary data on pharmacology, psychoactive effects, and toxicity of a new potent and dangerous hallucinogenic drug // *Biomed Res Int.* – 2014.
- Booth A., Sutton A., Papaioannou D. Systematic Approaches to a Successful Literature Review. – London, 2016.
- Bruno R., Matthews A.J., Dunn M., et al. Emerging psychoactive substance use among regular ecstasy users in Australia // *Drug Alcohol Depend.* – 2012. – № 124(1-2). – P. 19-25.
- Carrasco-Barrios M.T., Huertas P., Martín P., Martín C., Castillejos M.C., Petkari E., Moreno-Küstner B. Determinants of Suicidality in the European General Population: A Systematic Review and Meta-Analysis // *Int. J. Environ. Res. Public Health*. – 2020. – № 17. – P. 4115.
- Chiappini S., Mosca A., Miuli A., Santovito M.C., Orsolini L., Corkery J.M., Guirguis A., Pettoruso M., Martinotti G., Giannantonio M., Schifano F. New Psychoactive Substances and Suicidality: A Systematic Review of the Current Literature // *Medicina*. – 2021. – № 57. – P. 580. <https://doi.org/10.3390/medicina57060580>.
- Cinosi E., Corazza O., Santacroce R., et al. New drugs on the Internet: the case of Camfetamine // *Biomed Res Int.* – 2014.
- Corazza O., Simonato P., Corkery J., Trincas G., Shifano F. «Legal highs»: Safe and «legal heavens»? A study on the diffusion, knowledge and risk awareness of novel psychoactive drugs among students in the UK // *Rivista di Psichiatria*. – 2014. – № 49. – P. 89-94.
- Csobanka Z. E. The Z generation // *Acta Technologica Dubnicae*. – 2016. – № 6(2). – P. 63-72. DOI: 10.1515/atd-2016-0012.
- Czeisler M.É., Lane R.I., Petrosky E., Wiley J.F., Christensen A., Njai R., Weaver M.D., Robbins R., Facer-Childs E.R., Barger L.K., et al. Mental Health, Substance Use, and Suicidal Ideation During the COVID-19 Pandemic – United States, June 24-30 // *MMWR Morb. Mortal. Wkly. Rep.* – 2020. – № 69. – P. 1049-1057.
- Dargan P.I., Albert S., Wood D.M. Mephedrone use and associated adverse effects in school and college/university students before the UK legislation change // *QJM*. – 2010. – № 103(11). – P. 875-879. <https://doi.org/10.1093/qjmed/hcq13>.
- Ensari M. A study on the differences of entrepreneurship potential among generations // *Research Journal of Business and Management*. – 2017. – № 4(1). – P. 52-62. DOI: 10.17261/Pressacademia.2017.370.
- European Commission. Youth attitudes on drugs, Flash Eurobarometer 330. – 2011. – [Electronic resource].
URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_330_en.pdf. (accessed 2.03.2022).
- European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction (EMCDDA). New Psychoactive Substances in Europe. An Update from the EU Early Warning System. EMCDDA: Lisbon. European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction (EMCDDA). Annual report on the state of the drugs problem in Europe. – Lisbon, 2012.
- Fattore L., Marti M., Mostallino M., Castelli M.P. Sex and Gender Differences in the Effects of Novel Psychoactive Substances // *Brain Sciences*. – 2020. – № 10(9).
- Fisoun V., Floros G., Siomos K., Geroukaldis D., Navridis K. Internet Addiction as an Important Predictor in Early Detection of Adolescent Drug Use Experience – Implications for Research and Practice // *J Addict Med.* – 2012. – № 6(1). – P. 77-84.
- Hardey M. Generation C: Content, Creation, Connections and Choice // *International Journal of Market Research*. – 2011. – № 53(6). – P. 749-770. DOI: 10.2501/IJMR-53-6-749-770.
- Hill D., Mrug S. School-level correlates of adolescent tobacco, alcohol, and marijuana use // *Substance use & Misuse*. – 2015. – № 50(12). – P. 1518-1528. DOI: 10.3109/10826084.2015.1023449.
- Jain R., Verma K. Update on Critical Issues and Current Challenges with «Newer Psychoactive Substances: A Narrative Review» // *Indian Journal of Psychiatric Nursing*. – 2022. – № 19(1). – P. 75-82.
- Johnston L., D. O’Malley P.M., Miech R.A., Bachman J. G., Schulenberg J.E. Monitoring the Future: National Results on Drug Use: 1975-2013: overview, key findings on adolescent drug use / The University of Michigan. Institute for Social Research. – Ann Arbor, 2014.
- Kamijo Y., Takai M., Fujita Y., Hirose Y., Iwasaki Y., Ishihara S., Yokoyama T., Yagi K., Sakamoto, T. A multicenter retrospective survey of poisoning after consumption of products containing synthetic chemicals in Japan // *Intern. Med.* – 2014. – № 53. – P. 2439-2445.

- Kamijo Y., Takai M., Fujita Y., Sakamoto T. A multicenter retrospective survey of poisoning after consumption of products containing novel psychoactive substances from 2013 to 2014 in Japan // *The American Journal of Drug and Alcohol Abuse.* – 2016. – № 4. – P. 513-519.
- Katrina J. Debnam., Saha S., Bradshaw C. Synthetic and Other Drug Use among High School Students: The Role of Perceived Prevalence, Access, and Harms // *Subst Use Misuse.* – 2018. – №53(12). – P. 2069-2076. DOI: 10.1080/10826084.2018.1455699.
- Katrina E. Champion, Teesson M., Nicola C. Newton. Patterns and correlates of new psychoactive substance use in a sample of Australian high school students // *Drug and Alcohol Review* – 2016. – №35. – P. 338-344.
- Kitchenham B., Charters S. Guidelines for Performing Systematic Literature Reviews in Software Engineering, Technical Report EBSE 2007-001, Keele University and Durham University Joint Report. – 2007.
- Korf D., Benschop A., Werse B., at el. How and Where to Find NPS Users: a Comparison of Methods in a Cross-National Survey Among Three Groups of Current Users of New Psychoactive Substances in Europe // *International Journal of Mental Health and Addiction.* – 2019. – № 19. – P. 873-890.
- Kriikku P., Rintatalo J., Pihlainen K., Hurme J., Ojanperä I. The effect of banning MDPV on the incidence of MDPV-positive findings among users of illegal drugs and on court decisions in traffic cases in Finland // *Int. J. Leg. Med.* – 2015. – № 129. – P. 741-749.
- Kurcevič E., Lines R. New psychoactive substances in Eurasia: a qualitative study of people who use drugs and harm reduction services in six countries // *Harm Reduction Journal.* – 2020. – № 17(1).
- Loi B., Corkery J.M., Claridge H., Goodair C., Chiappini S., Gimeno Clemente C., Schifano F. Deaths of individuals aged 16–24 years in the UK after using mephedrone // *Hum. Psychopharmacol. Clin. Exp.* – 2015. – № 30. – P. 225-232.
- Martinotti G., Lupi M., Carlucci L., Cinosi E., Santacroce R., Acciavatti T., Chillemi E., Bonifaci L., Janiri L., Giannantonio M. Novel psychoactive substances: use and knowledge among adolescents and young adults in urban and rural areas // *Hum. Psychopharmacol Clin Exp.* – 2015. – № 30. – P. 295-301.
- Martinotti G. et al. Substance Use in the Club Scene of Rome: A Pilot Study // BioMed Research International. – 2014. – P. 1-5.
- Measham F., Newcombe R. What's So «New» About New Psychoactive Substances? Definitions, prevalence, motivations, user groups and a proposed new taxonomy // *The SAGE Handbook of Drug & Alcohol Studies: Social Science Approaches.* – 2017. – P. 576-596.
- Miliano C., Margiani G., Fattore L., De Luca M.A. Sales and Advertising Channels of New Psychoactive Substances (NPS): Internet, Social Networks, and Smartphone Apps // *Brain Sciences.* – 2018. – № 8(7).
- Miotto K., Striebel J., Cho A. K., Wang C. Clinical and pharmacological aspects of bath salt use: a review of the literature and case reports // *Drug and alcohol dependence.* – 2013. – №132(1). – P. 1-12. DOI: 10.1016/j.drugalcdep.2013.06.016.
- MK-KZ.kz – 2018. [Электрондық ресурс]. URL:<https://mk-kz.kz/social/2018/11/16/90-sinteticheskikh-narkotikov-rasprostranyayut-cherez-socseti.html>.
- Ordak M., Nasierowski T., Muszynska E. The growing problem of mephedrone use in Warsaw, Poland, 2010–2018 // *Lancet Psychiatry.* – 2018. – № 5. – P. 787.
- Padilla-Walker L.M., Nelson L.J., Carroll J.S., Jensen A., C. More Than a Just Game: Video Game and Internet Use During Adulthood // *Journal of Youth and Adolescence.* – 2010. – №9(2). – P. 103-113.
- Pawłowska B., Potembska E., Dworzański W. Internet Addiction and Coping with Stress in Secondary School Students. In: Janowski K., Steuden S (eds.) // *Biopsychosocial Aspects of Health and Disease.* Gaudium Press. – 2009. – P. 71-78.
- Pawłowska B., Zygo M., Potembska E., Kapka-Skrzypeczak L., Dreher P., Kędzierski Z. Psychoactive substances use experience and addiction or risk of addiction among Polish adolescents living in rural and urban areas // *Annals of Agricultural and Environmental Medicine.* – 2014. – № 21(4). – P. 776-782.
- Peacock A., Bruno R., Gisev N., et al. New psychoactive substances: challenges for drug surveillance, control, and public health responses // *Lancet.* – 2019. – № 394. – P. 1668-1684.
- Polisia.kz. – 2022. [Электрондық ресурс]. URL: <https://polisia.kz/almaty-oblysynda-mefedrondy-zhetkizu-arnasynda-tosqayyl-qoqylody/>.
- Ream G.L., Elliot L.C., Dunlap E. Patterns of and Motivations for Concurrent Use of Video Games and Substances // *International Journal of Environmental Research and Public Health.* – 2011. – № 8(10). – P. 3999-4012.
- Schifano F., Albanese A., Fergus S., et al. Mephedrone (4-methylmethcathinone; ‘meow meow’): chemical, pharmacological and clinical issues // *Psychopharmacology (Berl).* – 2011. – № 214(3). – P. 593-602.
- Schneider B. Substance use disorders and risk for completed suicide // *Archives of Suicide Research.* – 2009. – № 13. – P. 303-316.
- Sidorcuka I., Chesnovicka A. Methods of attraction and retention of generation Z staff. CBU International // *Conference Proceedings.* – 2017. – № 5. – P. 807-815. DOI: 10.12955/cbup.v5.1030.
- Simonis S., Canfyn M., Van Dijck A., Van Havere T., Deconinck E., Blanckaert P., Gremiaux L. Awareness of users and motivational factors for using new psychoactive substances in Belgium // *Harm Reduction Journal.* – 2020. – № 7.
- Singh A.P., Dangmei J. Understanding the generation Z: the future workforce // *South-Asian Journal of Multidisciplinary Studies.* – 2016. – № 3. – P. 1-5.
- Soussan C., Kjellgren A. The Users of Novel Psychoactive Substances: Online survey about their characteristics, attitudes and motivations // *International Journal of Drug Policy.* – 2016. – № 32. – P. 77-84. <http://dx.doi.org/10.1016/j.drugpo.2016.03.007>.
- Soussan C., Andersson M., Kjellgren A. The diverse reasons for using Novel Psychoactive Substances – A qualitative study of the users' own perspectives // *International Journal of Drug Policy.* – 2017. – № 52. – P. 71-78. <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2017.11.003>.

Soussan C. Novel Psychoactive Substances Experienced effects, attitudes, and motivations among online drug community users: Doctoral thesis. Faculty of Arts and Social Sciences Department of Social and Psychological Studies, Karlstad University. – Karlstad, Sweden, 2018.

Turner A.R. Generation Z: Technology's Potential Impact in Social Interest of Contemporary Youth: Research Paper Presented to The Faculty of the Adler Graduate School. – 2013. – P. 1-79.

United Nations Office on Drugs and Crime(UNODC). Global smart update. – 2016. [Электрондық ресурс].

URL:<https://www.unodc.org/documents/scientific/Global-SMART-Update-2016-vol-16.pdf>.

UNODC. The challenge of new psychoactive substances. – 2014.Global SMART Programme.

UNODC. World Drug Report 2019: 35 million people worldwide suffer from drug use disorders while only 1 in 7 people receive treatment. – 2019. [Электрондық ресурс]. URL: World Drug Report 2019: 35 million people worldwide suffer from drug use disorders while only 1 in 7 people receive treatment (unodc.org).

UNODC. UNODC presents the concept of the survey of Kazakhstan's high-risk drug use. – 2021. [Электрондық ресурс]. URL: UNODC presents the concept of survey of Kazakhstan's high-risk drug use.

Urban R. et al. Why do people use new psychoactive substances? Development of a new measurement tool in six European countries // *Journal of Psychopharmacology*. – 2020. – № 34(6). – P. 600-611.

Valente M.J., de Pinho P.G., de Lourdes Bastos M., et al. Khat and synthetic cathinones: a review // *Archives of Toxicology*. – 2014. – № 88. – P. 15-45.

Vardakou I., Pistros C., Spiliopoulos C. Drugs for youth via Internet and the example of mephedrone // *Toxicology Letters*. – 2010. – № 201. – P. 191-195. <http://dx.doi.org/10.1016/j.toxlet.2010.12.014>.

Wenzel H.G., Bakken I.J., Johansson A., Götestam K.G., Øren A. Excessive Computer Game Playing Among Norwegian Adults // *Self – Reported Consequences Of Playing And Association With Mental Health Problems. Psychol Rep.* – 2009. – № 105(3). – P. 1237-1247.

Werse B., Morgenstern C. How to handle legal highs? Findings from a German online survey and considerations on drug policy issues // *Drug and Alcohol Today*. – 2012. – № 2. – P. 222-231.

White J.E. Meet Generation Z. Grand Rapids. – Michigan: Baker Publishing Group, 2017.

Winstock A. R., Lawn W., Deluca P., Borschmann R. Methoxetamine: An early report on the motivations for use, effect profile and prevalence of use in a UK clubbing sample // *Drug and Alcohol Review*. – 2015. – № 35(2). – P. 212. <http://dx.doi.org/10.1111/dar.12259>.

Zona.kz. – 2022. [Электрондық ресурс]. URL:<https://zonakz.net/2022/09/12/kazhdyy-pyatyy-podrostok-v-almaty-proboval-sinteticheskie-narkotiki-akimat/>

Алкоголь мен есірткін бақылау орталығы КҚ. Қазақстан Республикасында есірткі ахуалы туралы ұлттық есеп. – 2014. [Электрондық ресурс]. URL: <http://narkonet.kz/upload/Национальный%20отчет%20о%20наркоситуации.pdf>.

Ергабылов, М.Б. Новые виды психоактивных веществ. Синтетические наркотики // *Вестник КазНМУ*. – 2018. – № 3. – С. 50-54.

Жусупова, А. Медиапотребление в Казахстане в 2020 году: интернет и соцсети побеждают. – 2021. [Электрондық ресурс]. URL: <https://ekonomist.kz/zhusupova/mediapotreblenie-kazakhstan-2020-internet/>.

МВД РК, пресс-релиз «МВД усилило борьбу с незаконным оборотом синтетических наркотиков» [Электрондық ресурс]. URL:<https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/press/news/details/mvd-usililo-borbu-s-nezakonnym-oborotom-sinteticheskikh-narkotikov?lang=ru>.

УПН ООН. Краткий обзор влияния эпидемии коронавируса (COVID-19). – 2021. [Электрондық ресурс]. URL: [COVID-19_impact_on_drug_use_in_Central_Asia_ru.pdf](https://www.unodc.org/covid19/impact_on_drug_use_in_Central_Asia_ru.pdf) (unodc.org).

УПН ООН. Оценка ситуации с синтетическими наркотиками в Центральной Азии. Отчет Глобальной программы SMART. – 2017. [Электрондық ресурс]. URL:[UNODC_NPS_Report_Central_Asia_November_2017-R.pdf](https://www.unodc.org/documents/scientific/Global-SMART-Update-2017-vol-16.pdf).

References

- Abroms M., Sher L. (2016). Dual Disorders and Suicide. *J. Dual. Diagn.*, no 12, pp. 148–149.
- Alkogól men esirtkini baqylaý ortalıǵy, QQ.(2014). Qazaqstan Resþýblikasynda esirtki ahýaly týraly ulttyq esep. [Center for Alcohol and Drug Control National report on drug situation in the Republic of Kazakhstan]. [Electronic resource], URL: <http://narkonet.kz/upload/Национальный%20отчет%20о%20наркоситуации.pdf> (in Russian).
- Ballestar-Tarin M.L., Ibáñez-del-Valle V., Cauli O., Navarro-Martínez R. (2022). Personal and Social Consequences of Psychotropic Substance Use: A Population-Based Internet Survey. *Medicina*, vol. 58, pp. 2-22.
- Batisse A., Eiden C., Peyriere H. et al. (2020). Use of new psychoactive substances to mimic prescription drugs: the trend in France. *Neurotoxicology*, no 79, pp. 20–24.
- Bersani F.S., Corazza O., Albano G., et al. (2014). 25C-NBOMe: preliminary data on pharmacology, psychoactive effects, and toxicity of a new potent and dangerous hallucinogenic drug. *Biomed Res Int*.
- Booth A., Sutton A., Papaioannou D. (2016). Systematic Approaches to a Successful Literature Review. Sage, London.
- Bruno R., Matthews A.J., Dunn M., et al. (2012). Emerging psychoactive substance use among regular ecstasy users in Australia. *Drug Alcohol Depend*, no 124, pp. 19–25.
- Carrasco-Barrios M.T., Huertas P., Martín P., Martín C., Castillejos M.C., Petkari E., Moreno-Küstner B. (2020). Determinants of Suicidality in the European General Population: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Int. J. Environ. Res. Public Health*, no 17, pp. 4115.

- Chiappini S., Mosca A., Miuli A., Santovito M.C., Orsolini L., Corkery J.M., Guirguis A., Pettorruso M., Martinotti G., Giannantonio M., Schifano F. (2021). New Psychoactive Substances and Suicidality: A Systematic Review of the Current Literature. *Medicina* 2021, no 57, pp. 580. <https://doi.org/10.3390/medicina57060580>.
- Cinosi E., Corazza O., Santacroce R., et al. (2014). New drugs on the Internet: the case of Camfetamine. *Biomed Res Int.* 419026.
- Corazza O., Simonato P., Corkery J., Trincas G., Shifano F. (2014) «Legal highs»: Safe and «legal heavens»? A study on the diffusion, knowledge and risk awareness of novel psychoactive drugs among students in the UK. *Rivista di Psichiatria*, no 49, pp. 89–94. <http://dx.doi.org/10.1708/1461.16147>.
- Csobanka Z. E. (2016). The Z generation. *Acta Technologica Dubnicae*, vol. 6, no 2, pp. 63–72. DOI: 10.1515/atd-2016-0012.
- Czeisler M.É., Lane R.I., Petrosky E., Wiley J.F., Christensen A., Njai R., Weaver M.D., Robbins R., Facer-Childs E.R., Barger L.K., et al. (2020). Mental Health, Substance Use, and Suicidal Ideation During the COVID-19 Pandemic - United States, June 24–30. *MMWR Morb. Mortal. Wkly. Rep.* 2020, no 69, pp.1049–1057.
- Dargan P.I., Albert S., Wood D.M. (2010). Mephedrone use and associated adverse effects in school and college/university students before the UK legislation change. *QJM*, vol. 103, no 11, pp. 875–879, <https://doi.org/10.1093/qjmed/hcq13>.
- Ensari M. (2017). A study on the differences of entrepreneurship potential among generations. *Research Journal of Business and Management*, vol. 4, no 1, pp. 52–62. DOI: 10.17261/Pressacademia.2017.370.
- Ergabylov.M.B.(2018). Novye vidy psihoaktivnyh veshchestv. Sinteticheskie narkotiki [New types of psychoactive substances. Synthetic drugs] *Vestnik KazNMU*, no 3, pp. 50-54 (in Russian).
- European Commission. (2011). Youth attitudes on drugs, Flash Eurobarometer 330 [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_330_en.pdf..
- European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction (EMCDDA). (2015). New Psychoactive Substances in Europe. An Update from the EU Early Warning System. EMCDDA: Lisbon. European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction (EMCDDA). November 2012. Annual report on the state of the drugs problem in Europe. EMCDDA: Lisbon.
- Fattore L., Marti M., Mostallino M., Castelli M.P. (2020). Sex and Gender Differences in the Effects of Novel Psychoactive Substances. *Brain Sciences*, vol. 10, no 9.
- Fisoun V., Floros G., Siomos K., Geroukaldis D., Navridis K. (2012). Internet Addiction as an Important Predictor in Early Detection of Adolescent Drug Use Experience – Implications for Research and Practice. *J Addict Med.*, vol. 6, no 1, pp. 77–84.
- Hardey M. (2011). Generation C: Content, Creation, Connections and Choice. *International Journal of Market Research*, vol. 53, no 6, pp. 749-770. DOI: 10.2501/IJMR-53-6-749-770.
- Hill D., Mrug S. (2015). School-level correlates of adolescent tobacco, alcohol, and marijuana use. *Substance use & Misuse*, vol. 50, no 12, pp. 1518–1528. DOI: 10.3109/10826084.2015.1023449.
- Jain R., Verma K. (2022). Update on Critical Issues and Current Challenges with «Newer Psychoactive Substances: A Narrative Review». *Indian Journal of Psychiatric Nursing*, vol. 19, no 1, pp. 75-82.
- Johnston L., D. O’Malley P.M., Miech R.A., Bachman J. G., Schulenberg J.E. (2014). Monitoring the Future: National Results on Drug Use: 1975–2013: overview, key findings on adolescent drug use. The University of Michigan. Institute for Social Research, Ann Arbor.
- Kamijo Y., Takai M., Fujita Y., Hirose Y., Iwasaki Y., Ishihara S., Yokoyama T., Yagi K., Sakamoto T. (2014). A multicenter retrospective survey of poisoning after consumption of products containing synthetic chemicals in Japan. *Intern. Med.*, no 53, pp. 2439–2445.
- Kamijo Y., Takai M., Fujita Y., Sakamoto T. (2016). A multicenter retrospective survey of poisoning after consumption of products containing novel psychoactive substances from 2013 to 2014 in Japan. *The American Journal of Drug and Alcohol Abuse*, no 42, pp. 513–519.
- Katrina J. Debnam., Saha S., Bradshaw C. (2018). Synthetic and Other Drug Use among High School Students: The Role of Perceived Prevalence, Access, and Harms. DOI: 10.1080/10826084.2018.1455699.
- Katrina E. Champion, Teesson M., Nicola C. Newton (2016). Patterns and correlates of new psychoactive substance use in a sample of Australian high school students. *Drug and Alcohol Review*, no 35, pp. 338– 344.
- Kitchenham B., Charters S. (2007). Guidelines for Performing Systematic Literature Reviews in Software Engineering, Technical Report EBSE 2007-001, Keele University and Durham University Joint Report.
- Korf D., Benschop A., Werse B., et al. (2019). How and Where to Find NPS Users: a Comparison of Methods in a Cross-National Survey Among Three Groups of Current Users of New Psychoactive Substances in Europe. *International Journal of Mental Health and Addiction*, no 19, pp. 873–890.
- Kriikku P., Rintatalo J., Pihlainen K., Hurme J., Ojanperä I. (2015). The effect of banning MDPV on the incidence of MDPV-positive findings among users of illegal drugs and on court decisions in traffic cases in Finland. *Int. J. Leg. Med.*, no 129, pp.741–749.
- Kurcevič E., Lines R. (2020). New psychoactive substances in Eurasia: a qualitative study of people who use drugs and harm reduction services in six countries. *Harm Reduction Journal*, vol. 17, no 1.
- Loi B., Corkery J.M., Claridge H., Goodair C., Chiappini S., Gimeno Clemente C., Schifano F. (2015). Deaths of individuals aged 16–24 years in the UK after using mephedrone. *Hum. Psychopharmacol. Clin. Exp.*, no 30, pp. 225–232.
- Martinotti G. et al. (2014). Substance Use in the Club Scene of Rome: A Pilot Study. *BioMed Research International*, pp. 1-5.
- Martinotti G., Lupi M., Carlucci L., Cinosi E., Santacroce R., Acciavatti T., Chillemi E., Bonifaci L., Janiri L., Giannantonio M. (2015). Novel psychoactive substances: use and knowledge among adolescents and young adults in urban and rural areas. *Hum. Psychopharmacol Clin Exp* 2015; no 30, pp. 295–301.

- Measham F., Newcombe R. (2017). What's So «New» About New Psychoactive Substances? Definitions, prevalence, motivations, user groups and a proposed new taxonomy. *The SAGE Handbook of Drug & Alcohol Studies: Social Science Approaches*, pp. 576–596.
- Miliano C., Margiani G., Fattore L., De Luca M.A. (2018). Sales and Advertising Channels of New Psychoactive Substances (NPS): Internet, Social Networks, and Smartphone Apps. *Brain Sciences*, vol. 8, no 7.
- Miotto K., Striebel J., Cho A. K., Wang C. (2013). Clinical and pharmacological aspects of bath salt use: a review of the literature and case reports. *Drug and alcohol dependence*, vol. 132, no 1, pp. 1-12. DOI: 10.1016/j.drugalcdep.2013.06.016.
- MK-KZ.kz. (2018). 90% sinteticheskikh narkotikov rasprostranyayut cherez socseti [90% of synthetic drugs are distributed through social networks]. [Electronic resource] URL: <https://mk-kz.kz/social/2018/11/16/90-sinteticheskikh-narkotikov-rasprostranyayut-cherez-socseti.html>(in Russian).
- MVD RK, press-reliz. MVD usililo bor'bu s nezakonnym oborotom sinteticheskikh narkotikov [The Ministry of Internal Affairs has intensified the fight against the illegal trafficking of synthetic drugs]. [Electronic resource] URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/press/news/details/mvd-usililo-borbu-s-nezakonnym-oborotom-sinteticheskikh-narkotikov?lang=ru> (in Russian).
- Ordak M., Nasierowski T., Muszynska E. (2018). The growing problem of mephedrone use in Warsaw, Poland, 2010–2018. *Lancet Psychiatry*, no 5, pp.787
- Padilla-Walker L.M., Nelson L.J., Carroll J.S., Jensen A.C. (2010). More Than a Just Game: Video Game and Internet Use During Adulthood. *Journal of Youth and Adolescence*, vol. 39, no 2, pp. 103–113.
- Pawlowska B., Potemska E., Dworzański W. (2009). Internet Addiction and Coping with Stress in Secondary School Students. *Biopsychosocial Aspects of Health and Disease*, pp. 71–78.
- Pawlowska B., Zygo M., Potemska E., Kapka-Skrzypczak L., Dreher P., Kędzierski Z. (2014). Psychoactive substances use experience and addiction or risk of addiction among Polish adolescents living in rural and urban areas. *Annals of Agricultural and Environmental Medicine*, vol. 21, no 4, pp. 776–782.
- Peacock A., Bruno R., Gisev N., et al. (2019). New psychoactive substances: challenges for drug surveillance, control, and public health responses. *Lancet*, no 394, pp. 1668–1684.
- Polisia.kz. (2022). Kanal postavki mefedrona zablokirovany v Almatinskoj oblasti [The mephedrone supply channel is blocked in the Almaty region]. [Electronic resource] URL: <https://polisia.kz/almaty-oblysynda-mefedrondy-zhetkizu-arnasyna-tosqauyl-qojyldy/>(in Kazakh).
- Ream G.L., Elliot L.C., Dunlap E. (2011). Patterns of and Motivations for Concurrent Use of Video Games and Substances. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 8, no 10, pp. 3999–4012.
- Schifano F., Albanese A., Fergus S., et al. (2011). Mephedrone (4-methylmethcathinone; ‘meow meow’): chemical, pharmacological and clinical issues. *Psychopharmacology (Berl)*, vol. 214, no 3, pp. 593–602.
- Schneider, B. (2009). Substance use disorders and risk for completed suicide. *Arch. Suicide Res.*, no 13, pp. 303–316.
- Sidorukha I., Chesnovicka A. (2017). Methods of attraction and retention of generation Z staff. *CBU International Conference Proceedings*, no 5, pp. 807-815. DOI: 10.12955/cbup.v5.1030.
- Simonis S., Canfyn M., Van Dijck A., Van Havere T., Deconinck E., Blanckaert P., Gremiaux L. (2020). Awareness of users and motivational factors for using new psychoactive substances in Belgium. *Harm Reduction Journal*, no 7.
- Singh A.P., Dangmei J. (2016). Understanding the generation Z: the future workforce. *South-Asian Journal of Multidisciplinary Studies*, vol. 3, no 3, pp. 1-5.
- Soussan C. (2018). Novel Psychoactive Substances Experienced effects, attitudes, and motivations among online drug community users. (Doctoral thesis). Faculty of Arts and Social Sciences Department of Social and Psychological Studies, Karlstad University, Karlstad, Sweden.
- Soussan C., Andersson M., Kjellgren A. (2017). The diverse reasons for using Novel Psychoactive Substances. – A qualitative study of the users' own perspectives. *International Journal of Drug Policy*, no 52, pp. 71–78. <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2017.11.003>.
- Soussan C., Kjellgren A. (2016). The users of Novel Psychoactive Substances: Online survey about their characteristics, attitudes and motivations. *International Journal of Drug Policy*, no 32 (2016), pp. 77–84. <http://dx.doi.org/10.1016/j.drugpo.2016.03.007>.
- The Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, press release «The Ministry of Internal Affairs has strengthened the fight against illegal trafficking of synthetic drugs». [Electronic resource] URL:<https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/press/news/details/mvd-usililo-borbu-s-nezakonnym-oborotom-sinteticheskikh-narkotikov?lang=ru> (in Russian).
- Turner A.R. (2013) Generation Z: Technology's Potential Impact in Social Interest of Contemporary Youth. *A Research Paper Presented to The Faculty of the Adler Graduate School*, pp. 1-79.
- United Nations Office on Drugs and Crime. (UNODS). (2016). Global smart update. [Electronic resource] URL: <https://www.unodc.org/documents/scientific/Global-SMART-Update-2016-vol-16.pdf>.
- UNODC. (2014). The challenge of new psychoactive substances: Global SMART Programme.
- UNODC. (2019). World Drug Report 2019: 35 million people worldwide suffer from drug use disorders while only 1 in 7 people receive treatment. [Electronic resource] URL: [World Drug Report 2019: 35 million people worldwide suffer from drug use disorders while only 1 in 7 people receive treatment \(unodc.org\).](https://www.unodc.org/documents/scientific/World-Drug-Report-2019.pdf)
- UNODC. (2021). UNODC presents the concept of the survey of Kazakhstan's high-risk drug use. [Electronic resource] URL: [UNODC presents the concept of survey of Kazakhstan's high-risk drug use.](https://www.unodc.org/documents/scientific/UNODC-Presents-the-Concept-of-the-Survey-of-Kazakhstan-s-High-Risk-Drug-Use.pdf)
- UPN OON (2021). Kratkij obzor vliyanija epidemii koronavirusa (COVID-19) [A brief overview of the impact of the coronavirus epidemic (COVID-19)]. [Electronic resource] URL: [COVID-19_impact_on_drug_use_in_Central_Asia_ru.pdf](https://www.unodc.org/documents/scientific/COVID-19-impact-on-drug-use-in-Central-Asia-ru.pdf) (unodc.org) (in Russian).

- UPN OON. (2017). Ocenna situacii s sinteticheskimi narkotikami v Central'noj Azii. Otchet Global'noj programmy SMART [Assessment of the situation with synthetic drugs in Central Asia. SMART Global Program Report]. [Electronic resource] URL:UNODC_NPS_Report_Central_Asia_November_2017-R.pdf.
- Urban R. et al. (2020). Why do people use new psychoactive substances? Development of a new measurement tool in six European countries. *Journal of Psychopharmacology*, vol. 34, no 6, pp. 600-611.
- Valente M.J., de Pinho P.G., de Lourdes Bastos M., et al. (2014). Khat and synthetic cathinones: a review. *Archives of Toxicology*, 2014, no 88, pp. 15–45.
- Vardakou I., Pistros C., Spiliopoulou C. (2010). Drugs for youth via Internet and the example of mephedrone. *Toxicology Letters*, no 201, pp. 191–195. <http://dx.doi.org/10.1016/j.toxlet.2010.12.014>.
- Wenzel H.G., Bakken I.J., Johansson A., Götestam K.G., Øren A. (2009). Excessive Computer Game Playing Among Norwegian Adults: Self – Reported Consequences Of Playing And Association With Mental Health Problems. *Psychol Rep.*, vol. 105, no 3, pp. 1237–1247.
- Werse B., Morgenstern C. (2012). How to handle legal highs? Findings from a German online survey and considerations on drug policy issues. *Drug and Alcohol Today*, no 12, pp. 222–231. <http://dx.doi.org/10.1108/17459261211286636>.
- White J.E. (2017). Meet Generation Z. Grand Rapids, Michigan: Baker Publishing Group.
- Winstock A. R., Lawn W., Deluca P., Borschmann R. (2015). Methoxetamine: An early report on the motivations for use, effect profile and prevalence of use in a UK clubbing sample. *Drug and Alcohol Review*, vol. 35, no 2, pp. 212-7 <http://dx.doi.org/10.1111/dar.12259>.
- Zhusupova A. (2021). Mediapotreblenie v Kazahstane v 2020 godu: internet i soc seti pobezhdavayut [Media consumption in Kazakhstan in 2020: the Internet and social networks are winning]. [Electronic resource] URL: <https://ekonomist.kz/zhussupova/mediapotreblenie-kazakhstan-2020-internet/> (in Russian).
- Zona.kz. (2022). Kazhdyy pyatyj podrostok v Almaty proboval sinteticheskie narkotiki – akimat [Every fifth teenager in Almaty tried synthetic drugs – Governor's Office]. [Electronic resource] URL: <https://zonakz.net/2022/09/12/kazhdyy-pyatyyj-podrostok-v-almaty-proboval-sinteticheskie-narkotiki-akimat/> (in Russian).

**А.С. Беймишева¹ , М.А. Азнабакиева^{2*} **

¹Нархоз университеті, Қазақстан, Алматы қ.

²Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: m.aznabakiyeva@gmail.com

ҚАЗІРГІ КӨШІ-ҚОН ПРОЦЕСІ: ТАЛДАУДАҒЫ ЖАҢА КӨЗҚАРАС

Көші-қон мемлекетте орын алған саяси, әлеуметтік және экономикалық, рухани, экологиялық, өзгерістерге сол мемлекет халқының жаппай жауап беру әдісі болып табылады. Бұл түрғыда, қоғамдағы өзгерістерді дәл және көрнекі түрде көрсететін басқа әлеуметтік құбылысты табу қыын болар. Көші-қон процесі даму деңгейіне қарай қабылдаушы және жіберуші елдерге әртүрлі әсер етеді, көші-қон елдің ішкі құрылымын өзертіп, ел аймақтарының дифференциациялануына әкеледі. Сондықтан ел дамуына оң әсер етуі үшін көші-қон процесін зерттеп, реттеп, бағыттап түру бүгінгі күн талабы. Мақаланың мақсаты қазіргі әлемде аймақтық, ұлттық, халықаралық деңгейдегі маңызды мәселелердің бірі көші-қонға байланысты отандық және шетелдік зерттеушілер енбектеріндегі басым көзқарасты анықтау. Міндеті – мәселеге байланысты отандық және шетелдік авторлар енбектерін талдау арқылы олардың көзқарастарын анықтап, топтастырып, қазіргі күнгі талдаудағы басым көзқарасты белгілеу, сонымен қатар отандық зерттеушілер пікірлерін статистикалық деректерді талдау арқылы негіздеу. Зерттеу болжамы – ғылымдағы жаңа мүмкіндіктер, импирикалық әдістерді, әсіресе статистикалық деректерді пайдалану мүмкіндігі мәселені талдауда жаңа көзқарас тудырып отыр: бүгінгі таңдағы көші-қон құбылысына байланысты көзқарастар оптимизмнен пессимизмге бет бүруда.

Талдау көрсеткендей, XXI ғасыр басынан көші-қон ағымдарына теріс баға беретін шектелген көші-қонды қолдайтын «көші-қон пессимистерінің» жұмыстарының саны артып келеді. Олар байырғы түрғындар арасындағы табыстың төмендеуін, жұмыссыздықтың өсуін, әлеуметтік шығыстардың көбеюін, экономикалық өсідін баяулауын, мәдени айырмашылықтардың күшеуінен туындастырып, әлеуметтік шиеленістердің өсуін, санитарлық-эпидемиологиялық жағдайдың нашарлауы, терроризм қаупін және т.б. жағымсыз салдарды көші-қон процесімен байланыстырады. Сол себепті де, бүгінгі таңда көші-қон позитивті, оптимистік көзқарастан негативтік көзқарастар тудыруда. Бұл көзқарастардағы айырмашылық оптимистік түрғыда жазылған жұмыстардың басым бөлігі мәселенің теориялық жағымен көбірек айналысып, көші-қонның донор және рецепент елдерге тигізетін экономикалық әсерлеріне негізделген болса, «пессимистік» енбектер импирикалық мәліметтерге сүйеніп, көші-қон салдарын әлеуметтік-экономикалық, саяси, мәдени, демографиялық, деңсаулық-сақтау түрғысынан анықтауға бағытталғандығында.

Түйін сөздер: көші-қон, ішкі көші-қон, сыртқы көші-қон, шектеулі көші-қон, мигрант.

A.S. Beimisheva¹, M.A. Aznabakiyeva^{2*}

¹Narxoz university, Kazakhstan, Almaty

²Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

*e-mail: m.aznabakiyeva@gmail.com

Modern migration process: new approaches in analysis

Migration can be viewed as a way of mass reaction of the population to the political, socio-economic, spiritual, and environmental changes taking place in the country. In this context, it would be difficult to find another social phenomenon that accurately and clearly reflects changes in society. The process of migration affects the countries receiving and sending migrants differently depending on the level of development, changing the structure of the country and leading to the differentiation of its regions. And in order for migration to positively influence the development of the country, it is necessary to study, regulate and direct it. The purpose of the article is to determine the main approaches of domestic and foreign researchers in the analysis of migration, which is becoming one of the most important problems at the regional, national and international levels in the modern world. The task is to identify, analyze and group the views of domestic, foreign researchers and determine the dominant point of view on the problem, as well as analyze the opinions of domestic researchers by analyzing statistical data. The hypothesis of the study is that new opportunities in science, the possibility of using empirical methods,

especially statistical data, create a new approach to the analysis of the migration process, which moves from optimism to pessimism.

The analysis shows that since the beginning of the 21st century, the number of studies of "migration pessimists", who give a negative assessment of migration and advocate limited migration, has increased. They associate negative consequences with migration, such as a decrease in income among the indigenous population, an increase in unemployment, an increase in social spending, a slowdown in economic growth, an increase in social tension caused by increased cultural differences, a worsening sanitary and epidemiological situation, the threat of terrorism, etc. For these reasons, today migration creates more negative forecasts. The difference between these views lies in the fact that most works written in an optimistic manner are more concerned with the theoretical aspects of the problem and are based on the economic consequences of migration for donor and recipient countries, while "pessimistic" works are based on empirical data and are aimed at more accurate analysis of the socio-economic, political, cultural, demographic, environmental consequences of migration.

Key words: migration, internal migration, external migration, limited migration, migrant.

А.С. Беймишева¹, М.А. Азнабакиева^{2*}

¹Университет Нархоз, Казахстан, г. Алматы

²Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: m.aznabakiyeva@gmail.com

Современный миграционный процесс: современные подходы к анализу

Миграция является способом массовой реакции населения на происходящие в стране политические, социально-экономические, духовные, экологические изменения. В этом контексте было бы трудно найти другое социальное явление, точно и наглядно отражающее изменения в обществе. Процесс миграции по-разному влияет на принимающие и отправляющие мигрантов страны в зависимости от уровня развития, изменяя структуру страны и приводя к дифференциации ее регионов. Чтобы миграция положительно влияла на развитие страны, необходимо изучать, регулировать и направлять ее. Цель статьи – определить основные подходы отечественных и зарубежных исследователей в анализе миграции, которая становится одной из важнейших проблем на региональном, национальном и международном уровнях в современном мире. Задача состоит в том, чтобы выявить, анализировать и сгруппировать взгляды отечественных, зарубежных исследователей и определить господствующую точку зрения по проблеме, а также проанализировать мнения отечественных исследователей путем изучения статистических данных. Гипотеза исследования заключается в том, что новые возможности в науке, возможность использования эмпирических методов, особенно статистических данных, создают новый подход к анализу процесса миграции, который от оптимизма переходит к пессимизму.

Анализ показал, что с начала XXI века увеличилось количество исследований «пессимистов миграции», дающих миграции негативную оценку и выступающих за ограниченную миграцию. Они связывают с миграцией негативные последствия, такие как снижение доходов среди коренного населения, рост безработицы, увеличение социальных расходов, замедление экономического роста, рост социальной напряженности, вызванный усилением культурных различий, ухудшение санитарно-эпидемиологической ситуации, угроза терроризма и т.д. По этим причинам сегодня миграция создает больше негативные прогнозы. Различие этих взглядов состоит в том, что большинство работ, написанных в оптимистическом ключе, больше касаются теоретических аспектов проблемы и основаны на экономических последствиях миграции для стран-доноров и стран-реципиентов, тогда как «пессимистические» работы опираются на эмпирические данные и направлены на более точный анализ социально-экономических, политических, культурных, демографических, экологических последствий миграции.

Ключевые слова: миграция, внутренняя миграция, внешняя миграция, ограниченная миграция, мигрант.

Kіріспе

Көші-қон – қоғам өмірінде болып жатқан саяси, әлеуметтік және экономикалық, экологиялық өзгерістерден көрініс беретін күбылым, сол мемлекет тұрғындарының жоғарыда аталған өзгерістерге жаппай жауап беру әдістерінің

бірі. Бұл тұрғыда, қоғамдағы өзгерістердің дәл және көрнекі түрде көрсететін басқа әлеуметтік құбылымы табу қыын болар. Көші-қон әлеуметтік өзгерістердің ең күшті элементі ретінде физикалық құрылымы, діні, мәдениеті, тілі әртүрлі қауымдастықтардың біріктіріп қана қоймай, бұл қауымдастықтардың бірге

өмір сүруіне, өзара әрекеттесуіне себеп болады. Халықаралық көші-қон ұйымы қазіргі әлемде орын алғып жатқан қоныс аударуларға адам құқықтарымен, дамумен және геосаясатпен тікелей байланысты ұлттық, аймақтық, халықаралық деңгейдегі маңызды саяси мәселе деп баға береді (World migration report, 2020). Сондықтан көші-қон процесі жан-жақты зерттеуді талап ететін бүгінгі күннің талабы болып отырғаны сөзсіз. Мақаланың алға қойған мақсаты қазіргі уақыттағы көші-қон мәселесіне байланысты басым көзқарасты анықтау. Авторлар мақаланы жазу барысында отандық және шетелдік зерттеушілер еңбектерін ғылыми талдаудан өткізу, қазіргі күнгі аталған мәселеге байланысты талдаудағы басым көзқарасты анықтау, сонымен қатар Қазақстан жағдайындағы көші-қон мәселесіне байланысты көзқарасты статистикалық деректер негізінде дәйектеу міндеттерін қойған.

Көші-қон процесі даму деңгейіне қарай қабылдаушы және жіберуші елдерге әртүрлі әсер ететін анық. Қазіргі кезде көптеген мигранттарды жіберетін дамушы елдердің үкіметтері көші-қон процесіндегі азаматтарды әлеуетті инвесторлар мен даму процесінің қатысуышылары ретінде қарастыра отырып, оларға, яғни трансұлттық мигранттар мен диаспораларға экономикалық тұрғыда үміт артатындығы белгілі. Бұл сыртқы көші-қон процесіне байланысты өзекті мәселе, шетелде мигрант болып жүрген азамат өз еліне инвестор немесе табыс әкелуші, экономиканы көтеруші және жұмыспен қамтылғандар санын арттырушы ретінде қарастырылады. Дамыған елдерде көрісінше, қазір көші-қонның байырғы тұрғындар арасындағы табыстың төмендеуі, жұмыссыздықтың өсуі, әлеуметтік шығыстардың көбеюі, экономикалық өсудің баяулауы, мәдени айырмашылықтардың күшеюінен туындастын әлеуметтік шиеленістердің өсуі, санитарлық-эпидемиологиялық жағдайдың нашарлауы, терроризм қаупі сияқты жағымсыз әлеуметтік-саяси салдары айқын көрінеді. Осы аталған теріс салдарды көптеген зерттеушілер көші-қонмен байланыстырады. Сол себепті де қазіргі таңда көші-қон позитивті, оптимистік көзқарастарға қарағанда негативтік көзқарастар тудыруды. Бүгінгі күні Қазақстандағы көші-қон процестері республиканың әлеуметтік, саяси, экономикалық, демографиялық жағдайын елеулі өзгеріске үшіраратып, бір аймақтардың дамып, келесі аймақтардың құлдырауына себеп болып отыр.

Әдістеме

Көші-қон мәселесі әрқашан ғалымдардың назарында болған өзекті сұрақтардың бірі. Бұл феноменді әртүрлі қырынан отандық және шетелдік авторлар зерттеген. Зерттеу мақсатына жету үшін ғылыми талдау және деректерді екіншілік талдау әдістері қолданылады. Сондықтан көші-қон мәселесіне байланысты отандық және шетелдік авторлар зерттеулері мен индексі жоғары басылымдарда жарық көрген еңбектер ғылыми талдаудан өткізіледі. Сонымен қатар, статистикалық деректерді талдау арқылы Қазақстан жағдайындағы көші-қон процестеріне байланысты отандық авторлар еңбектеріндегі көзқарас негізделеді. Қазақстандағы көші-қон мәселесіне байланысты зерттеудің ақпараттық базасын Қазақстан Республикасы Стратегиялық жоспарлау және реформалар агенттігінің Ұлттық статистика бюросының (ҚР СЖРА ҰСБ) деректері құрады.

Нәтижелер және талқылау

Көші-қон адамзат дамуының әр кезеңінде өзекті әрі құрделі сұрақтар туындаған, пікірталас тудырған құрделі мәселелер қатарынан болған. Бұл феномен әрқашан ғалымдардың қызығушылығын оятып, назарынан тыс қалмаган. Мысалы, көші-қон және даму мәселелері бойынша пікірлер 1950-1960 жылдардағы девелопменталистік оптимизмнен 1970-1980 жылдардағы нео-марксистік пессимизмге, 1990-2000 жылдардағы оптимистік көзқарастарға бет бүрді. АҚШ-та Халықаралық көші-қон және кооперативті экономикалық дамуды зерттеу жөніндегі Комиссияда 1989 жылы Д.С. Массей (Masssey, 1989) көші-қон мәселесін пессимистіктен мәселенің оптимистік көзқарастарына түбегейлі көшумен сәйкес келді деп сипаттағ, көші-қон және даму туралы кең таралған скептицизмнің бүрынғы атмосферасы аясында үлесін қосып жатқандығын білдіре отырып, аймақтарды дамыту стратегияларында пайдалануға болатындығын пайымдауын көрсетеді. Бірақ барлық зерттеушілер бүндай позитивті көзқарастармен келіседі деуге болмайды. Көші-қонға теріс баға берген зерттеушілер әрқашан болған және олардың саны, әсіресе, XXI ғасырдың басынан артып келеді. Бұған себеп, біріншілері, көші-қонды елдің экономикалық

даму тұрғысынан, екіншілери, көші-қонның салдарын зерттеуінен деуге болады. Мақаланы жазу барысында талдау негізінде біз көші-қонға байланысты көзқарастарды оптимистік немесе пессимистік деп екіге топтастырық.

Көші-қон мәселесіне оптимистік көзқарастарды алғашқы зерттеушілер пікірінше (Р.С. Джонс, Д. Капур, Д. Раҳта) ақша аударымдарының өсуі көбінесе ірі бюрократиялық даму бағдарламаларына немесе дамуға көмек көрсетуге қарағанда кірістерді қайта бөлудің, кедейлікті азайтудың және экономикалық өсідің тиімді құралы болып саналған. Эдвард Ж. Тейлор болса көші-қонды дамудың құрамдас бөлігі ретінде қарастырады. Автор (Тейлор, 1999) көші-қонды «даму» терминіне енген кең трансформациялық процестердің ажырамас бөлігі болып табылатын процесс ретінде қарастыру керек деп санайды. Хайн де Хаастың (Хайн де Хаас, 2010) дәлелдерінің бірінде 1950-1960 жылдардағы даму теориясындағы басым көзқарастарға сәйкес, оралған мигранттар өзгеріс пен инновацияның маңызды агенттері ретінде қарастырылды деп пайымдалынады. Мигранттар ақшаны ғана емес, жаңа идеяларды, білім мен кәсіпкерлік көзқарастарды да алып келеді деп күтіледі. Осылайша, мигранттар дамуда он рөл атқарады және дамушы елдерде модернизацияның кеңістіктік таралуына ықпал етеді деп күтілген. Сонымен қатар автордың пікірінше, ақша аударымдары экономикалық өсіді ынталандыруда маңызды рөл атқарады деп саналынған. Авторлардың көші-қонды оң бағалауы экономикалық тұрғыдан қарастырылып отыр.

Көші-қонның нео-классикалық теориясы көші-қонды жіберуші және қабылдаушы елдердің мұдделері үшін өндіріс факторларын оңтайтын бөлу нысаны ретінде қарастырады. Мысалы, М.П. Тодароның пікірінше (Тодаро, 1969) бұл «тенденстірліген өсу» перспективасында жұмыс күшін ауылдардан, ауылшаруашылық аудандардан қалалық, өнеркәсіптік секторларға (шекарада немесе одан тыс жерлерде) қайта бөлу экономикалық өсідің алғышарты ретінде қарастырылады, сондықтан бұқіл даму процесінің құрамдас бөлігі ретінде қарастырылады. Әрине бұл тұжырымдар өз уақытында өзекті болды, бірақ бүгінгі күні ауылдық аймақтардан қалаларға көшу тенденциясы соншалықты оң экономикалық өсіді білдірмейтінін уақыт көрсетіп отыр.

Д.С. Массейдің (Массей, 1990) пікірінше, көші-қон процесінде капитал ағындары тікелей қарама-қарсы бағытта, яғни еңбек тапшылығы

бар мигранттарды қабылдаушы елдерден экономикалық капитал тапшылығы бар мигранттарды жіберуші елдерге жүреді деп түсіндірледі. Сайып келгенде, өндіріс факторларының бағасын тенестіру процесі (Хекшер-Олин моделі¹) көші-қонның шығу тегі мен тағайындалған жердегі жалакы денгейі біріккеннен кейін тоқтайды деп болжайды. Автордың пайымдауынша, көптеген зерттеушілер әлі де көші-қонның салдарынан гөрі детерминанттарға назар аударады. Бұл қайшылықтар көші-қонға байланысты дау тудырып, автономды әдебиеттердің жазылуына әкеліп отыр: себептер және салдарын зерттеушілер арасында, құрылымдық және жеке көзқарастар арасында, микро- және макроанализ арасында. Сәйкесінше бұл фрагментация талдаушыларға уақыт өте келе бір-біріне әсер ететін айнымалылар арасындағы және талдау денгейлері арасындағы негізгі қатынастарды, көші-қонның ажырамас бөлігі болып табылатын және көші-қон процесіне құшті серпін жасайтын тәуелділіктерді тануға мүмкіндік бермейді. Нәтижесінде, біздің миграция туралы түсінігіміз толық емес және нақты емес (Массей, 1990: 4). Автордың бұл пікірімен толықтай келісуге болады, көші-қон мақсат пен міндет, факторлар мен салдар сабактастырылып зерттелуі керек.

Көші-қон зерттеушілері арасында пайда болған екі түрлі көзқарас 2000 жылдан бастап нақты айқындалғанын айтып, Мэтью Дж. Тейлор, Мишель Дж. Моран-Тейлор, Д.Р. Руис зерттеушілерді екі топқа бөлді: бірі, көші-қонды мигранттарды жіберетін қауымдастықтар мен елдердің дамуына әсерін, капитал мен жұмыс күшінің жетіспеушілігін жену құралы ретінде зерттесе, екіншілері, олардың көзқарастарына қарама-қарсы келетін зерттеушілер (Тейлор, 2006: 58; 59). Бұл бөлу қазіргі күні де өз өзектілігін жоғалтпауда, «көші-қон оптимистері» мен «көші-қон пессимистері» арасында тұрақты және кейде қызу пікірталастар әлі де жалғасуда.

Біздің ойымызша, мұндай оптимистік көзқарастар Еуропа мен Америка Құрама Штаттарындағы ауылдық жерлерден қалаларға қоныс аударуды ертерек зерттеуге және Еуро-

¹ Хекшер-Олин моделі – халықаралық саудадағы салыстырмалы артықшылық теориясы. Салыстырмалы түрде капиталды мол елдер капиталды көп қажет ететін тауарларды экспорттап, еңбекті көбірек қажет ететін өнімдерді импорттайды және көрісінше, жұмыс күші жеткілікті, бірақ капиталы тапшы елдер еңбекті көп қажет ететін өнімдерді экспорттап, капиталды қажет ететін өнімдерді импорттауға бейім болады <https://www.britannica.com/topic/Heckscher-Ohlin-theory>

падан Солтүстік Америкаға көшудің тарихи тәжірибесіне негізделген. Сонымен қатар бұл еңбектер негізінен көші-қонды экономикалық тұрғыдан қарастырып, оның салдарын терең зерттемегенін байқауға болады. Көші-қон феномені туралы оптимистік көзқараста жазылған еңбектердің басым бөлігі заманауи әмпирикалық жұмыстарға сүйенбейтінін және олармен бұл мәселе байланыспайтындығын айтуға болады. XX ғасырдың аяғы XXI ғасырдың басынан бастап көші-қон феноменінің негативті тұстарын көрсететін, өз зерттеулерін импирикалық мәліметтерге сүйене дәлелдейтін, көші-қон салдарын әлеуметтік-экономикалық, саяси, мәдени, демографиялық, денсаулық-сақтау тұрғысынан зерттеген, шектелген көші-қонды қолдайтын зерттеушілер қатары артып келетіндігі байқалады. Сонымен қатар бүгінгі таңда көші-қон мәселесімен жекелеген авторларға емес, авторлық ұжымдар, халықаралық ұйымдар да айналысатыны, импирикалық зерттеулердің көптеп жүргізілетіні зерттеу аясын көнектіп, нақты, шынайы мәлімет алуға мүмкіндік беріп отыр.

Халықаралық Қайта Құру және Даму Банкінің 2009 жылы жариялаған «Миграция и «утечка мозгов» атты Еуропа және Орталық Азия аймағының экономикасы туралы есебінде (Доклад... 2009) көші-қон процесінен туындастын бірқатар мәселелерді көтереді. Бұл еңбектен біз көші-қон туралы теріс және оң көзқарасты көре аламыз, зерттеушілер жағымсыз салдарды тізімдей келе оның позитивті әсерлерінің барын да айтып өтеді. Бірінші салдардың бастысы ретінде көші-қон ағындарының бағыты айтылады – үш мигранттың біреуі міндетті тұрде Еуропага қоныс аударады. Бұл шоғырлану табысы жоғары Еуропа елдерінде жұмыссыздықтың өсуіне, әлеуметтік қызметтердің нашарлауына, жалақының қысқаруына байланысты кең көлемде қарсылық тудыруда. Ал донор елдерде адам капиталының дефициті, білікті мамандардың кетуімен байланысты мәселелер шиеленісп отыр. Қабылдаушы елдер жұмыссыздықтың өсіп, жалақының қысқаруына мигранттар кінәлі деп санаса, донор елдер – білікті мамандардың азаюымен («утечка мозгов») айыптайды. Бірақ жағымды тұсын ескеретін жағдай көші-қон табысы төмен халқы жас елдер және табысы жоғары халқы картатаушы елдер арасында тере-теңдікті сақтауға көмектеседі. Әрине көші-қон екі аймақтың құрылымдық экономикалық мәселелерін шеше алмайды, бірақ халықтың қартауы мен жа-

стар арасындағы жұмыссыздыққа байланысты мәселелерді шешуге мүмкіндік береді.

Көші-қон мәселесіне байланысты жағымсыз көзқарастардың көбеюінен саяси астар көретін зерттеушілер қатары да бар. Миграция бойынша халықаралық үйымының 2020 жылы жарық көрген «Әлемдегі көші-қон туралы 2020» баяндамасының «Көші-қонның күрделі және жаңадан пайда болған мәселелері» атты II бөлімінде М. Макалифф, А. Китимбо, Б. Хадрия «Тұрақсыздандыру және дезинформация дәүіріндегі мигранттардың үлесі туралы ойлар» атты зерттеуінде соңғы уақытта өсіп келе жатқан көші-қон мәселесіне байланысты талқылаудың «куytтылығы» («токсичность») астарында корқыныш пен жанжал тудыратын саяси астар жатыр деген көзқарас білдіреді. Авторлардың пікірінше, көші-қонға деген негативті көзқарас саясат тарапынан жасалып жатқан қоғамдық, саяси, әлеуметтік дестабилизация мен дезинформация негізінде туып отыр (Доклад... 2020: 161).

Экономикалық ынтымақтастық және даму үйимы (ЭЫДҰ) елдеріндегі көші-қон қозғалыстары мен саясатындағы соңғы оқиғаларды талдайтын жыл сайынғы ЭЫДҰ есебінің 2004 жылғы санында көші-қон әсерінен болатын аумақтық салдарын айқындаған (Tendances... 2004: 97). Көші-қонның жағымсыз сыртқы әсерлері ретінде кейбір елдерде иммигранттардың ірі қалалық орталықтарда шоғырлануынан, қоғамдық инфракұрылымға қысым жасауы; шетелдіктердің географиялық шоғырлануы, олардың қоғамға интеграциялануына кедергі жасап, бұл шектен тыс «этникалық» бөлінуге алып келу қаупі келтірілген. Бұл мәселелер Қазақстан жағдайында да өте өзекті (Жамбыл облысындағы Кордай оқиғасы, Атырау облысындағы мұнайшылар оқиғасы, Алматы облысындағы Шелек оқиғасы және т.с.с.). Қазақстан Республикасының көпұлтты мемлекет екендігін ескерсек, тұрлі этнос өкілдерінің үздік интеграциялануы мемлекеттің саяси тұрақтылығын қамтамасыз ететін бірден-бір күрал.

Жоғарыда айтылған ойға көші-қонға теріс баға берген Э.В. Волков (Волков, 2010) пікірі де жағын. Көші-қон процесінің әлеуметтік-мәдени аспектісі ретінде Э.В. Волков мигранттардың және олар көшіп барған аймақ халқының әлеуметтік-мәдени ерекшеліктерін, осы айырмашылықтардың күшеюінен туындастының ұлтаралық қатынастардың шиеленісі, жаңа этникалық диаспоралардың қалыптасуы, мәдени ассимиляция, интеграция немесе мәдени-саяси

сепаратизм тенденцияларын қалыптастыруды көрсеткен. Фалым ойынша көші-қон мемлекеттің барлық саласына, әсіресе, интеллектуалдық өмірге кері әсерін тигізетін «политика похищения умов».

Көші-қонға екі жақты баға беретін авторлар да бар. И. Цапенко (Цапенко, 2004) көші-қон қозғалыстарынан екі түрлі мәселе көреді: бір жағынан, дамыған елдердегі халықтың қысқаруы мен қартауы болжамы олардың шетелдік жұмыс күшіне деген қажеттіліктерін туғызығанын, дәстүр бойынша, ол қабылдаушы қоғамдарды жетіспейтін енбек ресурстарымен қамтамасыз етеді және олардың экономикалық дамуына үлкен үлес қосады десе, екінші жағынан, терроризм қаупінің артуын, ұлттық бірегейліктің жойылуы, ұлтаралық қақтығыс пен саяси экстремизмнің өсуі сияқты жағымсыз салдарлар туындалады дейді. Эрине, көші-қон да қоғамда болып жатқан кез келген құбылыс сияқты жағымды және жағымсыз әсерлер қалдырады.

Көші-қонды қауіпсіздік жағдайында қарастырған С.Т. Мейрманов «Қазақстан Республикасының қауіпсіздігі контекстіндегі миграциялық саясатының қалыптасу мәселелері» атты зерттеуінде «мигранттар – қауіпсіздіктің субъектісі де, объектісі де» деп пайымдайды (Мейрманов, 2004: 51). Мигранттар, әсіресе, бақылаусыз мигранттар, кез келген жұмысты тәмен жалақымен істеп, рецепient елдің еңбек нарығында бәсекелестік тудыра отырып экономикалық тұрақсыздандыруға себепкер болады. Автордың пікірінше мигранттар әлеуметтік мәселелердің өсуі, қылмыстың көбеюі, мәдени деңгейдің төмендеуі сияқты әлеуметтік агрессияның тұрткісі болуы мүмкін. Егер қабылдаушы ел мигранттарға қауіп объектісі ретінде караса, мигранттар түрлі формадағы дискриминацияға ұшыраса қауіп деңгейі жогарылайды. Автор бұл жағдайдан шығу жолы ретінде мемлекеттік саясаттың күштілігін атап өтеді. Мигранттар қоныс аударатын елді тандаудына әсер етуші негізгі фактор – қабылдаушы елдің миграциялық саясаты.

Қазақстан Республикасындағы көші-қон жағдайына байланысты отандық зерттеушілер пікірі де жоғарыда айтылған екі түрлі көзқараспен бағаланады. Қазақстан территориясындағы құрделі көші-қон ағымдары Ресейге қосылғаннан кейін орын алды. Бұл кезеңдегі орын ауыстырудар мемлекеттік саясатпен байланысты, көбіне мәжбүрлі түрде жүрді. Бірақ тәуелсіз Қазақстан өмірінде болып жатқан көші-қонның сипаты

басқа. Бұғінгі күні Қазақстандағы көші-қон процестері республиканың әлеуметтік, саяси, экономикалық, демографиялық жағдайын елеулі өзгеріске ұшыратуда. Бұл үрдіс өз кезегінде Қазақстанның бір аймактарының дамып, келесі аймактарының құлдырауына себеп болып отыр. Соңғы уақытта елде орын алып отырған реттелмеген көші-қон тенденциясы аймактарда қоғамдық, әлеуметтік-саяси мәселелер кешенін тудыруды: адамдар қауіпті жерлерге қоныстанады, білім беру және деңсаулық сақтау қызметтеріне қол жетімділігі шектеулі, мемлекет тарапынан көрсетілетін жәрдемақылардың көптеген түрінен айрылған, жергілікті тұргындарымен, аймақ әкімшілігімен байланыс шиеленіске түсken және т.б. Қазақстандағы көші-қон мәселе-сіне байланысты көптеген отандық авторлар аталған феноменнің жағымсыз әсерлерінің артып келетіндігін, мемлекет тарапынан қатаң реттеуді талап ететін құрделі процесс деген пікір ұстанады.

Қазақстандағы көші-қон масштабының күрт өсуі экономикалық және әлеуметтік тұрғыдан аймактардың дифференцияланатындығын көрсетеді. Соңғы үш санак мәліметтері негізінде Қазақстан аймактарын шартты түрде «рецепиент аймактар» (1-кесте) және «донор аймактар» (2-кесте) деп бөлуге болады:

1 және 2-кестелердегі көрсеткіштер республикада көші-қон ағындары бағытталған ел астанасы Нұр-Сұлтан, республикалық маңызы бар Алматы, Шымкент қалалары, Оңтүстік Қазақстан және Батыс Қазақстан сияқты рецепиент аймактар бар екендігін көрсетеді, ал Солтүстік Қазақстан, Орталық және Шығыс Қазақстан аймактарын көші-қон донорлары деп санауга болады. Сонымен бірге механикалық қозғалыстың негізгі орталығы Нұр-Сұлтан, Шымкент, Алматы қалалары болып табылады, мұнда кіру және шығу көші-қонының ең үлкен көлемі тіркелген. Мұндай аймактық айырмашылықтардың маңызды факторлары ретінде аймақтағы әлеуметтік-экономикалық дамудың жоғары деңгейін, көліктік инфрақұрылымның жақындығын, климаттық ерекшеліктерін, туыстық және тарихи байланыстарды, көші-қонға байланысты тиімді саясатты (pull factors) айтуға болады. Бұл факторлар Эверетт С. Ли класификациясындағы позитивті факторларға сәйкес келеді.

Эверетт С. Ли модельне сәйкес әр аймақта көші-қон факторларының әр түрлі топтары әрекет етеді: позитивті (pull factors) – ұстап қалу, тарту немесе негативті (push factors) – адамдарды

көші-қонға итеруші (Ли, 1966: 50). Ұстап қалу, тарту факторлары – экономикалық дамудың жоғары деңгейі, табыстың жоғарылығы, қауіпсіздік, еңбек нарығына қол жетімділік, туыстық

байланыстар, қолайлы климат және т.б.; итеру факторларына – жұмыссыздық, табыс төмендігі, әлеуметтік инфракүралымның төмендігі, экологиялық мәселелер және т.б. жатады.

1-кесте – Халық саны өскен аймақтар (адам)

Аймақ	Халық саны, жыл басына		
	1999 жыл	2009 жыл	2021 жыл
Алматы облысы	1 557 269	1 807 894	2 077 967
Жамбыл облысы	988 840	1 022 129	1 139 192
Қызылорда облысы	596 215	678 794	814 588
Түркістан облысы	1 978 339	2 469 357	2 044 742
Ақтөбе облысы	682 558	757 768	894 333
Атырау облысы	440 286	510 377	657 110
Манғыстау облысы	314 669	485 392	719 571
Алматы қаласы	1 130 621	1 365 632	1 977 258
Нұр-Сұлтан қаласы	328 341	613 006	1 184 411
Шымкент қаласы	419 271	566 996	1 074 466

2-кесте – Халық саны азайған немесе өзгермеген аймақтар (адам)

Аймақ	Халық саны, жыл басына		
	1999 жыл	2009 жыл	2021 жыл
Ақмола облысы	827 254	737 495	735 566
Батыс-Қазақстан облысы	616 800	598 880	661 316
Қарағанды облысы	1 410 218	1 341 700	1 375 938
Қостанай облысы	1 017 108	885 570	864 550
Павлодар облысы	806 983	742 475	751 012
Шығыс-Қазақстан облысы	1 531 024	1 396 593	1 363 797
Солтүстік Қазақстан	752 980	596 535	543 735

Дереккөз: ҚР СЖРА ҰСБ <https://stat.gov.kz/>

Қазақстандағы көші-қон процесі бүгінгі күн тәртібінде тұрған шешімін талап ететін ең өзекті, әрі күрделі мәселенің біріне айналып отыр. Және бұл мәселенің оңтайлы шешудің бірден бір жолы республика аймақтарын дамыту арқылы іске асырылуы керек. 2020 жылдың 1 қыркүйегінде ел Президенті Қасым-Жомарт Тоқаевтың Қазақстан халқына жолдауында аймақтық даму саясатына ерекше көңіл белгіндегі осыған дәлел. Аймақтарды дамыту урбандалу процесін басқаруға, көші-қон толқындарының кезеңділігін қамтамасыз етуге және үлкен қалаларда халықтың көптігі мен әлеуметтік

шиеленістерді бодырмауга көмектеседі делінген (Токаев, 2020). Қоріп отырғанымыздай, қазір ауылдан қалаға көші-қонды тежеуге басымдық беріледі, ал урбанизация қаланың толып кету қаупі ретінде қарастырыла бастады. Бұл бағытта алға қойған мақсатқа жету үшін аймақтарды олардың әлеуметтік-экономикалық, табиги-климаттық ерекшеліктерін ескере отырып дамыту қажет. Аймақтық ерекшеліктер ескерілмей жүргізілген шаралар жағдайды түбекейлі жаксартуға, маңызды міндеттерді шешуге мүмкіндік бермегенімен қатар, аймақтарға көрі әсерін де тигізуі мүмкін. Мысалы,

дүрыс ұйымдастырылмаған шаралар есебінен Солтүстік Қазақстан облысында 2005-2010 жылдар аралығында ауылдар саны 48-ге азай-ғандығын көрүте болады (Асанбаев, 2010: 22).

Қазақстан жағдайындағы көші-қонның ең ауыр мәселелерінің бірі – әміргражия. Қазақстанда әміргранттар саны жыл сайын артып келеді. ҚР СЖРА ҰСБ мәліметінше соңғы он жылда 366 мыңдан астам адам елден кеткен. Көшілігі еңбекке қабілетті, білімді, біліктілігі мен капиталы бар республика азаматтары. Мысалы, 2019 жылы Қазақстаннан 45,2 мың адам кеткен. Әміргранттардың басым көшілігі 16 мен 62 жас аралығындағы (70%) қала тұрғындары (84%), жоғары және арнайы білімі барлары (70%). Олардың ішінде техникалық кәсіптер бойынша мамандар (7,1 мыңдан астам), экономикалық (3,7 мың) және педагогикалық (2,3 мың) білімі бар азаматтар, сонымен қатар, зангерлік, медицина, сәулет өнері, құрылым саласындағы мамандар да көп.

Үлттық статистика бюросының мәліметі бойынша, 2021 жылы республикадан кеткендер саны 30 мыңдан астам адамды құрады. Қазақстаннан негізгі сыртқы көші-қон ағыны бағытталған елдер – Ресей, Германия, Беларусь, Өзбекстан (3-кесте).

Республикадағы көші-қон мәселесіне байланысты отандық еңбектерді талдау барысында зерттеушілер арасында пессимистік көзқарас жиі кездесетіні байқалады. Қазақстанда қалалық және ауылдық жерлердің өзара көші-қон алмасуы, әсіресе «ауыл-қала» бағытында, ауыл тұрғындары санының күрт төмөндеуіне әкеле жатыр. М. Махмутова «Қазақстандағы жастардың ішкі көші-қоны: Алматы қаласының мысалында» атты зерттеуінде статистикалық мәліметтерді талдай отырып, Алматыға еліміздің әртүрлі аймақтарынан келген 1000 жас адамның арасында әлеуметтанулық сауалнама жүргізу барысында 15 жастан кейін көптеген ауыл жастары ауылдан кете бастаудың байланысты жақын арада ауыл тұрғындарының қартауы мүмкін деген қорытындыға келді (Махмутова, 2012: 28). Тәжірибе көрсеткендегі, миграцияланған ауыл тұрғындарының басым көшілігінде облыс орталықтары мен ірі қалаларға қоныс аударып, сол арқылы ішкі мигранттардың қатарын толықтырады. Бұл өз кезегінде бейресми жұмыспен қамтылғандар санының артуына әкеледі. С. Бейсембиеев, Үлттық статистика бюросының мәліметіне сүйене отырып, 2015 жылы Қазақстанда 2 млн адам бейресми жұмысшылар қатарында болғандығын айтады (Бейсембиеев, 2017: 4).

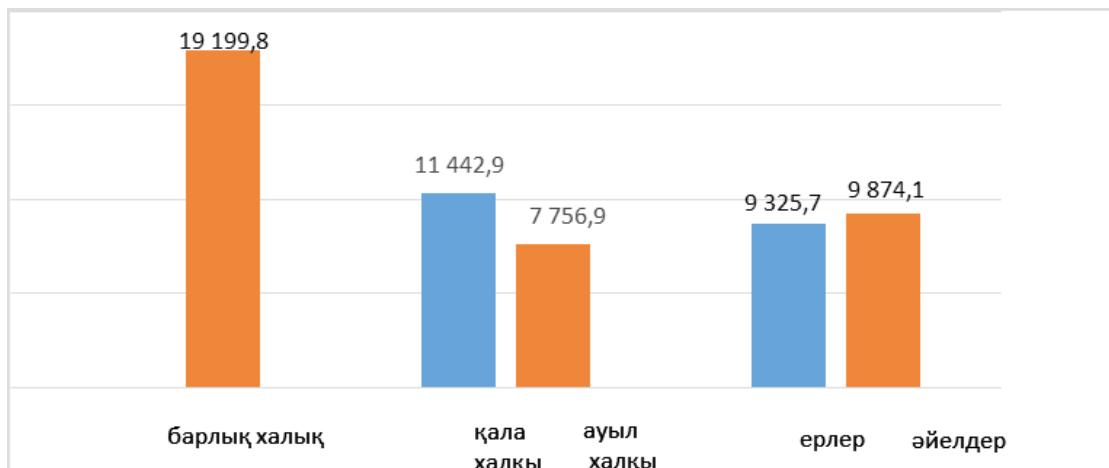
3-кесте – Халықтың Қазақстаннан тысықары жерлерге коныс аударуы (адам)

	2000	2005	2010	2015	2020
Барлығы	155 749	52 139	26 541	30 047	29 088
Беларусь	3 265	651	705	605	234
Өзбекстан	1 277	619	318	364	192
Ресей	108 724	38 498	23 499	25 682	25 126
АҚШ	528	294	173	265	247
Германия	35 938	10 299	974	2 196	2 249
Канада	236	285	145	121	111

Дереккөз: ҚР СЖРА ҰСБ <https://stat.gov.kz/>

М.Б. Асанбаев (Асанбаев, 2010) өзінің «Қазақстандағы ішкі көші-қон процесстерін талдау» атты еңбегінде Қазақстандағы ішкі көші-қон республикадағы ішкі мәселелермен шартталған заңды құбылыш екендігін айттып өтеді. Автор аталған мәселелердің негізгілеріне мыналарды жатқызады – ауылдардағы әлеуметтік-экономикалық мәселелер, ауыл шаруашылығының құлдырауы және ауылдарда өмірлік перспективалардың болмауы. Айтылған мәселелерге өркениеттің заманауи артық-

шылықтары мен мүмкіндіктерінің шектеулілігін қосуға болады – банктік несиелендіруден бастап ауыз суының тапшылығы, мектептер мен емханалардың апatty жағдайы, кәсіби кадрлардың жетіспеушілігі. Аграрлық саладағы жағдай мемлекет тарапынан қажетті субсидиялардың болмауынан одан әрі қындауда. Бұл факторлар даму әлеуеті төмен аймақтар халқын даму әлеуеті жоғары аймақтарға қарай қоныс аударуына итермелейтін негізгі push factors деп атауга болады.

1-сурет – 2022 жылғы 1 мамырға халық саны (адам)

Дереккөз: КР СЖРА ҰСБ <https://stat.gov.kz/>

2022 жылғы 1 мамырға еліміздегі халық саны 19 199,8 мың адамды құрады, оның ішінде қалалықтар – 11 442,9 мың (59,6%), ауылдықтар – 7 756,9 мың адам (40,4%) (1-сурет). 2021 жылғы 1 мамырмен салыстырғанда халық саны 236,9 мың адамға немесе 1,2% есті (2021 жылғы қантар-сәуірдегі демографиялық ахуал туралы). 2009 жылғы санақ мәліметтері бойынша қала тұрғындары – 8 662,4 мың (54,1%), ауыл тұрғындары – 7 347,2 мың (45,9%) құраган еді, қала халқының саны 5% өскен (Смаилова, 2010).

Қорытынды

Мақалада қазіргі күннің өзекті мәселесі болып отырған көші-қон процестеріне байланысты отандық және шетелдік зерттеушілер еңбектерін теориялық шолу арқылы талдаудағы басым көзқарастарды анықтау өрекеті жасалды. Көші-қон процесінің позитивті немесе негативті тұстарын қарастыру ғылымда өзекті әрі жан-жақты талдаудан өткендігі көрінеді. Позитивистік көзқарасты қолдайтын зерттеушілердің басым көпшілігі бүтінгі таңдағы көші-қон процесіндегі мигранттарды жіберетін елдердің үкіметтері көші-қон үрдісіндегі азаматтарға экономикалық тұрғыда үміт артады деген тұжырымды пайымдаса, шектелген көші-қонды қолдайтын «көші-қон пессимистері» байырғы тұрғындар арасындағы табыстың төмендеуін, жұмыссыздықтың өсуін, әлеуметтік шығыстардың көбеюін, экономикалық өсудің баяулауын, мәдени айырмашылықтардың күшеюінен туындайтын әлеуметтік шиеленістердің өсуін, санитарлық-эпидемиологиялық жағдайдың нашарлауы, тер-

оризм қаупін және т.б. жағымсыз себептердің көші-қонмен байланыстырады. Талдау көрсеткендегі, оптимистік тұрғыда жазылған жұмыстардың басым болігі көші-қонның донор және рецепент елдерге тигізетін экономикалық әсерлерін талдауга негізделген болса, «пессимистік» еңбектер көбінесе көші-қонның жан-жақты салдарларын анықтауға бағытталған. Сонымен қатар соңғы уақытта еңбектерде импирикалық зерттеулер жүргізу арқылы нақты мәлеметтер алынып, көші-қон салдарлары анықталып шынайы көріністі көруге мүмкіндік береді. Көші-қон құбылысина теріс баға беретін, шектелген көші-қонды қолдайтын зерттеулер саны XXI ғасыр басынан көбейгендігін көреміз.

Айта кететін жағдай, көші-қон – бүтінгі таңда босқындар мәселесіне байланысты пікірталастың күшейіп, қогамда негативті ассоциациялар тұдырып жана серпін алып отырған процесс. Бірақ «көші-қон» және «босқындық» бір-бірінен өзгеше сипатқа ие, бір-біріне ұқсамайтын құбылыстар екендігін түсініп ажыратада білу керек. Босқындар – түрлі саяси көзқарастарына, діни сенімдеріне, нақылдік ерекшеліктеріне, әлеуметтік топтарына және т.с. себептерге байланысты өз елдерінен мәжбүрлі түрде қоныс аударған азаматтар, олар басқа мемлекеттерден қорғауды сұрауға мәжбүр. Ал мигранттар әдетте өзінің жеке шешімі, мақсатына байланысты орын аударады. Және соңғы уақытта көші-қонға түсуші азаматтар арасында байқалатын тенденция – олардың өз елдеріне қайта оралмауы. Бұл тенденция себебінен рецепент елдер арзан интеллектуалды капиталмен толықса, донор ел-

дерде жоғары білімі бар білікті азаматтардың кетуіне байланысты мамандардың тапшылығы туып отыр. Мысалы, иммиграция дәрежесі жоғары елдердің бірі АҚШ-ты қарастырсақ, сұранысқа ие мамандықтар қатарына сатушы, мейрамхана, қонақ үй бизнесі, фастфуд саласындағы қызметкерлер жатады. Бұл қызмет түрлері жоғары білімді қажет етпейтіні анық. Ал эмиграцияланған мамандар жаңа жерде қаншалықты бейімделіп, өз мамандықтары бойынша жұмыс таба алды ма, қоғамдық өмірге аласып пайдасы тиді ме, жергілікті бәсекеге тұра алды ма деген сұрақтар жеке зерттеуді талап ететін мәселелер қатарынан болмақ.

Қазақстандағы қазіргі күнгі көші-қон процесіне байланысты зерттеушілер арасында пессимизм басымырақ, себебі бұл күбылыс республиканың саяси, әлеуметтік, экономикалық, географиялық, демографиялық және рухани жағдайын елеулі өзгеріске ұшыратуда.

Эмиграцияға енбекке қабілетті, жоғары білімді, біліктілігі мен капиталы бар республика азаматтары түссе, ішкі көші-қон процесі барысында ауылдан қалаға жылжу тенденциясы кеңінен байқалады. Сонымен бірге механикалық қозғалыстың негізгі орталығы ел астанасы Нұр-Сұлтан және негізгі мегаполистері Алматы, Шымкент қалалары, облыс орталықтары болуы шектен тыс, реттелмеген урбанизацияны тудырып отыр. Бұл процесс экономикалық және әлеуметтік түрғыдан аймақтардың дифференциялануына әкеліп, республикада депрессивті елді мекендер санын көбейтуде. Сондықтан мемлекеттік саясат ел аймақтарын дамытуды шектен тыс урбандалу процесін тежеу механизмі ретінде пайдалануды қолға алған. Көші-қон ағымдарының мемлекетке де, миграцияланатын халықтың өзіне де пайдасы болуы үшін бұл процесс мемлекет тарапынан реттеліп, мигранттар тарапынан «саналы» шешім болуы керек.

Әдебиеттер

Асанбаев М.Б. Анализ внутренних миграционных процессов в Казахстане. – Алматы: Print Express, 2010. – 234 с.

Бейсембаев С., Инсебаева С., Молдоканов Д. Доклад по итогам исследования «Ни к селу, ни к городу: Проблема неформальной занятости молодежи в моногородах Казахстана». – Астана, 2017. – 65 с.

Волков Э.В. Миграционные процессы в контексте глобализации: социокультурный аспект: диссертация ... кандидата философских наук. – Ростов-на-Дону, 2010. – 178 с.

Доклад об экономике региона Европы и Центральной Азии 2019. Миграция и «утечка мозгов». – М., 2019. – 74 с. DOI: 10.1596/978-1-4648-1506-5.

Lee E.S. A Theory of Migration // *Demography*. – 1966 – №3. – P. 47-57.

Massey D. S. International Migration in Comparative Perspective. – Washington: Commission for the Study of International Migration and Cooperative Economic Development. Working papers. - 1989. – №1.

Massey, D.S. Social Structure, Household Strategies, and the Cumulative Causation of Migration // *Population Index*. – 1990. - № 56 (1). – P. 3-26.

Мейрманов С.Т. Қазақстан Республикасының қауіпсіздігі контекстіндегі миграциялық саясатының қалыптасуы мәселелері: саяси ғылымдарының кандидаты... диссертация. – Алматы, 2004. – Б. 141.

Махмутова М. Внутренняя миграция молодежи в Казахстане: на примере города Алматы. – Алматы, 2012. – 80 с.

Смаилова А.А. Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги: Статистический сборник. – Астана, 2010. – С. 110.

Tendances des Migrations Internationales. Report Org. for Economic Cooperation & Development. II part: Les aspects régionaux des migrations. – 2004. – 412 p. Доступно по ссылке: <https://www.oecd.org/fr/migrations/mig/37965497.pdf>

Taylor E.J. The new economics of labour migration and the role of remittances in the migration process // *International Migration*. – 1999. – № 37 (1). – P. 63-88.

Taylor M.J, Moran-Taylor M.J, Ruiz D.R. Land, ethnic, and gender change: Transnational migration and its effects on Guatemalan lives and landscapes // *Geoforum*. – 2006. – №37(1). – P. 41–61. DOI.org/10.1016/j.geoforum.2004.12.002

Todaro M.P. A model of labor migration and urban unemployment in less developed countries // *American Economic Review*. – 1969. – № 59. – P. 138-148.

Токаев К-Ж.К. Послание Президента Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. 1 сент. 2020 г. Доступно по ссылке: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazakhstan-1-sentyabrya-2020-g

Haas H.D. Migration and Development: A Theoretical Perspective // *International Migration Review*. – 2010. – № 44. – P. 227-264.

Цапенко И. Роль мигрантов в экономике развитых стран // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2004. – №5. – С. 27-39.

World migration report 2020. International Organization for Migration, 2020. – 477 p.

References

- Asanbaev M.B. (2010) Analiz vnutrennih migracionnyh processov v Kazahstane [Analysis of internal migration processes in Kazakhstan]. Almaty: Print Express, 234 p. (In Russian)
- Bejsembaev S., Insebaeva S., Moldokanov D. (2017) Doklad po itogam issledovanija «Ni k selu, ni k gorodu: Problema neformal'noj zanjatosti molodezhi v monogorodah Kazahstana» [Report on the results of the research «Neither to the countryside nor to the city: The problem of informal employment of youth in monotowns of Kazakhstan】. Astana, 65 p. (In Russian)
- Volkov E.V. (2010) Migracionnye processy v kontekste globalizacii: sociokul'turnyj aspekt: dissertacija ... kandidata filosofskih nauk [Migration processes in the context of globalization: socio-cultural aspect: dissertation ... candidate of philosophical sciences]. Rostov-na-Donu, 178 p. (In Russian)
- (2019) Doklad ob ekonomike regiona Evropy i Central'noi Azii. Migraciya i «utechka mozgov». [Europe and Central Asia Economic Update Report 2019. Migration and the Brain Drain]. M, 74 p. (In Russian)
- Lee E.S. (1966) A Theory of Migration. *Demography*, no 3, pp. 47-57.
- Massey D. S. (1989) International Migration in Comparative Perspective. Washington, D. C.: Commission for the Study of International Migration and Cooperative Economic Development. Working papers, no 1.
- Massey D.S. (1990) Social Structure, Household Strategies, and the Cumulative Causation of Migration. *Population Index*, no 56 (1), pp. 3-26.
- Mejrlmanov S.T. (2004) Kazakstan Respublikasynyң қауіпсіздігі контекстінде миграциялық саясатының қалыптасу мөселеleri: саяси ғылымдарының кандидат... dissertacija [Issues of the formation of migration policy in the context of the security of the Republic of Kazakhstan: dissertation ... candidate of political sciences]. Almaty, 141 p. (In Kazakh)
- Makhmutova M. (2012) Vnutrennyaya migraciya molodezhi v Kazahstane: na primere g. Almaty [Internal migration of youth in Kazakhstan: on the example of Almaty]. Almaty, 80 p. (In Russian)
- Smailova A.A. (2010) Perepis' naseleniya Respubliki Kazahstan 2009 goda. Kratkie itogi. Statisticheskii sbornik [Population census of the Republic of Kazakhstan 2009. Brief summary. Statistical collection]. Astana, 110 p. (In Russian)
- Taylor J.E. (1999) The new economics of labour migration and the role of remittances in the migration process. *International Migration*, no 37 (1), pp. 63-88.
- Taylor M.J, Moran-Taylor M.J, Ruiz D.R. (2006) Land, ethnic, and gender change: Transnational migration and its effects on Guatemalan lives and landscapes. *Geoforum*, no 37 (1), pp. 41-61. DOI.org/10.1016/j.geoforum.2004.12.002
- (2004) Tendances des Migrations Internationales. Report Org. for Economic Cooperation & Development. II part: Les aspects régionaux des migrations, 412 p. Available at the link: <https://www.oecd.org/fr/migrations/mig/37965497.pdf>
- Todaro M.P. (1969) A model of labor migration and urban unemployment in less developed countries. *American Economic Review*, no 59, pp. 138-148.
- Tokaev K-Zh.K. (2020) Poslanie Prezidenta Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazahstana. 1 sent. 2020 g. [President of Kazakhstan Kassym-Jomart Tokayev's State of the Nation Address, September 1, 2020]. Available at the link: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g
- Haas H.D. (2010) Migration and Development: A Theoretical Perspective. *International Migration Review*, no 44, pp. 227-264.
- Tsapenko I. (2004) Rol' migrantov v ekonomike razvityh stran [The role of migrants in the economy of developed countries]. *World Economy and international Relations*, no 5, pp. 27-39. (In Russian)
- World migration report 2020 (2020). *International Organization for Migration*, 477 p.

М.С Садырова* , **К.С. Мухтарова** ,
К.Н. Макашева , **Е.С. Чукбаев**

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: msadirova58@gmail.com

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕГИОНАХ КАЗАХСТАНА

На современном этапе социально-экономического развития страны необходимо учитывать актуальность важных аспектов для обеспечения качества жизнедеятельности человека, включая и научную сферу, где включено активное использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), обуславливающих стремительную интеграцию общества в среду, где создается, перерабатывается и используется большой массив информации и знаний.

Целевой установкой в работе является продвижение методологии социологических исследований, развитие процесса интеграции науки, населения и предпринимательства путем расширения информационно-коммуникационных технологий для достижения эффективности регионального развития в Казахстане.

Реализация данной цели позволяет с полной уверенностью утверждать, что данная проблема и методологические походы к её решению в национальной научно-исследовательской практике не имеют широкой проработанности и распространения, потому представляет высокую актуальность для прогресса казахстанской науки и общественного развития.

Новизна работы заключается в том, что авторское исследование ориентировано на получение социально-экономического эффекта, являющегося немаловажным для продвижения казахстанского общества в направлении повышения конкурентоспособности, уровня жизни населения, снижения бедности и дифференциации доходов населения. Кроме того, к выполнению научного исследования должны быть привлечены широкопрофильные специалисты в области экономики и менеджмента, социологического анализа и социальных наук.

Полученные в исследовании новые научно-практические результаты способны существенно расширить научную базу, продвинуть методы социологических исследований в условиях использования информационно-коммуникационных технологий, показать актуальные для общества научные и технологические направления развития, могут быть использованы для рейтинга региональных научных программ в рамках разработки Прогноза научно-технологического развития Казахстана на 2030 г.

Ключевые слова: региональное развитие, методология социологических исследований, бизнес-проект, информационное пространство, экономика регионов, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ).

M.S. Sadyrova*, K.S. Mukhtarova, K.N. Makasheva, E.S. Chukubaev

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

*e-mail: msadirova58@gmail.com

Methodology of sociological research in the regions of Kazakhstan

At the present stage of socio-economic development of the country, it is necessary to take into account the relevance of important aspects for ensuring the quality of human life, including the scientific sphere, which includes the active use of information and communication technologies (ICT), which cause the rapid integration of society into an environment where a large array of information and knowledge is created, processed and used.

The objective of the work is to promote the methodology of sociological research, the development of the process of integration of science, population and entrepreneurship by expanding information and communication technologies to achieve the effectiveness of regional development in Kazakhstan.

The realization of this goal allows us to state with full confidence that this problem and methodological approaches to its solution in the national research practice do not have a wide elaboration and dissemination, therefore it is of high relevance for the progress of Kazakh science and social development.

The novelty of the work lies in the fact that the author's research is focused on obtaining a socio-economic effect, which is important for the promotion of Kazakhstani society in the direction of increasing competitiveness, living standards of the population, reducing poverty and differentiating incomes of the population. In addition, broad-profile specialists in the field of economics and management, sociological analysis and social sciences should be involved in the implementation of scientific research.

The new scientific and practical results obtained in the study can significantly expand the scientific base, promote the methods of sociological research in the context of the use of information and communication technologies, show the scientific and technological directions of development relevant to society, can be used for the rating of regional scientific programs in the framework of the development of the prognosis of scientific and technological development of Kazakhstan for 2030.

Key words: regional development, methodology of sociological research, business project, information space, regional economy, information and communication technologies (ICT).

М.С. Садырова*, К.С. Мухтарова, Макашева К.Н., Чукубаев Е.С.

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: msadirova58@gmail.com

Қазақстан аймақтарындағы әлеуметтік зерттеулер әдіснамасы

Елдің әлеуметтік-экономикалық дамуының қазіргі кезеңінде адамның өмір сүру сапасын қамтамасыз ету үшін маңызды аспектілердің өзектілігін, оның ішінде ақпарат пен білімнің үлкен ауқымы құрылғының, қайта өндөлетін және пайдаланылатын ортаға қоғамның қарқынды интеграциялануына негіз болатын ақпараттық-коммуникациялық технологияларды (АКТ) белсенді пайдалану енгізілген ғылыми саланы да ескеру қажет.

Әлеуметтік зерттеулер әдіснамасын ілгерілету, Қазақстанда өнірлік дамудың тиімділігіне қол жеткізу үшін ақпараттық-коммуникациялық технологияларды кеңейту арқылы ғылымды, халықты және кәсіпкерлікті интеграциялау процесін дамыту жұмыстағы нысаналы мақсат болып табылады.

Осы мақсатты іске асыру осы проблема және оны шешуге әдіснамалық тәсілдер үлттық ғылыми-зерттеу практикасында кеңінен пысықталмаған және таратылмаған деп тольық сеніммен айтуға мүмкіндік береді, сондықтан қазақстандық ғылым мен қоғамдық даму прогресі үшін жоғары өзектілік болып табылады.

Жұмыстың жаңашылдығы авторлардың зерттеуі қазақстандық қоғамның бәсекеге қабілеттілігін, халықтың өмір сүру деңгейін арттыру, халықтың табыстарын саралау, кедейшілікті азайту және әлеуметтік саланы дамыту бағытында ілгерілету үшін маңызды әлеуметтік-экономикалық нәтиже алуда бағытталғандығында. Сонымен қатар, ғылыми зерттеулерді жүзеге асыруға экономика және менеджмент, әлеуметтанулық талдау және әлеуметтік ғылымдар саласындағы кең мамандар тартылуы керек.

Зерттеу барысында алынған жаңа ғылыми-тәжірибелік нәтижелер ғылыми базаны айтарлықтай кеңейте алады, ақпараттық-коммуникациялық технологияларды қолдану жағдайында социологиялық зерттеулердің әдістерін ілгерілетеді, қоғам үшін өзекті ғылыми-техникалық даму бағыттарын көрсетеді және пайдалануға болады. Қазақстанның 2030 жылға арналған ғылыми-техникалық даму болжамын өзірлеу шенберінде өнірлік ғылыми бағдарламаларды саралау.

Түйін сөздер: аймақтық даму, социологиялық зерттеу әдістемесі, бизнес-жоба, ақпараттық кеңістік, аймақтық экономика, ақпараттық-коммуникациялық технологиялар (АКТ).

Введение

С целью обеспечения устойчивого развития Казахстана на долгосрочный период принятая Стратегия «Казахстан – 2050», задан новый уровень развития страны с учетом возникающих угроз и рисков глобального характера. В этом прогрессивном для современной мировой политической практики документе, основанном на инновационной парадигме стратегического планирования и прогнозирования, перед нацией поставлен целый комплекс качественно новых

задач. Для их реализации необходимо наличие стратегий, интеллекта, человеческого потенциала и технических механизмов, объединяющих интересы всего общества (Overview of the UN, 2012).

Глобальные изменения, претерпеваемые наукой Казахстана в условиях информационных технологий, приводят к необходимости использования новых механизмов решения проблем, связанных с поиском актуальных научных исследований путем продвижения общественной инициативы (населения, бизнеса) как бенефици-

аров, заинтересованных в выборе приоритетных направлений в социально-экономической сфере.

Резкое увеличение притока научно-технологической информации, повлекшее за собой радикальное изменение форм организации труда и управления, обусловило появление новой ступени формирования научно-технологической грамотности населения; рост потребности в высококвалифицированных научных кадрах; освоение современных коммуникационных технологий для проведения научных разработок. Расширение информационных коммуникаций усиливает интеграцию науки и общества, влияет на управленческие решения, выявляющие приоритетные направления межотраслевых исследований в экономике Казахстана.

Цель исследования – показать процессы развития методологии социологических исследований в условиях новых технологических и организационно-управленческих решений путем выявления актуальности социально-экономических проблем развития регионов, разработки научно-исследовательских проектов в рамках использования коммуникационных технологий, что способствует развитию прогресса казахстанской науки и общества в целом.

Указанная цель обуславливает решение следующих задач:

1. Расширить использование информационных технологий учеными, представляющими гуманитарные науки и работающими в научно-исследовательских секторах. Под владением информационно-коммуникационными технологиями могут пониматься различные навыки: от работы с базовыми офисными программами до применения новейших методов, от чисто теоретических знаний до практического повседневного использования. Данная информация важна для оценки уровня подготовки научных работников и их адаптации к новым цифровым реалиям. Реализация данной задачи осуществляется на основе составления социологического опроса, сбора и обработки информации среди университетов, научно-исследовательских организаций и других смежных по профилю учреждений, где осуществляется научная деятельность через использование коммуникационных технологий.

2. Разработать такую исследовательскую программу, в рамках которой граждане сначала предлагают вопросы и проблематики для будущих исследований, а затем ученые разрабатывают соответствующие предложения как ответ на общественный запрос. Для решения этой задачи

требуется привлечение широкого круга стейкхолдеров к исследовательской деятельности: ученых-экономистов, ученых-социологов, а также местное население, представителей местного сообщества и бизнес-структур. Участниками проекта разрабатываются соответствующие технологии оповещения, сбора и обработки информации, при этом используя доступные для общества коммуникационные платформы.

3. В исследовании рассматриваются перспективы создания независимо-объективного экспертного сообщества, связанного с большей свободой ученых от давления внешней системы оценок, где должна присутствовать транспарентность при формулировке методов и полученных результатов исследования. При достижении этих целей важно руководствоваться тем, что именно коммуникационные технологии позволяют лучше учитывать мнение общества при принятии социально значимых решений в науке (*citizen science*), вовлекать население в процессы сбора информации и постановку исследовательских проблем.

4. Выяснить, какая научная проблема должна интересовать население в сфере общественно-экономических значимых программ; провести мониторинг и сформулировать заключение с точки зрения получения социального эффекта и выгоды для населения как бенефициарам. Необходимо разработать рейтинг научных проектов по их актуализации в региональном разрезе в соответствии с общественным мнением и экономическими расчетами, а также научными выводами ученых-экспертов.

5. Результаты экспертного заключения ученых должны быть отражены в виде разработанных бизнес-планов, где производится оценка вклада соответствующих мероприятий в разработанной пошаговой программе её поэтапного выполнения (как затраты) и получение выгод от реализации проекта (как результаты). К экспертной оценке должны быть привлечены участники данного проекта, представляющие различные отрасли науки – экономисты-менеджеры, социологи.

6. Разработанные авторами научные проекты и полученные результаты в виде перечня актуальных направлений должны быть адресованы в качестве рекомендаций государственным региональным структурам с целью дальнейшей оценки и поддержки по включению в государственный реестр социально-экономических программ развития регионов. Выполнение этих задач имеет высокий социальный и экономический

эффект, является результатом и необходимым условием для достижения ожидаемого эффекта.

Материалы и методы исследования

В казахстанской науке имеется ряд значимых научно-методологических исследований, посвященных проблемам интеграции в обществе в рамках использования различных методов взаимодействия, включая и инновационные механизмы формирования *местного управления и самоуправления, модернизации регионального развития страны*. В этой связи важно отметить труды известных казахстанских ученых – Ф.Г. Альжановой, Ф.М. Днишева, Н.К. Нурлановой, К.С. Мухтаровой, А.Г. Жумагазиевой (Альжанова, 2020; Мухтарова, 2017).

В рамках тематики, цели и содержания представленного проекта необходимо также отметить научные публикации, относящиеся к *межотраслевым исследованиям в экономике и социальной сфере*. По данной тематике среди казахстанских ученых, научные статьи которых вошли в журналы, включенные в базу данных Скопус, следует отметить К. Байзакову, Н. Дабылтаеву, Г. Лесбаеву, Е. Мухтар, Д. Турекулову и др. (Baizakova, 2016; Dabyltayeva, 2019; Mukhtarova, 2018; Zielińska, 2016).

В соответствии с направлениями научного исследования важным атрибутом является умение обладать профессиональными навыками в проведении социологического опроса, бизнес-проектировании и прогнозировании. В этой связи представляют научный интерес труды отечественных ученых, среди которых Г. Алимбекова, А. Бекмухаметова, А. Кожахметова К. Макашева, Л. Медуханова, К. Мухтарова, М. Садырова., М. Тилеубаева А. Шабденова (Tileubayeva, 2017; Садырова, 2020; Mukhtarova, 2017; Shabdenova, 2019).

В соответствии с темой и целевыми установками использование информационно-коммуникационных технологий выступает как важнейший инструмент интеграции в общественном развитии, поскольку распространение такого рода технологий приводит к радикальным изменениям в жизнедеятельности человека, обуславливает научно-технический и экономической прогресс общества в целом.

О многочисленных исследованиях, посвященных коммуникационным технологиям и развитию информационной инфраструктуры, свидетельствуют научные труды в отечественной и зарубежной практике (экспертов и международ-

ных организаций) (The Economist, 2014; BCG, 2017; Бусыгина, 2016; Варавин, 2013; Светуньков, 2019; Шевченко, 2014).

Главные ресурсы такого развития – интеллектуальный потенциал нации, фундаментальная наука, технологии и инновации. Результаты, полученные в ходе научных исследований, способствуют развитию и распространению знаний через систему повышения общего интеллектуального потенциала общества.

Важно понять, что научные исследования и разработки в области информационно-коммуникационных технологий являются важной составляющей в научной деятельности любого современного исследователя, выступают современным мотиватором и ключевым показателем приобщения к мировому научному сообществу, функционирующему в условиях глобализации.

Поэтому выявление уровня компетенции представителей научной элиты Казахстана, работающих в вузах, научно-исследовательских институтах, центрах и других смежных организациях, позволит авторам проекта составить общее представление об уровне познаний в вопросах предназначения и использования новых технологий и выявить исследователям состояние (уровень) адаптированности респондентов через владение терминологическим аппаратом. Теоретические познания позволяют также прояснить ситуацию об эффективности применения навыков владения инновационными технологиями в практической плоскости, что позволит расширить научную базу исследования.

Современные информационно-коммуникационные технологии представляют науку более открытой, стимулируя исследователей к адаптации практик открытого доступа и совместной работы через новые цифровые инструменты. Формирование цифровых платформ для научных исследований позволяет существенно сократить временные и материальные затраты на проведение экспериментов, сбор и обработку информации, обеспечить удаленный доступ к передовой научной инфраструктуре. Активно развиваются инклюзивные инновации и открытые инновационные экосистемы (открытые makerspaces, living labs, fab labs) (OECD (2015a).

Внедряются эффективные инструменты учета, правовой охраны и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности в передовых научно-технологических областях (в части оценки патентоспособности, возникновения авторских прав, регистрации прав на программные продукты, промышленные образцы,

режимов защиты интеллектуальных прав), опирающиеся в том числе на новые возможности их фиксации и введения в оборот (блокчейн-технологии и т.п.). Развиваются новые исследовательские практики и инициативы, способствующие получению недостающих данных посредством интеграции в научную деятельность все большего числа участников (например, городское пла-

нирование с использованием смартфонов и др.) (ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2019).

Например, социологический опрос, проведенный в ряде вузов РК в 2021 г. среди кандидатов и докторов наук по исследованию уровня компетенции в области знания и владения цифровыми терминами, выглядел следующим образом (см. табл. 1):

Таблица 1 – Результаты социологического опроса среди кандидатов и докторов наук в сфере владения терминами по цифровизации (в % от общего количества респондентов 100 чел.)

Понятийный аппарат по цифровизации	Знаю термин и применяю в практической деятельности	Знаю термин, но не применяю в практической деятельности	Не знаю значения термина
Цифровая экономика	86	11	3
Нейротехнологии	1	27	72
Искусственный интеллект	22	76	2
Технологии распределенного реестра (блокчейн)	26	28	46
Квантовые технологии	12	77	11
Новые производственные технологии	84	14	2
Аддитивные технологии	18	28	54
Суперкомпьютерные технологии	21	47	32
«Сквозные» цифровые технологии	23	53	24
Большие данные	12	29	59
Технологии дополненной реальности	2	32	66
Технологии виртуальной реальности	1	17	73
5G	6	35	59
Технологии беспроводной связи	89	1	10
Сенсорика	2	52	46
Компоненты робототехники (промышленные роботы)	-	91	9
Промышленный Интернет	28	52	20
Компьютерный инжиниринг	38	56	6

Социологический опрос по выявлению так называемых «цифровых навыков» был проведен среди ученых различных отраслей знаний, но для более корректного исследования и анализа полученных результатов авторы статьи считают целесообразным сгруппировать респондентов по конкретным специальностям, что позволит расширить базу данных.

Исследование информационно-коммуникационных технологий сопровождается необходимостью обработки и анализа информации, что связано с описанием контента в отношении терминологического аппарата. Как показывает зарубежная и отечественная практика, исполь-

зование в повседневной научной деятельности ИКТ требует познания и понимания учеными в первую очередь контента, а также таких параметров и категорий, как, например, нейротехнологии, искусственный интеллект, технологии распределенного реестра (блокчейн), квантовые технологии, аддитивные технологии, «сквозные» цифровые технологии, технологии дополненной реальности, технологии виртуальной реальности 5G, компьютерный инжиниринг, сенсорика и др.

В представленном исследовании планируется включение контента в отношении специализированного терминологического аппарата,

который ляжет в основу программы социологического опроса для тех категорий ученых, не желающих работать «по старинке», а адаптируются и пытаются адаптироваться к новым реалиям в эпоху инновационных изменений. Авторами научного проекта предусматривается разработка программного обеспечения собственными силами; включение показателей цифрового контента в программу социологического обследования.

Представленный понятийный аппарат по информационно-коммуникационным технологиям, контент понятий и описание терминологических границ позволяют выстроить единую многофункциональную систему статистического измерения цифровой экономики для полномасштабного её мониторинга, обоснования и оценки политики в данной сфере. Необходимость разработки системы ключевых дефиниций, закрепления терминологического описания его контента сопряжена с достижением цели по выработке методологических подходов к оценке цифровой трансформации отраслей социально-экономической сферы (Potluri Rajasekhara Mouly et all, 2020).

Для достижения выше обозначенных задач важно большее представительство его участников, что позволит авторам достичь объективной оценки реальной ситуации на местах, учитывать и произвести более корректную выборку из массива полученной информации о направлениях исследования. Авторами планируется разработка программы исследования, проведение анкетирования через использование цифровых платформ, социологических исследований в фокус-группах с использованием методов глубинного опроса, организация on-line регистраций, форумов и вебинаров в режиме прямой трансляции с включением представителей общественных объединений, коммерческих и некоммерческих структур, социальных институтов и других участников.

В вышеуказанных мероприятиях должны быть использованы методы маркетинговых исследований, технологии по разработке программы социологического опроса, его проведение, выборка, глубинное интервью с экспертами, сбор и обработка информации, группировка данных, экспертные оценки по социально-экономическим показателям, экономический и логический анализ, методы стратегического планирования и управления, прогнозных оценок, графические и математические методы обработки данных и др. Иными словами, исследование предполагается строить на принципах системного подхода с ис-

пользованием широкого спектра общенаучных и специальных методов и приемов, применяемых в глубинных и широкомасштабных исследованиях.

Кроме вышеперечисленного, предполагается использование информационной базы данных, в которую включены нормативно-правовые акты и программы Республики Казахстан, данные официальной статистики, цифровые данные министерств и ведомств РК, информационные материалы периодических изданий и сети Интернет, монографические работы и научные публикации зарубежных и отечественных ученых по проблемам проектного исследования, материалы журналов, входящих в базу данных международной библиотеки Elsevier, Springer и др.

Дискуссия и результаты

В рамках развития науки в эпоху современных ИКТ в регионах мира существуют иные проекты государственной важности, предшествующие данному исследованию. Среди наиболее значимых следует отметить следующие.

Так, например, Национальная исследовательская программа на основе 11,7 тыс. вопросов была разработана как проект, в котором были задействованы ученые, граждане страны, бизнесмены. Благодаря использованию разных коммуникационных платформ проводились всенародные публичные консультации по злободневным вопросам, способным решаться исключительно учеными-экспертами, привлеченными из соответствующих отраслей науки. Иными словами, целью организации инновационного проекта, носящего статус научно-практического, были привлечены местное население и научные сообщества с целью выявления актуальных проблем и интересов по различным отраслям экономической и социальной сфер. Именно использование информационно-коммуникационных технологий для непосредственного контакта с населением позволило экспертной группе ученых построить тесные взаимоотношения в удобном режиме реального времени.

Например, в Южной Корее была инициирована финансируемая правительством исследовательская программа, где граждане выдвигали проблемы для будущих исследований, а затем ученые в качестве ответов на общественный запрос разрабатывали соответствующие предложения.

Путем вовлечения населения в научную деятельность была адресован проект в Велико-

британии (2007 г.) под названием «Открытые лаборатории» (Open Air Laboratories, OPAL), цель которого пополнение знаний об окружающей среде. Проект реализовался силами университетских исследователей и специалистов, проводивших сбор научных данных. Основным результатом данного проекта стало существенное расширение научной базы, характеризуемой параметрами о состоянии природной среды. То есть налицо интеграция гражданского населения и ученых в их научно-исследовательской деятельности, направленной на решение проблем экологии, окружающей среды.

В России в 2017 г. Специалистами-исследователями был проведен опрос среди ученых, а именно: как в условиях цифровой экономики респонденты владеют продвинутыми цифровыми навыками (способностью быстро осваивать новые It-инструменты, навыки программирования, поиска и анализа данных посредством цифровых инструментов, цифровых коммуникаций и др.) (ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2019). В итоге экспертами были сделаны соответствующие выводы и рекомендации для дальнейшего развития научных проектов.

В Казахстане разрабатывался мегапроект под названием Стратегия «Казахстан-2050», целью которого было вхождение в лигу тридцати развитых стран мира. Механизм разработки Стратегического плана развития Казахстана на 2050 г. заключался в том, что государственной важности документ разрабатывался в течение 2017 года с широким вовлечением экспертного сообщества, представителей бизнеса и государственных органов, населения. Была проведена диагностика текущего состояния развития страны и определены приоритеты с вовлечением более 70 казахстанских экспертов, 10 отечественных экспертных организаций, 26 международных экспертов; проведено 10 фокус-групп с населением в 6 регионах страны (Государственная программа «Стратегия «Казахстан-2050», 2020).

Здесь необходимо отметить, что стратегический план был рассчитан на долгосрочную перспективу, и, соответственно, при расчете учитывались макропоказатели с широким размахом мероприятий и планированием инвестиций в рамках госрегулирования и управления.

Предлагаемое исследование носит точечный, локальный характер исключительно с соблюдением интересов местного населения и бизнес-сообщества. Коммуникационные каналы для выявления социально-экономических проблем развития регионов планируется устанав-

ливать посредством использования цифровых технологий, при отсутствии госвмешательства и соблюдении полной толерантности перед представителями общественных организаций и бизнес-структур при пошаговом проведении и оценке научных исследований. Каждый достигнутый этап в научном исследовании планируется освещать на корпоративном сайте и в программе веб-семинаров с использованием коммуникационных платформ.

Имеет место и другое исследование (Шевченко, 2014), проведенное в 2013-2014 годах, которое ставило задачей показать возможные варианты развития науки и технологий на период до 2030 года; итогом которого была реализация проекта в рамках 5-ти приоритетов, обозначенных Высшей научно-технической комиссией РК. Указанный проект существенно отличается от представленного участниками проектной группы, опять же по целям и механизмам исследования.

Так, в вышеуказанном контексте проекта (7 лет назад) международная экспертная группа запланировала *по экспертной заявке конкретное число приоритетных направлений для Казахстана*. Понятным становится тот факт, что современные тренды в экономике и социальной сфере отличаются от предшествующих, что отражается и на актуальности заданных направлений (рис. 1).

Принципы и алгоритм в представленной методологии упираются в то, что актуализация направлений научных исследований должна мониториться и выбираться «снизу-вверх» путем привлечения и учета интересов местного сообщества, что в целом существенно расширяет репрезентативность выборки. Кроме этого, разработанные учеными бизнес-планы планируется обсуждать посредством современных коммуникационных технологий на постоянной основе, что должно соответствовать принципам транспарентности и толерантности

Таким образом, налицо присутствие различных подходов к выбору технологий проведения планируемого исследования и достижению конечной цели и результатов как по форме, структуре, так и содержанию. Кроме того, авторы уверены, что подобных исследований, где важным становится учет мнения местного сообщества, обусловлено продвижение науки Казахстана «снизу-вверх» в новом, не апробированном в нашей республике, направлении, где актуализируется потребность в продвинутых знаниях ученых и населения, выступающих инициаторами и бенефициарами в одном лице, не наблюдалось.

Рисунок 1 – Межотраслевые исследования по выявлению актуальности социально-экономического развития регионов

Задачи представленного исследования должны достигаться путем мониторинга социально-экономических интересов участников, что является фактором присутствия обратной связи через использование возможностей современных ИКТ. Наряду с выявлением актуальных проблематик, выдвигаемых населением и бизнес-структурами, в качестве конечного продукта выступают разработанные и подготовленные бизнес-планы, нацеленные на дальнейшую реализацию идей и рекомендаций в концептуальном исследовании.

Решение проблем регионов через установление тесного контакта с местным сообществом путем использования коммуникационных технологий и проведения научных

исследований позволит наладить обратную связь между участниками научного сообщества, что в итоге оптимизирует инфраструктуру цифровой экономики, повысит эффективность отечественной науки в целом. Именно адресная направленность и инициатива, исходящая от мнения и рекомендаций населения, называемая в западной практике *citizen science*, нацелена в конечном итоге на улучшение качества жизни населения и экономический прогресс в регионах РК.

Результаты исследования, которое основано на программе социологического опроса как ключевого методологического инструмента, по мнению авторов статьи, соотносятся со следующим алгоритмом (рис. 2).

Рисунок 2 – Алгоритм методологического исследования

1. Для анализа ситуации, связанной с выявлением компетенции научных работников по вопросам использования коммуникационных технологий, необходимо проведение начальных мероприятий: обеспечить включение контента и характеристик цифровых технологий, используемых в научных исследованиях; конкретизировать понятийный аппарат по «цифровизации» с целью заполнения всех параметров в анкетах и проведения опросов в фокус-группах через информационные платформы.

2. Организация программы социологического исследования по определению респондентов среди представителей ученого сообщества; опрос, сбор и обработка данных, оценка результаты социисследования, формулировка выводов и рекомендаций. Выполнение данной задачи поможет составить объективную картину о компетенции и профессионализме ученых, как работников университетов, научных институтов и смежных организаций, работающих в условиях использования современных информационно-коммуникационных платформ.

3. Разработать анкету и план мероприятий для проведения социологического опроса среди респондентов (населения, представителей социальных институтов, общественных организаций, бизнес-структур) для выявления актуальных научных проектов в социально-экономической сфере. Использование коммуникационных технологий позволит успешно интегрировать интересы заинтересованных сторон в соцопросе, результатом которого выступят обработка полученных данных, составление перечня значимых проектов, расчет и обоснование показателей соотношения затрат и результатов. Результаты исследования нацелены на решение проблем улучшения качества жизни населения, экономического развития регионов.

4. Организация встреч, брифингов, веб-семинаров с представителями общественных организаций, населением, бизнес-структурами через активное использование информационно-коммуникационных платформ. Данные мероприятия позволят выявить число и уровень заинтересованности участников для установления

сотрудничества с представителями науки, участниками проекта; получить и оценить социальный эффект путем анализа интересов бенефициаров, корреспондирующих с научным сообществом как субъектами научных исследований.

5. При оценке социальной значимости бизнес-проектов важно придерживаться принципов прозрачности результатов и методов научных исследований, в частности это касается гуманитарных наук. Значимость решения данной задачи позволяет соблюдать принцип максимального учета актуальности социально-экономических проблем, исходящих «снизу», и тем самым провести экспертную оценку при согласовании её результатов с представителями местных сообществ.

6. Составление бизнес-планов по актуальным проектам, имеющим высокий рейтинг и востребованность с точки зрения общественной значимости; выработка предложений и рекомендаций для заинтересованных организаций – государственных учреждений (министерств и ведомств), районных и городских акиматов, муниципалитетов и других организаций, работающих в сфере улучшения социально-экономической ситуации регионов.

Заключение

Авторы статьи пришли к ряду заключений:

1. Для проведения социологических исследований по вопросам компетенции ученых, анкетирования респондентов, сбора и обработки информации через электронную почту и иные инструменты с целью достижения углубленной интеграции научного сообщества с представителями местного населения в лице общественных организаций и коммерческих структур для выявления и обоснования актуальных проблем развития регионов РК.

2. Полученные результаты способны обогатить науку о Project management, модернизировать технологии организации и ведения

социологического опроса, методы изучения общественного мнения и коллоквии, благодаря которым обеспечивается решение поставленных целей и задач в сфере коммуникативного общения через цифровые платформы.

3. В процессе коммуникаций через цифровые каналы происходит аккумуляция идей и предложений по проведению экспертной оценки, созданию и продвижению бизнес-проектов, реализация которых позволит достичь высокой степени удовлетворенности местного населения путем улучшения качества их жизни, экономического и социального развития регионов.

4. Участие в предполагаемом исследовании представителей различных специальностей и отраслей науки поможет более углубленному изучению проблем регионов, составлению и экспертизе бизнес-планов с учетом международного опыта. Разработанные учеными-экспертами бизнес-проекты способны охватывать различные сферы жизнедеятельности общества, инициирующего актуализацию проблем развития регионов (города, района), что в конечном итоге и обуславливает получение социального, экономического, экологического, научно-технического, мультиплексивного и иного эффекта.

5. Необходима организация через периодические веб-семинары по обмену опытом по актуальным направлениям исследования, согласование его результатов с представителями местного сообщества, распространение, обнародование итогов работ среди потенциальных пользователей – сообщества ученых и широкой общественности для соблюдения принципа citizen science.

Статья написана в рамках Проекта Министерства образования и науки Республики Казахстан «Трансформация профессиональных предпочтений школьников старших классов городских и сельских школ: сравнительный социологический анализ» (грант №85, AP14870735).

Литература

- Overview of the UN «Overview of innovative development of Kazakhstan». – Geneva, 2012. – P. 187.
- Альжанова Ф.Г., Нурланова Н.К., Днишев Ф.М. Оценка уровня и приоритетные направления модернизации регионов Казахстана // Проблемы развития территории. – 2020. – № 1 (105). – С. 124–141.
- Мухтарова К. С. Сущность и целенаправленность установления системы компетенций для успешной организации деятельности местной власти в Республике Казахстан // Вестник КазНУ, Серия экономическая. – 2016. – Том 118. – №6. – С. 40-46.
- Мухтарова К.С., Мухтар Е.С., Мылтықбаева А.Т. Усиление ответственности и вовлеченности населения и бизнес-структур в решение социально-экономических вопросов местного управления и самоуправления в РК // Вестник КазНУ, Серия экономическая. – 2017. – №6. – С. 79-83.

Мухтарова К.С., Жумагазиева А.Г. Қазакстан Республикасы Президентінің жолдауы бойынша басқаруды және өзін-өзі басқаруды қалыптастыру тімділігі // *Мемлекеттік басқару және қызмет*. – 2017. – № 1(60). – Б. 190-196.

Baizakova K., Bolatkhan M., Baikushikova G. Energy measurement of the safety as a factor of sustainable development in the Republic of Kazakhstan // *International Journal of Environmental and Science Education*. – 2016. – Vol. 11. – Issue 18. – P. 1569-11583

Dabyltayeva, N., Rakhytmhan, G. The green economy development path: Overview of economic policy priorities // *Journal of Security and Sustainability Issues*. – 2019. – No 8(4) – P. 643–651.

Mukhtarova, K., Turekulova, D., Lesbayeva, G., Yesturlieva, A., Saimagambetova, G. Analysis and evaluation of environmental management // *Journal of Environmental Management and Tourism*. – 2018. – P. 167-174.

Anetta Zielińska, Maja Prudzienica, Mukhtar ERNUR, Karlygash Mukhtarova the examples of reverse logistics application in inter-sector partnerships – good practices // *Journal of International Studies*. – Poland, 2016. – Vol. 9. – № 3. – P. 279-286.

Mukhtarova K., Chukubayev E., Spanov M., Kusmoldayeva Z. Econometric assessment of sustainable development and status of health among the population // *Journal of Applied Economic Sciences*. – 2018. – № 13 (6). – P. 1802-1812.

Tileubayeva, M., Dabyltayeva, N., Makasheva, K., Medukhanova, L., Bekmukhametova, A. Project Management in the Public Administration: Evidence from Kazakhstan // *International Journal of Economic Perspectives*. – 2017. – Vol. 11. – Issue 4. – P. 146- 151.

Садырова М.С., Минажева Г.С. Востребованность выпускников – как критерий оценки качества, предоставляемых образовательных услуг и деятельности вуза // *Вестник КазНУ Серия «Педагогические науки*. – 2020. – №1 (62). – С. 96-102.

Mukhtarova K.S. Kozhakhetmetova A.K. Management of high-tech project risks in condition of economic crisis // *International Conference on Business and Economics (ICBE2017)*. – 2017. – P. 117-119.

Shabdenova A., Alimbekova, G.T. Religious harmony and tolerance of the urban residents of Kazakhstan: Results of the sociological research // *RUDN Journal of Sociology*. – 2019 – Vol. 19. – Issue 2. – P. 302-312.

Technology Isn't Working. The Economist. – 2014. – P. 81.

Bhattachariya A., Reeves M., Lang N., Augustinraj R. The new Business Models For A New Global Landscape. BCG. Hendreson institute, November, 2017. – P. 1-9.

Бусыгина Т.В. Альтметрия как комплекс новых инструментов // *Идеи и Идеалы*. – 2016. – № 2(28) – Т. 2. – С. 79-87.

Варавин Е.В., Самусенко Е.А. Анализ и прогнозирование показателей эффективности развития информационно-коммуникационных технологий в Казахстане // *Цифровая экономика и Индустрия 4.0: состояние, проблемы, новые вызовы*. – 2013. – С. 40.

Светуньев И.С. Методы социально-экономического прогнозирования модели и методы. – М., 2019. – С. 447.

Шевченко Е.В. Перспективы научно-технологического развития Республики Казахстан // *Вестник Омского государственного аграрного университета*. – 2014. – № 1(16).– С. 60-67.

OECD. Addressing the Tax Challenges of the Digital Economy. Action 1 – 2015 Final Report. Paris: OECD Publishing, 2015. – P. 160.

Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение Ч-80 докл. К XX Апр. Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9-12 апр. ИСИЭЗ НИУ ВШЭ.2019 г. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др.; науч. ред. Л. М. Гохберг; Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2019. – С. 250

Potluri Rajasekhara Mouly, Mukhtarova K.S., Tovma N.A., Chukubayev Y.S., Baikushikova G.S. Digitalization in the socio-economic sphere: content of development, foreign practices and results // *International relations and international law journal*. al- Farabi Kazakh National University. – Almaty, 2020. – №2. – P. 72-84.

Государственная программа «Стратегия «Казахстан-2050». – Нур-Султан, 2020. – 63 с.

References

Overview of the UN «Overview of innovative development of Kazakhstan» (2012). Geneva, pp. 187.

Al'zhanova F.G., Nurlanova, N.K., Dnishev, F.M. (2020) Otseňka urovnya i prioritetnyye napravleniya modernizatsii regionov Kazakhstana [Assessment of the level and priority directions of modernization of the regions of Kazakhstan]. *Problemy razvitiya territorii- Territory development problems*, no 1 (105), pp. 124–141. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.9 [in Russian]

Mukhtarova K.S. (2017) Sushchnost' i tselenapravlennost' ustyanovleniya sistemy kompetentsiy dlya uspeshnoy organizatsii deyatel'nosti mestnoy vlasti v Respublike Kazakhstan [The essence and purpose of the established systems of competencies for the successful operation of local authorities in Kazakhstan]. *Vestnik KazNU, Seriya ekonomicheskaya. Bulletin of Kanzu, Economic Series*, no 6, pp. 79-83 [In Russian]

Mukhtarova K.S., Muktar, Ye.S., & Myltykbayeva, A.T. (2017) Usileniye otvetstvennosti i vovlechennosti naseleniya i biznes-struktur v resheniye sotsial'no-ekonomiceskikh voprosov mestnogo upravleniya i samoupravleniya v RK [Strengthening the responsibility and involvement of the population and business structures in solving social and economic issues of local government and self-government in the Republic of Kazakhstan]. *Bulletin of KazNU, Economic Series*, no 6, pp. 79-83. [In Russian]

Mukhtarova K.S., & Zhumaqaziyeva, A.G. (2017) Qazaqstan Respublikasy Prezidentiniň joldauy boiynşa basqarudy jäne özin-özi basqarudy qalyptastyru tiimdligi [Republic of Kazakhstan Formation of governance and self-government on the message of the President efficiency]. *Memlekettik basqaru jäne qyzmet. Public administration and service*, no 1(60), pp. 190-196.

Baizakova K., Bolatkhan, M., Baikushikova G. (2016) Energy measurement of the safety as a factor of sustainable development in the Republic of Kazakhstan. *International Journal of Environmental and Science Education*, vol. 11, issue 18, pp. 11569-11583.

- Dabyltayeva N., Rakhytmhan, G. (2019) The green economy development path: Overview of economic policy priorities. *Journal of Security and Sustainability Issues*, no 8(4), pp. 643–651.
- Mukhtarova K., Turekulova, D., Lesbayeva, G., Yesturlieva, A., Saimagambetova, G. (2018) Analysis and evaluation of environmental management. *Journal of Environmental Management and Tourism*, pp. 167-174.
- Anetta Zielińska, Maja Prudzienica, Mukhtar ERNUR, Karlygash Mukhtarova (2016) The examples of reverse logistics application in inter-sector partnerships – good practices. *Journal of International Studies*. Poland, vol. 9, no 3, pp. 279-286.
- Mukhtarova K., Chukubayev, E., Spanov, M., Kusmoldayeva, Z. (2018) Econometric assessment of sustainable development and status of health among the population. *Journal of Applied Economic Sciences*, no13 (6), pp. 1802-1812.
- Tileubayeva M., Dabyltayeva, N., Makasheva, K., Medukhanova, L., Bekmukhametova, A. (2017) Project Management in the Public Administration: Evidence from Kazakhstan. *International Journal of Economic Perspectives*, vol. 11, issue 4, pp. 146-151
- Sadyrova M.S., Minazheva, G.S. (2020) Vostrebovannost' vypusknikov – kak kriteriy otsenki kachestva, predostavlyayemykh obrazovatel'nykh uslug i deyatel'nosti vuza [Demand for graduates – as a criterion for assessing the quality of educational services provided and the activities of the university]. *Bulletin of KazNU. Series "Pedagogical Sciences*, no(62), pp. 96- 102. [In Russian]
- Mukhtarova K.S., Kozhakhmetova, A.K. (2017) Management of high-tech project risks in condition of economic crisis. *International Conference on Business and Economics Vietnam*, pp. 117–119.
- Shabdenova A., Alimbekova, G.T. (2019) Religious harmony and tolerance of the urban residents of Kazakhstan: Results of the sociological research. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 19, issue 2, pp. 302-312.
- Technology Isn't Working. (2014) The Economist, pp. 81.
- Bhattachariya A., Reeves M., Lang N., Augustinraj R. (2017) The new Business Models For A New Global Landscape. BCG. Hendreson institute, November, pp. 1-9.
- Busygina, T.V. (2016) Al'tmetriya kak kompleks novykh instrumentov [Altimetry as a complex of new instruments]. *Idei i Idealy – Ideas and Ideals*, no 2(28), tom 2, pp. 79-87. [In Russian]
- Varavin Y.V., Samusenko, Y.A. (2013) Analiz i prognozirovaniye pokazateley effektivnosti razvitiya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy v Kazakhstane. Tsifrovaya ekonomika i Industriya 4.0: sostoyaniye, problemy, novyye vyzovy. [Analysis and forecasting of indicators of the effectiveness of the development of information and communication technologies in Kazakhstan. Digital economy and Industry 4.0: state, problems, new challenges.] M., pp. 40. [In Russian]
- Svetunkov I.S. (2019) Metody sotsial'no-ekonomiceskogo prognozirovaniya modeli i metody. [Methods of socio-economic forecasting models and methods]. M., pp. 447 [in Russian]
- Shevchenko Y.V. (2014) Perspektivy nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Respubliki Kazakhstan [Prospects for scientific and technological development of the Republic of Kazakhstan]. *Bulletin of Omsk State Agrarian University*, no 1(16), pp. 60-67.
- OECD. Addressing the Tax Challenges of the Digital Economy (2015) Action 1 – 2015 Final Report. Paris: OECD Publishing, pp. 160
- ISIEZ NIU VSHE (2019). Chto takoye tsifrovaya ekonomika? Trendy, kompetentsii, izmereniye CH-80. dokl. K XX Apr. Mezhdunar. Nauch. Konf. Po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva [What is the digital economy? Trends, competencies, measurement of CH-80. Sci. Conf. On the problems of economic and social development]. 9-12 apr. G. I. Abdrakhmanova, K. O. Vishnevskiy, L. M. Gokhberg i dr. ; nauch. Red. L. M. Gokhberg ; Nats. Issled. Un-t «Vysshaya shkola ekonomiki» – Nat. Issled. University “Higher School of Economics”. M.: Izd. Dom Vysshay shkoly ekonomiki, pp. 250 [in Russian]
- Potluri Rajasekhara Mouly, Mukhtarova, K.S., Tovma, N.A., Chukubayev, Y.S., Baikushikova, G.S. (2020) Digitalization in the socio-economic sphere: content of development, foreign practices and results. *International Relations And International Law Journal*. Al-Farabi Kazakh National University, no 2, pp. 72-84.
- Gosudarstvennaya programma «Strategiya «Kazakhstan-2050» [State program «Strategy» Kazakhstan-2050]]. (2020). Nur-Sultan, pp. 63 [in Russian]

G.A. Mirzakulova^{1*}, A.B. Sarsenova¹, S.K. Rakhipova²

¹Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

²I. Zhansugurov Zhetsu University, Kazakhstan, Taldykorgan

*e-mail: mirzakulova.gulnur@mail.ru

SOCIAL ISOLATION AND SELF-ISOLATION AND DIGITALIZATION OF SERVICES DURING THE COVID-19 PANDEMIC: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

This article attempts to analyze an extreme form of isolation of a certain group of people, the cases of their social isolation and self-isolation during complete or complete detachment from the society. The COVID-19 coronavirus pandemic, which has affected the material and spiritual social lives of many people around the world, is the subject of recent sociological research. When people's lives revolve around Internet and online communication, the use of smartphones leads to a decrease in emotionality and eliminates the need for personal interactions. Moreover it causes the strong feeling of isolation; disruption of social ties; degradation of consciousness. The article discusses the main types of social isolation by the initiator, that take place in these kinds of situations. The study also make an attempt to determine what kind of consequences can long and short-term isolation of people from each other lead to, the reasons for such a negative impact.

The focus in this perspective is on isolated loneliness, which is defined as loneliness resulting from social disconnection as a result of forced social distancing and isolation during the COVID-19 pandemic. The article examines the role of digital technologies in the fight against loneliness in isolation during the pandemic. The authors conducted an online survey on the topic "Using digital technologies during social isolation" to determine the level of online use of services among the population of Taldykorgan. The number of respondents is 284.

According to the results of this empirical study, the population is well adapted to digitalization and the time spent on the Internet is increasing. However the article also came to the conclusion that there is a growing demand for some types of activities, the impact of the quarantine situation. Many recognize that digitalization promotes transparency and is very effective, and have shown that information and communication technologies are able to unite people into a single system.

Key words: social isolation, self-isolation, quarantine, pandemic, coronavirus, digitalization.

Г.А. Мирзакулова^{1*}, А.Б. Сарсенова¹, С.К. Рахипова²

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

²I. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті, Қазақстан, Талдықорған қ.

*e-mail: mirzakulova.gulnur@mail.ru

COVID-19 пандемия кезінде адамның әлеуметтік оқшаулануы мен өзін-өзі оқшаулауды және қызметтердің цифрландырылуы: әлеуметтанулық талдау

Бұл мақалада белгілі бір адамдар тобынан оқшауланудың, қоғамнан толық, немесе толық оқшауланған жағдайда әлеуметтік оқшауланудың және өзін-өзі оқшаулаудың экстремалды түрі дегеніміз не екенін талдауға тырысады. Дүние жүзіндегі көптеген адамдардың материалдық және рухани әлеуметтік өміріне әсер еткен COVID-19 коронавирустық пандемиясы социологиялық зерттеу нысаны болып табылады. Интернетте өмір сүру, смартфондарды пайдалану эмоционалдылықтың тәмендеуіне әкеледі және жеке қарым-қатынас қажеттілігін жояды. Және ол ең күшті оқшаулануды, әлеуметтік байланыстарды бұзуды, сананың деградациясын тудырады. Мақалада бастамашы тарағынан әлеуметтік оқшауланудың негізгі түрлері қарастырылады, олардың қайсысы осы жағдайда орын алады. Адамдардың бір-бірінен үзак, және қысқа мерзімде оқшаулануы қандай салдарға әкелі, мұндай жағымсыз әсердің себептері айтылған.

Бұл перспективадағы басты назар оқшауланған жалғыздыққа аударылады, ол COVID-19 пандемиясы кезінде мәжбүрлі әлеуметтік дистанция мен оқшаулану нәтижесінде пайдаланып жалғыздық ретінде анықталады. Мақалада пандемия кезінде оқшаулану жағдайында жалғыздықпен құресте сандық технологияның рөлі қарастырылады. Талдықорған қаласының тұрғындары арасында қызметтерді онлайн-пайдалану деңгейін анықтау үшін «Әлеуметтік оқшаулану кезіндегі цифрлы технологияларды пайдалану» тақырыбында онлайн-сауалнама

өткізілді. Зерттеу мақсатын орындау үшін сандық зерттеу әдісі қолданылған болатын. Сауалнамаға 284 респондент сұралды.

Эмпирикалық зерттеу нәтижелері бойынша тұрғындар цифрландыруға жақсы бейімделіп келеді және интернетте отыру уақыты ұғая түсken. Бірақ кейбір қызметтің тұрлеріне сұраныстардың көбеюі, карантин жағдайының ықпалы деуге болады. Көпшілігі цифровизацияның ашықтыққа жол көрсететінін және оның өте тиімді екендігін мойындаиды және ақпараттық-коммуникациялық технологиялар адамдарды бір жүйеге біріктіре алатынын көрсетті.

Түйін сөздер: әлеуметтік оқшаулау, өзін-өзі оқшаулау, карантин, пандемия, коронавирус, цифрландыру.

Г.А. Мирзакулова^{1*}, А.Б. Сарсенова¹, С.К. Рахипова²

¹Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

²Жетысуский университет им. И.Жансугурова, Казахстан, г. Талдыкорган

*e-mail: mirzakulova.gulnur@mail.ru

Социальная изоляция, самоизоляция и цифровизация услуг во время пандемии COVID-19: социологический анализ

В данной статье предпринята попытка проанализировать крайнюю форму изоляции определенной группы людей, случаи их социальной изоляции и самоизоляции при полной оторванности от общества. Пандемия коронавируса COVID-19, затронувшая материальную и духовную социальную жизнь многих людей во всем мире, является предметом недавних социологических исследований. Когда жизнь людей вращается вокруг интернета и онлайн-общения, использование смартфонов приводит к снижению эмоциональности и избавляет от необходимости личного общения. Более того, это вызывает сильное чувство изоляции; разрыв социальных связей; деградацию сознания. В статье рассматриваются основные виды социальной изоляции инициатора, имеющие место в подобных ситуациях. В исследовании также сделана попытка определить, к каким последствиям может привести длительная и кратковременная изоляция людей друг от друга, причины такого негативного воздействия.

Основное внимание в этой перспективе уделяется изолированному одиночеству, которое определяется как одиночество, возникающее в результате социальной разобщенности в результате вынужденного социального дистанцирования и изоляции во время пандемии COVID-19. В статье рассматривается роль цифровых технологий в борьбе с одиночеством в изоляции в условиях пандемии. Авторы провели онлайн-опрос на тему «Использование цифровых технологий в условиях социальной изоляции» для определения уровня использования онлайн-сервисов среди населения Талдыкоргана. Количество опрошенных – 284 человека.

Согласно результатам этого эмпирического исследования, население хорошо адаптировано к цифровизации, и время, проводимое в интернете, увеличивается. Однако в статье также сделан вывод о росте спроса на некоторые виды деятельности, влияние карантинной ситуации. Многие признают, что цифровизация способствует прозрачности и очень эффективна, и показали, что информационные и коммуникационные технологии способны объединять людей в единую систему.

Ключевые слова: социальная изоляция, самоизоляция, карантин, пандемия, коронавирус, цифровизация.

Introduction

Social communication, or in the broadest sense – social interaction, is the basis for the functioning of society. But, as the French sociologist E. Durkheim notes, a sociologist should study pathologies, negative activities of society. Social isolation or lack of social connection can be considered as a pathology (Durkheim, 1996 :102). Social isolation is a social phenomenon in which the rejection of an individual or social group from other people or social groups occurs as a result of the termination or sharp

reduction of social contacts and relationships (Latest sociological dictionary, 2010:364).

Social isolation is a global problem that influences the health of individuals across the life-course. Social isolation is the objective physical separation from others and exists in the “absence of social relationships” (Umberson, Montez, 2010:103).

Social isolation is one of the aspects of social exclusion. Social isolation is characterized by a lack of social ties – weak social support provided by social relationships and participation in various social groups. It reinforces the manifestations of social ex-

clusion created by poverty and unemployment (Gallie, 2004:110).

Social isolation can be the cause or symptom of emotional, psychological problems. The reason is understood as the inability of a person to interact with society and the people around him. He avoids personal contacts, preferring to stay at home in "safety" or to maintain a physical and psychological distance of communication. As a symptom, isolation periods can be chronic or episodic, which depend on any cyclical mood changes. When a person is isolated due to depression, he expects his mood to change for the better. In this way of social isolation associated with mood, the individual tries to define his behavior as pleasant. In fact, it is difficult for a person to accept his loneliness, since this is almost tantamount to admitting the absence of feelings, love, belonging, and attachments, which are the most basic areas of our life. However, self-isolation acts in the opposite direction, increasing the feeling of loneliness and depression, fear of society. The consequence of this is the inability of an individual, and sometimes an entire social group, to adapt to new conditions, which contributes to an increased sense of restlessness and uselessness to society (Ur-galkin, Chedzhemov, 2017:243).

The types of social isolation: Complete isolation—a person stops communicating with other people using personal and communication tools. Such isolation can feel like a great happiness or a serious test. The development of bifurcation as a reaction of the body is not excluded. Because a person needs to talk to someone, he talks to himself. Such isolation is observed in cases of solitary confinement or when a person is on an uninhabited island.

Physical isolation—a person does not have personal contact with other people, but communicates with them through internet, phone, video communication. Such isolation can be observed when people live in different cities, are in quarantine zones, or are seriously ill.

Formal isolation—a person is a full member of society, but at the same time he has a minimum of social connections. Examples: being in prison or serving in the army. It is also possible to consider types of social isolation, in particular forced isolation, in which a person is placed in prison or locked up in a hospital for compulsory treatment.

Voluntary—a person is isolated under the influence of his own desires or certain views on life, or some subjective factors. A boycott is when all contact with a particular person is stopped, and he is left alone. Forced—occurs as a result of prolonged stay in an inhuman place or in a hostile environment. Over

time, a person can adapt, but he does not receive absolute satisfaction from new social relationships (House, James, 2001:273).

Having dealt with the main types and types of social isolation, projecting them onto our reality, we should consider the consequences to which it can lead after a long period of time.

Firstly, people will have psychological problems. A person who is alone with himself for a very long time begins to manifest a mental disorder. For family people, self-isolation is a test of compatibility, since it can also cause a crisis in the family. This is evidenced by the effect of mass divorces that began in China after the lifting of quarantine.

We are aware of our emotions only through communication with other people. Biologists are convinced that it was the interaction of our ancestors in the past that contributed to the evolution of human sensory experience (Peplau, Perlman, 1982:8).

The main function of emotions is social. When an individual is alone, in self-isolation, no one can share with us such feelings as fear, anger, anxiety or sadness. There is also no one to assess the relevance of these feelings, and then a person begins to exist with a distorted idea of himself, an irrational perception of surrounding events and phenomena. The longer we stay in self-isolation (especially solitary), the more difficult it will be for us to "re-integrate" into society, since our perception of ourselves and others will gradually be distorted (Zakomoldina, 2011:9).

Now it becomes clear that the society will not soon face the consequences of the pandemic. Social isolation in this situation is a necessary measure, which we have introduced and which remains its main task not only in the knowledge of people who have survived the continuing isolation of the first, but also in society.

If you choose the word of the year in Kazakhstan, the term "self-isolation" can be recognized as the winner of 2020 ahead of schedule. This term is used both in the case and in the wrong way. Firstly, because it is a trend, and secondly, because it is not fully understood what it means.

Self-isolation is defined as «voluntary isolation to prevent the spread of an epidemic» (Radbil, 2020:759).

Yu. G. Panyukova and V. G. Utrobina explain self-isolation as «a forced stay in a relatively limited space, in particular at home, when the possibility of leaving this space is regulated from the outside». From a psychological point of view, this condition is characterized by high stress (Panyukova, Utrobina, 2020:138).

Why is it so difficult for people to resist isolation? One of the reasons for this? Being alone is a very difficult thing for a person, because people are social beings.

Many who have lived in an isolated environment for some time, for example, researchers who worked in Antarctica, report that the most difficult part of their work was precisely the need to spend time alone with themselves. Yossi Ginsberg, an Israeli traveler and writer who lived for several weeks in the Amazon, said that he suffered most from loneliness and that he even invented imaginary friends in order to create company for himself and not feel isolated. How social isolation affects a person. According to the study, socially isolated people are much worse at coping with stressful situations. They are also more likely to experience depression and may have problems processing information. This, in turn, can lead to difficulties with decision-making and cause some problems with remembering things. People who are single are also more susceptible to diseases. Researchers have found that the immune system of a lonely person reacts completely differently to the fight against viruses, which increases the likelihood of developing diseases (Con, 1990:399).

Isolation is not always a bad thing. Some people who have been alone for a long time may show personal growth, a sense of closeness with family and friends, and a change in their attitude to life. Advantages of self-isolation: a sufficient amount of free time, you can develop your hobbies, learn a new language, read books, watch movies, etc. COVID-19 is a new virus that has quickly entered human life. In December last year, the coronavirus with the COVID-19 Index changed the life of the Earth for several months, after which WHO described COVID-19 as a pandemic. The World Health Organization is taking measures to introduce quarantine, declaring this situation a global problem. The main measure taken in the fight against the spread of the virus was strict isolation.

This situation has not bypassed our country either. On January 27, 2020, a commission was established in Kazakhstan to prevent the spread of COVID-19 in response to the threat, and on February 3, air traffic with China was closed. On March 13, authorities reported the first cases of the disease among passengers from Europe, many of whom were civil servants. On March 16, a state of emergency was declared, and on March 19, Almaty and Nur-Sultan were closed for quarantine. On March 26, the first death from coronavirus was recorded (*rus.azattyq.org* «*3.7 million ill and loss*

of income. Independent researchers – about the epidemic», November 13, 2020).

In April, dozens of infections and several deaths were detected in one of the nursing homes; passenger traffic was suspended in the country, and the coronavirus spread to all regions. There have been many cases of infection among civil servants. Nevertheless, air traffic will resume in early May. And on May 11, the state of emergency was lifted, although in May an outbreak of the disease was recorded among employees of manufacturing companies (on May 6 – Kazakhmys, on May 20 – Tengiz).

The XXI century is characterized by digitalization, which affects all spheres of human life. The coronavirus pandemic has turned out to be a challenge, that forced humanity to show how modern technological solutions can withstand traditional biological threats. The Italian philosopher Rocco Ronchi notes that the virus reminded a person that he was “mortal, finite, accidental, ontologically imperfect (Ronchi, 2021:144).

Various new technologies were used in the fight against the virus: drones sprayed antiseptic, a robot dog monitored the observance of social distance in the park, “artificial intelligence” diagnosed lung damage, automated booths disinfected airline passengers, etc., it was information and communication technologies that made possible a more or less normal existence during isolation. Austrian philosopher of technology Mark Coeckelbergh writes that our life now literally depends on digitalization (Coeckelbergh, 2020:28). On the other hand, the pandemic can be viewed as a global forced experiment demonstrating options for a possible digital future.

During the global pandemic, state of emergency, and mandatory quarantine, the internet and electronic public services have become the first necessity. The results of the study showed that compared to last year's results, the level of use of online services has significantly increased.

Materials and Methods

The purpose of the study is to determine the level of Internet use of residents during social isolation. The object of the study is residents of Taldykorgan. The research method is an online survey. The number of respondents is 284. The survey was excluded from the results of respondents ‘responses of any age.

To achieve the purpose of the study, a quantitative research method was used. The method of quantitative research is an individual standardized questionnaire that reflects the wide

range of indicators and the range of variables under study. Quantitative research methods are aimed at determining the response of the target group to the problem under study by involving a large number of people in the study when studying a particular problem. Using quantitative research methods, it is possible to determine the percentage of people's responses to a problem, their actions, and their responsible actions in relation to a particular problem. Quantitative research is also called "statistical". The percentage ratios obtained by large-scale sampling are the basis for statistical conclusions. Under normal conditions, collecting information about target objects requires the use of qualitative and quantitative methods to identify their needs and requests, which allows you to obtain complete information about the topic under study (Singleton., Straits, 2017:344).

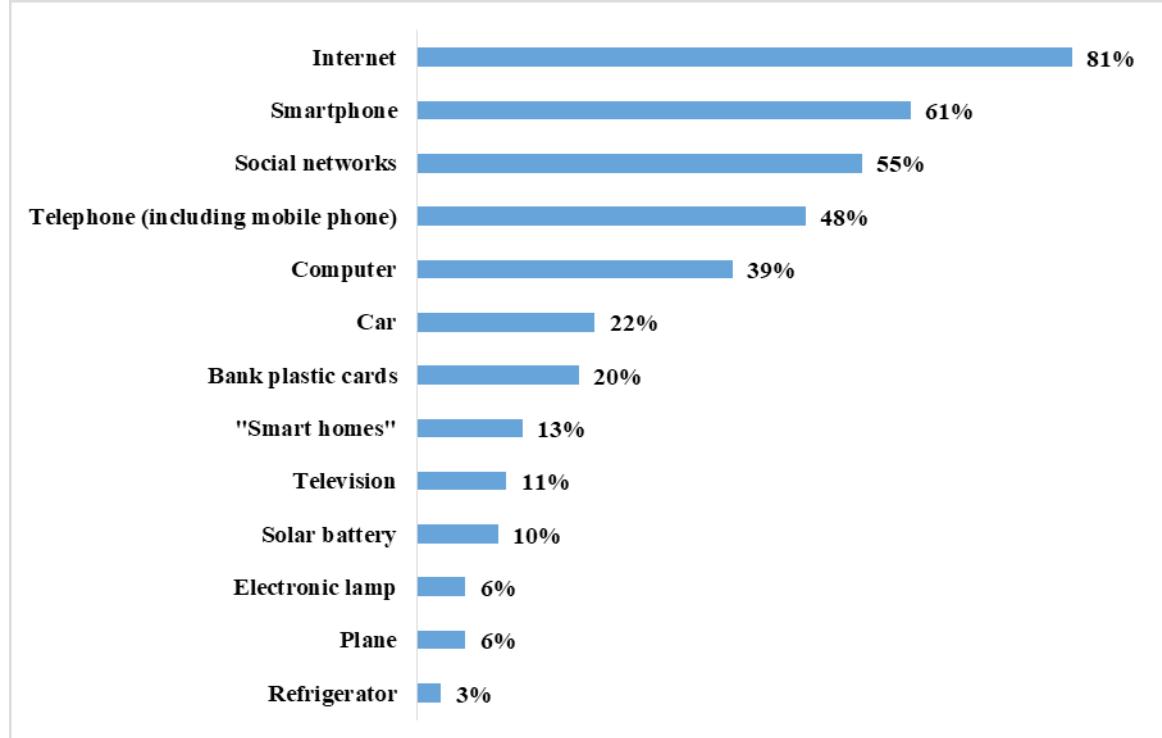
Results and Discussion

Characteristics of respondents

The share of women in the online survey is higher than that of men – 62% (62% vs. 38%). Among all age groups, the share of survey participants aged

30-45 years is higher (47%). At least respondents over the age of 61 (5%). Respondents between the ages of 18 and 29 accounted for 26% of the total sample. Among the survey participants by ethnicity, "Kazakhs" – 81%, "Russians" – 16% and the share of "other" ethnic groups -3%. 58% of respondents have professional and technical education. The share of people with higher education is 22%. Every sixth respondent has a secondary education (20%). According to social and professional status, 19% are employed in the private sector, 18% are employed in households, 15% are employed in public sector, 12% are unemployed, 9% are employed in private subsidiary Farms, family entrepreneurship, and 7% are individual entrepreneurs. Pensioners, students, freelancers and civil servants showed the minimum amount of the sample set.

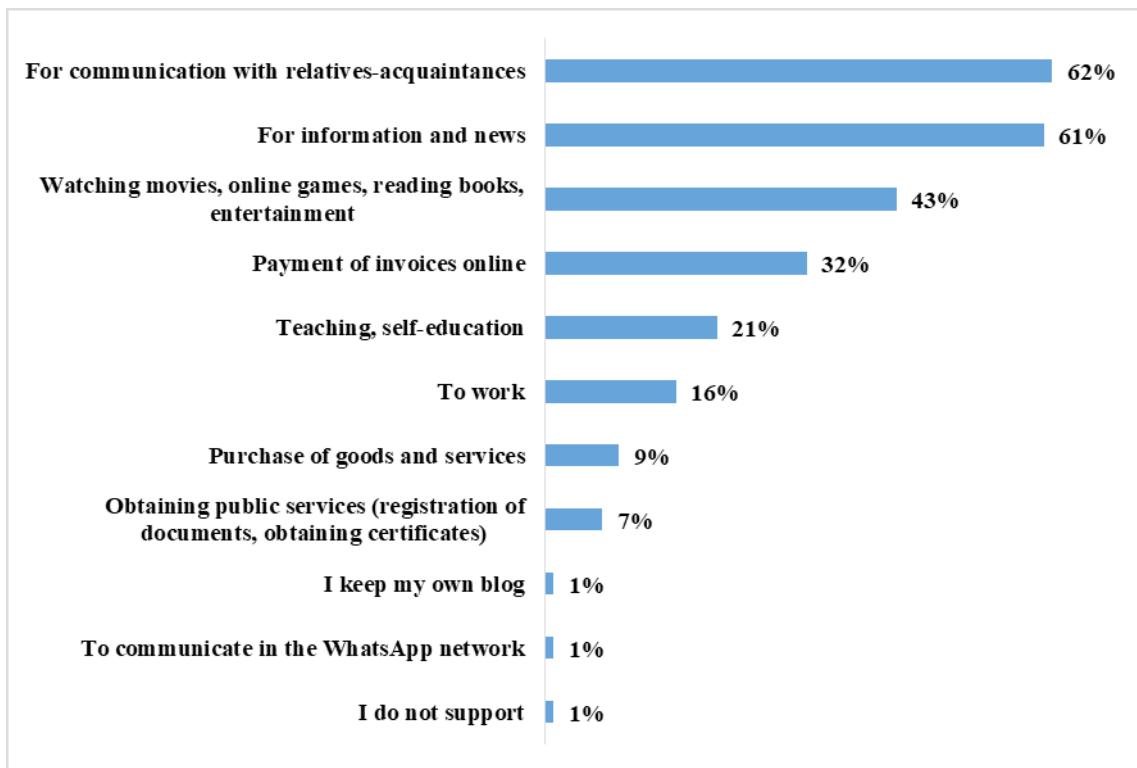
The main tool of the XXI century, which radically changed human life, for the majority of respondents (81%) – the "internet". Every second respondent (61%) said "smartphone". Half of the respondents (55%) named social networks and mobile phones (48%). A computer (39%), a car (22%), and plastic bank cards (20%) also indicate significant changes in a person's life (Figure 1).

Figure 1 – Distribution of answers to the question: «From what is said below, what can you call "the main tool of the XXI century", which radically changed human life?»

Every second respondent needs the Internet, communication with relatives and acquaintances (62%) and access to information, news (61%). Urban residents need the Internet to watch movies, play online games, read books, entertain (43%), pay

bills online (32%), study, self-study (21%) and work (16%). The remaining minority uses the Internet to purchase goods and services (9%), to receive public services (paperwork, inquiries) – (7%), to maintain their own blog, to talk on WhatsApp (2%) (Figure 2).

Figure 2 – Distribution of answers to the question: «In what case do you need the Internet?»

During isolation in quarantine conditions, the internet is used by 40% for 5-8 hours a day, 26% for 3-5 hours, 26% regularly, 1-3 hours – 3%, less than 1 hour – 3% of respondents. There is activity on the social network, it is important for them to be aware of the news in the country and in the world, one of the reasons is that the format of work and study is remote (Figure 3).

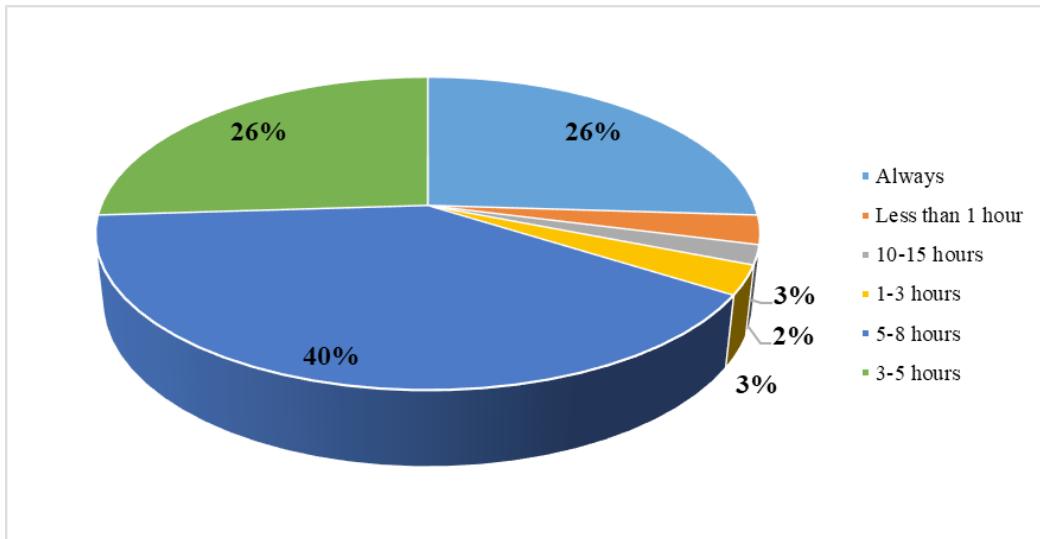
According to the results of the online survey, compared to 2020, the use of the following types of services by the population has significantly increased:

- Banking operations – (transfers ,payments, etc.) – 93% (2020-62%);
- Taxi Order-80% (2020-60%);

- Purchase of clothing, household appliances, electronics in stores-77% (2020-32%);
- Provision of meter readings and payment for utilities – 70% (2020-50%).
- Registration of certificates and documents from state bodies-69% (2020-29%)

Respondents who do less of some type of online service showed the following sequence:

- Submission of complaints and appeals to state bodies-59% (2020-83%);
- Appointment to a doctor in a polyclinic-49% (2020-65%);
- Search and payment of state taxes and fines – 44% (2020-60%) (Table).

Figure 3 – Distribution of answers to the question: «How many hours a day did you use the internet during quarantine?»

Table – Distribution of answers to the question: «Tell me, Why do you often use the internet?»

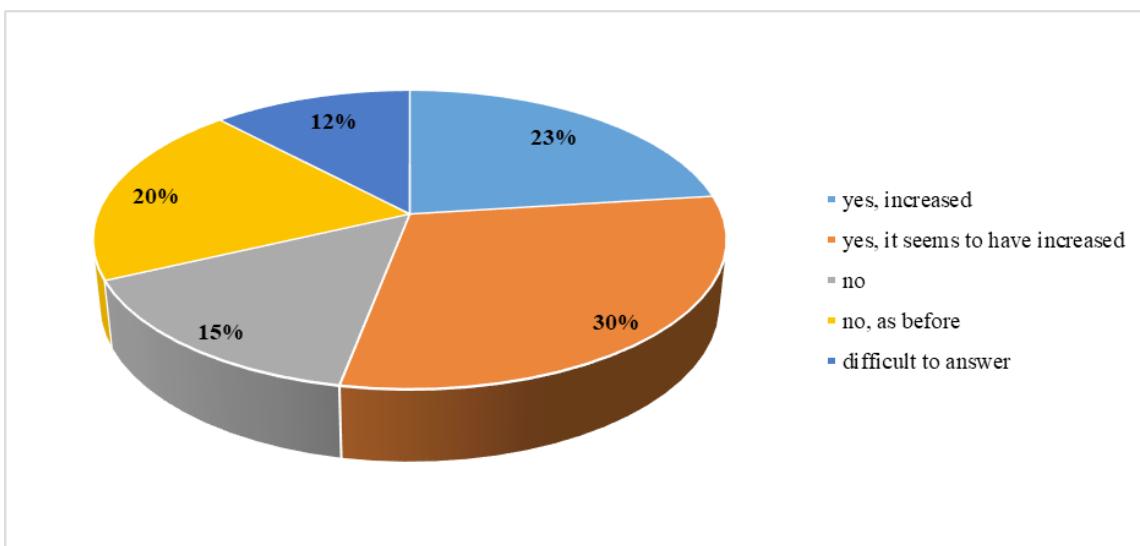
	I often do it online		I won't do it		It is difficult to answer	
Types of services	2020	2021	2020	2021	2020	2021
Banking operations (transfers, payments, etc.)	62%	93%	22%	5%	16%	2%
Search and payment of state taxes, fines	23%	55%	60%	44%	17%	1%
Issuing meter readings and paying for utilities	50%	70%	34%	28%	16%	1%
Buy train / plane / bus tickets	26%	59%	58%	37%	16%	4%
Make an appointment with a doctor at the clinic	19%	46%	65%	49%	16%	5%
Order a taxi	60%	80%	23%	20%	17%	0%
Buy tickets to movies, theaters, concerts	26%	63%	57%	36%	17%	1%
Execution of certificates and documents from government agencies	29%	69%	54%	30%	17%	1%
Submission of complaints and appeals to government agencies	-	36%	83%	59%	17%	5%
Ordering meals in restaurants and cafes	58%	65%	25%	33%	17%	2%
Shopping for clothes, home appliances, electronics	32%	77%	51%	19%	17%	4%

In the case of quarantine, the level of online purchases of respondents increased by 53% (including “yes, increased” – 23%, “yes, as if increased” – 30%). On the contrary, 35% of respondents said the same (including: “no” – 15%, “no, as before” – 20%). 12% found it difficult to answer this question (Figure 4).

The majority (81%) confirmed that the main tool of the XXI century, which has made a significant

difference in human life, is the Internet, and every second respondent (61%) said that it took place through a «smartphone».

Today, the Internet has become an integral part of human life. In everyday life, many types of services are provided via the Internet. Every second respondent needs the Internet, communication with relatives (62%) and information, news (61%).

Figure 4 – Distribution of answers to the question: «Tell me, in the quarantine situation of the Covid-19 pandemic, did your online purchases increase or not?»

During quarantine isolation, the Internet is used by the respondent for 5-8 hours a day – 40%, for 3-5 hours – 26%, regularly – 26%, for 1-3 hours – 3%, for less than 1 hour – 3%. There is activity of the population in the social network, one of the reasons is that the format of work and study is remote.

The results show that compared to a year ago, the level of use of digital services by the population is growing, they can easily and quickly create services through daily mobile applications. Compared to the previous year, the use of «banking operations» increased by 31%, «ordering a taxi» increased by 20%, «metering and payment for utilities» increased by 20%, and «clothing from online stores, Purchase of household appliances, electronics – increased by 45%, as well as «Registration of certificates and documents from government agencies» increased by 40% compared to last year.

However, the number of low-performing services: «filing complaints and appeals to government agencies» decreased by 24%, «doctor's appointments» – by 16%, «search and payment of state taxes, fines» – by 16%.

Conclusion

Thus, the effect of the pandemic on the digitization of society is huge.

In times of social isolation, people have turned to online communication, which means that digital technologies are the only way out of social isolation. From the point of view of society, a colossal jump has taken place in the adoption and use of information technology. Constant presence in the network has become an absolute psychological and in many cases an objective necessity. The flow, broadcast by means of information and communication technologies, connected people in a single excited information space. It was found that information and communication technologies are able to unite people in a single system of information exchange, economic and social interaction.

Identified interrelated factors demonstrate how physical connections in society are replaced by digital, and what are the possible options for the development of digital society. Colossal opportunities for the collection and use of information about human beings by means of information and communication technologies during the pandemic were realized very limited. They were not aware of the possibility of total or selective centralized control, or self-regulation with the help of informing only the affected parties.

In conclusion, the Covid-19 pandemic has greatly contributed to the social isolation of society. But one of the ways out of that impasse is the Internet, social networks and others were digital technologies.

References

- Coeckelbergh M. When Machines Talk: A Brief Analysis of Some Relations between Technology and Language // *Technology and Language*. – 2020. – № 1 (1). – P. 28–33.
- Durkheim E. On the division of social labor. – M.: Canon, 1996 – 102 p.
- Gallie D. Economic crisis, quality of work and social integration. – Oxford: Oxford University Pres, 2004. – 34 p.
- House, James S. Social Isolation Kills, But How and Why? // *Psychosomatic medicine* – 2001 – T. 63. – № 2. – P. 273-274.
- Peplau L.A., Perlman D. Loneliness: A Sourcebook of Current Theory, Research and Therapy. – New York: Wiley, 1982. – P. 1-8.
- Singleton R. Straits B. Approaches to Social Research. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 344 p.
- Ronchi R. The virtues of the virus // *Coronavirus, Psychoanalysis, and Philosophy: Conversations on Pandemics, Politics, and Society*. – New York: Routledge, 2021.
- Umberson, D., Montez J.K. Social relationships and health: A flashpoint for health policy // *Journal of health and social behavior*. – 2010. – P. 54-66.
- Асаята М., Екей М. 3,7 миллиона переболевших и потери доходов. Независимые исследователи – об эпидемии [Электронный ресурс] URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-coronavirus-pandemic-sandzh-research/30945625.html> (дата обращения: 13 ноября 2020).
- Закомодина Т. О. Социальное исключение как фактор социального конфликта // Ученые записки РГСУ. – 2011. – №2. – С. 9-11.
- Кон И. Многоликое одиночество. Популярная психология: Хрестоматия / Сост. В.В. Мироненко. – М.: Просвещение, 1990. – 399 с.
- Панюкова Ю. Г., Утробина В. Г. Ноологические аспекты самоизоляции в условиях пандемии // Бехтерев и современная психология личности: сборник статей VI Всероссийской научно-практической конференции. 2–4 октября 2020 г. – Казань: НОУ ДПО «Центр социально-гуманитарного образования», 2020. – С. 138–140.
- Последний социологический словарь. – М.: Социология, 2010. – 364 с.
- Радбиль Т. Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // *Коммуникативные исследования*. – 2020. – Т. 7. – № 4. – С. 759–774.
- Ургалкин Ю.А., Чеджемов Г.А. Одиночество как социальный феномен // «Проблемы развития предприятий: теория и практика». Материалы 16-ой международной научно-практической конференции: В 3-х частях. – Самара, СГЭУ, 2017. – С. 243.

References

- Asauta M., Ekej M. (2020) 3,7 milliona perebolevshih i poteri dohodov. Nezavisimye issledovateli – ob jepidemii [3.7 million ill and loss of income. Independent researchers – about the epidemic]. URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-coronavirus-pandemic-sandzh-research/30945625.html> (in Russian).
- Coeckelbergh M. (2020) When Machines Talk: A Brief Analysis of Some Relations between Technology and Language. *Technology and Language*. no 1 (1), pp. 28–33.
- Durkheim E. (1996) On the division of social labo. E. Durkheim. M.: Canon, 102 p.
- Gallie D. (2004) Economic crisis, quality of work and social integration. Oxford: Oxford University Press, 34 p.
- House James S. (2001) Social Isolation Kills, But How and Why?. *Psychosomatic medicine*, T. 63, no 2, pp. 273-274.
- Kon I. (1990) Mnogolikoe odinochestvo. Populjarnaja psihologija: Hrestomatija. [Many-sided loneliness. Popular Psychology: A Textbook]. Comp. V.V. Mironenko. M.: Education, 399 p. (in Russian).
- Panjukova Ju. G., Utrubina V. G. (2020) Noologicheskie aspekty samoizoljacii v uslovijah pandemii [Noological aspects of self-isolation in a pandemic]. *Bekhterev and modern personality psychology: collection of articles of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference*. October 2-4, 2020. Kazan: KNOW DPO “Center for Social and Humanitarian Education”, pp. 138–140. (in Russian).
- Peplau L.A., Perlman D. (1982) Loneliness: A Sourcebook of Current Theory, Research and Therapy. New York: Wiley, pp. 1–8.
- Poslednjij sociologicheskij slovar' (2010) [Latest Sociological Dictionary]. M.: Sociology, 364 p. (in Russian)
- Radbil' T. B. (2020) «Samoizoljacija» kak novejshij russkij kul'turnyj koncept: kognitivno-diskursivnyj aspekt [“Self-isolation” as the latest Russian cultural concept: cognitive-discursive aspect]. *Communication Studies*, tom 7, no 4, pp. 759–774. (in Russian)
- Ronchi R. (2021) The virtues of the virus. *Coronavirus, Psychoanalysis, and Philosophy: Conversations on Pandemics, Politics, and Society*. New York: Routledge.
- Singleton R. Straits B. (2017) Approaches to Social Research. Oxford: Oxford University Press, 344 p.
- Umberson D., Montez J.K. (2010). Social relationships and health: A flashpoint for health policy. *Journal of health and social behavior*, pp. 54-66.
- Urgalkin Ju.A., Chedzhemov G.A. (2017) Odinochestvo kak social'nyj fenomen [Loneliness as a social phenomenon]. “Problems of enterprise development: theory and practice”. *Materials of the 16th International Scientific and Practical Conference*: In 3 parts. Samara, SGEU, pp. 243. (in Russian)
- Zakomoldina T. O. (2011) Social'noe iskljuchenie kak faktor social'nogo konflikta [Social exclusion as a factor of social conflict]. *Scientific notes of the RSSU*, no 2, pp. 9-11. (in Russian)

The article summarizes and analyzes the results of a study on women's employment in the labor market and the evaluation of its effectiveness. The analysis carried out became the basis for a more detailed study of this problem in the post-quarantine period.

Key words: gender policy, gender inequality, unemployment, employment, employment of women.

А.А. Бейсенова*, Н.К. Ракишева

Академик Е.А. Бекетов атындағы Қарағанды университеті, Қазақстан, Қарағанды қ.

*e-mail: beysenova_aa@rambler.ru

Қазақстандағы еңбек нарығындағы әйелдерді жұмыспен қамтудың тиімділігін бағалау

Осы мақалада біз Қазақстан Республикасындағы әйелдердің жұмыспен қамтылуы мен гендерлік теңсіздік мәселелерін көтереміз. Мақалада еңбек нарығының негізгі көрсеткіштері сипатталады және талданады, сонымен қатар еліміздегі әйелдердің жұмыспен қамтылуының сипаттамалары мен ерекшеліктері анықталады. Бұл мәселе күн тәртібінде өзінің өзектілігі әрі шешілмеуіне байланысты маңызын жоғалтпаған. Мемлекет өз тарапынан аталған мәселелерді шешуге тырысады, бірақ қабылданып жатқан бағдарламалардың тиімділігі мен нәтижелері өнірлерде жүзеге асыру барысында көптеген сұрақтар мен түсінбеушіліктерді тұдымратынын көрсетеді. Әйелдердің, оның ішінде ауыл әйелдерінің жұмыспен қамтылуы өлеуметтік шиеленіс деңгейін төмендетіп, көптеген өлеуметтік-экономикалық сипаттағы мәселелерді шешеді. Қазақстандық әйелдердің жұмыспен қамту ішкі саясаттың басым бағыттарының бірі болуы тиіс. Тұрмыстық негіздегі зорлық-зомбылықтың, әйелдердің өз-өзіне қол жұмсауының жиілеп кеткені әйелдер мәселелерінің шешілмегендігінің жанама дәлелі болып табылады.

Әйелдердің жұмыспен қамтылуын іске асыру саласындағы мемлекеттік саясат өнірлердің өлеуметтік-экономикалық, және өзге де даму ерекшеліктерімен үйлесуге тиіс екенін есте ұстаған жөн. Жалпы жұмыспен қамтудағы әйелдердің үлесі ерлердің үлесіне тең болса да, бүгінде әйелдердің мүмкіндіктері бірдей деп айтуда болмайды.

Осы мақалада әйелдердің жұмыспен қамтылуы және ҚР гендерлік теңсіздіктің рөлі мен маңызына қатысты қазақстандық, және шетелдік ғалымдардың жұмыстары, ғылыми тұжырымдамалары аналитикалық, материал ретінде қолданылады. Бұл жұмыс әйелдердің жұмыспен қамту саласындағы мемлекеттік саясатты түзетуде пайдалы болуы мүмкін.

Мақалада еңбек нарығындағы әйелдерді жұмыспен қамту және оның тиімділігін бағалау бойынша жүргізілген зерттеу нәтижелері жинақталып, талданған. Жүргізілген талдау карантиннен кейінгі кезеңде бұл мәселені егжей-тегжейлі зерттеуге негіз болды.

Түйін сөздер: гендерлік саясат, гендерлік теңсіздік, жұмыссыздық, жұмыспен қамту саласы, әйелдердің жұмысқа орналастыру.

Введение

Произошедшие социально-экономические, политические изменения в казахстанском обществе повлияли на переоценку ценностей. Трансформация системы ценностей в свою очередь повлияла на переосмысление роли мужчин и женщин в современном обществе. Данные процессы отразились на гендерных отношениях, не улучшив, а порой усугубив и не столь завидное положение казахстанских женщин. Достижение гендерного равенства является одним из основ формирования правового государства и принципов гражданского общества. Включение женщин в социально-политическую, экономическую, культурную жизнь общества является условием развития демократических принципов. Включение Казахстана в ряды международных организаций требует проведения систематических реформ в области соблюдения и гарантирования

прав и свобод человека. Проведение планомерной гендерной политики является показателем открытости социальной системы и развития демократических институтов общества. Снижение ценности формирования гендерной политики не только подрывает авторитет проводимых реформ в государстве, но и снижает внешнюю оценку деятельности нашего государства странами-партнерами.

Как показывает современная политическая реальность, реализация гендерной политики (Климашевская, 2012: 3) является одним из актуальных направлений внутренней политики и превращается в важный ресурс социально-политической и экономической модернизации общества. Как известно, основной целью гендерной политики является достижение реального гендерного равенства, предполагающее, что все люди вне зависимости от их половой принадлежности обладают свободой выбора и возмож-

А.А. Бейсенова* **Н.К. Ракишева**

Карагандинский университет имени Е.А. Букетова, Казахстан, г. Караганда

*e-mail: beysenova_aa@rambler.ru

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАНЯТОСТИ ЖЕНЩИН НА РЫНКЕ ТРУДА В КАЗАХСТАНЕ

В данной статье мы поднимаем проблему женской занятости и гендерного неравенства в Республике Казахстан. В работе описываются и анализируются основные показатели рынка труда и определяются характеристики и особенности женской занятости в стране. Данный вопрос не теряет своей актуальности в силу своей злободневности и нерешенности. Государство предпринимает попытки решения вопроса, однако их эффективность и оценка показывают, что ее реализация в регионах вызывает много проблем и непонимания. Обеспечение занятости женского населения, в том числе и сельских женщин, снизит уровень социальной напряженности и решит вопросы социально-экономического характера. Трудоустройство казахстанских женщин должно стать одним из приоритетных направлений внутренней политики. Участившиеся случаи насилия на бытовой почве, самоубийств являются косвенным доказательством нерешенных женских проблем.

Следует помнить, что государственная политика в области обеспечения занятости женщин должна коррелировать с социально-экономическими и иными особенностями развития регионов. Даже если доля женщин в общей занятости почти равна доле мужчин, сегодня нельзя сказать, что женщины имеют равные возможности.

Материалом для настоящей работы послужили работы казахстанских и зарубежных ученых, научных мнений и концепций о роли и значении занятости женщин и гендерного неравенства в РК. Данная работа может быть полезна в корректировке государственной политики в области обеспечения занятости женского населения.

В статье обобщены и проанализированы результаты исследования, посвященного вопросам обеспечения занятости женщин на рынке труда и оценке ее эффективности. Проведенный анализ стал основанием для более детального изучения данной проблемы в посткарантинный период.

Ключевые слова: гендерная политика, гендерное неравенство, безработица, сфера занятости, трудоустройство женщин.

A.A. Beissenova*, N.K. Rakisheva

Karagandy University of the name of academician E. A. Buketov, Kazakhstan, Karaganda

*e-mail: beysenova_aa@rambler.ru

Assessment of the effectiveness of employment of women in the labor market in Kazakhstan

In this article, we raise the problem of female employment and gender inequality in the Republic of Kazakhstan. The paper describes and analyzes the main indicators of the labor market and defines the characteristics and characteristics of women's employment in the country. This issue does not lose its relevance due to its topicality and unresolved. The state is making attempts to resolve issues, but their effectiveness and evaluation show that its implementation in the regions raises many questions and misunderstandings. Employment of the female population, including rural women, will reduce the level of social tension and resolve issues of a socio-economic nature. Employment of Kazakhstani women should become one of the priorities of domestic policy. Increasing cases of domestic violence and suicide are indirect evidence of unresolved women's problems.

It should be remembered that the state policy in the field of ensuring the employment of women should correlate with the socio-economic and other features of the development of the regions. Even if the share of women in total employment is almost equal to that of men, today it cannot be said that women have equal opportunities.

The material for this work was the work of Kazakh and foreign scientists, scientific opinions and concepts on the role and significance of women's employment and gender inequality in the Republic of Kazakhstan. This work can be useful in adjusting the state policy in the field of employment of the female population.

ностью развития личных способностей без ограничений (Абраменко, 2019: 5).

Декларируемая государством политика гендерного равенства расходится с зарегистрированными фактами домогательств, насилия, беззащитности женщин перед работодателями. Результаты исследований, проводимых неправительственными организациями, показывают, что многие вопросы, касающиеся обеспечения сохранности и соблюдения прав женщин, остаются актуальными для Казахстана.

В рамках данной статьи мы попытаемся посредством вторичного анализа раскрыть особенности занятости казахстанских женщин и эффективность государственных программ, направленных на обеспечение занятости женщин. Материалом для настоящей работы послужили исследования отечественных и зарубежных ученых по вопросам организации женской занятости и трудоустройства, борьбы с женской безработицей, в частности в РК.

Результаты и обсуждения

Как известно, плотность населения относительно низкая на большой площади нашей страны, однако число жителей на квадратный метр увеличивается с каждым годом: так, в 2017 году на квадратный метр приходилось 6,1 человека, в 2021 году это число составило всего 7,01. Как никогда проблемы женской занятости и трудоустройства требуют своего разрешения. Не всегда положительным фактором является малонаселенность одних регионов и густонаселенность южных регионов страны, что, в свою очередь, сказывается на социальном самочувствии населения (Байузакова, 2016: 13).

Исходя из приведенных данных, можно заметить, что за 2017-2021 гг. численность населения страны увеличилась, темпы прироста таковы: в 2021 году она увеличилась на 13,8% по сравнению с 2017 годом, а в последующие годы на 12,2%, 10,5% и 2,2%.

В то же время плотность населения является невысокой на большей части нашей страны, хотя количество жителей на квадратный метр увеличивается: в 2017 году было 6,1 человек на квадратный метр, в 2021 году – всего 7,01.

Чтобы проанализировать текущую ситуацию на рынке труда в Казахстане, необходимо провести исследование занятости по полу в период с 2017 по 2021 гг., учитывая, что численность

обоих полов в стране росла, причем женщин больше, чем мужчин: 51,97% женщин и 48,03% мужчин.

Если рассматривать женщин и мужчин по возрастным группам, то в 2021 году было 10 002 300 женщин и 9 245 000 мужчин, или 1082 женщины на каждую 1000 мужчин. Что касается возрастных групп, то в возрастной группе 0–29 лет женщин меньше, чем мужчин, но в этой области количество женщин в каждой возрастной группе постепенно увеличивается; в возрастной группе 30+ темп роста у женщин выше, чем у мужчин (Report, 2019).

Согласно данным Международной организации труда (МОТ), в 2017 г. в мире насчитывалось 164 млн трудовых мигрантов, из которых 95,7 млн, или 58,4%, – мужчины, 68,1 млн, или 41,6% – женщины (Флоринская, 2022: 78).

К сожалению, мы не располагаем данными по трудовым мигрантам, которые бы прояснили и актуализировали проблему женской безработицы в Казахстане.

Рынок труда – это социально-экономическая система, которая включает в себя сферу занятости и трудоустройства населения и вытекающие из них последствия. Международная организация труда классифицирует население на занятое и неактивное (Руководство, 2018).

Под экономически активным населением понимается та часть населения, которая задействована в производстве товаров и услуг (Бендас, 2016: 215).

Наёмные работники состоят лиц трудоспособного возраста и классифицируются как наёмные работники или самозанятые в зависимости от их статуса в системе занятости.

Безработные – это люди определенного возраста, характеризующиеся соответствием трем условиям: не имеющие работы в период наблюдения, активно занимающиеся поиском работы и готовые приступить к исполнению трудовых функций на протяжении установленного периода времени (Абраменко, 2019: 11).

Теперь посмотрим на уровень занятости населения и их изменения в разбивке по полу (таблица 1).

Численность женщин и их доля в общей структуре населения увеличились, однако их уровень занятости значительно ниже, чем уровень занятости мужчин. В 2015 году он составлял 38,0% для мужчин и 62,0% для женщин, а в 2021 году – 37,7% для мужчин и 62,2% для женщин.

Таблица 1 – Уровень занятости мужчин и женщин в возрасте 15 лет и старше в Республике Казахстан, тыс. чел.

Показатели	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Экономически активное население:	8610,7	8774,6	8981,9	9041,3	8962,0	9032,6	8996,3
В том числе:							
Мужчин	4377,3	4455,3	4564,6	4599,4	4585,3	4587,0	4590,3
Женщин	4233,4	4319,4	4417,3	4442,0	4376,7	4476,5	4421,3
Экономически неактивное население:	3487,7	3477,3	3538,7	3569,4	3715,9	3754,8	3754,9
Удельный вес экономически активного населения	71,2 %	71,6 %	71,7 %	71,8 %	71,7 %	71,8 %	71,6 %
В том числе:							
Мужчин	50,8 %	50,8 %	50,8 %	50,9 %	50,24 %	51,43 %	51,32 %
Женщин	49,2 %	49,2 %	49,2 %	49,1 %	48,8 %	48,3 %	48,2 %
Удельный вес экономически неактивного населения:	28,8 %	28,4 %	28,3 %	28,3 %	29,3 %	28,4 %	28,3 %

Число безработных в 2021 году составило 424,8 тысячи человек, что на 17,6 тысячи человек безработных меньше по сравнению с предыдущим периодом.

Также существует значительная разница в гендерном составе безработных. В то же время уровень безработицы снизился среди женщин – в 2021 году на 1,37% в сравнении с 2020 годом и на 4,13% в сравнении с 2019 годом. В 2021 году безработных женщин было на 15 300 меньше, чем в 2020 г., а это значит, что они нашли работу. Но итоговая ситуация с количеством безработных женщин оставляет желать лучшего. Как показывает практика, данные официальной статистики не являются полными и не могут отражать полную картину рынка труда. В то же время из выше предложенных данных можно сделать вывод, что проблема женской занятости сегодня очень велика и существует необходимость в разработке специальных мер по продвижению женской занятости.

Представленные данные являются основанием для утверждения, что современные женщины являются самой уязвимой социальной группой на рынке труда. Для разрешения данной ситуации необходимы не только общие программы занятости населения, но и целенаправленные действия правительства на устранение женской безработицы и зависимости. Принимаемые меры государством в целом и регионами должны носить согласованный характер. Даже если доля женщин в общей структуре занятости почти равна доле мужчин, сегодня нельзя сказать, что они имеют равные возможности. Согласно некоторым историческим традициям, занятость женщин сосредоточена в сфере образования,

здравоохранения, социального обеспечения, домашнего обслуживания, государственного управления и легкой промышленности. В рамках системы централизованного планирования эти секторы получали стабильный бюджет и субсидии. Однако в период рыночных реформ в этих секторах произошел кризис и были произведены массовые сокращения, что привело к резкому росту женской безработицы.

Гендерная асимметричная безработица стала одним из сильнейших индикаторов гендерного неравенства в сфере занятости.

Женщины по-прежнему заняты на непродуктивных и непrestижных работах. Женщины часто берут на себя второстепенные управленические роли. Рыночные отношения усиливают тенденцию к дискриминации женщин на рынках нестандартной и низкоквалифицированной рабочей силы. Исключение работающих женщин из многообещающих и устойчивых секторов роста также способствует снижению социальной защиты работающих женщин.

В Трудовом кодексе Казахстана, вступившем в силу 15 мая 2007 года, предусмотрены социальные льготы для женщин и «особенности режима труда женщин» (Трудовой кодекс: adilet.zan.kz/tus/docs/K1500000414).

Согласно результатам исследования, проведенного Институтом равных прав и равных возможностей, когда возможности трудаустройства женщин ограничены, их переводят на более низкую квалификацию и менее престижную работу. Отказ от предлагаемых позиций может повлечь для женщин новые проблемы с трудоустройством, а порой и пополнение рынка безработных. В связи с этим женщины вынуждены идти

на преднамеренное снижение заработной платы и профессионального статуса. В рамках государственной программы занятости «Дорожная карта» по борьбе с кризисом женщины были трудоустроены в сфере услуг. Однако перспективы трудоустройства женщин становятся все менее и менее очевидными, поскольку они пользуются гораздо меньшей социальной и правовой защитой, включая неполный рабочий день, временную, разовую и дополнительную работу. До недавнего времени вопросы занятости находились в ведении Национального фонда содействия занятости, но в 1999 году Фонд и Служба занятости были упразднены после внесения поправок в Закон о занятости, сейчас он есть, но действует при акиматах. Его работа недостаточно адаптирована для безработных, и они часто теряют веру в систему занятости. Международные эксперты признают, что в Казахстане нет государственной структуры занятости с вертикальной зависимостью, что противоречит Конвенции МОТ по организации управления трудом.

По этой причине женщины вынуждены искать другие формы занятости, такие как самостоятельная занятость, неформальная экономика или криминальный бизнес. Материал об этой форме трудоустройства можно найти в каждой газете под заголовком «Поиск работы». Например, следующее: «Красивые девушки ищут высокооплачиваемую работу с респектабельными джентльменами, без близости, гарантированное здоровье».

Между мужчинами и женщинами существует разница в заработной плате. В республике заработная плата мужчин в среднем в 1,5 раза выше, чем заработная плата женщин. К сожалению, в Казахстане не проводятся систематические замеры такого показателя, как оплата труда мужчин и женщин. Известно, что в России анализом рынка труда и гендерного неравенства в заработной плате исследователи занимаются уже более сорока лет (Рошин, Емелина, 2022: 213). Результаты исследования проблем гендерного неравенства в странах бывшего Советского Союза с применением мета-регрессионного анализа представлены в работе (Khitarishvili, 2019). Подобного рода работы прояснили ситуацию на рынке труда, вопросы, касающиеся востребованности специалистов и, конечно же, снижения разрыва в оплате труда мужчин и женщин.

Отсутствие сбалансированного национального мандата на подготовку кадров в образовательных учреждениях привело к безработице среди новых выпускников, особенно среди мо-

лодых женщин, которые вынуждены соглашаться на любую работу в поисках заработка и остаются без социальных гарантий.

Резкое сокращение сети образовательных учреждений дошкольного возраста увеличило нагрузку на женщин и еще больше ограничило их доступ к оплачиваемой работе. Женщины не привлекательны, потому что работодатели видят в них потенциальных получателей социальных пособий. Молодые женщины, выйдя замуж, обычно становятся матерями и оставляют работу на какое-то время (до трех лет). В результате они теряют квалификацию и становятся менее привлекательными на рынке труда. Подтверждением этого являются результаты исследований, проведенных зарубежными учеными (Khitarishvili, 2019; Рошин, Емелина, 2021), в странах бывшего Союза наблюдается отрицательный отбор женщин в занятость, которое может быть связано с тем, что вклад замужних женщин больше по сравнению с мужчинами.

Чтобы найти работу, женщин часто заставляют работать без контракта. Использование не имеющих контракта работников и нарушения трудового законодательства Республики Казахстан особенно распространены на малых и средних предприятиях с высокой долей женщин в сфере услуг и в торговле.

Женщинам важно знать, что никто не может гарантировать их права на работе, если они сами не готовы избегать нарушений трудовых прав. Самый эффективный способ защитить их права – вступить в новый тип профсоюзов, свободный профсоюз, который защищает права трудящихся. Женщинам нужно знать, насколько интенсивна их работа. Трудоемкость – это объем работы за единицу времени или за рабочий день. Эти вопросы являются частью системы охраны труда и техники безопасности и регулируются соответствующими статьями Трудового кодекса Республики Казахстан, а также нормативными актами для каждого сектора и отрасли. Рабочие могут решить эти проблемы с помощью профсоюзов, которые были созданы для защиты прав работников от работодателей, и инструментом является коллективный договор. Союзы необходимо создавать, и женщины не могут добиться успеха в одиночку. На малых и средних предприятиях мы должны создавать профсоюзы, но работодатели не хотят признавать профсоюзы и принимать все возможные меры для предотвращения образования профсоюзов.

Право человека на безопасность, физическую неприкосновенность и моральное достоинство

закреплено в Конституции Казахстана, которая гласит, что никто не может подвергаться жестокому или унижающему достоинство обращению или наказанию (Конституция, 1995). Женщины часто становятся жертвами дискриминации и насилия, а сексуальные домогательства – это проблема, с которой сталкиваются женщины всех возрастов и профессий, от официанток до менеджеров. Большинство жертв молча терпят унижения (Турежанова, 2013: 73). Из-за роста безработицы на местном рынке труда многие женщины вынуждены выполнять все виды неформальной работы, например, присматривать за детьми или вести домашнее хозяйство в богатых семьях, что может подвергнуть их сексуальным домогательствам. Женщины обычно не сообщают о домогательствах на работе или дома.

Совершенно очевидно, что с насилием в отношении женщин следует бороться следующими способами:

- внесение изменений в нормативно-правовые акты;
- информирование женщин о существующих каналах связи с НПО и реабилитационными кризисными центрами;
- изучение причин и мер против насилия;
- базовая подготовка в области прав человека, особенно для молодых женщин и девочек;
- увеличить осведомленность общественности и распространение информации;
- юридическое представительство;
- бесплатная юридическая консультация.

Обществу необходимо разработать базовый подход к этой проблеме. И самих женщин необходимо поощрять к изменению отношения и атмосферы в своих семьях и в обществе.

Доступ женщин к социальной защите ограничен очень маленьким сектором: государственными предприятиями. Хотя известно, что у женщин в семь раз больше шансов быть уволенным, чем у мужчин, работающие женщины редко пользуются этими возможностями. В частном секторе женщины, как правило, компенсируют свои «репродуктивные издержки», опасаясь недобрения со стороны руководства. Уязвимость работающих женщин на рынке труда заставляет их мириться с нарушением их прав и социальных гарантий. Согласно опросу, проведенному Казахстанской ассоциацией деловых женщин (Ассоциация деловых женщин Казахстана), 31% работающих женщин считают, что у них меньше возможностей для повышения квалификации, чем у их коллег-мужчин. По мнению респондентов, у мужчин больше шансов получить возмож-

ность профессионального роста. Поэтому они с большей вероятностью занимают руководящие должности среднего или высшего звена. Нельзя упускать из виду, что большинство руководителей компаний и производственных предприятий первого поколения – мужчины. Неудивительно, что кадровая политика находится в их руках. И это положение усугубляет проблемы занятости и трудоустройства казахстанских женщин. Таким образом, карьерный успех женщины напрямую зависит от доброжелательности ее начальников-мужчин.

Сексуальные домогательства на рабочем месте – еще большее препятствие для карьеры женщин (Кику, 2021: 156). 22,3% сотрудников-женщин сообщили, что подвергались сексуальным домогательствам со стороны коллеги или начальника. Однако, несмотря на это массовое явление, сексуальные домогательства – это скрытая проблема. Поскольку сексуальные домогательства не считаются проблемой, правовая защита женщин от сексуальных домогательств не осуществляется в полной мере. Работницы сталкиваются с дилеммой: соглашаться на нежелательные авансы или молча сопротивляться. В обоих случаях достоинство и профессиональная честность женщин находятся под угрозой.

Также имеется обеспокоенность появлением ценностей и моделей поведения, которые далеки от достижения равных возможностей для мужчин и женщин на рабочем месте и в экономике (Турежанова, 2013: 75).

Анализ рынка труда показал, женщины остаются самой социально уязвимой группой. Их трудоустройство, оплата труда, выплата пособий все еще вызывают много вопросов. В связи с этим обеспечение женщин занятостью должно быть одним из приоритетов государственных программ.

Следует помнить, что государственная политика в области обеспечения занятости женщин должна коррелировать с социально-экономическими и иными особенностями развития регионов. Даже если доля женщин в общей занятости почти равна доле мужчин, сегодня нельзя сказать, что женщины имеют равные возможности.

Гендерная политика заключается в создании равных условий для реализации прав и свобод каждого без ограничений, создании условий для беспрепятственного участия женщин и мужчин в социально-политической, экономической жизни общества. Формирование институтов гражданского общества позволит решить ряд вопросов, связанных с гендерным разрывом. Внедрение

принципов равных возможностей и равных прав станет условием стабильности демократических институтов государства (Климашевская, 2012).

Согласно Конституции Республики Казахстан, каждый имеет право на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и здоровья, недискриминационное вознаграждение за труд и социальную защиту от безработицы (Конституция РК, adilet.zan.kz/kaz/docs/K950001000). Каждый имеет право на свободную предпринимательскую деятельность. Занятое население Казахстана составляет около 8,4 миллиона человек, из них женщины составляют 46%.

Заключение и выводы

Одной из задач государства является оказание содействия в обеспечении занятости самозанятых и безработных женщин. К примеру, молодые люди после завершения обучения в вузе могут пройти оплачиваемую молодежную практику на предприятии с возможностью дальнейшего трудоустройства. Помимо этого, безработным предоставляется возможность бесплатного переобучения или повышения квалификации по востребованным на рынке труда специальностям.

В целом, государственные программы, направленные на улучшение положения женщин на рынке труда, вносят позитивные изменения в повышение экономической самостоятельности женщин. Эффективность государственного регулирования можно оценить с помощью реализации государственных программ посредством достижения в процессе их реализации целевых показателей (Морозова, 2022: 906).

В данной статье раскрыты вопросы занятости женщин и гендерного неравенства в Республике Казахстан, описываются и анализируются основные показатели рынка труда и определяются особенности занятости женщин в стране.

Проведение гендерной политики является основанием построения демократического государства и формирования института гражданского общества. Снижение ценности гендерного равенства подрывает доверие к институтам управления государством и вызывает неверие в процесс демократизации политической системы.

Как известно, целью гендерной политики является создание и соблюдение условий равноправного участия мужчин и женщин в социально-политической, экономической, культурной жизни общества, которое также предполагает предоставление государством свободы выбора,

возможности для саморазвития, без каких-либо ограничений со стороны традиционной системы ценностей.

Анализ вторичных данных показал, что, несмотря на декларируемые принципы, женщины остаются наиболее уязвимыми в сфере труда и занятости. Это дает нам основание сделать вывод о том, что вопрос организации продуктивной женской занятости является актуальным вопросом на повестке дня.

Органы, ответственные за обеспечение занятости населения и развитие предпринимательства в регионах, должны координировать свои действия не только с центром, но и с местным сообществом.

Согласно историческим традициям, занятость женщин сосредоточена на образовании, здравоохранении, социальной работе, домашних услугах, государственном управлении и легкой промышленности. Эти сектора пользуются стабильными бюджетами и субсидиями в рамках централизованно планируемой системы. Однако в ходе рыночных реформ эти сектора столкнулись с кризисом и были проведены серьезные сокращения, что привело к резкому росту безработицы среди женщин. Гендерная асимметричная безработица стала одним из самых сильных показателей гендерного неравенства в сфере занятости. Женщины все также продолжают работать на непродуктивных и малооплачиваемых работах. Женщины часто занимают второстепенные руководящие должности, не раскрывающие весь потенциал. Сложившиеся рыночные отношения усиливают тенденцию к дискриминации в отношении женщин на нестандартных и низкоквалифицированных работах.

В тех случаях, когда возможности трудоустройства ограничены, женщины продолжают работать на низкоквалифицированной и менее престижной работе. В то же время перспективы трудоустройства женщин становятся все более нестабильными, поскольку они имеют гораздо меньше социальной и правовой защиты, включая неполный рабочий день, временную, случайную и дополнительную работу.

Из вышесказанного следует, что государству необходимо детально проработать вопросы обеспечения продуктивной занятости женщин, в частности проживающих и на селе. Действующие программы поддержки населения должны быть проработаны на региональном уровне с учетом территориальной, экономической и иной специфики.

Литература

- Климашевская О. В. Государственная политика в сфере преодоления гендерного неравенства в современной России: дис...канд. пол. наук. – М., 2011.
- Абраменко Е. Гендерная политика: достижения и перспективы развития // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психологово-педагогические науки. – 2019. – №18. – С. 3-11.
- Байузакова Г. Проблемы женского рынка труда в Казахстане // Евразийский союз ученых. – 2016. – № 1-1(22). – С. 13-16.
- Women, business and the law 2019: a decade of reform // openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/31327/WBL2019.
- Руководство по международным трудовым нормам Международной организации труда. Международные трудовые нормы, права в сфере труда и гендерного равенства. – М., 2018. – С. 340.
- Бендас Т.В. Гендерная психология. – СПб., 2016. – С. 431.
- Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 г. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414>
- Рощин С.Ю., Емелина Н.К. Мета-анализ гендерного разрыва в оплате труда в России // Экономический журнал ВШЭ. 2022. – Т. 26. – №. 2. – С. 213–239.
- Khitarishvili T. Gender Pay Gaps in the Former Soviet Union: A Review of the Evidence // Journal of Economic Surveys. – 2019. – Vol. 33. – №4. – Р. 1257-1284.
- Рощин С.Ю., Емелина Н.К. Методы декомпозиции гендерного разрыва в заработной плате: сравнительный анализ // Прикладная эконометрика. – 2021. – Т. 62. – С. 5-31.
- Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995г. // adilet.zan.kz/kaz/docs/K950001000
- Турежанова Р.Г. Положение женщин на рынке труда в Республике Казахстан // Система ценностей современного общества. – 2013. – № 28. – С. 72-76.
- Ассоциация деловых женщин Казахстана // www.businesswomen.kz/gender-naya-politika-v-rk/gender-i-my/.
- Кику В. О. Основания криминализации сексуальных домогательств в сфере трудовых отношений // Миссия права. Юридическая наука: традиции и инновации: Сборник материалов международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей. – Великий Новгород, 2021. – С. 156-159.
- Морозова Н. Н. Поддержка развития малого женского предпринимательства для обеспечения эффективной занятости на рынке труда // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2022. – №. 5-1. – С. 904-910.

References

- Klimashevskaja O.V. (2012) Gosudarstvennaja politika v sfere preodolenija genderного neravenstva v sovremennoj Rossii [State policy in the field of overcoming gender inequality in modern Russia]. dis... kand.pol.nayk. M. (in Russian)
- Abramenko E. (2019) Genderaja politika: dostizhenija i perspektivy razvitiya [Gender Policy: Achievements and Development Prospects]. Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. Historical and psychological-pedagogical sciences, no 18, pp. 3-11. (in Russian)
- Bajuzakova G. (2016) Problemy zhenskogo rynka truda v Kazahstane [Problems of the female labor market in Kazakhstan]. Eurasian Union of Scientists, no 1-1(22), pp. 13-16. (in Russian)
- Women, business and the law 2019: a decade of reform. <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/31327/WBL2019>.
- Guide to International Labor Standards of the International Labor Organization (2018) Mezhdunarodnye trudovye normy, prava v sfere truda i genderного ravnensta [International labor standards, labor rights and gender equality]. M., 340 p. (in Russian)
- Bendas T.V. (2016) Genderaja psihologija [Gender psychology]. SPb., 431 p. (in Russian)
- Trudovoy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 23 noyabrya 2015 g. [Labor Code of the Republic of Kazakhstan]. November 23, 2015. adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414.
- Roshchin S.YU., Yemelina N.K. (2022) Meta-analiz genderного razryva v oplatе truda v Rossii [Meta-analysis of the gender pay gap in Russia]. Higher School of Economics Economic Journal, no 2, vol. 26, pp. 213–239. (in Russian)
- Khitarishvili T. (2019) Gender Pay Gaps in the Former Soviet Union: A Review of the Evidence. Journal of Economic Surveys, vol. 33, pp. 1257–1284.
- Roshchin S.YU., Yemelina N.K. (2021) Metody dekompozitsii genderного razryva v zarabotnoy plate: sravnitel'nyy analiz [Gender Wage Gap Decomposition Methods: Comparative Analysis]. Applied Econometrics, tom 62, pp. 5–31. (in Russian)
- Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan ot 30 avgusta 1995 g. [The Constitution of the Republic of Kazakhstan]. August 30. (in Russian)
- Turezhanova R. G. (2013) Polozhenie zhenshhin na rynke truda v Respublike Kazahstan [The position of women in the labor market in the Republic of Kazakhstan]. The value system of modern society, no 28, pp. 72-76. (in Russian)
- Associacija delovyh zhenshhin Kazahstana [Association of Business Women of Kazakhstan]. www.businesswomen.kz/gender-naya-politika-v-rk/gender-i-my/. (in Russian)
- Kiku V. O. (2021) Osnovanija kriminalizacii seksual'nyh domogatel'stv v sfere trudovyh otnoshenij [Grounds for criminalization of sexual harassment in the field of labor relations]. Legal Science: Traditions and Innovations: Collection of materials of the international scientific-practical conference of students, undergraduates, graduate students and teachers. Velikij Novgorod, pp. 156-159. (in Russian)
- Morozova N. N. (2022) Podderzhka razvitiya malogo zhenskogo predprinimatel'stva dlya obespecheniya effektivnoy zanyatosti na rynke truda [Support for the development of small female entrepreneurship to ensure effective employment in the labor market]. Greater Eurasia: development, security, cooperation, no 5-1, pp. 904-910. (in Russian)

МАЗМҰНЫ – CONTENT – СОДЕРЖАНИЕ

1-бөлім Психология	Section 1 Psychology	Раздел 1 Психология
<i>Rosenda Vesnia Satriyo Putri, Herdian Herdian, Pambudi Rahardjo, Fatin Rohmah Nur Wahidah</i> The role of self-regulate learning and self-efficacy on learning motivation in students at SMPN X.....		4
<i>Аймаганбетова О.Х., Лашкова Е., Адилова Э.Т., Садвакасова З.М., Садыкова Н.М.</i> Феномен толерантности/интолерантности как отражение радикалистских тенденций в условиях казахстанского общества		13
<i>Чжоу Ми, Мынбаева А.К.</i> Анализ тревожности и психического здоровья школьников Китая (на примере школ автономного района Внутренней Монголии)		28
<i>Султанов А.Б., Кажимова К.Р.</i> О проблеме аутоагрессивного поведения в психоанализе		37
<i>Адилбай К.К.</i> Жасөспірім кыздардың географиялық орналасуына байланысты STEAM-ді тандауы		48
2-бөлім Социология	Section 2 Sociology	Раздел 2 Социология
<i>Толеген Э., Морозова Т.А., Мартыненко Т.С.</i> Фальсеоинтеракция подростков как социальная проблема		58
<i>Маульшариф М., Рахимбекова Б.К., Сейсебаева Р.Б.</i> Религиозность и гражданский активизм молодежи в Казахстане: потенциальная связь и возможные противоречия		71
<i>Shebalina O.A.</i> A free-associative experiment for identifying the factors for the personal development of youth in the context of professional education		83
<i>Т.Б. Тауекелова, Г.О. Абдикерова</i> Шетелдік брендтердің корпоративті әлеуметтік жауапкершілік стратегияларын дамыту ерекшеліктері		93
<i>Никифорова С. А., Ламанова А .С., Инджиголян А. А., Алиева М.Т.</i> Социологический анализ динамики социально-психологического самочувствия медицинских работников в условиях пандемии COVID-19		102
<i>Мұхамедиев А.Е.</i> Әдебиеттің жүйелік шолу: «Z» үрпақтың жаңа синтетикалық психотроп заттарға (ЖСПЗ) қатынасы		112
<i>Беймишева А.С., Аз nabакиева М.А.</i> Қазіргі көші-кон процесі: талдаудағы жаңа көзқарас		127
<i>Садырова М.С., Мухтарова К.С., Макашева К.Н., Чукубаев Е.С.</i> Методология социологических исследований в регионах Казахстана		138
<i>Mirzakulova G.A., Sarsenova A.B., Rakhipov S.K.</i> Social isolation and self-isolation and digitalization of services during the COVID-19 pandemic: a sociological analysis		150
<i>Бейсенова А.А., Ракишева Н.К.</i> Оценка эффективности занятости женщин на рынке труда в Казахстане		159